2 р. 25 к.

ЦЕНТРАРХИВ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ 60—80-х ГОДОВ
Под редакцией В. В. МАКСАКОВА и В. И. НЕВСКОГО

ДБ
350
Н59

НЕЧАЕВ
И НЕЧАЕВЦЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1931

ЦЕНТРАРХИВ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ 60—80 гг.
ПОД РЕДАКЦИЕЙ В. В. МАКСАКОВА и В. И. НЕВСКОГО

ДБ
350
Н59

НЕЧАЕВ И НЕЧАЕВЦЫ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

ПОДГОТОВИЛ К ПЕЧАТИ
Б. П. КОЗЬМИН

2167/6

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1931 ЛЕНИНГРАД

Отпечатано в типографии
„ШЕСТОЙ ОКТЯБРЬ“
г. Загорск, Московской обл.
в количестве 3000 экз.
Главлит № А 77987.
С — 54. Гиз № 40123
Заказ № 776
14 п. л.

ГОСУДАРСТВ. ЦЕНТРАЛЬН.
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
126241 м

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА МАРКСА, ЭНГЕЛЬСА И ЛЕНИНА
№ 12624

2107
6

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы личность и революционная деятельность Сергея Геннадиевича Нечаева привлекает все большее и большее внимание историков нашего революционного движения. Вопрос об его «реабилитации» поставлен на очередь и усиленно дебатируется в литературе. Если раньше пользовалась всеобщим почти признанием та оценка революционной роли Нечаева, которая сводилась к утверждению, что Нечаев и «нечаевщина» являются исключительным явлением, стоящим вне связи с предшествовавшим и последующим развитием революционного движения, каким-то «монстром», по выражению Н. К. Михайловского, то теперь такой взгляд на Нечаева вряд ли найдет себе много сторонников. Однако, это еще не значит, что историческое значение деятельности Нечаева вполне нами выяснено. Наоборот, работа по выяснению социально-политических корней «нечаевщины» только что начинается. Только теперь мы начинаем собирать материалы, которые дадут возможность историку отвести для деятельности Нечаева определенное место в истории нашего революционного движения. Только теперь мы начинаем устанавливать, чем именно нечаевское дело органически связано с революционным движением 60-х годов и в каких отношениях оно теснейшим образом примыкает к революционному движению следующего десятилетия. Выяснить связь нечаевского дела с прошлым и будущим, проанализировать элементы того и другого в нечаевской эпопее, установить причины, обусловившие наличность своеобразных черт, характеризующих деятельность Нечаева, — вот очередная задача историка, изучающего нечаевское дело.

На пути к разрешению этой задачи историк встречается с одним чрезвычайно важным для него препятствием — с недостатком материалов для полного выяснения исторического значения нечаевского дела. Несмотря на то, что он располагает стенографическими отчетами судебных процессов, как самого С. Г. Нечаева, так и «нечаевцев», несмотря на то, что в последние годы на страницах нашей печати опубликован ряд документов по нечаевскому делу, несмотря на это, материалы, которыми мы располагаем в настоящее время еще недостаточны для полного пересмотра традиционного взгляда на Нечаева, несостоятельность которого стоит ныне вне всяких сомнений.

Для того, чтобы установить правильную оценку исторического значения деятельности Нечаева, необходимо, между прочим, изучить состояние революционных сил в России его времени. Не на пустом месте пытался Нечаев создать задуманную им революционную организацию. И в столицах, и в провинции до Нечаева и независимо от

него существовали кружки и организации, которые вели ту или иную работу в революционном направлении. Только опираясь на них, извлекая из их рядов подходящий для себя материал, Нечаев мог мечтать о создании тайного общества, долженствующего возглавить революцию, в близости которой Нечаев был непоколебимо уверен. Его расчеты до известной степени оправдались. В России он нашел людей, последовавших его призыву и примкнувших к его организации. Однако, в тех же кружках он встретил и других людей, — таких, которые явились не союзниками его, а горячими противниками. Не учитывая этого последнего обстоятельства, не изучив деятельности противников Нечаева, борьба с которыми потребовала не мало усилий с его стороны, мы рискуем не понять ничего в том своеобразии нечаевской тактики и его методов действия, которое, хотя и бросается в глаза всякому, принимающемуся за изучение нечаевского дела, но не нашло до сих пор достаточно убедительного объяснения. Между тем, материалы, которыми мы до сих пор располагали, в этом отношении не давали нам почти ничего. Увлеченные яркой и красочной фигурой Нечаева, все писавшие до сих пор о Нечаеве и собиравшие материалы, характеризующие его деятельность, почти не обращали внимания на революционную Россию его времени: состав и деятельность работавших в то время кружков остаются почти совершенно не изученными.

Предлагаемый вниманию читателей сборник документов ставит себе одной из основных и главных задач дать хотя бы часть материала, характеризующего ту революционную обстановку, среди которой Нечаеву приходилось работать, осветить деятельность как союзников его, так и противников. К сожалению соответствующий материал, поскольку его до сих пор удалось выявить, не отличается обилием. Тем большую ценность приобретают те немногочисленные документы, которые удалось найти и собрать.

Пробелы в архивных документах — наиболее существенное затруднение для историка нечаевского дела и нечаевской эпохи. Чтобы выяснить эти пробелы, мы считаем нужным вкратце коснуться тех архивных материалов, которыми мы располагаем.

Расследование нечаевского дела прошло три стадии. Первоначальные розыскные действия по этому делу находились в руках III отделения и подчиненных ему органов — соответствующих губернских жандармских управлений. Затем с января 1870 г. началось официальное следствие по этому делу, в силу специального высочайшего повеления возложенное на сенатора Чемадурова. Наконец, по окончании следствия дело нечаевцев (сам Нечаев, как известно, скрылся за границу и лишь позднее был выдан Швейцарией русскому правительству) поступило на рассмотрение особого присутствия петербургской судебной палаты, начавшей слушать его 1 июля 1871 г. Таким образом нечаевское дело прошло три стадии. Далеко не все они находят достаточное освещение в сохранившихся до нас архивных документах. Производство судебной палаты вместе с присоединенным к нему следственным производством сенатора Чемадурова до сих пор не найдено. Если по отношению к судебному производству

этот пробел в значительной мере восполняется наличностью стенографического отчета процесса нечаевцев, перепечатанного почти во всех наших газетах, выходивших в 1871 г., то отсутствие следственного производства тем более ощутительно для нас, что при нем находились все «вещественные доказательства» по делу, т. е. все те рукописи, письма и иные документы, которые были отобраны при обыске у привлеченных к делу и которые являлись исключительно ценным первоисточником для изучения революционной среды того времени. Те из «вещественных доказательств», которые были оглашены на суде и вследствие этого попали в стенографический отчет, являются лишь незначительной частью всего количества, собранных при обысках «вещественных доказательств».

При таких условиях документы, сохранившиеся в делах III отделения, приобретают для нас особенный интерес и значение. К краткому ознакомлению с ними мы теперь и обратимся.

Впервые о Нечаеве III отделение узнало 30 января 1869 г., когда им была получена записка заведующего секретным отделением при управлении петербургского обер-полицмейстера Колышкина, сообщавшая, что накануне на Шпалерной улице состоялась студенческая сходка, собранная вольнослушателем университета и учителем Сергиевского приходского училища Нечаевым. Этой именно запиской открывается дело III отделения 1869 г. по 3-й экспедиции № 112 «О преступных действиях скрывшегося за границу учителя Сергея Нечаева и прикосновенных к оному жены отставного полковника Томиловой, сына священника Владимира Орлова и др.». Всего в этом деле 4 части. К этому делу непосредственно примыкает по своему содержанию дело № 110 (по 3-ей же экспедиции) «О воззваниях, полученных из-за границы на имена различных лиц, и о собрании по оным сведений» (в 3-х частях). В этом деле сосредоточена переписка по поводу воззваний, которые с весны 1869 г. Нечаев и Бакунин начали в большом количестве посылать по адресам разных лиц в Россию. В особое дело выделено производство об изданной Ткачевым и Дементьевой в марте 1869 г. прокламации «К обществу» (д. 3 эксп. № 109). С конца ноября 1869 г., когда III отделением были получены сведения об организовавшемся в Москве тайном обществе, все производство по нечаевскому делу концентрируется в деле 3-й же экспедиции № 115 «Об организации общества с целью низвержения в империи существующего порядка правления» (в 24-х частях).

Вот основные фонды материалов III отделения по нечаевскому делу. К ним надо присоединить ряд других дел, имеющих дополнительное значение. Это:

1) дело 3-й эксп. 1869 г. № 44, в котором собраны материалы по студенческому движению 1868—1869 гг.,

2) дело 3-й эксп. 1869 г. № 104, в котором сосредоточена переписка по так называемому «елизаветградскому делу» (дело Троицкого и Кунтушева), позднее объединенному в одно производство с нечаевским делом,

3) дело 3-й эксп. 1869 г. № 99 «О студентах Московского университета, изъявивших нежелание посещать лекции проф. Полунина».

дающее материал как для освещения «полунинской истории», так и для выяснения отношения к ней Нечаева и его товарищей,

4) дело 3-й эксп. 1868 г. № 165 о Л. П. Никифорове.

5) дело 3-й эксп. 1871 г. № 79 о лицах, привлекавшихся по делу нечаевцев и оправданных Петербургской судебной палатой,

6) дело 3-й эксп. 1872 г. № 32 о нелегальной переписке нечаевцев, содержащихся в Московской пересыльной тюрьме,

7) дело 3-й эксп. 1873 г. № 414 «О распространении молодыми людьми воззваний революционного содержания»; во 2-м томе этого дела имеется пачка писем и бумаг, отобранных в 1873 г. при обыске у А. И. Успенской и имеющих непосредственное отношение к процессу нечаевцев.

Помимо всех только что перечисленных дел III отделения при составлении настоящего сборника были использованы дела канцелярии министра юстиции 1871 г. № 22 и уголовного отделения минист. юстиции 1873 г. № 42 (в одиннадцати томах), в которых собрана переписка министерства юстиции по нечаевскому делу. При отсутствии в нашем распоряжении следственного производства по этому делу, указанные нами дела мин. юстиции имеют весьма существенное значение уже по одному тому, что в них мы находим копии показаний, данных во время следствия многими привлеченными.

В меньшей степени, чем эти дела, были использованы:

1) производство высоч. учрежд. следственной комиссии 1869 г. № 430 по «елизаветградскому делу» и

2) производство прокурора Московской судебной палаты 1871 г. № 41.

Конечно, при скромных размерах настоящего сборника мы только в незначительной части могли использовать документы, собранные во всех перечисленных нами архивных делах. Приходилось подвергать их строгому отбору в надежде на то, что с течением времени удастся опубликовать и другие документы по нечаевскому делу. При отборе документов составитель стремился дать в настоящем сборнике по возможности те из них, которые не повторяют сведений, имеющихся в материалах, опубликованных ранее — и в частности в стенографическом отчете по процессу нечаевцев, — а пополняют их, касаясь вопросов, наименее освещенных опубликованными ранее документами.

Первая часть сборника отведена докладу министра юстиции по нечаевскому делу, составляющему особый том в деле III отделения 1869 г. № 115. Этот доклад, составленный по окончании сенатором Чемадуровым возложенного на него следствия, дает краткую сводку всего добытого следствием материала по отношению к каждому из привлеченных к следствию. Особенную ценность доклад министра юстиции представляет в том отношении, что в нем мы находим сведения относительно лиц, следствие о которых по тем или иным причинам было прекращено и которые ввиду этого не фигурировали на процессе нечаевцев. Эти части доклада министра юстиции содержат в себе совершенно свежий, неизвестный до сих пор материал для освещения деятельности Нечаева и его эпохи.

Второй отдел сборника отведен показаниям привлеченных к дознанию и следствию. Составитель старался подобрать показания так, чтобы они освещали разные стороны и моменты нечаевского дела. Показания Аметистовых, Ралли и Езерского относятся к студенческому движению 1868—1869 гг. в Петербурге и участию в нем Нечаева. Показания Пирамидова и Смирнова знакомят нас с «полуниинской историей» и с попытками Нечаева и его товарищей использовать эту историю в интересах создаваемой ими тайной организации. Показания Прыжова, А. К. Кузнецова, Риимана и Прокопенко относятся к организации и деятельности «Народной Расправы». Показания Ив. Лихутина знакомят нас с петербургскими связями Нечаева. Особо выделяются показания Негрескула, Натансона и Александрова; это — документы, вышедшие из-под пера политических противников Нечаева и рисующие их отношения к нему. Показания Александровской относятся к моменту пребывания Нечаева за границей. Ее же заявление министру юстиции — документ, одинаково интересный как для характеристики Нечаева, так и для характеристики самого автора, человека до известной степени загадочного: дважды появлявшегося на исторической сцене (в 1862 и в 1869 гг.) и оба раза окончившего предательством. Наконец два заявления Ешшерлова в III отделение являются документами, чрезвычайно ценными для освещения психологии тех слабых душою людей, которые в силу обстоятельств были втянуты в революционное движение.

Третий отдел содержит в себе ряд писем, вышедших из-под пера лиц, имевших то или иное отношение к делу. Эти письма освещают некоторые обстоятельства нечаевского дела (напр. письма Долгова, Колачевского и др.), знакомят с отношением к Нечаеву его союзников (письмо Черкезова) и противников (письмо Негрескула), дают материал для характеристики привлеченных к делу (письма Волховского, Антоновой и др.) и т. д.

Четвертый (и последний) отдел сборника отведен под документы III отделения, относящиеся к процессу нечаевцев в Петербургской судебной палате. Среди таких документов мы выбирали лишь те, которые дают об этом процессе что-либо новое по сравнению с стенографическим отчетом. Особо в этом отделе стоит записка о процессе нечаевцев, представленная в III отделение небезызвестным в свое время «литератором» И. А. Арсеньевым, совмещавшим в своем лице журналиста с агентом III отделения.

В конце сборника даны примечания составителя, основанные в значительной мере на неопубликованных архивных материалах, и алфавитный указатель лиц, о которых упоминается в печатаемых нами документах. По отношению к тем из этих лиц, которые привлекались по нечаевскому делу или имели к нему какое-либо отношение, в указателе даны основные биографические сведения и необходимые пояснения.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

ДОКЛАД МИНИСТРА ЮСТИЦИИ

В начале 1869 г. в высших учебных заведениях столицы, именно в императорских медико-хирургической академии и университете и Технологическом институте происходили, как известно, беспорядки в среде студентов; беспорядки эти не имели, повидимому, другого характера, как лишь выражение стремлений учащейся молодежи добиться у начальства разрешения иметь свою студенческую кассу и права составлять сходки для обсуждения действий этой кассы.

В апреле месяце беспорядки были прекращены, но собранные при расследовании о причинах их сведения привели к убеждению, что если по внешним признакам университетские события и не давали повода подозревать в волнениях студентов какие-либо другие цели, кроме простого желания их иметь свои сходки и кассу, но, с другой стороны, внутренняя устойчивость и одновременность этих волнений во всех трех учебных заведениях показывали прямо, что учащаяся молодежь со своими заявлениями была не более, как орудием в руках людей, преследовавших совсем иные цели и бывших главным образом причиною беспорядков. Тем не менее, в то время не было еще ясных указаний, кто именно и для каких целей подстрекал студентов к движениям; дознано было только, что в происходивших в течение января и февраля месяцев студенческих сходках принимали деятельное участие: состоявший в то время учителем закона божия в приходском Сергиевском училище в Петербурге Сергей Нечаев, сын священника, он же учитель сельского училища в с. Иванове, Владимирской губернии, Владимир Орлов и кандидат прав с.-петербургского университета Петр Ткачев. Когда вследствие получения этих сведений признано было необходимым усилить наблюдение за названными личностями, то оказалось, что Нечаев с чужим паспортом уехал 4 марта 1869 г. за границу, а Орлов неизвестно куда скрылся из Петербурга. — Между тем в конце марта того же года задержано было напечатанное в типографии с.-петербургской мещанки Дементьевой воззвание под заглавием «К обществу», в котором неизвестный автор между прочим заявлял следующее: «...протест наш тверд и единодушен, и мы скорее готовы задохнуться в ссылках и казематах, нежели задыхаться и нравственно уродовать себя в наших академиях и университетах...». Как отдельный факт, обнаружение этого воззвания не привело еще к раскрытию какого-либо общего многим лицам преступного дела, хотя и очевидно было, что воззвание это служило только одним из средств распространения преступных намерений не одного человека, но тем не менее обстоятельство это в зна-

чительной уже степени подтверждало предположение о том, что с окончанием собственно студенческих волнений не перестали действовать люди, имевшие более серьезные, чем студенты, намерения. Практическим последствием обнаружения означенного воззвания было задержание 26 марта Дементьевой и за нею Ткачева, который подозревался, как автор этого воззвания. В последовавшие затем месяцы были задержаны еще и другие лица по отдельным против них подозрениям: так, 13 апреля 1869 г. была задержана жена полковника Елизавета Томилова, состоявшая, как сделалось известным, в переписке с Нечаевым и укрывавшая у себя в квартире Орлова перед его побегом; 16 апреля в Москве был задержан дворянин Феликс Волховский, про которого известно было, что он стремился возбудить движение, подобное петербургскому, между московскими студентами, и, наконец, в июне месяце взят был в Вареникovской станице Владимир Орлов.

Не ограничиваясь этими арестами, III отделение собственной его императорского величества канцелярии продолжало наблюдать за действиями сомнительных в политическом отношении лиц и таким образом дознало, что в течение лета 1869 г. в Россию пересылались из Женевы прокламации и письма от Нечаева и что служащие в книжном магазине Черкесова в Москве получают эти прокламации. Вследствие сего в ноябре месяце III отделение признало нужным произвести у приказчика означенного магазина дворянина Петра Успенского обыск, который и был произведен сначала в квартире его 26 ноября, причем в мебели Успенского под обивкою найдены были следующие предметы: 1) семнадцать листов почтовой синей бумаги с изображением на каждом листе в виде овальной печати топора и с надписью кругом этого изображения: «Комитет Народной Расправы 19 февраля 1870 г.», 2) заграничный паспорт, выданный из иностранного отделения канцелярии московского генерал-губернатора московскому мещанину Николаю Николаеву 3 марта 1869 г., 3) небольшая печатанная книжка на непонятном языке, как после оказалось, оставленная у Успенского Нечаевым и заключающая в себе исповедь революционера, 4) печатная тетрадка под заглавием: «Издание общества Народной Расправы 1869 г., № 1, Москва», 5) полулисты почтовой бумаги с такими же штемпелями, как и вышеуказанные, на которых были написаны: «изложение общих правил сети для отделений» и «общие правила организации», и 6) записка на четвертушке листа бумаги и пять тетрадей, в которых означены были разные имена и фамилии; как после оказалось, это были протоколы заседаний, которые вел Успенский, как высший член тайного общества. В то же время обыск произведен был и в магазине Черкесова, при котором найдены: 1) 14 экземпляров революционного воззвания под заглавием «От сплотившихся к разрозненным», с вытисненным на каждом экземпляре бланком такого содержания: «Русский отдел Всемирного революционного союза. Бланка для публики» и 2) прокламация под названием «Обращение студентов к обществу» и стихотворение Огарева, озаглавленное «К студентам».

Ввиду таких результатов обыска у Успенского, произведены были обыски и у других лиц, имена которых или значились на найденной у Успенского записке, или возбуждали подозрение по близким

отношениям их к Успенскому. Хотя обыски эти и не дали уже таких результатов, как вышеизложенные, но тем не менее признано было необходимым задержать многих лиц, так как начавшееся между тем дознание раскрыло нижеследующие факты.

3 сентября 1869 г. прибыл в Москву из Женевы вышепоименованный Нечаев, который, благодаря знакомству, сделанному им с Успенским через Орлова еще в феврале месяце, до побега своего за границу, обратился непосредственно к Успенскому сначала в магазине, а потом стал бывать и у него на квартире. Здесь после долгих бесед о том, как помочь бедствующему народу, который будто бы повсюду питает сильное неудовольствие против правительства, Нечаев убедил Успенского составить тайное общество, которое подготовило бы в народе восстание, имеющее целью ниспровергнуть существующий в России государственный порядок. В непродолжительном времени Нечаев по указанию Успенского свел знакомства с слушателями Петровской земледельческой академии; там он обратился сначала к Кузнецову, потом к Долгову, потом к Иванову (впоследствии им убитому), потом к Рипману и таким образом вскоре, в качестве посланного будто бы от Всемирного революционного комитета в Женеве для возбуждения в России народного восстания, Нечаев успел организовать из слушателей Петровской академии тайное общество с вышеуказанною целью, причем как на день восстания Нечаев указывал на 19 февраля 1870 г.

В это же время, независимо от дознания о тайном обществе, в Москве чинами полиции и судебною властью обнаружено было убийство слушателя Петровской академии Иванова, труп которого 25 ноября найден с камнями на шее и ногах в пруде Петровского парка, принадлежащего академии. По отсутствию на убитом Иванове всяких признаков грабежа, так как даже часы остались в кармане его жилета, и ввиду того обстоятельства, что в числе лиц, значащихся на записке Успенского, Иванов стоял, как член организации, дознание пришло к заключению, впоследствии вполне оправдавшемуся, что убийство Иванова совершено лицами, имевшими основание или мстить ему за что-либо, или вообще желать его погибели в интересах общего дела, т. е. членами тайной организации. Направленное в этом смысле дознание открыло, что виновниками насильственной смерти Иванова были: тот же Сергей Нечаев, Успенский, Алексей Кузнецов, отставной коллежский секретарь Иван Прыжов (служивший до Успенского в магазине Черкесова) и московский мещанин Николай Николаев, тот самый, который давал свой паспорт Нечаеву для побега за границу. Иванов, как оказалось из объяснений этих лиц, был убит ими по подговору Нечаева за неповиновение будто бы Комитету и для этого завлечен был обманом, как бы для отрытия типографии, в академический грот, где они сначала принялись его душить, но потом Нечаев схватил принесенный Николаевым пистолет, выстрелил из него в голову Иванова, после чего труп последнего был погружен в пруд.

При дальнейшем производстве дознания обнаружено было, что после убийства Иванова Нечаев и Кузнецов выехали в Петербург

для продолжения своей преступной деятельности. Прибыв 23 ноября в Петербург, Нечаев с Кузнецовым тотчас начали посещать знакомых Нечаева еще по студенческой истории, — именно были у жены студента Ворощцовой-Коведяевой, у братьев и сестры Лихутиных, у Рослякова (отставного поручика, слушавшего лекции в Технологическом институте), у Ковалевского в Лесном институте, где Ковалевский был студентом, у инженера Михайлова, и, наконец, один Кузнецов по отъезде Нечаева у студента Медико-хирургической академии де-Тейльса. — Все эти лица в течение декабря месяца были задержаны, причем в конце декабря, при задержании де-Тейльса, дознано было, что 30 ноября или 1 декабря Нечаев, услыхав об арестах в Москве, уехал туда из Петербурга и затем 16 или 17 декабря вместе с женою коллежского советника Александровскою уехал через Орел и Динабург за границу.

Вооружившись такими данными, указывавшими на значительное уже развитие преступной организации, дознание приступило к задержанию всех тех лиц, которые считались членами тайного общества, знали о его существовании и вообще какими-либо действиями оказывали ему поддержку. Вместе с тем признано было нужным повторить обыски в московском книжном магазине Черкесова и вследствие этого были там вновь найдены: 1) на чердаке 95 листов почтовой бумаги с таким же изображением печати «Народной Расправы», как и листы, найденные у Успенского в квартире, и кроме того жестяная коробка с подушкою и синею краскою, употреблявшаяся, очевидно, для вытиснения означенной печати, 2) в жерловой трубе найден сбор свинцовых литер в 7 строк, составлявших слова: «Русский отдел Всемирного революционного союза, бланка для публики», 3) две рукописи, оказавшиеся впоследствии принадлежащими Волховскому, из которых одна заключает в себе изложение программы революционных действий, начиная с весны 1869 г. до весны 1870 г., когда, по словам рукописи, должно быть народное восстание, а другая содержит рассуждения о политических переворотах вообще и о возможности такового в России, причем говорится в ней, что «при быстроте и смелом образе действий хорошо организованной партии вовсе не невозможно овладеть этой вещицей (дворцом)...» и, наконец, 4) при следствии уже, именно 10 февраля, в стене между домом книжного магазина и соседним найдена и самая печать, сделанная из меди, с топором в середине и надписью: «Комитет Народной Расправы 19 февраля 1870 г.».

Начатым затем по высочайшему повелению предварительным следствием все эти обстоятельства, раскрытые дознанием, вполне подтвердились, и история образования Нечаевым преступного общества разъяснилась в следующем виде. Непосредственно Нечаев имел дело в Москве только с несколькими лицами, а именно: Успенским, Прыжовым, Николаевым, Алексеем Кузнецовым, Долговым, Рипманом (все эти трое слушатели Петровской академии), с частным приставом князем Варлаамом Черкезовым и с живущею у Успенского мещанкою Беляевою; он прежде всего убедил их образовать тайное общество, написал им правила организации, а затем уже они должны были каждый в свою очередь составлять себе кружки из 5 знакомых лиц,

внушая этим последним те же правила и те же идеи, направленные к ниспроверженію правительства, которые им передавал Нечаев. Составившееся таким образом общество учредило свою кассу, в которую Черкезов и Кузнецов внесли самые крупные вклады, именно до 300 р. сер., имело свои собрания, на которых обсуждались действия разных членов по предмету вербовки новых членов общества, распределялись занятия организаторов, как, например, Рипману и Прыжову поручено было действовать в среде народа, Кузнецову — в средс купечества, Успенскому — между литераторами и т. п. Кроме того, учрежден был особый склад различного платья для того, чтобы в случае надобности кто-либо из членов мог явиться в известный круг людей или в военном, или в крестьянском, или в каком-либо другом костюме. Главным руководством для членов общества служила прокламация «Народная Расправа», в которой вместе с историческим обзором причин, почему не удавались прежние заговоры (или потому, что народ не участвовал в стремлениях образованного общества, или потому, что образованное общество в свою очередь не хотело сговориться с народом), предлагались способы для успешного действия в новом заговоре; способы эти, по словам «Народной Расправы», заключаются в истреблении всех высокопоставленных лиц в государстве и в возбуждении затем, с помощью рассеянных по России членов тайного общества, восстания в народе.

Ввиду столь преступной цели следствие не могло оставлять без внимания малейших указаний на какие-либо лица, которых на первый взгляд было основание подозревать в той или другой прикосновенности к означенному тайному обществу, и поэтому в течение всего хода предварительного следствия привлечено было к делу, в качестве обвиняемых лиц, 152 человека, из которых в настоящее время, по строгой оценке всех данных дела, должны быть обвиняемы лишь 79 человек на нижеследующих основаниях:

1. Дворянин Петр Успенский, — 22 лет, сознался как в принадлежности к тайному обществу, так и в участии в совершении убийства слушателя Петровской академии Иванова. Он передал подробно исторню знакомства своего с Нечаевым, сознательного вступления своего в тайное общество и свою в нем деятельность и, наконец, обстоятельства убийства Иванова; из его рассказа, таким образом, видно: а) что он подговорил сотоварища своего по магазину библиотекаря Скипского поступить в то же тайное общество, б) что он принял на себя звание члена отделения и в этом качестве заведывал кассой общества, вел протоколы заседаний членов, помогал Нечаеву писать разные приказания другим членам будто бы от имени Комитета, хранил у себя печать, бланки и вообще все бумаги общества и первый согласился с Нечаевым на счет убийства Иванова. Все эти действия Успенского, подтвержденные вполне результатами сделанных у него обысков, ставят виновность его вне всякого сомнения и виновность именно в заговоре вместе с другими лицами ниспровергнуть правительство во всем государстве и изменить образ правления в России и, кроме того, в убийстве Иванова.

Такое определение преступления Успенского и всех других его сообщников вытекает из следующих соображений. По собственному его и других сознанию, руководящим документом для членов общества служила прокламация «Народная Расправа»; между тем в этой последней встречаются, в числе прочих, такие мысли:

... «А теперь мы безотлагательно примемся за истребление его Аракчеевых, т. е. тех извергов в блестящих мундирах, обрызганных народной кровью, что считаются столбами государства. До начала всеобщего народного восстания нам необходимо придется истребить целую орду грабителей казны, чтобы избавиться от министерства, генерал-губернаторства и барства вообще»... Что подобного рода программа была вполне сознательно усвоена лицами, ее принявшими, это доказывается первым кровавым опытом тайной организации над своим сочленом Иваповым. Если же члены общества согласились таким путем достигнуть уничтожения министерства и генерал-губернаторства, то они вместе с тем не могли не сознавать, что существование различных отраслей государственного управления в той или другой форме обусловливается непререкаемым положением верховной власти в России, и, следовательно, стремясь ниспровергнуть отдельные части, они сознательно шли к ниспроверженню правительства во всем государстве и существующего образа правления.

Поэтому Успенский должен обвиняться в преступлениях, предусмотренных 249, 250, 13 и 3 п. 1453 ст. Улож. о наказ., изд. 1866 г.

2. Слушатель Петровской академии купеческий сын А л е к с е й К у з н е ц о в, 24 лет, также сознался в обоих вышеназванных преступлениях. Он обвиняется поэтому в том, что, изъявив по приглашению Нечаева согласие составить заговор с целью ниспроверження правительства и перемены образа правления, подговорил к тому же своих товарищей, слушателей академии, братьев Рязанцевых и своего брата Семена Кузнецова и, кроме того, ездил с Нечаевым для той же цели в Петербург, где склонил к вступлению в заговор студентов земледельческого института Владимира Святского и Петра Топоркова; затем, получив от Нечаева при отъезде его из Петербурга пакеты, содержавшие в себе списки членов общества и прокламации, вручил их студенту Медико-хирургической академии де-Тейльсу для хранения; кроме того, он, Кузнецов, согласившись с другими на убийство Иванова, сторожил последнего у грота, и когда Иванов было вырвался из рук Нечаева, то удержал его и тем дал возможность причинить ему насильственную смерть, т. е. обвиняется в преступлениях, предусмотренных теми же 249, 250, 13 и 3 п. 1453 ст. Улож.

3. Отставной коллежский секретарь И в а н П р ы ж о в, 42 лет, по собственному сознанию помогал Нечаеву в составлении заговора печатанием бланков «Народной Расправы», подговором исключенных из Московского университета в октябре месяце 1869 года за историю с профессором Полуниным студентов Бутурлина и Пирамидова вступить в заговор и, наконец, приобретением для общества чужих паспортов; вместе с тем Прыжов принимал участие и в убийстве Иванова, поэтому он обвиняется в тех же преступлениях (249, 250, и 3 п. 1453 ст. Улож.).

4. Московский мещанин Николай Николаев, 19 лет, также по собственному сознанию, прибыл в октябре месяце на зов Нечаева из Тулы в Москву и, узнав от Нечаева о имеющемся составиться заговоре, беспрекословно принялся за переписку данных ему Нечаевым прокламаций и правил организации, которые потом раздавались членам заговора; бывал на собраниях членов, передавал некоторым из них бланки с приказанием будто бы от Комитета, тогда как на самом деле они были написаны им под диктовку Нечаева; дал студенту Московского университета Рахимову для хранения типографский шрифт, врученный ему, Николаеву, Нечаевым, а этим последним полученный от Успенского; шрифт этот потом и найден был в лаборатории Московского университета, куда положил его Рахимов. В деле убийства Иванова Николаев принимал первенствующее участие: он запасся пистолетом и лично заманил Иванова в академический грот под предлогом отрытия там типографии, зарытой будто бы еще во время производства дела о государственном преступнике Каракозове.

На основании всего этого Николаев обвиняется в тех же преступлениях, как и Успенский и Кузнецов, по 249, 250, 13 и 3 п. 1453 ст. Улож. о наказ.

5. Священнический сын Владимир Орлов, 26 лет, также сознался в том, что Нечаев еще весною 1869 года говорил ему о необходимости произвести революцию, что, уезжая за границу, Нечаев просил его поддерживать среди молодежи эту преступную мысль и что поэтому он, Орлов, отправился, по отъезде Нечаева, из Москвы в Петербург, где остановился у Томиловой, просил последнюю послать Нечаеву деньги для проживания в Женеве, посещал некоторые сходки студентов, и когда затем, ввиду известий о розыске его полициею, уезжал из Петербурга, то оставил Томиловой две записки, в которых обращался ко всем людям «дела» доверять Томиловой, как ему самому; кроме того, Орлов, по показанию Волховского, передал ему рукописный план революционных действий от весны 1869 года до весны 1870 года, когда должно было вспыхнуть восстание. Такая деятельность Орлова ясно доказывает, что он совершал приготовления к государственному преступлению еще в начале 1869 г., т. е. обвиняется по 249 и 250 ст. Улож.

6. Кандидат прав Петр Ткачев, 25 лет, хотя и не сознается в каком-либо участии в вышеозначенном государственном преступлении, но уличается в приготовлении к этому преступлению тем, во 1-х, что по показаниям Орлова, студента Ковалевского и Ивана Лихутина, он во время студенческих движений в Петербурге собирал у себя сходку людей, руководивших движением — именно у него были Нечаев и Орлов; во 2-х, что по обстоятельствам дела видно, что когда студенческие беспорядки в Петербурге были прекращены, он, Ткачев, возил с собой в Москву мещанку Дементьеву и там с помощью Орлова и Николаева пытался найти Дементьевой номинального мужа для того, чтобы Дементьева, бывшая несовершеннолетнею, получила право располагать доставшимися ей по наследству деньгами, а эти последние нужны были Ткачеву, как он сам объяснял

Николаеву и Орлову, для заведения «подпольной» типографии, и в 3-х, тем, что тотчас по возвращении из этой поездки в Петербург в открывшейся типографии Дементьевой была напечатана вышеупомянутая прокламация «к обществу», в сочинении которой хотя Ткачев и не сознается, но также уличается объяснениями Николаева и Кузнецова, из коих первому говорил Успенский, что Ткачев взят за написание означенной прокламации, а последнему говорил то же Нечаев. Совокупность всех этих указаний приводит к положительному убеждению, что Ткачев принимал деятельное участие в приготовлении к государственному преступлению, о котором он умыслил еще в начале 1869 г. и которое потом осуществилось в конце того же года в Москве в форме заговора ниспровергнуть правительство и переменить образ правления в России, т. е. должен обвиняться в преступлении, предусмотренном 249 и 250 ст. Улож.

7. Дворянин Феликс Волховской, 24 лет, также ни в чем не сознающийся, уличается в таком же, как и Ткачев, приготовлении к государственному преступлению тем, что хранил у себя вышеприведенные две рукописи возмутительного содержания — именно программу революционных действий и рассуждение о политическом перевороте с помощью овладения дворцом; в одном только хранении означенных противозаконных воззваний Волховской не может обвиняться потому, что он сам говорит, что первую рукопись он получил от Орлова, а Орлов, как известно по делу, исполнял в то время в Москве поручение Нечаева поддерживать революционное настроение общества и виделся часто с Волховским, о возникновении же у себя последней рукописи Волховской дал крайне неудовлетворительное объяснение, сказав, что это выписка из письма, полученного одним его знакомым. Соображение этих данных с тем еще фактом, что к Волховскому во время студенческого петербургского движения приезжали в Москву студенты с просьбой возбудить такое же движение в Московском университете и согласие на это, данное Волховским, — убеждают в том, что Волховской не пассивно хранил у себя противозаконные воззвания, а действовал в смысле приготовления к государственному преступлению, созревшему осенью 1869 года в Москве. Поэтому и он обвиняется по 249, 250 ст. Улож.

8. Бывший студент Медико-хирургической академии Михаил Корнфоской, 25 лет, несознающийся в означенном преступлении, изобличается тем, что еще в марте 1869 г. ездил по поручению и с записками Орлова в с. Иваново, Владимирской губернии, где разыскивал лиц, годных для восприятия революционных идей, и с этой целью он познакомился там, между прочим, с Николаевым, который, по отдаче своего паспорта Нечаеву, жил в Иванове, и с библиотекарем Флоринским и сему последнему давал читать тетрадь под названием «Наша программа», которая, как видно из обстоятельств дела, была не что иное, как экземпляр той же программы революционных действий, которая и найдена у Волховского; причем, ввиду путешествия Корнфоского именно по поручению Орлова и с записками Орлова, не остается сомнения, что и читанная им Флоринскому революционная программа была также дана ему Орловым,

который не мог при этом не объяснить ему и цели подобного распространения преступных идей. По всему этому Коринфский также обвиняется в участии в приготовлении к тому же государственному перевороту, т. е. по статьям 249, 250 Улож.

9. Жена полковника Елизавета Томилова, 30 лет, хотя и сознается в получении от Нечаева из-за границы в марте и апреле месяцах 1869 г. писем, в посылке ему денег 100 р. сер., в получении от Орлова, когда сей последний уезжал от нее, двух записок, уполномачивающих ее действовать его именем, но объясняет, что сама ничего преступного не совершила, тем не менее она должна обвиняться также в содействии к приготовлению к государственному преступлению, ибо, во 1-х, посылая денежное пособие Нечаеву, она не могла не знать, что Нечаев без дозволения правительства бежал в Женеву, во 2-х, самое содержание писем к ней Нечаева, в которых говорится о поддержании какого-то общего дела, в 3-х, добровольное принятие от Орлова вышеупомянутых записок убеждает, что она лично хотела действовать в направлении Орлова и Нечаева, а направление это выразилось, как известно, в организовании наконец преступного общества; если затем Томилова и не предпринимала и не успела предпринять со своей стороны никаких действий в пользу подготовления государственного преступления, то она во всяком случае денежною помощью Нечаеву и доставлением приюта Орлову облегчила им достижение их преступной цели, не знать которую она не могла, и поэтому обвиняется она в том же преступлении, т. е. по 249 и 250 ст. Улож.

10. С.-Петербургская мещанка Александра Дементьева, 19 лет, обвиняется в том, что в марте месяце 1869 года напечатала в своей типографии воззвание «К обществу» и распространила таковое с целью возбудить к явному неповиновению власти верховной, т. е. в преступлении, предусмотренном 251 ст. Улож. о наказ.

11. Бывший слушатель Петровской академии Иван Флоринский, 24 лет, по собственному сознанию, содействовал составившемуся в Москве заговору тем, что по поручению Нечаева переписывал правила организации, ездил из Москвы к знакомому Нечаева Маврицкому во Владимирскую губернию для вручения последнему прокламации «Народная Расправа», принимал у себя на квартире приехавшего из Петербурга Ивана Лихутина, который, как было известно Флоринскому, разыгрывал роль ревизора от Женевского Революционного комитета.

12. Отставной подпоручик Иван Лихутин, 21 года, уличается в содействии преступному заговору тем, что ездил по приглашению Нечаева в конце сентября 1869 года из Петербурга в Москву, где в собрании членов заговора назвал себя ревизором от Женевского революционного общества, предъявив и бланк с этой подписью; затем в квартире Успенского вместе с Прыжовым прикладывал печать «Народной Расправы» к почтовой бумаге для образования бланок, уезжая же в Петербург, взял от Нечаева прокламацию «Народная Расправа», которую прочел своей сестре и студентам Ковалевскому

и Попову и, наконец, по поручению Нечаева подговорил своего брата Владимира и студентов Попова и Дебогория-Мокриевича взять насильно с Колачевского вексель, который и передал затем Нечаеву.

13. Студент Медико-хирургической академии Алексей де-Тейльс, 25 лет, обвиняется в том, что по приглашению Николаева и Черкезова согласился вступить в заговор, ездил для этого в Москву и из Москвы в Тулу, где, по просьбе Черкезова, рекомендовал мировому посреднику Желябужскому в письмоводители некоего Маслова, потом принял в Петербурге от Кузнецова нечаевские пакеты и во время арестов сжег их.

14. Жена коллежского советника Варвара Александровская, 36 лет, обвиняется в том, что также по приглашению Черкезова и Николаева согласилась содействовать членам заговора и затем, условившись с Нечаевым (известным ей будто бы под фамилией Элпидина) ехать за границу для вывоза оттуда прокламаций, достала себе паспорт и выехала в декабре месяце 1869 г., а в январе 1870 г. возвратилась в Россию с огромным количеством печатных воззваний самого преступного свойства, с каковыми и была задержана в Вержболове.

15. Жена поручика гвардейской артиллерии Юлия Бобарыкова, 26 лет, обвиняется также в содействии заговору тем, что по приглашению члена заговора Черкезова прибыла в Москву, получила там от Николаева шифрованную записку к Нечаеву и намеревалась ехать уже за границу с этой целью, но была арестована, причем записку передала знакомой своей Луканиной, чтобы вместо нее та отвезла ее Огареву или Нечаеву.

По этому все эти лица [1] обвиняются в том, что приняли участие в действиях заговора с целью ниспровержения правительства и перемены образа правления, зная о цели сих действий, т. е. в преступлении, предусмотренном теми же 249 и 250 ст. Улож.

Слушатели Петровской земледельческой академии:

16. Сын коллежского секретаря Николай Долгов, 26 лет, по собственному сознанию, состоял членом заговора, начальником кружка из пяти лиц, приносил отчеты о деятельности своего кружка в отделение к Успенскому и затем, когда начались аресты, он сжег приготовленные им отчеты о деятельности и списки своих сочленов.

17. Сын поручика Федор Рипман, 23 лет, состоял членом заговора и имел поручение действовать между крестьянами, так как он жил в отдаленной от академии деревне; познакомившись с крестьянином Макаровым, жившим на ферме академии, Рипман старался развивать ему революционные мысли, говоря о религии, об устройстве государства и т. п. Макаров хотя и не показал, что слышал от Рипмана что-либо противоправительственное, но подтвердил, что Рипман давал ему читать разные песни; это обстоятельство ввиду того, что Макаров, по неразвитию своему, мог еще и не усвоить вполне преступные внушения Рипмана, скорее подтверждает, чем ослабляет сознание Рипмана.

---

[1] Т. е. с № 11 по № 15. *Прим. подл.*

18. Купеческий сын Иннокентий Климин, 23 лет, сознался, что принадлежал к заговору, вносил в общую кассу деньги, держал в своей квартире склад платья, собранного для общества Кузнецовым, и затем, когда, вследствие находки на месте убийства Иванова башлыка, ему принадлежащего и данного им, Климиным, перед убийством Кузнецову, он получил от Комитета письменное приказание молчать о башлыке, то он и исполнил это, показав сначала при следствии, что башлык ему не принадлежит.

19. Купеческий сын Семен Кузнецов, 23 лет, также сознался, что по предложению брата своего согласился вступить в заговор, собрал в общую кассу деньги и взял для распространения прокламацию «Народная Расправа».

20. Потомственный почетный гражданин Иван Рязанцев, 23 лет, также сознался, что вступил в заговор по предложению Алексея Кузнецова и пожертвовал в пользу общества 10 р. сер.

21. Потомственный почетный гражданин Владимир Рязанцев, 25 лет, уличается также, как и предыдущий, собственным сознанием в принадлежности к заговору и тем, что пожертвовал тоже 10 р. сер. в кассу общества.

22. Купеческий сын Георгий Гавришев, 24 лет, по собственному сознанию состоял членом заговора, пригласив в него купеческого сына Лебедева, участвовал на собраниях и тоже пожертвовал 5 руб. в общую кассу.

23. Дворянин Порфирий Коробьин, 25 лет, уличается в принадлежности к заговору тем, что имя его как члена организации значится в списке у Успенского, показания же Долгова, Кузнецова и Успенского подтверждают это обстоятельство; вместе с тем по делу видно, что он исполнял разные поручения Комитета, получая оттуда известные бланки.

24. Сын титулярного советника Владимир Попов, 24 лет, хотя и не сознается в принадлежности своей к заговору, но уличается в этом оговором своих товарищей Долгова, Ланге и Беляевой и тем, что по его же собственному признанию он присутствовал на собраниях членов и даже пожертвовал 50 копеек в кассу общества.

25. Дворянин Пимен Енкуватов, 22 лет, уличается собственным сознанием в принадлежности к заговору и тем, что он вовлек в участие в этом заговоре своих товарищей Шестакова и Николая Голикова.

26. Купеческий сын Николай Шестаков, 25 лет.

27. Дворянин Николай Голиков, 22 лет, уличаются и собственным сознанием и показанием предыдущего обвиняемого в принадлежности к заговору.

28. Брат Николая, Леонид Голиков, 20 лет, хотя и не сознается в том же преступлении, но показаниями Успенского, Долгова и других о том, что он участвовал в собраниях членов, положительно уличается в принадлежности к тому же заговору.

29. Дворянин Николай Римский-Корсаков, 27 лет, также сознался в принадлежности к заговору, и хотя впоследствии и заявил, что он дал это сознание вследствие испуга от ареста, но заяв-

ления других обвиняемых Долгова, Успенского и пр. о том, что он действительно состоял в сообществе, показывают, что первое его объяснение вполне верно.

30. Сын надворного советника Валентин Ланге, 23 лет, хотя и объясняет, что, принадлежа к тайному обществу, он не имел в виду ниспровержения правительства, а только распространение знаний в народе, но уличается в противном тем, что на его же квартире были собрания, где другие члены, сознавшиеся, не стесняясь выражали сущность своих преступлений, и тем не менее Ланге не отстал от них; кроме того, принятие Ланге вместе с другими к руководству прокламаций «Народной Расправы» доказывает, что истинная цель заговора ему была хорошо известна.

31. Сын титулярного советника Эдуард Лау, 20 лет, отрицающий всякую прикосновенность свою к тайному обществу уличается, однако, оговором многих других обвиняемых и в особенности Ивакиным, которого он же вовлек в преступление, причем читал ему и «Народную Расправу».

32. Сын поручика Григорий Свечин, 23 лет, также ни в чем не сознающийся, уличается в принадлежности к заговору, между прочими оговорами, оговором обвиняемого Долгова, который говорит, что Свечину было поручено бланком Комитета испытать Аврамова, не проговорится ли тот насчет принадлежности своей к обществу, и Свечин это исполнил.

33. Сын коллежского секретаря Петр Ивакин, 26 лет, сознался в принадлежности к заговору.

34. Сын финляндского землевладельца Алексей Костыркин, 30 лет, также вполне сознался в этом же преступлении.

35. Мещанка г. Калуги девица Елизавета Беляева, 23 лет, созналась также, объявив, что она состояла членом отделения, где был Успенский, Кузнецов и Прыжов, что ездила по поручению Нечаева в Петербург к Лихутиной, Старицыну и Негрескулу, внесла также денежный вклад в кассу общества и собиралась даже ехать в Женеву везти отчет о деятельности общества, для чего и взяла уже себе свидетельство от полиции, но начавшиеся аресты ей помешали.

36. Частный инженер князь Варлаам Черкезов, 23 лет, также сознался в принадлежности своей к заговору, объяснив при этом, что он вполне сочувствует стремлениям ниспровергнуть существующий порядок, так как правительство стесняет образование юношества, богатые эксплоатируют бедных и нет свободы печати. Черкезов вовлек в тайное общество Александровскую, Бобарыкову, де-Тейльса, вложил значительную сумму (около 200 р.) в кассу общества, был особенно дружен с Нечаевым и помог ему уговорить Александровскую бежать с ним за границу. Наконец, у Черкезова же найден был обрывок телеграммы из Кенигсберга от 21 декабря от Нечаева о благополучном переезде границы и, кроме того, список крестьян и других лиц в Тульской губернии, готовых будто бы воспринять преступные идеи революции.

37. Купеческий сын Виктор Скипский, 23 лет, также сознается в принадлежности своей к заговору и, хотя Скипский объ-

ляет, что впоследствии он вышёл из общества, но ввиду голословности подобного заявления, находки у него воззвания «Братья-товарищи», и наконец, поездки его в Петербург с письмами от Кузнецова и Нечаева к Старицыну, Негрескулу и др., нельзя сомневаться, что он сознательно продолжал состоять в заговоре.

Бывшие студенты Московского университета:

38. Дворянин Николай Пирамидов, 22 лет, сознался в принадлежности к заговору по приглашению Прыжова, что подтверждает имеющаяся при деле переписка его с Бутурлиным.

39. Сын губернского секретаря Джавад Ишханов, 23 лет, хотя и говорит, что он составил кружок из своих товарищей лишь с той целию, чтобы студенты сблизились друг с другом, но показания других обвиняемых о том, что Ишханов соединил своих товарищей Рахимова, Шанаева, Сарибекова и Хаджибекова с тою же целью, какую имели и все остальные кружки, вполне уличают Ишханова в сознательной принадлежности к заговору.

40. Сын законоучителя тифлисской гимназии Ибрагим Рахимов, 21 года,

41. Сын майора Алид Хаджибеков, 20 лет,

42. Дворянин Яков Сарибеков, 23 лет,

43. Сын подпоручика Индрис Шанаев, 22 лет, — все эти четыре лица изобличаются в принадлежности к заговору как собственным сознанием, так и оговорами других обвиняемых, причем, как выше было сказано, обстоятельство находки в университетской лаборатории типографского шрифта, спрятанного туда Рахимовым, подтверждает вполне желание последнего содействовать делу заговора; вместе с тем из обстоятельств дела известно, что на собраниях у этих лиц шла речь о возможности для целей общества овладеть оружием в военном Александровском училище, что в свою очередь подтверждает их преступные замыслы.

44. Дворянин Дементий Енкуватов, 22 лет, также собственным сознанием уличается в принадлежности к заговору, причем по делу видно, что он пытался склонить к тому же и студента Померанцева.

45. Дворянин Александр Бутурлин, 26 лет, хотя и не сознался в том, чтобы ему было даже известно о каком-либо тайном обществе, уличается однако в принадлежности к московскому заговору тем, что бывал на собраниях членов заговора; указал в то время Успенскому на некоторых лиц, которых по его мнению можно было вовлечь в тайное общество, и затем, находясь уже в Ярославле, куда был выслан административным распоряжением, не переставал в письмах к товарищам своим Пирамидову и Смирнову выражать такого рода мысли, которые не могут оставлять сомнения на счет сочувствия его делу организации; так, в письме к Смирнову он, между прочим, выражает удивление, что не получает известий от руководителя, погибшего в московской буре; причем говорит об арестах, о том, что он, может быть, погибнет на виселице и т. п. У него при обыске также найдены письма крайне подозрительного содержания; в одном из них без подписи говорится: «высокопоставленные глупцы

думают, что их нелепые меры имеют предупредительное значение; если бы они знали, что каждое новое притеснение все теснее и теснее смыкает кружок честных людей... придет и наше время, когда мы дадим единодушный кровавый ответ», и пр. Все это вместе с тем обстоятельством, что имя Бутурлина встречается в протоколах, веденных Успенским, доказывает, что он был предан стремлениям заговора.

46. Купеческий сын Константин Лебедев, 33 лет, вполне сознался в принадлежности к заговору.

47. Сын надворного советника Дмитрий Коведяев, 20 лет, также собственным сознанием о том, что допускал в своей квартире собрания членов заговора, укрывал в той же квартире уже во время начавшегося дознания Нечаева, Николаева и князя Черкезова и, наконец, принимал приезжавших из Петербурга де-Тейльса и Бобарыкову, вполне изобличается в принадлежности к заговору.

48. Дворянин Иван Пажон-де-Монсе, 25 лет, хотя и объясняет, что он не знал ничего определенного, но ввиду показаний де-Тейльса, Черкезова и Николаева о том, что Пажон, во 1-ых, был привлечен в тайное общество Черкезовым, которому он давал несколько раз деньги, во 2-х, что он по поручению Черкезова и Николаева ездил в Петербург вызывать Тейльса в Москву и, в 3-х, что он сносился с членами общества условными знаками, следует несомненно, что он принадлежал к заговору. — Найденный у него при обыске шрифт подтверждает это.

49. Бывший студент Медико-хирургической академии Степан Мутафов, 24 лет, также хотя и не сознается, что знал цель тайного общества, но оговаривается в этом обвиняемыми Успенским, Кузнецовым и Рипманом, который его пригласил в общество и читал «Народную Расправу»; наконец, Мутафов в числе прочих был на собрании членов в гостинице Мамонтова, где читались прокламации и правила организации.

Вследствие сих оснований поименованные здесь лица обвиняются в том, что, приняв участие в составленном в конце 1869 года в Москве заговоре с целию ниспровержения правительства во всем государстве и перемены образа правления, приступили уже к различным приготовительным по сему заговору действиям, зная о цели оных, причем злоумышление их было открыто правительством заблаговременно при самом оного начале, т. е. обвиняются в преступлении, предусмотренном теми же 249 и 250-ою статьями Уложения о наказаниях (с № 16 по 49 включ.).

50. Отставной поручик Константин Росляков, 22 лет, по собственному сознанию знал, что Нечаев в Москве образовал заговор и затем в ноябре месяце, когда Нечаев прибыл в Петербург, то он, Росляков, укрывал его в своей квартире дня два, причем в его же, Рослякова, присутствии к Нечаеву приносил отчет о своих действиях Кузнецов.

51. Студент Земледельческого института Владимир Ковалевский, 22 лет, хотя и объясняет, что он не сходился с Нечаевым во взглядах, но из дела видно, что он, Росляков, Лунин и Старицын рассуждали на сходке о том, чтобы склонить членов московского

тайного общества перейти к ним в петербургский кружок; в ноябре же месяце Ковалевский через студента Лазаревского сначала поместил Нечаева у Рослякова, а потом принял его у себя в здании Земледельческого института; все это не оставляет сомнения насчет знания Ковалевским о составленном в Москве заговоре.

52. Студент Технологического института Александр Старцын, 23 лет, и

53. Бывший слушатель Петровской академии Виктор Лунин, 26 лет, уличаются в знании о составившемся в Москве заговоре теми же обстоятельствами, что и Ковалевский; Лунин же, кроме того, еще и перепиской, которую он вел с членами московского общества.

54. Дворянин Михаил Лазаревский, 24 лет, также, несмотря на отрицание своей прикосновенности к делу, уличается показаниями Рослякова и Кузнецова о помещении им Нечаева под именем Кинявского в ноябре месяце в квартире Рослякова — в том, что знал хорошо о деятельности Нечаева, т. е. о московском заговоре.

55. Студент Земледельческого института Владимир Святский, 22 лет, по его собственному сознанию, подтвержденному показанием Кузнецова, был вовлечен Нечаевым в тайную организацию с целью ниспровержения правительства, и хотя из дела не видно, чтобы Святский предпринял какие-либо действия, но очевидно, таким образом, что он знал о существовании заговора.

56. Дочь коллежского советника Екатерина Лихутина, 24 лет, хотя и не сознается, но уличается в знании о деятельности Нечаева в Москве, во 1-х, тем, что ей известна была цель поездки туда ее брата Ивана, а по его возвращении она слышала от него обо всем, что делается в Москве, во 2-х, близостью сношений своих с Нечаевым, который, по показанию квартирной хозяйки, всегда сидел с нею в комнате, когда бывал в Петербурге, в 3-х, посылкою предупредительной телеграммы к Прыжову в Москву о том, чтобы Нечаев не ехал в Петербург, причем Лихутина подписалась «Морозова» и, в 4-х, тем, что она еще во время пребывания Нечаева за границей вела с ним, как показывает ее брат Иван, переписку.

57. Жена дворянина Любовь Воронцова-Ковеляева, 21 года, также уличается в знании о заговоре в Москве показаниями Черкезова и Кузнецова, который 23 ноября тотчас по приезде с Нечаевым в Петербург отправился к Воронцовой для переговоров. Притом же Воронцова, бывши еще в Москве, беседовала о тайном обществе с самим Нечаевым и обещала указать ему своих знакомых.

58. Жена дворянина Александра Успенская, 22 лет, и по собственному сознанию, и по показаниям Прыжова, Николаева и Ивана Лихутина была свидетельницею почти всех действий и сношений своего мужа с Нечаевым; она даже прикладывала печать к бланкам, а по аресте мужа послала Прыжову записку, чтобы он спрятал все подозрительные бумаги. Хотя Александра Успенская и состояла к Петру Успенскому в отношениях супружеских, но ввиду закона она должна была донести кому следует о государственном преступлении своего мужа и других.

59. Дворянин Александр фон-дер-Эльснип, 21 года,

60. Сын надворного советника Валериан Смирнов, 20 лет, и

61. Дворянин Владимир Гольштейн, 22 лет, все три бывшие студенты Московского университета и исключенные из оного, по собственному сознанию имели полное сведение о составленном Нечаевым в Москве заговоре, и это сознание их подтверждается найденными у них при обыске письмами.

62. Сын лекарского ученика Николай Померанцев, 19 лет, и

63. Бывший слушатель Петровской академии Сергей Прокофьев, 24 лет, также собственным сознанием уличаются в том, что им было известно московское тайное общество с его противозаконною целью, ибо первого приглашал вступить в общество член Доментий Енкуватов, а второго Алексей Кузнецов, причем оба эти лица объясняли им смысл и направление общества, так что они хотя и не вступили в это общество, но несомненно о нем знали.

64. Сын подпоручика Иван Петровский, 21 года, также хоть и не вступил в члены заговора, но, присутствуя на собрании в гостинице Мамонтова, где читались членами общества прокламации, не мог не знать, что товарищи его составили заговор.

65. Губернский секретарь Михаил Попков, 35 лет, несмотря на уверение его самого и показание Успенского, что он, Попков, отказался вступить в тайное общество, должен однакож обвиняться в знании о существовании заговора, ибо Успенский, сдивший нарочно к нему в Нижний-Новгород, рассказывал ему о плане Нечаева и передал для прочтения правила организации и прокламацию «Народная Расправа».

66. Бывший воспитанник Николаевской гимназии дворянин Лев Моравский, 26 лет, также, несмотря на упорное отрицание свое, должен быть обвиняем в знании о существовании заговора, ибо он, как из дела видно, стремился через сельских учителей распространять в народе революционные идеи и с этою целью вручил Маслову разные сочинения возмутительного содержания и прокламацию «Народная Расправа», а самого Маслова рекомендовал через Черкезова и затем де-Тейльса в сельские учителя; таким же образом он советовал и некоему Алексееву итти в народ и разъяснить необходимость революции.

67. Бывший воспитанник тверской семинарии Николай Маслов, 21 года, изобличается в знании о существовании заговора вышеупомянутыми сношениями своими с Моравским, а также Черкезовым и др.

68. Инженер коллежский секретарь Николай Ламанский, 25 лет, должен быть также обвиняем в знании о существовании заговора с противоправительственной целью, ибо хотя он и объяснил при следствии, что, будучи хорошо знаком с Черкезовым, позволил ему адресовать на свое имя телеграмму и письма, не зная, для какой цели делает это Черкезов, но в виду того, во 1-х, что Ламан-

ский получал условные письма, как напр. от Александровской из Курска перед выездом ее с Нечаевым за границу, не на имя Черкезова, а прямо на свое имя, во 2-х, что он дал у себя приют Бобарыковой по просьбе того же Черкезова во время начавшихся уже арестов, в 3-х, что ему известен был тот пароль (Мерефский мост), под которым должны были являться к нему, спрашивая Черкезова, и, наконец, в 4-х, что даже телеграмма из Кенигсберга о благополучном проезде Нечаева также была ему прислана — не остается сомнения, что ему был очень понятен истинный смысл таинственных сношений и действий заговорщиков.

69. Студент Медико-хирургической академии Петр Попов, 22 лет,

70. Студент Технологического института Прохор Дебогорий-Мокриевич, 23 лет, и

71. Студент Медико-хирургической академии Владимир Лихутин, 19 лет, по собственному сознанию обвиняются все трое в паспльственном взятии с Колачевского векселя, причем выдавали себя за жандармских офицеров и, кроме того, два первые и в знании о существовании в Москве заговора, так как им было известно это из слов Ивана Лихутина, прибывшего из Москвы, который, рассказывая о Нечаеве, читал им и полученную от последнего прокламацию «Народная Расправа».

Вследствие сего все эти лица, кроме Владимира Лихутина, обвиняются в том, что, зная о составленном в конце 1869 года в г. Москве заговоре с целью ниспровержения существующего в государстве правительства и перемены образа правления и о приготовлениях участвующих в оном лиц к приведению сего злоумышления в действие и имев возможность довести о том до сведения правительства, не исполнили сей обязанности, а из них Дебогорий-Мокриевич, Попов и Владимир Лихутин обвиняются еще и в том, что по предварительному соглашению из личных видов побудили помощника присяжного поверенного Колачевского, через сообщение ему заведомо ложных известий и с помощью принятия на себя не принадлежащего им звания чинов жандармского корпуса, к убыточной по имуществу сделке, т. е. обвиняются в преступлениях, предусмотренных 249, 250, 13 и 3 п. 1688 ст. Улож. о наказ.

72. Студент Земледельческого института Петр Топорков, 20 лет,

73. Студент Медико-хирургической академии Петр Кошкин, 21 года,

74. Бывший студент С.-Петербургского технологического института Александр Долгушин, 22 лет, все трое, частию по собственным показаниям, частию по взаимным оговорам и в особенности по оговору Кошкина имели намерение составить общество для истребления, как говорил Кошкин, императорской партии, чтобы достигнуть изменения существующего порядка в государстве. Петр Топорков, проживавший вместе с Святским и Ковалевским в здании Лесного института, в ноябре месяце 1869 г. был соглашен на пропаганду революционных идей непосредственно Нечаевым, а затем явился

к Кошкину и, прочитав ему прокламацию «Народная Расправа», возбудил и его сочувствие к революции, потом вместе с Долгушиным они стали собираться у Кошкина на квартире и, умыслив вышеупомянутое истребление императорской партии, составили было устав, который Долгушин потом сжег, а также стали собирать деньги. Хотя из них Долгушин и не сознается в стремлении к этой последней цели, но уличается показанием присутствовавшего при изъявлении этих намерений Дудоладова.

Вследствие сего Петр Топорков, Петр Кошкин и Александр Долгушин обвиняются в том, что решившись составить тайное общество с целью истребления императорской партии, тем самым согласились принять участие в заговоре, образованном в Москве Нечаевым, т. е. в преступлении, предусмотренном 249 и 250 ст. Улож. о наказ.

75. Бывший студент Технологического института Александр Дудоладов, 22 лет, и

76. Поручик 3-го Туркестанского линейного батальона Лев Топорков, 23 лет, как присутствовавшие при вышеозначенных разговорах Кошкина, Долгушина и Петра Топоркова, хотя сами и не принимали в них участия, не могли не знать о злоумышлении трех названных лиц, поэтому они обвиняются в том, что, зная о заговоре, не довели о нем до сведения правительства, т. е. в том же преступлении, предусмотренном 249 и 250 ст. Улож.

77. Студент Новороссийского университета Авраам Попич, 27 лет, и

78. Студент Харьковского университета Владимир Малютин, 25 лет, у которых по произведенному в конце ноября обыску оказались прокламации возмутительного содержания, полученные ими, как они объяснили, просто по почте, обвиняются в хранении у себя без разрешения надлежащего высшего начальства сочинений, изданных с целью возбудить к бунту и явному неповиновению власти верховной, т. е. в преступлении, предусмотренном последним пунктом 251 ст. Улож. о наказ.

79. Дворянин Михаил Негрескул, 26 лет, по необнаружению против него предварительным следствием улик в том, чтобы он принимал заведомое участие в заговоре, образованном в Москве, или бы знал о нем, обвиняется однакож в том, что при обыске у него найдено между прочим изображение двух медалей с надписью на них «Александр II» под императорскою короною и затем с надписью кругом: «Благодарю моих верных холопов», «За усмирение Петербургского университета», «Для передачи в лейб-гвардии Преображенский полк». В виду того, что изображение это как по своему внешнему виду, так и по содержанию представляет крайне возмутительное глумление над вещественными знаками монаршей милости и что составитель его рассчитывал, очевидно, возбудить этим неуважение к личным качествам государя, Негрескул должен подлежать ответственности за хранение оного, и объяснение его, что изображение досталось ему, вероятно, вместе с другими ве-

щами в доме Лаврова, не может быть принято в уважение. Посему он обвиняется в преступлении, предусмотренном 246 ст. Улож. о наказаниях.

Из всех вышепоименованных обвиняемых шестьдесят пять человек содержатся под стражею, один под домашним арестом, а остальные тринадцать состоят на свободе или под поручительством с денежною ответственностью, или под надзором полиции, или же обязаны подписками о невыезде с места следствия до окончания дела.

Затем об остальных семидесяти трех обвиняемых, по необнаружению предварительным следствием против них достаточных улик или в принадлежности к заговору, или в знании о существовании оного, или вообще в совершении какого-либо другого преступления, — дело предполагается прекратить.

Обвиняемые эти и основания к прекращению о них дела суть следующие:

1. Домашний учитель Федор Гриднин, 24 лет.

Он был привлечен к делу по поводу посланных им в Женеву к эмигранту Элпидину двух писем, содержание которых на первый взгляд не могло не казаться подозрительным. Гриднин писал в них о каком-то социальном деле, о производившихся в Петербурге арестах, о продаже сочинения Чернышевского «Что делать?» и, между прочим, просил его прислать ему «стрихнин» или «синельную кислоту». В связи с обнаруженным уже тогда злоумышлением многих лиц ниспровергнуть существующий в государстве порядок, подобная переписка не могла не возбуждать против автора означенных писем сильного подозрения в близких отношениях к деятелям преступного заговора, и потому Гриднин был арестован. Между тем на допросах при следствии Гриднин объяснил, что переписка его с Элпидиным была вызвана сим последним и что причиною ее было принятое им, Гридниным, от Элпидина, при случайном их знакомстве в Женеве, обещание Элпидина писать статьи в журнале, который Гриднин имел издавать по приезде в Россию; но вскоре он увидел, что Элпидин лишь добивался присылки ему денег, которые предлагал собирать продажею сочинений Чернышевского и, хотя он, Гриднин, решился после этого уже прекратить с Элпидиным всякие сношения, но боялся сделать это разом, так как Элпидин грозил ему опубликованием его шпионом. Гриднин прибавил при этом, что стрихнин или синельную кислоту просил он прислать для того, чтобы иметь при себе на каждый случай верное средство покончить с своей жизнью, так как домашняя его обстановка вместе с постоянными неудачами в предприятиях повергли его в отчаяние, и он готов был убить себя.

Как ни мало правдоподобны все эти объяснения, данные Гридниным, но по соображениям их с фактами, заключающимися в деле о московском тайном обществе, можно с уверенностью сказать, что неискренность Гриднина имеет лишь второстепенное значение: он, очевидно, скрывает не сущность своих отношений к Элпидину, с которым он, как показывают обстоятельства дела, и не мог иметь других связей, кроме продажи сочинений Чернышевского, а не выска-

зывает лишь тех внутренних побуждений, которые вызвали эту переписку с Элпидиным. Нет никакого сомнения, что Гриднин сносился с Элпидиным не из робости, как он объясняет, а из свойственного, к сожалению, многим молодым людям суетного стремления казаться в кругу своих знакомых человеком, имеющим связи с заграничными революционерами. Ничем иным этих отношений его с Элпидиным объяснить невозможно ввиду того изолированного положения, которое занимают в деле о московском и петербургском злоумышлении как Гриднин, так и сам Элпидин. Из ста пятидесяти двух лиц, привлеченных к делу, ни один не знаком с Гридниным и ни в одном письменном документе нет никакого намека на участие его в чем-либо; с другой стороны, имя Элпидина стоит в деле также не в благоприятном для сего последнего смысле: Нечаев передавал Успенскому, что Элпидин с ними (т. е. им и Бакунинным) не имеет ничего общего, так как занимается вздором — изданием книг; между отобранными у Александровской прокламациями найдены экземпляры женевского журнала «Народное Дело», издающегося, как известно, Элпидиным и Трусовым, но на № 1-м этого журнала красными чернилами сделана надпись, что Бакунин отказался от участия в журнале по причине несолидарности его с мнениями этого издания. Из этих хотя и отрывочных указаний нельзя не заключить, что Элпидин был устранен вообще от преступной агитации, взятой на себя Нечаевым и что деятельность его ограничилась только изданием журнала и распространением сочинений Чернышевского.

Таким образом вопрос о связи Гриднина с злоумышлением Нечаева, по обстоятельствам дела, должен быть разрешен в отрицательном смысле.

Что же касается в частности до деятельности его, как помощника Элпидина в распространении сочинений государственного преступника Чернышевского, то в виду того, что он, как видно из дела, распространял только роман «Что делать?», который по своему содержанию не соответствует преступным сочинениям, упоминаемым в 251 и 252 ст. Улож. о наказ. и имеющим целью возбудить к бунту или же подвергающим сомнению неприкосновенность прав верховной власти, не представляется достаточных оснований привлекать его к уголовной ответственности. Поэтому дело о нем предполагается прекратить.

2. С.-Петербургский столичный мировой судья Александр Черкесов, 32 лет.

Черкесов был привлечен к делу, в самом его начале, на основании тех крайне подозрительных сведений о его книжных магазинах, которые по отношению к московскому магазину не замедлили и оправдаться после находки там прокламаций и в особенности после обыска, произведенного у приказчика его Успенского. Вследствие этого 27 ноября 1869 года в квартире Черкесова произведен был обыск, но ничего подозрительного, кроме нескольких недозволенных цензурою к обращению в России книг социального содержания, не найдено. Тем не менее однакож прикосновенность Черкесова к злоумышлению, обнаруженному в Москве, не могла быть вовсе устранена на первых порах при производстве дознания и следствия, так

как по сведеньям, имевшимся в III отделении собственной его величества канцелярии, Черкесов во время пребывания своего за границей имел в Женеве близкие сношения с русскими эмигрантами и с польским эмигрантом графом Платером; кроме того, он был уже раз, именно в 1865 году, под судом Правительствующего сената по обвинению также в сношениях с лондонскими пропагандистами и в прикосновенности к делу студента Гюбнера, обвинявшегося в вывозе станка, сделанного столяром Вагнером.

С другой стороны, независимо даже от означенных сведений, личность Черкесова, как собственника московского книжного магазина, который оказался сосредоточием обнаруженного тогда злоумышления, не могла остаться без значения для начинавшегося дела: владетель магазина и поэтому самый ближайший блюститель за деятельностью лиц, которым он вверил ведение оного, Черкесов, по первоначальному предположению, не мог не знать о преступных стремлениях своего приказчика, и поэтому необходимость привлечения его к делу представлялась неизбежною. Но когда затем ни дознание, ни предварительное следствие не раскрыли никаких данных в пользу этих первоначальных предположений, когда выяснилось, что вышеупомянутые подозрительные сношения Черкесова за границей были уже предметом суждения Правительствующего сената, который оправдал его, и вместе с тем, когда обнаружилось, что Черкесов был лишь номинальным распорядителем своих книжных магазинов, из которых в московском ответственным лицом был Успенский, а в петербургском приказчик магазина Семенов, то вышеприведенные основания привлечения Черкесова к делу потеряли свое значение. Так как в продолжение всего следствия против Черкесова не возникло никакого другого подозрения и в то же время не приобретено никаких указаний на участие его в злоумышлении, составляющем предмет настоящего дела, то за сим следствие по отношению к нему предполагается прекратить.

3. Отставной инженер подпоручик Василий Евдокимов, 30 лет, приказчик петербургского книжного магазина Черкесова.

Евдокимов был первым лицом, привлеченным к делу именно по следующему поводу:

До сведения III отделения собственной его императорского величества канцелярии дошло, что некоторые лица, имеющие основание ожидать отказа полицейского начальства в выдаче им заграничных паспортов, нашли возможным проезжать за границу без таковых, особым путем и с помощью знакомства с пограничными чинами; известно было также, что в октябре или ноябре месяце 1869 г., в числе прочих, отбыла за границу таким образом дочь действительного статского советника Евреинова, получившая на поездку денежное пособие от Евдокимова. Вследствие этого 24 ноября у Евдокимова был произведен обыск и найдено было письмо Евреиновой из Гейдельберга, в котором она благодарит его за пособие. Когда потом, через два дня после этого обыска у Евдокимова, у московского приказчика книжного магазина Успенского обна-

ружены были возмутительные бумаги, то против Евдокимова, как и против Черкесова, усилилось подозрение в смысле возможности и его участия в преступлении Успенского.

Но затем ни дальнейшим дознанием, ни следствием ничего подозрительного против Евдокимова не открыто. Относительно же того, что он действительно дал Евреиновой 50 р. сер. на дорогу, Евдокимов объяснил, что решился ссудить Евреинову потому, что она ехала к Ковалевскому, а с этим последним он имел счеты по изданиям и надеялся получить свои деньги, но что он дал эти деньги Евреиновой еще в то время, когда она, по ее собственным словам, захотела ехать за границу по паспорту своей знакомой Ушаковой и окольный путь, по его же убеждению, хотела бросить.

Так как это обстоятельство, т. е. отъезд девицы Евреиновой за границу, по произведенному следствию, оказалось неимеющим никакой связи с делом, возбужденным преступною деятельностью Нечаева и других, а между тем в отношении Евдокимова следствием ничего другого не обнаружено, то дело о нем предполагается также прекратить.

4. Помощник присяжного поверенного, дворянин Андрей Колачевский, 23 лет.

Поводом к привлечению Колачевского по делу послужили, во 1-х, показание Скипского, заявившего в первый раз о сомнительной вообще истории отнятия векселя у Колачевского, и, во 2-х, совместное проживание Колачевского с Негрескулом. При следствии же против Колачевского открылись и другие улики, соединявшие его, повидимому, с деятельностью Нечаева и вообще московского тайного общества: это показание Ивана Лихутина о том, что в сентябре месяце 1869 года Нечаев пришел к ним на квартиру в первый раз по возвращении своем из-за границы, в сопровождении Колачевского, и, кроме того, ссылка на Колачевского священнического сына Воскресенского, который был спрошен по одесскому следствию и показал, что занимал у Колачевского деньги. Наконец, сверх этих двух указаний, обвиняемый Успенский в одном из своих заявлений объяснил, что Негрескул хотел составить общество с целью скопления капиталов для того, чтобы помогать русским эмигрантам за границей, и что в это общество уже записался Колачевский.

При следствии Колачевский не только отрицал рассказанный Лихутиным случай, что будто он приводил к последнему Нечаева, но и заявил, что Нечаева он вовсе не знает.

Хотя этим бездоказательным и очевидно неправдоподобным ответом нисколько не поколебалась достоверность оговора Лихутина, которого показание и в целом, и в частях подтверждается следствием, но одно это обстоятельство не может еще служить достаточным поводом к обвинению Колачевского в чем-либо преступном. Вращаясь вообще в кругу лиц, политическая нравственность которых крайне сомнительна, и будучи даже сам привлечен к следствию, производившемуся в 1866 году в Москве в одно время с исследованием по преступному покушению 4 апреля, Колачевский очевидно имеет мало оснований отвергать знакомство свое с Нечаевым, тем более, что по

обстоятельствам дела можно заключить, что и во время студенческих беспорядков весною 1869 г. Колачевский был лицом не безучастным. Но тем не менее одно знакомство его с Нечаевым, если признать даже факт привода им Нечаева к Лихутину доказанным, не может еще служить против него какой-либо уликой. А так как других затем данных против него не открыто, обстоятельство же займа у него денег Воскресенским он не отвергнул, но объяснил, что не знает, для каких надобностей Воскресенский брал у него деньги, то по отсутствию всякого обвинения против Колачевского дело о нем предполагается прекратить.

5. Священнический сын Федор Мавринцкий, 25 лет, и
6. священнический сын Василий Мавринцкий, 22 лет.

Основанием к привлечению этих лиц к следствию послужили показания обвиняемых Николаева и Флоринского, из которых первый заявил, что еще в марте 1869 года, когда он, Николаев, по причине передачи Нечаеву своего заграничного паспорта, принужден был скрываться, то жил некоторое время у проживавшего тогда в Ковровском уезде, Владимирской губернии, Федора Мавринцкого, который был снисходителен к его бедственному положению; второй же, именно Флоринский, заявил, что уже в октябре 1869 г., когда Нечаев действовал в Москве, он, Флоринский, по поручению Нечаева ездил с прокламациею также в Ковровский уезд, но уже к Василию Мавринцкому, чтобы звать последнего в Москву. Кроме того, к следствию было доставлено III отделением собственной его величества канцелярии письмо из Женевы от Нечаева к Федору Мавринцкому, от 19-го апреля 1869 г., в котором Нечаев обращается к нему, как к хорошему знакомому, и просит узнать о Николаеве. Но спрошенные при следствии оба Мавринцкие дали вполне удовлетворительные объяснения по поводу этих обстоятельств: Федор Мавринцкий показал, что держал Николаева потому, что тот объяснил ему причину своего удаления из Москвы неудовольствием с начальством той школы, в которой он был учителем; Василий же Мавринцкий заявил, что никакой прокламации от Флоринского не получал и о Нечаеве от него не слыхал и даже полученную им как-то по почте прокламацию представил начальству, что, впрочем, и следствием подтвердилось. Кроме того, по следствию обнаружилось, что вышеозначенного письма Федор Мавринцкий не успел еще получить, так как был арестован.

Таким образом, по неимению против них каких-либо улик, и об них следствие предполагается прекратить.

7. Дворянка, девица Вера Засулич, 20 лет.

Вера Засулич была привлечена к следствию в качестве обвиняемой потому, во 1-х, что обвиняемый Орлов, сознаваясь в знании о революционных приготовлениях Нечаева, заявил между прочим о том, что когда он по отъезде Нечаева за границу жил в Петербурге у Томиловой, то последнюю очень часто посещала Вера Засулич, на имя которой Нечаев писал из-за границы; во 2-х, поводом к привлечению Веры Засулич послужили сведения, доставленные III отделением собственной его величества канцелярии, о том, что у Веры Засулич в квартире весною 1869 г. собирались молодые люди, рассуждавшие,

как бы избавиться от государя. Это последнее злоумышление представилось еще более правдоподобным после допроса свидетельниц сестер Токмачевых, на квартире у коих жила Засулич и которые заявили, что слышали от матери Веры Засулич Феоктисты, будто бы в обществе, собиравшемся у ее дочери, речь идет о провозглашении в России республики и о том, чтобы государя удалить в какой-нибудь отдаленный уголок Сибири.

На допросах Вера Засулич объяснила, что не письма, а одно письмо она действительно получила из-за границы для передачи Орлову, но от кого не знает, что же касается до выражения на словах злоумышления против священной особы государя, то она никогда ни о чем подобном не помышляла.

Ввиду того продолжительного промежутка времени, который истек со дня получения III отделением собственной его величества канцелярии сведений об означенном злоумышлении Веры Засулич и до сообщения об этом следователю, т. е. от апреля месяца 1869 г. и до мая 1870 г., собрание доказательств сего важного обвинения против Засулич оказалось невозможным; тяжесть же наказания, которое угрожало бы Засулич, если бы обвинение подтвердилось, не позволяет ограничиваться одним лишь косвенным свидетельством Токмачевых по слуху. Поэтому при отсутствии против Веры Засулич достаточных улик к обвинению ее в чем-либо следствие о ней также предполагается прекратить.

8. Дворянин, бывший вольнослушатель С.-Петербургского технологического института Георгий Енишерлов, 20 лет.

Вследствие показания обвиняемого Орлова о том, что о революционных намерениях Нечаева он сообщил Енишерлову, привлечен был к следствию сей последний; на допросе при следствии Енишерлов, энергически отвергая оговор против него Орлова, показал однако, что во время студенческих движений он был до такой степени вооружен против начальства за его несправедливые притеснения, заключавшиеся в навязывании всем учащимся так называемых матрикул (правила об университетской библиотеке, о том, как должны вести себя студенты и т. п.), что решился написать прокламацию к обществу с целью разъяснить студенческую историю и послал несколько экземпляров этой прокламации в г. Харьков к своим знакомым. — Таким образом следствию оставалось разъяснить значение этих прокламаций, чтобы определить степень прикосновенности Енишерлова к делу.

Но так как из показаний спрошенных в Харькове свидетелей оказалось, что они никаких прокламаций не получили, с другой же стороны, оговор Орлова по своей неопределенности и при отрицании его Енишерловым, не может служить достаточным удостоверением того, что Енишерлову было известно что-либо, кроме образа мыслей Нечаева, а не приготовительные действия сего последнего, то и не представляется оснований к обвинению Енишерлова в знании о приготовлении других лиц к государственному преступлению, а посему и следствие о нем предполагается прекратить.

9. Священнический сын и бывший студент Медико-хирургической академии Евлампий Аметистов, 20 лет,

10. Брат его бывший студент С.-Петербургского университета Иван Аметистов, 25 лет.

Аметистовы были привлечены к следствию также по поводу показания Орлова, который объяснил между прочим, что по отъезде из Петербурга весной 1869 г. он проездом на юг пробыл в г. Славянске, Харьковской губернии, в квартире братьев Аметистовых неделю, и когда меньшой из них Евлампий был задержан по распоряжению III отделения собственной его величества канцелярии по подозрению в близких связях с Нечаевым, то он, Орлов, благодаря содействию Ивана Аметистова ушел на Бахмут и далее.

При следствии оба Аметистовы не отрицали ни знакомства своего с Нечаевым, ни того, что из них Иван действительно проводил Орлова по дороге в Бахмут, но ни тот, ни другой в какой-либо прикосновенности к преступной деятельности Нечаева не сознались, и дальнейшим следствием против них ничего подозрительного не открыто; поэтому и следствие о них предполагается прекратить.

11. Московская мещанка Марья Антонова, 22 лет (воспитывалась в 1-ой Московской гимназии).

Была привлечена к следствию по поводу найденных в бумагах Волховского двух рукописей революционного содержания, из которых в одной, именно в приведенной уже выше программе революционных действий с весны 1869 г. оказалось несколько строк, написанных рукою Антоновой. Кроме того из показаний обвиняемого Орлова видно было, что Ткачев рекомендовал Орлову Успенского и Волховского, как людей в которых он может встретить сочувствие своим революционным стремлениям, указывал вместе с тем и на Антонову, находившуюся в близких отношениях к Волховскому, и что в феврале и марте месяцах 1869 г., когда Орлов был в Москве, то он, Волховский, Успенский и Антонова сходились вместе.

Достаточные для того, чтобы послужить поводом к привлечению Антоновой к делу в качестве обвиняемой, обстоятельства эти однакож сами по себе не могут еще уличать Антонову в сознательной принадлежности к тайному обществу или даже и в знании о нем. Сознавая, что действительно в вышеозначенной рукописи четыре строки переписаны ею, Антонова показала, что оригинал рукописи, с которой она списала эти строки, принадлежал Волховскому, и она не знает, откуда последний достал его; переписать же означенные строки попросила ее Надежда Успенская, которая переписывала всю рукопись и, куда-то отлучаясь, просила было ее продолжать, но вскоре опять пришла. Надежда Успенская подтвердила это. Что касается до вечеров у Волховского, где они встречались с Орловым, то Антонова объяснила, что при ней ничего революционного не говорилось.

Так как следствием не обнаружено, чтобы эти объяснения Антоновой были несправедливы или чтобы она была причастна к какому-либо злоумышлению, то следствие о ней предполагается прекратить.

12. Студент Технологического института Дмитрий Кириченков, 24 лет (воспитание получил в Уральском войсковом училище).

13. Студент того же Института Михаил Березовский, 21 года (дворянин, воспитывался во 2-й С.-Петербургской гимназии).

14. Студент Земледельческого и Лесного институтов Сергей Баснин, 22 лет (из потомственных почетных граждан, воспитание получил в Московском и С.-Петербургском университетах).

15. Студент Медико-хирургической академии Михаил Огранович, 21 года (потомственный дворянин).

16. Дворянин Сергей Бек, 24 лет (воспитывался в Аракчеевском кадетском корпусе).

Все эти лица, кроме Баснина, привлечены были к делу по одному поводу. Задержанный по оговору Кузнецова в укрывательстве Нечаева отставной поручик (он же вольнослушатель Технологического института) Константин Росляков показал, что в Петербурге у них был кружок лиц, стремившихся к улучшению материального состояния народа путем устройства артелей и т. п. и что к этому кружку принадлежали Кирпичников, Березовский, Бек и Огранович. Баснин же привлечен был потому, что в том номере здания Земледельческого института, где по показанию Кузнецова пробыл день или два Нечаев, вместе с Ковалевским, Святским и Топорковым жил и Баснин, и так как деятельность Нечаева в это время состояла в вовлечении в тайное общество Святского и Топоркова, то вместе с Ковалевским, подозревавшимся в знании об этом, подозрение упало и на Баснина в том же обвинении.

Но при дальнейшем производстве следствия разъяснилось, что Баснин не был в то время в Петербурге, в отношении же к кружку, указанному Росляковым, обнаружилось, что названные им лица действительно иногда сходились вместе, но никакими определенными планами не задавались и никаких приготовлений к образованию какого-либо сообщества с противозаконными целями не предпринимали.

Независимо от этого при следствии относительно Березовского открылось такое обстоятельство: Николаев показал, что в декабре месяце, когда Александровская была в Туле и в беседе с Нечаевым высказала, что она в Петербурге видела какого-то Березовского, то Нечаев с видом таинственности попросил об этом не распространяться, почему и он, Николаев, и Александровская подумали, что названный Березовский есть не кто другой, как государственный преступник Березовский, появившийся внезапно в России. Но при следствии означенный Березовский (студент Технологического института) был предъявлен Александровской, и она признала его за то лицо, которое видела в Петербурге перед отъездом в Тулу и о котором рассказывала Нечаеву.

Таким образом по отсутствии в деле против всех означенных лиц какого-либо обвинения следствие о них предполагается прекратить.

17. Студент Медико-хирургической академии Александр Дубенский, 23 лет (сын священника, воспитывался в Тульской семинарии).

18. Студент той же Академии Василий Ивановский, 24 лет (сын священника, воспитывался в Тульской семинарии).

19. Жена дворянина Аграфена Долгушина, 24 лет (воспитывалась в Тобольской Мариинской школе).

20. Студент той же Академии Николай Миролюбов, 22 лет (сын священника, воспитывался в Ржевском духовном училище и С.-Петербургской семинарии).

21. Студент той же Академии Александр Данненберг, 18 лет (потомственный дворянин, воспитывался в Самарской гимназии).

Первые трое привлечены к делу по первоначальному оговору обвиняемого Кошкина, впоследствии впрочем значительно измененному сим последним, о том, что он, Кошкин, с своими товарищами сибиряками, в числе которых находились Дубенский, Долгушин и жена его Аграфена и Ивановский составили кружок с целью изыскать средства отделить Сибирь от России.

Затем двое остальных, Миролюбов и Данненберг привлечены также на основании показаний Кошкина, но по особому обвинению, именно в том, что, как заявил Кошкин, несколько его товарищей желали составить общество, которое бы возросло до 200 человек, с целью истребления императорской партии, и что при разговоре об этом злоумышлении присутствовали Миролюбов и Данненберг. Кроме того Данненберг заподозрен был при следствии еще и в участии в укрывательстве вещественных следов преступления Нечаева, так как по заявлению де-Тейльса Данненберг присутствовал при сожжении им нечаевских пакетов, полученных от Кузнецова.

Но все эти обвинения следствием не подтвердились. О кружке сибиряков следствие успело выяснить, что, хотя Кошкин и товарищи его действительно собирались вместе, но что, во-первых, за исключением самого Кошкина, Долгушина и Петра Топоркова, которые, как выше значится, передаются суду, все вышепоименованные товарищи его не имели никаких определенных политических намерений, а ограничивались лишь теоретическими суждениями о том, как они по окончании курса будут действовать в Сибири для ее оборудования и промышленного развития, и, во 2-х, самое соединение этих лиц вместе ничем другим не может быть объяснено, как общепринятым между студентами обычаем группироваться в один кружок лицам, происходящим из одной местности. Затем, что касается до злоумышления истребить императорскую партию, то ни Миролюбов, ни Данненберг также ничем не уличаются, чтобы они знали об этом, как об установившемся уже плане Кошкина, Петра Топоркова и Долгушина; из следствия видно, что означенное злоумышление явилось прямым последствием возбуждения Кошкина и Долгушина Топорковым, который в свою очередь тогда только что был вовлечен Нечаевым в тайное общество, но ни Миролюбов, ни Данненберг при этом совращении Топорковым названных лиц не присутствовали. Наконец, относительно истребления де-Тейльсом пакетов в присутствии Данненберга надо заметить, что, хотя отрицание Данненбергом этого обстоятельства и представляется вполне невероятным, так как показание де-Тейльса ни в чем следствием не опровергнуто, но подобного рода улика еще не может служить достаточным основанием к обвинению Данненберга в участии в преступлении Нечаева, ибо

Данненберг был, очевидно, лишь случайным свидетелем этого сожжения.

Посему следствие по отношению ко всем вышеозначенным лицам также предполагается прекратить.

22. Студент Медико-хирургической академии Сергей Федоров, 22 лет (сын чиновника, кончил курс в Вятской гимназии).

Был привлечен на том основании, что, по показанию Кошкина, он читал в квартире последнего (в октябре месяце 1869 г.) прокламацию «Народная Расправа»; следствие имело все данные предполагать, что лица, имевшие в своих руках означенную прокламацию в период времени пребывания Нечаева в Москве и Петербурге, должны были быть в сношениях с сим последним. Но ввиду отсутствия в деле каких-либо указаний на связь Федорова не только с Нечаевым, но даже и вообще с кем-нибудь из прикосновенных к тайному обществу, и затем ввиду того обстоятельства, что показание Федорова о находке им означенной прокламации в аудитории Медицинской академии подтверждается следствием, из которого видно, что в то время действительно разбрасывались неизвестно кем подобные воззвания, ввиду всего этого и, наконец, во внимание к тому, что Федоров, по засвидетельствованию его товарищей, принадлежит к молодым людям, серьезно занимающимся наукой, следствие о нем предполагается прекратить.

23. Купеческий сын Павел Прокопенко, 24 лет (воспитывался в Таганрогском уездном училище).

Прокопенко был указан Успенским, как лицо, которому Нечаев в конце сентября 1869 г. поручал устроить кружок из своих знакомых в Харькове, куда Прокопенко отправлялся по дороге из Москвы к родным в Таганрог. Вместе с тем из показаний Успенского же оказывалось, что на первом собрании у Долгова по появлении Нечаева в Москве присутствовал в числе прочих и Прокопенко. Далее из показания Скипского видно было, что Прокопенко получил от Успенского какие-то сто рублей в счет обещанных ему Негрескулом и что в конце сентября он, Скипский, слышал от дочери подполковника Екатерины Ивановой, что Прокопенко, приехавший в то время из Петербурга в Москву, привез с собой разные запрещенные листки. Все это вместе взятое послужило основанием к подозрению Прокопенко в прикосновенности к тайному московскому обществу.

Между тем при следствии улики эти или разъяснились в ином смысле, чем они казались в начале, или и вовсе были опровергнуты. Так Успенский заявил, что он только слышал намерение Нечаева поручить составление кружка в Харькове, но исполнил ли это Нечаев,— не знает. Прокопенко же заявил, что ничего подобного от Нечаева не слыхал. Деньги от Успенского Прокопенко действительно получил, но взял их именем Негрескула потому, что тот обещал ему занять деньги и по неимению собственных указал на Успенского. Свидетельница же Иванова ссылки Скипского вовсе не подтвердила.

Что же касается до присутствования Прокопенки на первом собрании у Долгова, то показание Прокопенки о том, что разговор шел о земледельческих колониях и вообще разных улучшениях в быте

народа, представляется вполне вероятным, так как очевидно тогда еще Нечаев только что начинал узнавать своих будущих сочленов и мог не излагать еще своих планов.

Поэтому следствие о Прокопенке, ни в чем не уличаемом, предполагается прекратить.

24. Студент Московского университета сын дьякона Дмитрий Сперанский, 23 лет (воспитывался во Владимирской семинарии), и

25. Брат его, также студент того же университета, Николай Сперанский, 24 лет (воспитывался там же).

Оба Сперанские привлечены были к делу на основании единственного показания обвиняемого Николаева о том, что Нечаев называл ему Сперанских, как своих хороших знакомых и как людей, которых он уже успел привлечь в тайное общество.

Но Сперанские при следствии не только не сознались в этом, но даже заявили, что Нечаева не видели с 1868 г., и это показание их ничем не опровергнуто. Произведенный у них обыск также не обнаружил никаких сношений ни с Нечаевым, ни с кем-либо из принадлежащих к тайному обществу. Поэтому и о них следствие предполагается прекратить. Затем за ними был учрежден только негласный надзор.

26. Бывший студент С.-Петербургского университета Михаил Титов, 24 лет (из мещан, воспитывался в Нижегородском институте).

По произведенному в Москве обыску у Успенского найдены были несколько писем к нему от Титова, выражения которых дали повод подозревать близость их отношений, а затем и возможность совместной деятельности их по преступлению, в котором Успенский уже уличался.

Но по разъяснении этих писем, написанных, впрочем, еще в 1863 году обеими сторонами, оказалось, что в них речь шла о литературных занятиях, и так как никаких других указаний в деле на Титова не встречается, то следствие о нем предполагается прекратить.

27. Бывший слушатель Петровской академии дворянин Викентий Сулима-Самуйло, 23 лет (воспитывался в Витебской гимназии).

Основанием к привлечению Сулима-Самуйло к делу послужило показание Кузнецова о том, что Нечаев по всему вероятию проживал иногда у Самуйло, так как с ним Нечаев, по предположению Кузнецова, был хорошо знаком.

Но следствием это обстоятельство не подтвердилось, а по предъявлении Сулиме-Самуйло фотографической карточки Нечаева, он отозвался, что никогда его не видал.

Посему и о нем следствие предполагается прекратить.

28. Потомственный дворянин, он же частный инженер, Николай Тихонов, 27 лет (воспитывался во 2-м Московском кадетском корпусе).

Был привлечен к следствию потому, что из показаний Черкезова видно было, что он пожертвовал 25 р. сер. в пользу тайного

общества, под видом помощи бедным студентам, причем на подписном листе не выставлял своей фамилии; являлось таким образом предположение, что Тиханов знал о существовании тайного общества и не донес о нем правительству, тем более, что из того же показания Черкезова оказывалось, что Тиханов читал и данную ему Черкезовым прокламацию «Народная Расправа».

Но после объяснений Тиханова, что прокламацию он хотя и читал, но возвратил тогда же Черкезову, не одобрив ее содержания, что пожертвовал 25 р. сер. в пользу бедных студентов, а не какому-либо обществу, так как на подписном листе именно значилось, что сбор в пользу студентов, и что фамилии не подписал, потому что ничья другая фамилия на листе не была выставлена, к обвинению Тиханова не представляется никаких оснований и следствие о нем также предполагается прекратить.

29. Коллежский секретарь Карл Позерн, 25 лет (воспитывался в Нижегородской гимназии и в Московском университете).

Позерн был привлечен к делу вследствие писем его к Успенскому, найденных при обыске у последнего.

Но он объяснил, что предметом этой переписки были переговоры по поводу передачи им своей библиотеки Черкесову, к которому приказчиком поступал Успенский, и затем никаких других отношений к Успенскому не имел.

Факт передачи библиотеки подтвердился и следствием, и так как никаких других улик против Позерна не обнаружено, то о нем следствие предполагается прекратить.

30. Отставной почталион Тверской почтовой конторы, он же сын причетника, Константин Мальцов, 34 лет (воспитывался в уездном училище заштатного г. Красный Холм).

Обвиняемый Николаев, между прочим заявил, что летом 1869 г., находясь в с. Иванове, Владимирской губернии, он познакомился с Мальцовым, которому рассказал свое безвыходное положение вследствие передачи паспорта Нечаеву, и Мальцов вручил ему паспорт крестьянина Костромской губернии Белкова, с которым он, Николаев, и явился в Москву.

Привлеченный к следствию по этому поводу Мальцов объяснил, что он действительно видался с Николаевым перед отправлением последнего в Москву, и свидание происходило в конторе купца Первушина, где Мальцов служил и где в числе прочих находился вышеназванный паспорт, так что Николаев мог взять его незаметно, но сам он не давал ему этого паспорта.

По отсутствию в деле каких-либо других улик против Мальцова и о нем дело предполагается прекратить, так как его объяснения не невероятны.

31. Крестьянин Московской губернии, служивший при магазине Черкесова, Василий Мальков, 21 года (воспитания не получил, но грамотный).

32. Крестьянин Тверской губернии Дмитрий Макаров, 23 лет (также грамотный).

Эти лица привлечены были: Мальков потому, что у него хранились какие-то бумаги, данные ему Успенским, а Макаров на основании показания обвиняемого Риппана, который объяснил, что, исполняя поручение Комитета действовать в крестьянском сословии, он читал Макарову разные запрещенные песни.

Но при следствии и тот, и другой оказались вовсе непричастными к злоумышлениям Успенского и Риппана; Мальков заявил, что он, действительно, брал какие-то бумаги и положил их к себе под кровать, но куда они делись, ему неизвестно; Макаров же показал, что Рипман читал ему разные книжки, но ни о чем запрещенном не говорил.

Ввиду того, что лица эти скорее могли бы сделаться жертвами преступления, а не сознательными участниками в таком важном злоумышлении, как ниспровержение государственного порядка, следствие о них предполагается прекратить.

33. Неслужащий дворянин Семен Гирчич, 25 лет (воспитывался в Ришельевской гимназии).

34. Студент Московского университета Владимир Гладков, 20 лет (из купеческого звания).

Привлечены к делу: первый по оговору обвиняемого Скипского о том, что Гирчич весною 1869 г. давал ему читать прокламации, полученные им, как он говорил, из-за границы от какого-то Павла Ивановича, а второй по оговору обвиняемого Померанцева, который рассказывал Гладкову о тайном обществе в Москве и читал прокламацию «Народная Расправа».

Так как ни тот, ни другой при следствии не сознались в получении из-за границы прокламаций и в знании о существовании тайного общества, и так как, с другой стороны, в фактах дела нет никаких указаний ни на Гирчича, ни на Гладкова, то следствие о них предполагается прекратить.

35. Бывший московский студент, из духовного звания, кандидат прав Петр Аветисов, 28 лет.

36. Дворянин Николай Кудинович, 28 лет (воспитывался в Витебской гимназии и С.-Петербургском университете).

37. Студент Медико-хирургической академии Николай Соколов, 21 года (из обер-офицерских детей, был сначала в Московском университете).

38. Студент той же академии Михаил Тихомиров, 21 года (дворянин, воспитывался в Смоленской гимназии).

39. Бывший студент Московского университета Дмитрий Лыткин, 20 лет (сын чиновника, воспитывался во Владимирской гимназии).

В книге протоколов собрания членов тайного общества, найденной у Успенского, значилось, между прочим, что член общества Мутафов указал на Аветисова, как на лицо, могущее принять участие в деятельности общества; на счет же Кудиновича замечено, что надо подождать ответа.

Вследствие этого Аветисов и Кудинович и были привлечены к делу, но при несознании их в чем-либо и ввиду заявления Мутафова, что он только указал на Аветисова и Кудиновича как на своих зна-

комых, им же ничего о тайном обществе не говорил, нет никакого повода обвинять Аветисова и Кудиновича в каком-либо преступлении.

Соколов, Тихомиров и Лыткин были привлечены вследствие найденных у студента Смирнова писем, в которых автор писем Пирамидов обращался к Смирнову, между прочим, с такою фразою: «посвяти Дмитрия (т. е. Лыткина) окончательно», причем упоминаются и фамилии Тихомирова и Соколова.

Спрошенный по этому поводу Пирамидов заявил, что хотя он беседовал с двумя последними лицами о тайном обществе, но они никакого участия не приняли; на счет Лыткина же выразился так потому, что предполагал, что Смирнов ему уже сказал об обществе.

Тихомиров и Соколов подтвердили показание Пирамидова, но заявили, что сами они ничего определенного не знали и затем больше и не встречали Пирамидова; Лыткин же объяснил, что он ровно ни о чем не знал.

Ввиду таких неясных указаний на Тихомирова, Соколова и Лыткина, на них не может упадать никакого обвинения.

Поэтому о всех поименованных пяти лицах следствие предполагается прекратить.

40. Слушатель Петровской академии дворянин Николай Аврамов, 24 лет (воспитывался в Пензенском дворянском институте).

Аврамов, подобно большинству своих товарищей, слушателей Петровской академии, был привлечен к делу на основании того, что преступная пропаганда Нечаева не оставила и его в стороне. Притом же член тайного общества Долгов указал на Аврамова как на члена своего кружка.

При допросе Аврамов и не отрицал того, что Долгов действительно предлагал ему вступить в какое-то общество, имеющее предметом народное дело, но он, не дав Долгову при первой встрече удовлетворительного ответа, при второй встрече положительно от этого отказался и даже ему советовал сделать то же самое.

Это объяснение Аврамова не только не опровергнось следствием, но подтвердилось в смысле гораздо еще более благоприятном для Аврамова: обвиняемый Успенский и другие, рассказывая о неумолимой строгости Нечаева ко всем членам общества, объяснил, что ввиду заявленного открыто Аврамовым отказа продолжать какие-либо сношения с обществом, Нечаев предлагал наказать Аврамова и уступил другим, не желавшим этого, только потому, что Аврамов не был еще посвящен ни в правила организации, ни в содержание прокламации «Народная Расправа».

Такого доказательства вполне достаточно, чтобы убедиться, что Аврамов даже не знал определенно о цели тайного общества, и потому следствие о нем предполагается прекратить.

41. Сын священника Арсений Алексеев, 22 лет (воспитывался в Тверском духовном училище и жил в Москве, занимаясь перепискою бумаг).

42. Канцелярский служитель, сын дьякона Алексей Болотов, 25 лет (воспитывался в Тверской духовной семинарии).

43. Брат его Василий Болотов, 19 лет (воспитывался там же).

44. Сын священника Александр Градосельский, 20 лет (воспитывался там же).

45. Дочь губернского секретаря Софья Пластунова, 21 года (домашнее воспитание).

Основанием привлечения Алексеева и братьев Болотовых к делу в качестве обвиняемых послужило то обстоятельство, что на имя Алексеева была нанята в Москве в конце ноября месяца князем Черкезовым квартира, которая, по предположению Черкезова, должна была служить тайным притоном для членов общества, Болотовы же жили в этой квартире.

По следствию действительно оказалось, что в квартире Алексеева собирались обвиняемые Черкезов, Николаев, Моравский, Ковердяев, де-Тейльс и Бобарыкова, но Алексеев показал, что он не подозревал этой цели Черкезова.

Кроме того 30 декабря, когда Черкезов был арестован в другом притоне, именно в доме Петрова, то Алексеев и Василий Болотов были посланы Моравским и Ковердяевым узнать о Черкезове в доме Петрова, где и были задержаны.

Таким образом на них падает подозрение в укрывательстве членов тайного общества.

Но принимая во внимание, что никто из них при следствии в этом не сознался и что по делу нет вообще данных предполагать со стороны Алексеева и Болотовых заведомые действия в означенных выше случаях, — следствие о них также предполагается прекратить.

Почти одновременно с ними были привлечены к делу Градосельский и Пластунова, — первый потому, что жил также в квартире Алексеева и, кроме того, был помещен обвиняемым Моравским на должность сельского учителя в Новоторжском уезде, а вторая потому, что Моравский, как ее хороший знакомый, через нее и устроил Градосельского. Направление же самого Моравского, как известно по следствию, было крайне революционное и потому означенная услуга Градосельскому получала особое значение.

Хотя и при дальнейшем следствии не представилось оснований к изменению подобного взгляда на деятельность Моравского, который и предается суду, но против Градосельского и Пластуновой никаких улик в сознательном содействии Моравскому не обнаружено; сами они при допросах заявили, что ничего о тайном обществе не знали, — и поэтому и о них следствие предполагается прекратить.

46. Временно-обязанная крестьянка Анна Мартынова, 21 года (полуграмотная).

47. Коллежский ассесор и начальник тульской телеграфной станции Проспер Станкевич, 39 лет (воспитание получил в Росспенском училище).

К привлечению этих двух лиц к делу послужил в сущности один повод — это близкие отношения их к Александровской.

Так, относительно Мартыновой сделалось известным, что когда Александровская, у которой она находилась в услужении, уехала за

границу, то Николаев, взяв Мартынову с собой из Тулы в Москву, нанял ее именем в доме Петрова на Разгуляе квартиру, где и скрывался с Черкезовым до ареста. Относительно же Станкевича обнаружилось, что по отъезде Александровской он получал приходившие на ее имя письма, из коих в одном она извещалась об аресте де-Тейльса.

На допросах Мартынова и Станкевич дали такие объяснения: Мартынова,— что оставшись после Александровской без средств и занятий, она охотно согласилась на предложение Николаева нанять квартиру в Москве, так как имела в виду держать квартирантов; Станкевич же показал, что, хотя он очень хорошо знаком с Александровскою, но не понимает, почему ее письма присылались к нему, тогда как он не давал подобного позволения.

Ввиду того, что следствием эти объяснения не опровергнуты и затем никаких других, уличающих Мартынову и Станкевича, обстоятельств, по коим бы можно было заключить, что им было известно что-либо о тайном обществе, не обнаружено, следствие об них предполагается прекратить.

48. Осташковский мещанин Иван Бочкарев, 28 лет (занимается в г. Осташкове по поручению думы наблюдением за гаванью и в 1869 г. выслан из Петербурга по подозрению в сношении с эмигрантами).

Был привлечен к делу по показаниям обвиняемого Черкезова, который заявил, что Бочкарев, отправляясь за границу, взял у него 40 р. для передачи Элпидину на издание сочинений Чернышевского, а в 1868 г. прислал ему разные революционные сочинения, как напр. «Народное Дело», «Современность» и друг.

Но Бочкарев при следствии, хотя и не отрицал своего знакомства с Элпидиным, отвергнул однакож присылку каких-либо запрещенных книг Черкезову и передачу от него денег Элпидину, добавив, что прокламации он действительно однажды получил по почте, но немедленно представил их местному исправнику, что следствием и подтвердилось.

Таким образом при недостаточности одного оговора Черкезова и ввиду того, что за сношения свои с Элпидиным Бочкарев потерпел уже в свое время должное взыскание, в настоящее время следствие о нем, по отсутствию оснований к обвинению в чем-либо, предполагается прекратить.

49. Студент Киевского университета Самуил Марьяшес, 19 лет (сын купца, воспитывался в Ришельевской гимназии).

При дознании сделалось известным, что Марьяшес написал письмо к студенту Московского университета Кравцу, в котором, уведомляя его о существующих в Киевском университете 19 кружках и 208 членах, просил сообщить о положении дела в Московском университете.

Как указание на факт, подобный которому уже был тогда обнаружен в Петровской академии, письмо это не могло не возбудить подозрения и потому Марьяшес был привлечен к делу как обвиняемый. Но он на допросе объяснил, что в письме его речь идет о действительно существующем в Киеве кружке студентов, но только из 7 членов, рассуждающих о кассе и больше ни о чем.

Кроме этого указания, против Марьяшеса в продолжение всего следствия не открыто ничего уличающего его в принадлежности или даже сношениях с кем-либо из членов тайного общества, и так как и студент Кравец к делу привлечен вовсе не был, так как и он ни к чему не причастен, то и о Марьяшесе, не имевшем ни с кем другим сношений, следствие предполагается прекратить.

50. Бывший слушатель Петровской академии отставной канцелярский служитель Леонид Виноградов, 25 лет.

Виноградов сам сознался в знании и недонесении о тайном обществе, образованном в Москве Нечаевым, но уже при допросе следователя он обнаружил явные признаки умственного расстройства и потому на основании закона (355 ст. Уст. угол. судопр.) был подвергнут освидетельствованию в Московском окружном суде, где медики-эксперты удостоверили, что Виноградов давно уже страдает меланхолическим расстройством умственных способностей и в этом же состоянии находился в момент освидетельствования.

Так как по точному смыслу закона (3 п. 92 ст. Улож. о наказ.), лицам, совершившим преступное деяние в таком состоянии, в каком находился Виноградов, преступление в вину не вменяется, то и следствие о Виноградове, ввиду вышеизложенного, предполагается прекратить.

51. Бухгалтер Общества взаимного кредита почетный гражданин Николай Даниэльсон, 26 лет.

На Даниэльсона в деле встречаются три указания: обвиняемый Кузнецов объяснил, что, исполняя в ноябре месяце поручение Нечаева, он заходил между прочими лицами и к Даниэльсону узнать где живет инженер Михайлов, которого надо было разыскать Нечаеву, но Даниэльсон через дверь сказал ему, что не знает; обвиняемый Иван Лихутин также показал, что он с Нечаевым однажды, в конце сентября, пришел к Даниэльсону, к которому однакож вошел Нечаев один, а ему, Лихутину, поручил зайти через час, что он и исполнил; наконец, Успенский заявил, что как-то Нечаев ему рассказывал, что от Даниэльсона можно достать деньги следующим образом: у Бакунина, говорил Нечаев, есть книга, доставшаяся ему от Герцена, в которой разные русские путешественники вписывали свои имена в знак сочувствия Герцену, и вот Даниэльсона можно напугать, что и его имя там и что книга находится в руках одного еврея, который может выдать ее правительству.

Даниэльсон подтвердил, что действительно в конце сентября к нему приходили два господина, ему неизвестные, из которых один остался у него и начал ему говорить об учреждающемся в Москве обществе, имеющем заняться переплетным производством, но что у общества средств недостает и потому незнакомец просил его делать месячные вклады, так как он получает будто достаточное содержание. Даниэльсон отказал, и незнакомец ушел вместе с пришедшим за ним вновь его спутником.

Принимая во внимание, что это объяснение Даниэльсона не противоречит заявленному выше намерению на его счет Нечаева и что по следствию никаких улик в принадлежности Даниэльсона или в зна-

нии его о тайном обществе не обнаружено, следствие о нем предполагается прекратить.

52. Студент Технологического института Рейнгольд Бирк, 23 лет (из мещан, воспитывался в церковном училище св. Михаила в Москве).

53. Инженер титулярный советник Павел Михайлов, 26 лет (воспитывался в Институте путей сообщения и был прикосновенен к делу 1866 г., но освобожден).

54. Титулярный советник Бернард Кетрин, 22 лет (воспитывался в училище правоведения).

Эти три лица были привлечены на основании показания Алексея Кузнецова, который объяснил, что Нечаев посылал его к Бирку познакомиться с живущим с Бирком офицером Петровым (поступившим в Технологический институт), но что этого Кузнецову не удалось сделать, так как бывшие у Бирка гости помешали ему; к Кетрицу же он имел рекомендательное письмо от Успенского, хотя и не отдал ему такового, и, кроме того, узнал от него адрес разыскиваемого Нечаевым Михайлова, к которому потом и пошел с Нечаевым. В отношении к Михайлову Кузнецов еще заявил, что Нечаев, уезжая из Петербурга, оставил ему в пакете приказ Комитета о том, что в случае надобности за сведениями следует обратиться к Артуру (т. е. к Михайлову).

Хотя это показание Кузнецова не опровергнуто следствием, но так как из дела видно, что во время пребывания в Петербурге Нечаев лишь посылал Кузнецова к разным лицам, не давая ему точных объяснений насчет причин своего желания видеть то или другое лицо, то естественно, что Кузнецов не в состоянии был указать при следствии чего-либо более определенного, чем он заявил в отношении к поименованным выше лицам по предмету их свиданий с Нечаевым. Сами же они дали объяснения, ни в чем их не уличающие: Бирк и Михайлов заявили, что они вовсе Нечаева не знают и что к ним действительно заходил какой-то господин, называющийся то Ивановым, то Королевым, — с Бирком рассуждал о народе, а у Михайлова просил место для какого-то своего знакомого, но Михайлов отказал, и затем они его не видели; Кетриц же, у которого при обыске был найден адрес Элпидина, подтверждая ссылку Кузнецова, объяснил, что Элпидина он никогда не видал, но записал его адрес, не помнит где им слышанный, для того, чтобы выписать сочинения Чернышевского, которых еще не выписал.

Таким образом все эти три лица ни в чем по делу уличаемы быть не могут, а потому и следствие о них предполагается прекратить.

55. Губернский секретарь Иван Билибин, 28 лет (потомственный дворянин, воспитывался во 2-й С.-Петербургской гимназии и университете).

Был задержан при самом начале дознания, вследствие имевшихся против него в III отделении собственной его величества канцелярии неблаговидных сведений; при обыске же у него найдена была рукописная программа имеющего издаваться какого-то революционного журнала, приобретение которой Билибин сначала утаивал. Кроме того у обвиняемого Негрескула найдено было письмо от сосланного

в Ставрополь по административному распоряжению бывшего студента Германа Лопатина, который, высказывая свои намерения бежать в Америку, достать чужой паспорт, упоминал между прочими лицами и о Билибине.

При следствии Билибин показал, что означенную программу, которая составляла программу французского журнала «Марсельеза», он получил от Даниэльсона, который эту ссылку подтвердил, заявив в свою очередь, что получил ее от живущего за границей студента Любавина. Относительно же письма Билибин отозвался тем, что не читал его.

Так как во всем изложенном никакой связи Билибина с злоумышлением Нечаева и других не усматривается и следствием против него ничего другого не обнаружено, то и о нем следствие предполагается прекратить.

56. Поручик гвардейской артиллерии Иван Бобарыков, 26 лет (воспитывался в Павловском корпусе).

Первоначальным поводом к привлечению Бобарыкова к делу в качестве лица обвиняемого было следующее обстоятельство: при задержании жены его Юлии Бобарыковой обнаружилось, что шифрованная записка, которую Бобарыкова получила в Москве от Черкезова для вручения Нечаеву за границей, куда она собиралась ехать, была ею передана своей знакомой Луканиной, от которой записку эту взял муж и заявил об этом в III отделение собственной его величества канцелярии; в видах разъяснения содержания записки и вообще обстоятельства участия Бобарыковой в злоумышлении Нечаева Луканину было разрешено передать эту записку мужу Бобарыковой для того, чтобы он переговорил о ней с женой, но затем записка эта исчезла. Луканин показал, что он передал ее Бобарыкову и от него уже не получал, а Бобарыков отвергал это. Вследствие сего он и был привлечен как обвиняемый в уничтожении следов преступления. Затем при следствии против Бобарыкова возникло еще подозрение и в знании, но недонесении о существовании тайного общества в Москве, так как из показаний Черкезова, Александровской и де-Тейльса оказалось, что в его квартире Черкезов подговорил двух последних вступить в тайное общество.

Но обе эти улики при дальнейшем производстве следствия утратили по отношению к Бобарыкову значение несомненных доказательств, ибо он сам ни в принадлежности, ни в знании о тайном обществе не сознался, а посещение его квартиры членами этого общества объяснилось участием его жены в деятельности тайной организации, тогда как от него жена скрывала это обстоятельство; относительно же записки вопрос остался не разъясненным, так как спрошенная при следствии жена Луканина отвергла во всем показание мужа, объясняя, что никакой записки от Бобарыковой не получала. Хотя это последнее показание и не может считаться вполне справедливым, так как факт существования записки в руках Луканиных подтверждается тем, что содержание записки было передано Луканиным вполне согласно с автором ее, Николаевым, но, с другой стороны, нет оснований заключить, чтобы ее уничтожил именно Бобарыков, а возможно

предположить, что и сам Луканин, опасавшийся из-за нее ответственности в будущем.

Тем не менее против Бобарыкова следствие не открыло улик настолько убедительных, чтобы можно было считать его заведомым участником в деятельности его жены или других членов тайного общества, и потому следствие о нем предполагается прекратить.

57. Отставной поручик и потомственный дворянин Дмитрий Позняков, 25 лет (воспитывался в Павловском корпусе).

Позняков был привлечен потому, во 1-х, что при обыске у Бобарыковой найдены были его письма, содержащие непонятные намеки и выражения, и, во 2-х, что он проживал в квартире Бобарыкова.

Но при следствии разъяснилось, что Позняков лишь около месяца проживал у Бобарыкова (с 7 декабря по 4 января 1870 г.) и не принимал никакого участия в беседах посещавших квартиру его Черкезова, Николаева и др.; относительно же некоторых выражений в письмах Позняков объявил, что они касаются денежных счетов его с одной знакомой Бобарыкову женщиной, которую он не хотел оскорблять разоблачением перед знакомыми ее трудных финансовых обстоятельств.

Посему следствие о Познякове также предполагается прекратить.

58. Студент Медико-хирургической академии Владимир Ружевский, 23 лет (воспитывался в Уфимской гимназии).

59. Студент той же Академии Михаил Лавдовский, 22 лет (воспитывался в Тифлисской гимназии).

Оба были привлечены к делу в начале еще дознания на том основании, что по показаниям Кузнецова и Черкезова де-Тейльс указал на их квартиру на Каменном острове, как на надежное убежище для Нечаева, притом же и сам де-Тейльс был задержан у них в квартире. Ружевский же, кроме того, возбудил против себя подозрение по тому случаю, что в начале декабря месяца он посылал в Москву к Черкезову телеграмму, извещавшую Черкезова, что Юлия Бобарыкова больна, при соображении с теми обстоятельствами, что предполагавшаяся тогда поездка Бобарыковой в Москву имела преступное значение, Ружевский был заподозрен в заведомом содействии членам заговора.

Между тем никто из обвиняемых при дальнейшем следствии не оговорил Ружевского и Лавдовского в каком-либо содействии преступным стремлениям членов тайного общества, сами же они ни в чем не сознались, а из показаний де-Тейльса видно, что он без ведома Ружевского указал на его квартиру для сокрытия Нечаева, который впрочем там и не был. Посылку телеграммы Ружевский объяснил простым исполнением желания Бобарыковой, что и эта последняя подтвердила.

Таким образом по неимению каких-либо данных к обвинению Ружевского и Лавдовского — следствие о них предполагается прекратить.

60. Студент той же Академии Лазарь Шапир, 26 лет (мещанин Ковенской губернии, воспитывался в раввинском Виленском училище).

Был привлечен к делу по поводу показания обвиняемого Николаева о том, что когда он был в декабре месяце у Бобарыковых, то ему сказали, что бывший там же Шапир вместе с другими лицами отправились на сходку к студенту Александрову, где речь шла о революции, о том, что теперь есть уже готовое в России тайное общество, к которому следует присоединиться, и т. д.

Но Шапир отвергнул свое пребывание на этой сходке, притом же и факт сходки сделался сомнительным после показаний студента Александрова, который удостоверил, что у него никто не собирался.

Хотя при следствии также видно было, что Шапир часто бывал у Бобарыковых и затем был знаком с Негрескулом, но ввиду отсутствия каких-либо точных указаний на прикосновенность Шапира к злоумышлению Нечаева, следствие о нем следовало бы прекратить.

61. Студент той же академии Василий Александров, 21 года (из дворян, воспитывался в Тифлисской гимназии) и

62. Студент той же академии Марк Натансон, 20 лет (сын купца еврея, воспитывался в Свенцянской гимназии).

Кроме означенного повода, студент Александров и с ним Натансон были привлечены к делу потому, что на двух пакетах, в которых между прочим была вложена часть прокламаций, отобранных при задержании у Александровской, написаны были адреса: Александрову и Натансону.

Но впоследствии, когда Александровская разъяснила, что Нечаев поручал ей передать означенные прокламации студентам Святскому и Топоркову, написал же другие фамилии, чтобы ввести правительство в заблуждение, если прокламации попадутся, этот повод утратил всякое значение, и по необнаружению следствием против Александрова и Натансона каких-либо других улик следствие о них предполагается прекратить.

63. Слушатель Петровской академии Александр Пругавин, 19 лет.

Привлечен был к делу по подозрению в знании и недонесении о тайном обществе потому, что обвиняемый Флоринский беседовал с Нечаевым и достал прокламацию «Народная Расправа» в той квартире в Москве, в которой с Флоринским жил Пругавин.

Но так как и сам Флоринский не оговорил Пругавина в том, чтобы при нем Нечаев высказывал все свои планы, а с другой стороны, так как Пругавин заявил, что он Нечаева вовсе не знает, что, впрочем, и следствием не опровергнуто, то показание Пругавина о совершенном неведении ни замыслов, ни действий Нечаева и Флоринского представляется вполне правдоподобным. Поэтому следствие о нем предполагается прекратить.

64. Бывший студент С.-Петербургского университета, сын священника Дмитрий Щелкунов, 21 года (воспитывался в Воронежской гимназии).

Из показаний Ивана Лихутина видно, что о поездке своей с Нечаевым в Москву и об образовании там тайного общества он рассказывал своим товарищам, между которыми был и Щелкунов, и что этот же Щелкунов знал о насильственном взятии им векселя у Колачевского.

Привлеченный по этому поводу к делу Щелкунов объяснил, что он слышал не от Ивана Лихутина, а от кого-то постороннего о поездке Лихутина в Москву, и подробностей никаких не знал, равно как и о векселе Колачевского имел сведения лишь по слуху.

Ввиду того, что это объяснение Щелкунова обстоятельствами дела не опровергается и никто из обвиняемых не оговаривает его в участии в общем преступлении, следствие о Щелкунове предполагается прекратить.

65. Отставной подпоручик, ныне служащий в Каменец-Подольской контрольной палате Иван Дебогорий-Мокриевич, 34 лет.

У обвиняемой Екатерины Лихутиной найдено письмо к ней от Ивана Дебогория-Мокриевича, в котором речь шла о каком-то предполагаемом им вместе с товарищами деле. Причем автор письма, выражая желание успеха делу, прибавил: «а там лет через пять готов быть хоть повешенным». Подозрительность этого письма и была поводом к привлечению Дебогория-Мокриевича к делу.

По произведенному у него обыску ничего преступного найдено не было; на допросе же Мокриевич показал, что когда он был в Америке, то заинтересован был там разными общинами или коммунами, имеющими свои фабрики машин и земледельческих орудий, и потому в письме к Лихутиной выражал намерение свое вновь отправиться в Америку и основать там русскую колонию. Следствием подтвердилось, что Мокриевич в 1868 г. был в Америке.

По неимению каких-либо других улик против Мокриевича о связи его с настоящим делом, следствие о нем предполагается прекратить.

66. Студент Медико-хирургической академии Валериан Спасский, 20 лет (обер-офицерский сын, воспитывался в Вятской гимназии).

Валериан Спасский первоначально был задержан потому, что в списке фамилий, найденных при обыске у Успенского, значилась и его фамилия, а при неизвестности еще тогда личного состава тайного общества подобное указание не могло не возбуждать против Спасского подозрения в принадлежности к означенному обществу.

Независимо же от этого при обыске у Спасского найдено несколько рукописей и печатная брошюра революционного характера и между ними одна, в которой, между прочим, изложены следующие мысли: «Сила эта не во дворце, а в темном бору, собирающаяся в вихрь, который все понесет по своему направлению... Децентрализация — первое условие нашего переворота, идущего от нивы, поля и деревни, а вовсе не из Петербурга и Москвы... Народу же подняться трудно, потому что это влечет разорение семьи, голод и проч... Проповедуйте ему (народу) не Фейербаха и Бабефа, а понятную ему религию земли» и т. д.; печатная же брошюра заключает в себе «Манифест коммунистической партии» на немецком языке.

Спасский показал, что вышеприведенная рукопись есть выписка, сделанная им из разных номеров «Колокола», которых он никому не читал и не показывал. Это объяснение Спасского вполне подтвердилось следствием, при котором сделано было сравнение означенной

рукописи с подлинными номерами журнала «Колокол». Затем обвиняемый Успенский заявил, что он Спасского вовсе не знает и что членом общества, Спасский не состоял, но фамилия его была замечена на записке по той же причине, по которой значились и многие другие фамилии лиц, вовсе к делу непричастных, т. е. на основании предположений, сделанных некоторыми членами общества, что такие-то знакомые их, может быть, согласятся вступить в общество.

Сам Спасский не сознался в принадлежности или знании о тайном обществе и так как против него, кроме имения им у себя вышеизложенной рукописи и брошюры, ничего не обнаружено, а обвинять его в хранении запрещенных сочинений не представляется достаточных оснований, ибо означенная выписка из «Колокола» в целом своем составе имест не возбуждающий к бунту характер, а напротив доказывает несостоятельность революции; Манифест же коммунистической партии, как напечатанный на немецком языке, не имеет таким образом значения сочинений, признаваемых законом (ст. 251 Улож.) за возможный источник возбуждения к бунту или явному неповиновению власти верховной, то следствие о Спасском предполагается также прекратить.

67. Купеческий брат, бывший фотограф с. Иванова, Владимирской губернии Василий Кукушкин, 29 лет (воспитания домашнего).

Кукушкин первоначально задержан был еще до обнаружения преступного общества в Москве по подозрению его в близких сношениях с Нечаевым и Орловым, с которыми он знаком по селу Иванову. Вместе с тем при обыске у него было найдено письмо от Нечаева из-за границы и части какой-то прокламации.

При следствии же против Кукушкина возникло еще и подозрение в знании о приготовлении к государственному преступлению, так как по показаниям Флоринского и Николаева видно было, что когда они и Корнфский в марте месяце 1869 г. собирались в с. Иванове, то ввиду того, что на Кукушкина Орлов указал Корнфскому как на лицо, способное к революционной пропаганде, Корнфский был у него.

Но Кукушкин при следствии заявил, что он Корнфского в марте у себя не видел и о деятельности Орлова вовсе не знает; относительно же письма и прокламации он объяснил, что действительно получил их в марте месяце из-за границы от неизвестного лица, но по почерку догадался, что от Нечаева, и прокламацию по прочтении уничтожил.

Принимая во внимание, что показание Кукушкина не представляется невероятным ввиду того обыкновения, которое усвоено было Нечаевым в рассылке прокламаций, и что, кроме этих данных, в деле не встречается ни малейшего указания на преступную или даже подозрительную деятельность Кукушкина, следствие о нем предполагается прекратить.

68. Дочь надворного советника Надежда Успенская, $16^1/_2$ лет (была два года в Александровском московском институте) и

69. Дочь статского советника Людмила Колачевская, 20 лет (воспитывалась в Ермоловском заведении в Москве).

Первоначально были задержаны по распоряжению III отделения собственной его величества канцелярии еще до обнаружения тайного общества в Москве по подозрению в том, что они служили посредницами в сношениях разных лиц (Орлова, Успенского, Волховского, Николаева и др.) между собой во время приготовлений к государственному преступлению, перевозили из одного города в другой письма их, предупреждали об аресте и т. п. При производстве же следствия против Успенской обнаружилось еще то обстоятельство, что она была переписчицей известной революционной программы, найденной в бумагах Волховского, а против Колачевской показание Успенского о том, что она, приехавши в Москву, зарыла за городом привезенный ею из Петербурга типографский шрифт.

Но затем при дальнейшем следствии положение Успенской и Колачевской выяснилось настолько, что подозрение против них оказалось лишенным твердого основания. Успенская жила в Москве в одной квартире с Антоновой, которая была в близких отношениях к Волховскому; бумаги последнего хранились у Антоновой, и так как Успенская, повидимому, жила без всяких занятий, то ее заставляли переписывать разные рукописи, и она исполняла это без всякого участия в замыслах их авторов. Отрицание Успенской, что она в марте месяце 1869 г. ездила в с. Иваново предупредить Николаева, Орлова и Коринфского, что их разыскивает полиция, также хотя и несправедливо, но очевидно, что она и в этом случае была орудием других, сознательно ни в чем не участвуя.

Колачевская же объяснила, что она приобрела типографский шрифт в Петербурге от одного комиссионера, Иванова или Петрова, для того, чтобы открыть переплетную в Москве или Саратове, но подъезжая к Москве, заметила в вагоне какого-то следившего за ней человека, которого приняла за шпиона, и потому поспешила куда-нибудь спрятать бывший с нею шрифт и таким образом зарыла его на одной даче под Москвой.

Такое объяснение Колачевской, очевидно, не может быть названо правдоподобным, но вместе с тем обстоятельства дела не позволяют заключить, чтобы Колачевская в своем поступке руководилась собственными какими-либо предосудительными побуждениями; ее молодость и легкомыслие заставляют скорее предполагать, что она в данном случае была не более, как слепой исполнительницей чьего-нибудь приказания; условия совместной ее жизни с братом, у которого бывали люди подозрительной политической нравственности, делают это предположение не невероятным.

И так как независимо от вышеизложенного против Надежды Успенской и Колачевской в деле не заключается никаких фактических признаков участия их в государственном злоумышлении, то и следствие о них предполагается прекратить.

70. Крестьянин вольноотпущенный графа Нессельроде Василий Кунтушев, 22 лет (воспитывался в Саратовской гимназии),

71. Бывший студент Казанского университета Феофан Борисов, 26 лет (из государственных крестьян), и

72. Дворянин, бывший вольнослушателем Казанского университета, Михаил Троицкий, 24 лет (первоначально воспитывался в Саратовской гимназии).

Против этих трех лиц возбуждено было следствие гораздо ранее обнаружения в Москве тайного общества, именно 30 октября 1869 года сначала в г. Елисаветграде, а потом в Одессе, по нижеследующему поводу:

28 октября 1869 г. исправляющий должность Елисаветградского полицмейстера получил в конверте с почтовой маркой письмо от неизвестного ему лица, подписавшегося агентом с.-петербургской полиции Константином Клочь, который писал следующее: «Милостивый государь! В вашем городе с недавнего времени поселились два молодые человека, имеющие целью крайне нехорошее дело, а именно сделать подкоп под рельсы железной дороги и во время проезда государя сделать взрыв, но государь миновал этот путь, и теперь труды и старания этих господ пропали даром и к ним вчера вечером приезжал из Одессы какой-то господин, советовавший сделать взрыв во время прохода почтового поезда, причем он говорил, можно заручиться порядочным капиталом...» Далее в письме говорится, что вероятно эти два лица живут с фальшивыми паспортами, так как он, автор письма, подслушал разговор и об этом; что они квартируют в доме Потемкиной и что ничем не занимаются. Письмо подписано, как выше сказано, число выставлено 26 октября 1869 г. и затем сделана такая приписка: «завтра утром я выезжаю и сам лично видеть вас не могу».

Отправившийся вследствие этого заявления в дом Потемкиной полицейский пристав не застал дома живших у нее действительно двух лиц, но потом явился один из них, назвавшийся Кунтушевым, и объяснил, что товарищ его, дворянин Троицкий утром в тот день отлучился неизвестно ему куда. При произведенном у Кунтушева обыске найден был железный молоток и бумаги, исписанные непонятными знаками; как после оказалось, это были стенографические упражнения.

Привлеченный к допросу Кунтушев сначала показал, что познакомился с Троицким в г. Саратове, где они оба жили, приготовляясь поступить в университет, и с этою целью в начале августа, 9 или 10 числа, отправились в г. Одессу, чтобы держать экзамен в Новороссийском университете, что затем по истечении двух или трех дней после прибытия их в Одессу, он, Кунтушев, вместе с Троицким отправились в Елисаветград, где по их мнению можно было жить дешевле, что в Елисаветграде он, Кунтушев, в ожидании получения из Саратова своего метрического свидетельства, без которого нельзя было вступить в университет, занимался изучением стенографии и сидел постоянно дома, товарищ же его Троицкий все куда-то отлучался и, наконец, 28 октября, выйдя с ним, Кунтушевым, гулять, неизвестно куда ушел и уже более не возвращался. Относительно молотка Кунтушев заявил, что купил его в одном из городов по Волге, на дороге из Саратова в Одессу, единственно для того, чтобы колоть сахар.

На последующих допросах Кунтушев объяснил уже цель прибытия своего и Троицкого в Одессу иначе: он показал, что, узнав от Борисова, который в июле месяце был в Саратове, что он жил учителем у одной богатой помещицы Соколовской, вознамерился вместе с Троицким похитить у нее деньги, о чем они заявили Борисову; с этою целью они в начале августа отправились в Одессу, где Кунтушев имел в виду с помощью Борисова поступить лакеем к Соколовской, но когда это, вследствие несочувствия им Борисова, не удалось, то он и Троицкий переехали в Елисаветград, где по словам Троицкого находился юнкер Соколовский, сын означенной помещицы, с которым Троицкий должен был познакомиться и затем поместить Кунтушева к его матери. Кунтушев прибавил, что молоток он купил для того, чтобы в случае надобности употребить против Соколовской, но эта мысль об убийстве ее вслед затем была оставлена.

Вместе с тем Кунтушев, разъясняя свои знакомства и свой образ жизни, до появления в Одессе и Елисаветграде, показал, что еще в 1865 году, оставшись после смерти графа Нессельроде, который помогал его отцу, без всяких средств продолжать курс в Саратовской гимназии, он отправился вместе со своими товарищами Мирославским и Секавиным в Москву для поступления в Петровско-Разумовскую академию; в Москве они прожили до начала апреля 1866 года, причем он, Кунтушев, и Мирославский занимались перепискою бумаг, а Секавин ходил к своим знакомым, из которых с Полумордвиновым познакомился и он, Кунтушев, затем после уже преступного покушения 4 апреля они, по неимению средств, отправились обратно в Саратов, где Кунтушев пробыл до сентября 1867 года, а потом вместе с знакомым своим Николаевым отправился в Петербург для поступления в высшее учебное заведение; в Петербурге он с Николаевым, через некоторое время по прибытии туда, поселился у Воскресенского, который был их саратовский знакомый и у которого вместе с ним жили князь Черкезов, Сергиевский, Щербатов и другие. Здесь обыкновенно читались сочинения Чернышевского, шла речь о покушении 4 апреля, причем одни осуждали преступника, другие признавали в его преступлении ту пользу, что молодежь вместо того, чтобы заботиться только о себе, стала теперь выставлять на первый план пользу общества. Вместе с тем в этом же кружке его, Кунтушева, сожителей возникло тогда намерение освободить из Сибири государственного преступника Чернышевского, и, когда в январе 1868 года прибыл к Воскресенскому из Саратова Катин-Ярцев (впоследствии студент С.-Петербургского университета, а ныне находящийся под надзором полиции в Саратове за участие в студенческих беспорядках 1869 года), то он, Кунтушев, вместе с Катин-Ярцевым отправились на 40 рублей, данных им Воскресенским, а сим последним полученных от Колачевского, в Рязань с тем, чтобы ожидать там высылки от Воскресенского денег более тысячи рублей, а это нужно было для того, чтобы отправиться в Сибирь и вручить деньги Чернышевскому. Но, прожив в Рязани около полутора месяцев и не получив денег, они разъехались. Кунтушев отправился в Москву, а Катин-Ярцев в Петербург, но, пробыв в Москве всего только один день, он, Кунтушев, убитый неуда-

чами пошел пешком в Киев посмотреть на Киево-Печерскую лавру, откуда, проходя через Пирятин, Полтавской губернии, был задержан за бесписьменность и по удостоверении в звании возвращен обратно в Саратов. В Саратове он познакомился с высланными туда в апреле месяце 1869 г. из Петербурга студентами Горизонтовым и Катин-Ярцевым, а у последнего познакомился с Троицким, к которому приехал потом Борцсов и затем уже они отправились в начале августа 1869 г. в Одессу, как он показал выше.

На этих объяснениях Кунтушев остановился до задержания дворянина Троицкого.

11 декабря 1869 г. был задержан в г. Керчи означенный Троицкий и, будучи привлечен к допросу, сначала отрицал свое совместное прибытие с Кунтушевым в Одессу, объясняя, что прибыл из Петербурга один и уже в Одессе встретился с Кунтушевым, но потом рассказал следующее: признавая справедливость показания Кунтушева относительно пребывания в Саратове в кругу общих их знакомых Горизонтова и Катин-Ярцева, Троицкий заявил, что, не имея никаких средств к существованию и желая добиться материального обеспечения, он охотно согласился на предложение прежнего знакомого своего по Казанскому университету эмигранта Элпидина, который в письме, полученном им, Троицким, в июле месяце в Саратове, предлагал приискать где-нибудь на юге России место для склада запрещенных книг или предлагал приехать к нему в Женеву и работать в типографии. Вследствие этого он, Троицкий вознамерился ехать за границу к Элпидину и для этого выехал из Саратова, пригласив с собою Кунтушева, как человека, по его мнению, годного для распродажи запрещенных книг, а местом для склада таковых думал избрать Елисаветград. Говорил также об этом Борисову, но тот не согласился участвовать, хотя и заявил, что этот отказ не должен прерывать их сношений и что он всегда готов помочь ему. Таким образом они прибыли в Одессу, а затем он и Кунтушев отправились вскоре в Елисаветград. Затем он послал Элпидину 75 р. сер. и получил от него в ответ на это письмо, потом еще письма два, в которых Элпидин, как ему показалось, стал относиться к плану продажи книг с недоверием, спрашивая, при каких условиях и где именно будет производиться эта продажа, поэтому он, Троицкий, бросил совсем эту мысль, и так как и Кунтушев в это время предполагал заняться чем-нибудь другим, то и он, оставив его в Елисаветграде, отправился сначала в Николаев, потом в Керчь, с тем, чтобы найти себе место где-нибудь на корабле.

На вопрос о том, не предполагали ли они, Кунтушев и Троицкий, взорвать рельсы на железной дороге, оба они отвечали отрицанием и заявили, что никогда ничего подобного в голову им не приходило. Троицкий добавил, что даже в предполагавшемся им распространении запрещенных сочинений он имел в виду устранить всякие революционные издания и продавать лишь социальные сочинения: Луи Блана, Прудона, Добролюбова и др.

Вышеизложенное объяснение Троицкого подтвердил за ним и Кунтушев, заявивший, что рассказ его о намерении ограбить Соколовскую был им вымышлен для сокрытия настоящей цели поездки

в Одессу; при этом Кунтушев прибавил, что Элпидин в одном из писем уведомлял Троицкого, что он скоро вышлет в Россию доверенное лицо, которое на границе переговорило бы с контрабандистами о том, как удобнее присылать в Россию книги, но что этого лица они не дождались.

Борисов также подтвердил, что цель поездки Троицкого на юг была завести сношения с русскими эмигрантами, именно с Элпидиным, относительно распространения в России социальных сочинений для образования артелей, но что он, Борисов, никакого участия в этом не хотел принимать.

Этими данными ограничивались сведения о Кунтушеве, Борисове и Троицком до задержания 4 апреля сего 1870 года в г. Григориополе учителя тамошнего приходского училища Николая Собещанского, который в показаниях своих между прочим заявил, что видевшийся с ним в Одессе и в Аккермане в конце августа 1869 г. неизвестный человек (оказавшийся Нечаевым) говорил, что у него есть много знакомых в разных городах России: Елисаветграде, Москве, Харькове, Саратове и назвал, сколько помнит, фамилии Троицкого, Николаева, Александрова и Борисова.

Ввиду этого заявления возникло предположение, что Нечаев мог быть в Елисаветграде и видеться там с Троицким, и что таким образом у последнего и у его товарищей Кунтушева и Борисова могли быть совсем иные цели пребывания их в Одессе и Елисаветграде, чем они показали.

Вследствие сего Троицкий, Кунтушев и Борисов были переспрошены, но все трое положительно заявили, что ни Нечаева, ни Собещанского никогда не видали и что других целей, кроме ими указанных, не имели в виду, переезжая в Одессу.

Действительно произведенным следствием обо всех этих трех лицах ничего более, кроме вышеизложенного, не обнаружено.

Но вместе с тем следствием удостоверено, что никакого агента с.-петербургской полиции или III отделения собственной его величества канцелярии в октябре месяце в г. Елисаветград посылаемо не было; что никто из названных лиц не нанимал нигде никакого помещения под какую-либо торговлю и что Кунтушев и Троицкий прибыли в Одессу в гостиницу Илькевича 26 августа, а выехали: Кунтушев 1 сентября будто бы в Крым, Троицкий 28 августа будто бы в Киев, но при следствии они заявили, что выехали оба вместе 28 августа в Елисаветград, отметили же так, шутя; справедливость этого доказывается, впрочем, справкою из книги Лебедева в Елисаветграде, где они первоначально остановились и значатся прибывшими туда 29 августа.

Наконец, по произведенному сличению почерка Троицкого с почерком, коим написано вышеприведенное письмо будто бы петербургского агента, эксперты признали, что оба эти почерка имеют между собою сходство.

Из всего вышеизложенного оказывается, таким образом:

1) что то тяжкое обвинение, в котором первоначально заподозрены были Троицкий, Кунтушев и Борисов, на основании письма

к елисаветградскому полицмейстеру, впоследствии не подтвердилось ни одним фактом и было скорее плодом вымысла, чем действительным злоумышлением, 2) что Троицкий и Кунтушев во время пребывания своего в Одессе не могли видеться с Нечаевым, так как выехали, очевидно, двумя днями раньше его прибытия, 3) что Троицкий, Кунтушев и Борисов действительно, отправляясь из Саратова на юг, имели намерение завязать сношения с женевскими эмигрантами относительно ввоза в Россию и затем распространения запрещенных сочинений, но это намерение их не успело осуществиться и осталось лишь голым умыслом и 4) что таким образом Троицкий и Кунтушев решились предпринять что-либо другое и из них Троицкий, как более ответственное, по его мнению, лицо перед Элпидиным за бездействие в предполагаемом преступлении, задумав создать ложную причину необходимости будто бы побега своего из Елисаветграда от преследований полиции, написал сам вышеприведенное письмо к полицмейстеру, указав на несуществующее злоумышленне.

По сим основаниям и при отсутствии в деяниях Борисова, Кунтушева и Троицкого признаков какого-либо преступления, преследуемого уголовным законом, следствие об этих трех лицах предполагается прекратить.

73. Бывший учитель приходского училища в г. Григориополе, дворянин, Николай Собещанский, 22 лет (воспитывался в Каменец-Подольской гимназии).

В одной из тетрадей, найденных при обыске у Успенского, значится описание пути, по которому Нечаев, как он объяснял сам Успенскому, следовал из-за границы в Россию, и в числе фамилий лиц, у которых, по словам Нечаева, можно было найти приют, значилась фамилия Собещанского в с. Попушай, Аккерманского уезда.

Вследствие сего разыскан был Собещанский, оказавшийся уже приходским учителем в г. Григориополе, который на допросе показал: в конце августа 1869 г. он взял у своего начальства отпуск, чтобы съездить для разных покупок в г. Одессу; дорогою под Одессой он, Собещанский, сел в повозку, в которой поместились также знакомый ему учитель Горгос и еще один неизвестный человек, а вскоре присоединился и еще один неизвестный господин, оказавшийся потом в разговоре, что он серб, Катаржианец, едет в Россию приискать место на какой-нибудь железной дороге. Приехавши в Одессу, Катаржианец (узнанный Собещанским в предъявленной ему фотографической карточке Нечаева) остановился вместе с ним в Овидиопольском подворье, откуда тотчас же ушел куда-то в город, потом вновь возвратился и стал продолжать свой прежний разговор, начатый еще на дороге, о народной свободе, о том, что в России всюду существует недовольство правительством, что настала минута освобождения, и при этом высказал, что его правительство преследует, но что он намерен пробраться в Балту, Елисаветград, в Москву, в Харьков, Саратов и Казань и что во всех этих городах у него есть товарищи, из которых, как выше сказано, назвал Борисова, Николаева, Троицкого и Александрова. Собещанский объясняет, что он стал возражать Катаржианцу (Нечаеву) говоря, что напрасно он упрекает правительство, ко-

торое даст все средства к образованию, но Каторжанец так вспылил, что вскочил со стула и, вынув из кармана пистолет, стал грозить ему, обещая или убить или подослать кого-нибудь для убийства его, если он расскажет кому-либо о своей беседе с ним.

На другой день Собещанский уехал в Попушай, а дней через пять или шесть к нему туда явился снова Каторжанец, но уже в военной форме, и просил позволить ему прожить, покуда получит письмо из Аккермана; Собещанский позволил; в продолжение четырех дней Каторжанец все куда-то ходил, а на пятый день он, Собещанский, нанял ему подводу, и Каторжанец уехал, сказавши, что едет в Елисаветград, а оттуда в Москву, и что, может быть, к нему, Собещанскому, явится кто-нибудь от его имени, назвавшись Рязановым, то чтобы он его принял; когда же впоследствии в декабре месяце к нему действительно явилось неизвестное лицо, назвавшееся Рязановым, то он, Собещанский, заявил о сем полиции.

Затем в последующих заявлениях своих Собещанский прибавляет что Каторжанец или Нечаев, когда высказывал ему вышеприведенные рассуждения насчет недовольства правительством и грозил ему пистолетом, был в нетрезвом виде.

Таким образом против Собещанского при следствии возникло обвинение в укрывательстве Нечаева. Но, принимая во внимание, что в то время, когда Нечаев виделся с Собещанским в Одессе и был у него в Попушах, он не предпринимал еще тех преступных действий, которые потом совершил в Москве; что рассуждения, высказанные Нечаевым Собещанскому, могли лишь познакомить последнего с преступным образом мыслей Нечаева, но не с определенною решимостью его начать государственный переворот, что показание Собещанского относительно угрозы, сделанной ему Нечаевым, представляется весьма правдоподобным, ввиду таких же приемов Нечаева в Москве; что затем нет никаких указаний на то, что Собещанскому была известна прежняя деятельность Нечаева во время студенческих беспорядков и побег его за границу, а следовательно нет данных подозревать Собещанского в знании о приготовлениях Нечаева к государственному преступлению, — принимая все это во внимание и то еще, что личность Собещанского неизвестна никому из обвиняемых по сему делу, следствие о нем также, по неимению в виду преступного с его стороны деяния, предполагается прекратить.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

ПОКАЗАНИЯ И ЗАЯВЛЕНИЯ ПРИВЛЕЧЕННЫХ К ДЕЛУ [1]).

Показание И. Аметистова.

Знакомство мое с Нечаевым продолжалось не более 3—4 месяцев. Оно началось в конце сентября или в октябре прошедшего года так: Нечаев занес мне посланную с ним записку от бывшего моего приятеля и товарища по семинарии из Иванова [2]); в ней, между прочим, предлагалось познакомиться с подателем, как человеком, могущим мне быть полезным при денежных затруднениях. Узнавши, кто он, я тут же рассказал ему свое тогдашнее положение; оно было дурно: уроков не было и стипендии, на что я рассчитывал, ни мне, ни брату не было назначено. Он обещал достать мне уроки, а брату предложил поселиться у него. Это было чрезвычайно удобно для брата, так как нужно ему было ходить в академию два раза в день, что было почти невозможно, когда он жил со мной, на Петербургской стороне. Я посещал брата, примерно, раз в неделю, идучи с урока или на урок в Измайловском полку. Нечаев был неразговорчив, раза два он спросил меня: «какая же мол цель?» — и, получив ответ, что пока единственная — достать хороший урок один и бросить все другие, он почти совсем перестал со мной разговаривать. Между тем я заметил, что неудобства жизни для брата были не меньше прежних: свою комнату, в которой было значительное количество книг, Нечаев постоянно запирал и ключ брал с собой, тогда как прежде обещал давать книг и мне и брату; вообще товарищеского было в нем мало. Я стал искать случая объясниться и рассчитаться с ним. Это было уже в декабре, помню, ибо тогда же я написал ответ своему приятелю, в котором и не благодарил его за доставленное знакомство.

Миросозерцание Нечаева я узнал следующим образом. Возвращаясь с урока, на котором запоздал, я решил переночевать у него. Он был дома. Разговор начался с оценки одного из наших профессоров, которого я уважал, а он не любил. Как-то дело дошло до Спинозы, до его взглядов на свободу, на общественную жизнь и т. п. Нечаев разгорячился и высказал такие мысли: «развития нет; книги не развивают, а з а в и в а ю т (sic [1]) нас, об свободе и об общественной жизни не имеем ни малейшего представления, похожего на истину, быть может, имеют оное мужики — люди, которые с роду не брали в руки книгу и не пользовались ни одной привилегией, которыми наша общ[ественная] жизнь наделяет одних в ущерб другим; что наша задача поэтому «с о с т о и т в р а з р у ш е н и и в с е г о», «в

---

[1] Это «sic» поставлено самим И. Аметистовым. — *Б. К.*

отрицательной деятельности» (подчеркнутых слов я не понял тогда, не понимаю и теперь, как ни много думал я об них здесь, да едва ли он их понимал), «что эту истину понял Спиноза и разъяснил ее»... При мне была записная книжка, где все лекции означенного профессора записаны, и я показал ему, что Спиноза таких диких мыслей никогда не высказывал. При этом разговоре был, кажется, брат да еще мальчик, который жил у Н[ечаева]. Еще только раз был у нас с ним частный разговор — по поводу возникшего тогда между студентами вопроса об собственной кассе и сходках. Он говорил, что не просить, а требовать надо этих правил. Я заметил, что наше требование, как ни на чем не основанное, во всяком случае не может иметь благоприятного результата, тогда как просьба может быть удовлетворена; он говорил: тем лучше, пускай и в академии отнимутся эти права, тогда вы поймете то, чего теперь не понимаете [3]). Эти слова я принимал тогда за шутку (в таком тоне они и высказаны были), ибо я видел, что он принимал в этом вопросе живое участие. Несколько раз я получал от него адрес, где будет сходка, поручал и мне передать кому-либо из студентов. По моим обстоятельствам, будучи не в состоянии исполнять такую роль, да и не считая нужными эти сходки, я был на них раза 2—3. Нечаев говорил при мне только раз, возражая кому-то на что-то.

8 генваря сего года назначено было собраться в университете. Зная об несогласии студентов между собою и опасаясь, чтобы в самом деле Нечаев не сделал какой-либо дерзости, что уничтожило бы нашу просьбу, я не пошел в университет, а пошел на урок к помощнику пристава В[асильевской] части г. Петрову, где пробыл до ½ 1-го ч. Этим Нечаев воспользовался по своему и вооружил меня против брата. Не знаю, что за цель здесь была; быть может, для того, чтобы, поссорившись со мной, отрезать всякую возможность отступления и страхом голода вынудить его исполнять разные поручения. Я видел, что брат заметно худеет, одежда рвется. Какое участие принимал Нечаев в дальнейшем ходе студенческого вопроса, я знаю мало, и то по слухам. Был я раза два и у него при народе, но это был какой-то сброд и толковали о ничем. Заметил тут одного филолога нашего университета; не знаю, какой он филолог, но пил водку жестоко. На этих сходках, вероятно, Нечаев и предложил нелепую мысль протестовать вместе университетским технологам и медикам, переходя из одного заведения в другое; мысль эта, кажется, не нашла себе последователей, по крайней мере у нас. Кроме своих студентов, при подаче прошения никого не было.

Все эти ничтожные подробности непродолжительного знакомства моего с Нечаевым выяснились в памяти моей теперь, по прочтении данных мне документов, содержанием которых я приведен был в крайнее изумление и ужас [4]). Я изумился, потому что ни от одного студента не слышал об Нечаеве, как об авторитете, и сам не считал его настолько дерзким, чтобы предлагать свои мысли печатно; быть привлеченным по такому делу, которое при известных обстоятельствах может быть

названо государственным преступлением, для человека, никогда не думавшего об этом, — согласитесь сами, — новость ужасная. Я учился 15 лет; каждый шаг мне давался не без труда, чего стоило мне продержаться первый год в университете — не семинаристу, без денег и без знакомых. И вот, когда я только что выбрался на торную дорогу, вдруг два несчастия одно за другим. Увольнение из университета (чем, вероятно, также обязан ему — Н[ечаеву]) и арест. Я ждал допроса, как дня своей свободы: я фактами мог уничтожить те обвинения, про которые я вам говорил, и вдруг узнаю совсем не то; я совершенно растерялся, я был готов зарыдать от такой неожиданности, хоть и давно отвык плакать, и пропустил без внимания те обстоятельства, которые, как сказали вы, были поводом к моему аресту. Потому прошу покорнейше выслушать мое объяснение теперь.

Из Владимира, куда я выслан был [5]), хотя и не под надзор и не на жительство, — это сказано мне г. губернатором, — выехал я с его же позволения к сестре, о чем, по его же предложению, подал ему докладную записку; кроме того, к нему являлся мой брат и, предъявив свой билет, оставил расписку, что он едет со мной. К сестре выехал потому, что надеялся там заработать в летние месяцы денег на зиму, ибо был твердо уверен, что меня примут, если не в Петербургский, то в какой-нибудь другой университет — это право у меня не отнято.

Я не ошибался в своих надеждах: инженер Мейнгардт обещал мне работу у себя с хорошим жалованием, и дал задаток на одежду.

Под полномочием к даме, фамилию которой вы не сказали [6]), в ряду других двух фамилий стоит и моя, как известная. Это стоит знаменитого бегства Нечаева из крепости через Киев, Одессу в Швейцарию. Знакомство мое в Петербурге состоит из 5—6 семейств, где я давал уроки, а в некоторых бывал и как гость. Ни одно из них не слыхало об В. О. [Орлове], да и он об них тоже. В среде студенческой знали меня человек пять, никак не более, и те были свои семинаристы, другие, однокурсники даже, вероятно, не слыхивали моей фамилии. Нет сомнения, что и дама, к которой писано, прочла ее в первый раз; между моими знакомыми — я уверен — нет ни одного и ни одной, которая бы приняла подобное полномочие. И нельзя думать, чтоб он разумел здесь брата, так как слишком близко еще то время, когда этот В. О. поправлял ему семинарские задачки, и небезызвестно ему было, что брат мой не имеет пока никакой, тем более умственной самостоятельности.

Я не знаю содержания того полномочия, но, вероятно, оно компрометирующего свойства, когда послужило поводом к аресту.

Между тем, я не знал В. О. таким. Я знал В. О., того, который был хорошим товарищем, знал, который, между прочим, наизусть Пушкина, который зачитывался над туманной философией Ап. Григорьева,— таким его знал я, таким его знали и другие товарищи, а мне он был даже другом. Вероятно, хотел удружить, поставивши мою фамилию.

Это мое объяснение я предлагал на ваше благоусмотрение. Ни один из тех, у кого я давал уроки, которые знали меня, не скажет обо мне дурно, — а они люди почтенные и летами, и доверием правительства. Некоторые из них предлагали свое ручательство за меня

при моей высылке. Они не откажут, вероятно, и теперь, если позволите об этом просить их. Каждый день заключения для меня теперь — риск потерять целый год в случае освобождения.

Бывший студент С.-Петербургского императорского университета Ив. Аметистов.

(Дело III отд., 3 эксп., 1869 г., № 112, ч. II, лл. 51—53.)

Показание Евлампия Аметистова [7]).

В начале октября прошлого 1868 года пришел к нам с братом на квартиру господин и, спросив Ивана Аметистова, подал ему письмо. В письме говорилось только, что «податель сего, Сергей Геннадьич Нечаев, учитель приходского училища в Петербурге, человек хороший», и следовала подпись: «В. Орлов». Владимир Орлов воспитывался в одной с нами семинарии, товарищ брату, меня старше двумя курсами (семинарский курс 2 года, следовательно я был тогда еще 13 лет). Брат с ним иногда переписывался. После первых, обыкновенных расспросов за чаем разговор свелся на средства для прожития в Петербурге, и в заключение брат просил Нечаева, как учителя, имеющего сношение с родителями, похлопотать на счет уроков. Вручая свой адрес, Нечаев сказал брату, что днем он свободен бывает только два раза в неделю. Спустя не помню сколько времени, брат известил меня, что нас Нечаев приглашает к себе на именины. Этот вечер и был началом моего знакомства с Нечаевым. Квартира Нечаева состояла из трех комнат, а он был один. Около этого же времени брату представились уроки с квартирой, так что я оставался один без денег и без работы. Вот побудительная причина, заставившая меня завести с Нечаевым разговор о том, что квартира его очень просторна. К концу разговора он предложил мне перейти в одну из комнат, и я принял это предложение с радостью.

Время обыкновенно проходило у нас таким образом: с 9 и до 2 ч. я был на лекциях, а Нечаев занимался с учениками. После лекций я закупал что нужно для обеда, и сам готовил его. После обеда у Нечаева снова были занятия, а я уходил в академию на практические работы или же шел к кому-нибудь из товарищей, так что, можно сказать, $^4/_5$ времени проводил я вне квартиры. Разговоров, имеющих какое-нибудь значение, у нас с Нечаевым не было, да и вообще он держал себя как-то в стороне и по праздникам или сидел в своей комнате, или уходил куда-то. Впрочем, случалось иногда, что между нами затевался обыкновенный между студентами спор о каких-нибудь вопросах. И вот один из них имеет тесную связь с письмом к знакомому Нечаева Капацинскому, бросающим, кажется, на меня тень подозрения. Поэтому я считаю необходимым, насколько помню, изложить его здесь. Разговор шел о преимуществе сельского учителя перед городским. Я доказывал это преимущество, показывая, как много пользы может принести сельский учитель освобожденным крестьянам, старался ясно показать, как вследствие этого возвысится благосостояние всего государства и, конечно, при этом немало горячился. Нечаев стоял на

стороне приходского учителя, но от возражений уклонялся, говорил с усмешкой, что оба хороши, и тем заставлял меня горячиться еще более.

Наконец, после длинной и горячей моей тирады он сказал: «Все вы теперь так поете, а вот будешь доктором, пришлет за тобой какой-нибудь бедняк, а лакей твой ответит — «почивают-с, повремените часа 2»; я отвечал, что еще это неизвестно. Но Нечаев продолжал: «Со мной жил тоже здесь из владимирцев—Капацинский и рассуждал тоже подобным образом и ел не лучше твоего. А теперь как сделался учителем, стал 500 рублей получать. Ну и перчатки завел и танцам выучился».

Я заметил, что из того, что один Иван похож на Петра, еще не следует, что все Иваны похожи на Петров. Потом я стал спрашивать, кто это такой Капацинский, но узнал только, что он односелец Нечаева и что Нечаев с ним переписывается и даже теперь ему нужно писать. Находясь под влиянием только что кончившегося разговора, я пожелал написать несколько строк этому просветителю крестьян, а Нечаев, говоря, что ему нужно написать всего несколько слов, побуждал, чтобы я написал скорее, и вот я решил написать к этому учителю нечто в роде обличения и наставления, а так как крупно писать с первого раза человеку незнакомому неловко, то я, по семинарской привычке, и старался подобрать подходящие мало-мальски случаи и места из священного писания. От этого письмо вышло темно[8]). В конце письма Нечаев попросил написать адрес какого-то учителя, и несколько слов, не помню в котором письме, написаны с его голоса. (На означенное письмо я получил ответ, состоящий из так называемых «общих фраз», из которых я все-таки увидел, что мне говорят, что я еще молод и не знаю обстоятельств, в которых находится сельский учитель, что ему на каждом шагу предстоит [встреча] с разного рода препятствиями и пр., так что, дескать, по неволе воскликнешь: «есть руки, да не под силу им дело». Я написал другое письмо, в котором, не желая его обидеть прямо, при помощи разных примеров, хотел показать, что, дескать, господин, так рассуждающий, прямо показывает только, что ему неприятно приветливо обращаться с бедными крестьянскими мальчиками, и решил больше не писать.)

Около этого же времени Нечаев сказал мне, что Орлов учителем в Иванове, что у него все одинаково учатся и нет ни первых, ни фаворитов, и что поэтому он находится во вражде с законоучителем этого училища. К Орлову я после хотел написать письмо, но потом бросил. Нечаев же с ним переписывался и письма сжигал, не показывая мне, да я и не интересовался. (Письмо ко мне от Капацинского Нечаев прочитал и мне не возвратил.)

В ноябре месяце у нас в здании академии было собрание студентов всех курсов по делу об исключении за маловажную вину студента Василевского. Дело это было рассмотрено начальством, и студенты удовлетворены. Возвратясь на квартиру, я не застал Нечаева, а когда он пришел и я начал было рассказывать ему, оказалось, что он уже знает, как было дело. Через неделю после этого я как-то заметил, что он раз и два не был дома в то время, которое обыкновенно

бывал дома. Я осведомился и услышал, что [он] имеет уроки у какого-то графа и часто остается там обедать и пить чай. Вскоре после этого я сам нашел уроки в Минском переулке и на квартире бывать случалось мне еще меньше времени. Возвращаясь иногда с практических занятий по анатомии, я видел в прихожей верхнее платье человек двух, редко трех. Нечаев обыкновенно сидел с ними в своей комнате, и я их не видел, и так как это и прежде водилось, то я и не обращал на-это внимания.

В декабре месяце, возвращаясь из академии, я случайно услышал от студентов, что у одного из них будет сходка по поводу лучшего устройства библиотеки. Я спросил адрес и в назначенный час явился туда (это было на Фурштатской ул., № 34). Студентов было человек 20—30; многие были в светском платье и из них некоторые оказались впоследствии студентами университета. На этой сходке студенты начали говорить о том, что наша библиотека устроена дурно, что касса наша бедна и не удовлетворяет многих нуждающихся; некоторые прибавляли, что сходки, которыми мы, медики, пользуемся, официально не утверждены и потому надо просить их утверждения, но это последнее большинством принималось холодно.

Во все это время я был только слушателем и тут в первый раз услышал, что студенты университета хотят просить разрешения кассы и сходок и что Нечаев принимает в этом деятельное участие. Сходка эта кончилась ничем, потому что студент-хозяин сказал, что в прихожей стоял жандармский офицер и слушал, что говорилось, поэтому все поспешили удалиться. Возвратясь на квартиру, я рассказал Нечаеву, что слышал про него и его товарищей, пожелав им успеха; и шутливо прибавил: «что нам позавидовали!» Дня через два он сказал, не хочу ли я посмотреть на их сходку. Я отвечал, что то, чего вы хотите просить, у нас есть, и, стало-быть, ваше дело до меня не касается, а если у вас есть неверующие, то пусть придут к нам и увидят, что у нас хоть какая-нибудь да есть касса и библиотека. Нечаев мне на это ничего не сказал, но, видимо, остался недоволен. После этого Нечаев чаще стал ходить в университет и просил меня заняться вместо него с учениками, что я иногда и исполнял. В квартире Нечаева в то время студенты не собирались. Не знаю, бывал ли кто у Нечаева без меня, но когда я был дома, не замечал никого.

Во время святок Нечаев сказал мне, что ждет Орлова, который намерен поступить в университет или в Лесной институт. И действительно, в первых числах генваря 1869 года Орлов приехал и на другой же день ушел вместе с Нечаевым и пропадал до вечера. На следующий день Нечаев просил меня пригласить Ралли, с которым он познакомился должно быть на сходке в Фурштатской ул., на вечер. В это время были у нас на квартире: Орлов, сам Нечаев, Ралли, Никифоров, которого я тут в первый раз увидел и еще, кажется, Бомаш. Я в это время занимался приготовлением чаю, сам в комнате не был, когда же я входил и приглашал присутствующих пить чай, Нечаев говорил: «Поди, поди, сейчас придем». Поэтому я не слышал их разговора. Во время же чая шел разговор о студенческих сходках, и тут я услышал, что студенты хотят 8 генваря просить свое начальство.

Потом Нечаев спрашивал Ралли, будут ли студенты-медики в одно время с ними заявлять об официальном дозволении сходок. На это Ралли отвечал, что он, пожалуй, хоть сейчас будет, но будут ли студенты, — не ручается. Потом они снова ушли в другую комнату, а я ушел к брату. Во время святок раз, возвратясь откуда-то, я застал в нашей квартире человек 10 студентов, собиравшихся уже разойтись. Фамилии некоторых я после узнал. Тут были: Кишани, Сараджев, Измалов, Жученко, Горизонтов; они соглашались, кажется, в том, как лучше заявить начальству о своих нуждах, и, наконец, сказали, что 5 января будет большая сходка, где уже окончательно согласятся, как действовать. На этой сходке я не был, хотя и был приглашен, но слышал, что было много шума и спора; Орлов на этой сходке тоже был, уж не знаю, в качестве ли будущего студента или же выдал себя за действительного. Вообще в бытность Орлова у нас я видел его только утром, а днем до позднего вечера он уходил с Нечаевым и возвращался, когда уже я спал. Так что за все время, как он был у нас (недели 1—1½) я даже не мог расспросить, как он поживает. После 8 я слышал, как Нечаев передавал Орлову, что студентов было мало и потому ничего не вышло, — нужно, чтобы было больше. Орлов вскоре уехал за своими бумагами. Раз перед вечером Нечаев, возвратясь откуда-то, подал мне бумагу, сказав: «подпишись». Я увидел с десяток фамилий и заглавие, в котором говорилось, что студенты желают просить общие кассы и библиотеки и общей сходки для устройства этого. Когда я спросил Нечаева, как же будут студенты просить означенного и у кого, — он ответил, что это будет известно, когда все подпишутся, и прибавил, что только тот будет участвовать в кассе, кто подпишется на этом листе.

На другой день Нечаев сказал мне, что на Фурштатской в том же доме будет общая сходка студентов; будут говорить о форме, в какой намерены заявить свое желание. В назначенный час пришел туда и я. Там были и медики, и технологи, и студенты университета. Тут я встретил в 1-й раз Енишерлова, Бирка и с обоими случилось перекинуться незначительными фразами. Всех было около 50. Сначала говорили о том, что, несмотря на стипендии и вспоможения, которых получение сопряжено с большим трудом, многие из нас бедствуют, и потому мы сами должны уменьшить это зло, а потому господа, желающие как бы то ни было пресечь это зло, пусть подпишутся на этом листе. Прочитали заглавие, некоторые стали подписываться, другие заспорили. Наконец, сказано было, что как скоро будет достаточное число желающих, тотчас же будут говорить о форме. Подписались, но о форме речи не было [9]). Выходя из квартиры, студенты по приказанию полиции были считаны. В продолжении недели до означенной сходки Нечаев раза 4 по вечерам посылал меня к какому-то студенту за получением 3 рублей, квартирующему в д. Воронина, на углу Фонарного пер. и Мойки, кв. № 90. Фамилия этого господина не русская, и я ее забыл. На проход туда и обратно требовалось не меньше 3 часов, и всякий раз я не заставал того господина дома, а получал записку, где говорилось, что деньги в скором времени будут доставлены. Возвратясь от него в последний раз, по множеству окурков и дыма я

догадался, что была сходка у Нечаева, но кто был. об этом я не расспрашивал. На другой день после сходки на Фурштатской, когда я возвратился с лекции, Нечаев сказал, что его призывали в полицию и прибавил: «вероятно, скоро опять призовут, потому что кто-то сказал, что сходку созывал я» [10]). Потом поручил мне отвезти книги г. Томилову, которому он их продал. А вечером дал мне записку, сказав: «по этому адресу тотчас же, как я буду взят, известп. Адрес: 5 линия, В. О., д. № 22, кв. 2. Никифоров». Утром на следующий день Нечаев действительно был приглашен в полицию и с мальчиками, вместо него занимался я. Ждал я Нечаева до 4-х часов; порешив, что он арестован, пошел известить по адресу. В квартире Никифорова за чаем застал я человек 5 и тут познакомился с Баснпным [1]. Не успел еще я в подробности передать, как было дело, как запыхавшись вошел сам Нечаев. Торопливо сказал, что был в III отделении, что там о сходках почти ничего неизвестно и что вопросы дают пустяшные, «но мпе через час велено явиться и потому прощайте и не бойтесь». Со мной ничего не говорил, только отдал ключ от своей комнаты и вышел. Вскоре я сам пришел домой и с этих пор уже не видел Нечаева. Спустя несколько времени я получил от Никифорова письмо, в котором говорилось, чтобы я принес какую-нибудь бумагу, доказывающую, что Нечаев действительно студент. Я нашел только черновое прошение о зачислении его в студенты и отнес его. У Никифорова тогда было довольно студентов, и они соглашались ходатайствовать перед ректором о его возвращении. Хлопотали ли они действительно и собирались ли еще, — этого я не знаю.

Прошло уже достаточно времени после исчезновения Нечаева, — раз, проходя по Васильевскому Острову, я встретился со студентом Сараджевым и зашел к нему. За чаем сказали мне, что у них собираются иногда товарищи и хотят устроить так называемую «летучую библиотеку», где каждый записывает свои книги и каждый нуждающийся знает, у кого их можно взять. На предложение участвовать я согласился, но сказал, что не имею ни одной книги.

И вот раз и другой приходил я к Сараджеву (Васильевский Остров, 4 л., д. № 25, кв. 9). Собираются студенты разных заведений — и технологи, и медики, но никогда не было всех больше 15 человек,— говорят о том, как будет хорошо и полезно, если библиотека устроится, и пьют чай. Говорят даже про сбор денег на наем квартиры, где будет склад книг и где бесплатно будет жить один из студентов. Речи эти меня, зарабатывающего тяжелыми уроками только 10 рублей в месяц, волнуют более, чем кого-либо, и все это кончается ничем. Когда назначен был день, в который бы каждый принес список своих книг, оказалось, что собрались большею частью те, которые почти книг не имеют. Порешив, что тут собираются только для разговора, я перестал ходить. К тому же и приближение экзаменов заставило усилепсе бегать по товарищам за руководствами для подготовки. С этих пор до закрытия академии я не видел, затевают ли что-нибудь еще студенты. Почти весь день проводил я в академии и на квартиру возвра-

---

[1] В подлиннике: «Басневым».

щался только вечером, а иногда, подготовляясь по одному учебнику с товарищем, оставался ночевать в его квартире. Случилось, что в это время я еще раза 2 был в собрании студентов-медиков в квартире Ралли. Тут хлопотали о том, чтобы переменить кассу ссуд в кассу предприятий и тем доставить возможность каждому нуждающемуся заработать себе деньги. Предложили издавать популярные статьи по медицинскому отделу и переводы, один студент ходил даже к профессору просить участия его, но тот сразу дал понять, что мы ничего не смыслим в том, что затеваем, и отказался от всякого участия. Когда получена была эта весть, одни из нас пригорюнились, другие посмеялись. В заключение один, смеясь, предложил устроить мастерскую, — «будем столы делать, и наука не мудреная, и мускулы развиваются, только, ведь, вы, чай, благородны очень?!» На это я ответил: тот, кто нуждается, не разбирает, что благородно и что неблагородно, иначе останется без хлеба. Некоторые принялись было развивать эту мысль. Поднялся спор, но большинство решило, что эта мысль еще более нелепа, чем издание статей, и это действительно верно. Таким образом и эти собрания кончились ничем и, кажется, тоже перешли в чаепития, посещать которые мне было некогда.

Около 20-го числа марта, когда студенты-медики собрались в здании академии для того, чтобы распределить между недостаточными товарищами деньги, полученные с концерта, депутат 2-го курса заявил, что один из наших товарищей, Надуткин, исключен напрасно, единственно по вине и забывчивости ученого секретаря. Заявление это повлекло за собой то, что студенты захотели выяснить свое отношение к начальству и решились просить, чтобы обещанная новая инструкция дана была скорее. Сходки эти, как известно, кончились закрытием академии. На этих сходках я не принимал деятельного участия. Делом моей необходимости были только средства, и я только раз обратился с просьбой к инспектору, чтобы он позволил нам разделить выданное из конференции временное вспоможение, представляя, что мне есть нечего. Но когда инспектор сказал, что начальством приказано, чтобы студенты не собирались, я тотчас же оставил аудиторию. В день же, когда студенты собирались в коридоре, я был болен и меня свидетельствовали в клинике проф. Боткина.

Вообще для меня отношение к начальству, условия, в которых мы поставлены, и инструкция никогда не казались тяжелы, и об этом рассуждать находили время большею частью те, которые обеспечены. А я, если бы даже была у нас инструкция вдвое строже, и тогда остался бы в академии. Когда потом академия была закрыта и начались аресты и заявления в университете и в Технологическом институте, я большую часть времени проводил в прогулках и на уроках, — ночевать часто заходил к своим товарищам, а если когда возвращался на квартиру, то не ранее 11 час. вечера. Я опасался, что меня арестуют по подозрению, основываясь на том, что я жил с Нечаевым; особенно это опасение усилилось во мне, когда появилась прокламация и когда я, просясь навестить арестованного брата, услышал от начальника секретного отделения предостережение и увидел крест над своей фамилией. Главным образом это обстоятельство заставило меня поду-

мать об отпуске на каникулы, и я подал прошение; в сходках же, которые, я слышал, были у студентов после закрытия академии, я участия не принимал и даже не знал, где они были.

Когда мне уже выдан был билет на каникулы, я получил от Орлова письмо. На штемпеле конверта я прочитал «Москва». В письме говорилось, что ему известно все случившееся, известно об арестованных, известно даже и то, что в пользу их здесь собраны деньги. Потом он говорил, что «для тех, которые не успевают получить в Петербурге, имеется небольшая сумма в Москве, но, дескать, гораздо лучше, если бы кто-нибудь от вас привез сюда на перепутье денег, а люди, у которых можно остановиться, здесь есть, и если кто от вас поедет, отдай ему прилагаемую записку». В записке было: «Патриарший Пруд, дом 2-й от угла, студ. Лопатин, Марья Осиповна Антонова, знакомый Орлова». О том, как я ходил за деньгами к Езерскому, и что меня главным образом к этому побудило, я уже говорил [11]). За обещанными деньгами я должен был снова ходить к Корсакову, и они были принесены мне на квартиру в количестве 30 руб., не знаю, им самим или его товарищем. Адрес с записки я оставил у г-жи Томиловой, которая сама обещала собрать сколько-нибудь в пользу арестованных студентов, а сам поехал на каникулы. На дороге я вспомнил, что забыл адрес Жученки, имеющийся у Томиловой, а потому в Москве остановился, отыскал Лопатина, куда пришла и Антонова. Тут я написал Томиловой письмо о том, чтобы она выслала в Москву адрес Жученки, а Антоновой отдал деньги и попросил их переслать как скоро выслан будет адрес. Потом сказал, что моя знакомая г-жа Томилова обещала собрать несколько денег и что здесь они очень будут нужны, так можете к ней обратиться от моего имени. У Лопатина мне пришлось ночевать.

Вот я сказал все, что непосредственно меня касалось, что я сам замечал, или слышал от очевидцев. Теперь прибавлю, что я знаю, как слух, и что, следовательно, доказать не могу.

Слышал я, что на большой сходке 5 января 1869 года студенты разделились. Одни хотели открыто собраться и заявить свои требования начальству, большая же часть решила тайно собираться по кружкам и подготовлять всех студентов к заявлению по осени, — в сентябре или октябре; представителем последних считали Езерского, который, говорят, и действительно завел сходки, но чтобы попасть на них, нужно побывать несколько раз на музыкальном вечере, куда вход стоил 70 коп. серебром. Вечера эти устраивались в Измайловском полку. Но об этом, впрочем, я ничего определенного сказать не могу; ясно только то, что заявление медиков и закрытие академии заставило Езерского поспешить, и, вероятно, это к лучшему.

В заключение скажу, что до последнего времени я был искренне убежден, что он арестован и сидит в крепости. Когда на первых порах меня призывали в полицию и спрашивали, где Нечаев, это только больше поддерживало мое убеждение, особенно когда я услышал, что Нечаев выключен из университетских списков и начальство говорит, что у нас не бывало такого студента. Только когда я уже был в тюрьме, то припоминая записку Нечаева, которую он будто бы выбросил из

кареты и где говорилось, что его везут в крепость [12]), и потом припоминая распространившийся в последнее время слух, что он ушел из крепости чрез сортир и убег за границу, я усомнился в справедливости всего этого. Что касается записочек Орлова к «друзьям по делу» [13]), то для уяснения их я могу сделать только следующие предположения. Орлов, вероятно, знал о том, что хотел Нечаев и студенты сделать с подписью протестующих и писал эту записку студентам для того, чтобы они продолжали подписку, ошибочно полагая, что мне Нечаев передал, что он хотел сделать. Студенты, конечно, могли с этим согласиться, зная, что я жил с Нечаевым. Но я снова повторяю, что Нечаев держал себя по отношению ко мне как-то в стороне и мне ничего не передавал. О том, что намеревались сделать студенты с этой бумагой, я только мимоходом слышал на одной из сходок у Сараджева. Там между разговором о библиотеке кто-то помянул, что было намерение эту бумагу подать его величеству государю императору, если от каждого заведения наберется по сто человек, но об этой бумаге после исчезновения Нечаева и не думали. Вот это одно предположение; вот другое: так как теперь ясно, что Нечаев не был арестован, то Орлов едва ли не знал, каким образом совершилось это бегство. Если Орлов это знал, то он знал и то, что Нечаев мне ничего не передал, но он мог знать также и тех, с которыми Нечаев был более близок и, может быть, что-нибудь говорил. Меня же припутал умышленно, чтобы вышло больше правдоподобия, или же быть может он имел намерение впоследствии сам мне что-нибудь передать. Но только повторяю, писать обо мне так крайне ошибочно. Я даже не имел между студентами известности, на сходках я почти всегда молчал, — это могут подтвердить товарищи. Между студентами знакомых у меня наберется 10—15, не больше. Да и где мне иметь их, когда я не только не мог пригласить на чай, но и в комнате у меня не поместилось бы больше 3-х—4-х. Ралли, другое дело, он студент достаточный, и я слыхал, во времена оны даже пирушки устраивал. Но если и хотел Орлов, что передать мне, то когда виделся со мной во Владимире ничего не передавал. Должно быть, справедливо, что издали предметы обыкновенно кажутся нам такими, какими их мы сами желаем видеть, или какими рисует их нам наше воображение. Орлов же, вероятно, если только знал о бегстве Нечаева, написал ему что-нибудь и обо мне, представляя меня таким, каким рисовало его воображение, и вследствие этого, может быть, Нечаев пишет, чтобы привести меня к нему. Но если это предположение верно, то когда увидел меня Орлов и когда я высказал свой взгляд на студентское дело, то он, вероятно, поспешил переменить обо мне мнение. Что же касается самого Нечаева, то я искренне говорю, что если бы прежде я знал его хоть немного похожим на того, каким теперь мне его показали, то, несмотря на то, что иные дни приходилось мне проживать с 5-ю копейками, а часто и без них приходилось пробиваться у своих товарищей, несмотря на все тягостные обстоятельства, я бы отвернулся от него. Обмануть своих товарищей, оклеветать их своими воззваниями перед начальством и подвести под тяжелое наказание, может быть, стоящее многим потери половины здоровья и жизни!

Нет названия, которым бы можно было выразить всю негодность этого человека!

Я не знаю, найдется ли студент, разделяющий мнения Нечаева, высказанные в его сумасбродных воззваниях, но по моему мнению вырасти и развить свои способности на русские деньги, на эти же самые деньги прокатиться за границу и писать оттуда возмутительные письма [14]), бросающие его грязную тень на тех, кто имел когда-то несчастие видеть и жить с ним, — это больше нежели подлость! Пишет он: «Не унывайте, исключенные, вы, которым не суждено доразвить свои способности, идите и бунтуйте!» Так вот как! Да разве для того эта Русь от самой колыбели и до настоящего времени давала нам возможность жить и развиваться?

Разве мятежей и смерти просят «голодающие», страдающие холерой, тифами и пр. от тех, которым они дали возможность быть медиками, судьями и пр.?! Нет! не знаю найдется ли хоть один пострадавший студент, который откликнулся бы на это безумное слово!.. Но, виноват, я увлекся и, вместо показания, впал в обличение. Я все сказал.

Студент Императорской медико-хирургической академии 2-го курса Евлампий Аметистов.

(Дело III отд., 3 эксп., 1869 г., № 112, ч. II, лл. 69—78.)

Показания Евлампия Аметистова 10 октября 1869 г.

10 октября 1869 г. в помещении 3-й экспедиции III отделения собственной его императорского величества канцелярии, в присутствии нижеподписавшихся, призван был студент Медицинской академии Евлампий Аметистов для разъяснения некоторых пунктов прежних его показаний, который объяснил: когда жил у Нечаева, то сходки были не в его присутствии, он утром ходил в Академию, а по вечерам Нечаев уходил, запирая свою комнату. На посылках был у Нечаева раза 4, ходил за деньгами к кому-то, фамилии не знает, и сколько помнит, это была какая-то польская фамилия, это был студент, живший на углу Фонарного переулка и Мойки, д. Воронина, кв. № 90; это было в конце 1868 и в начале 1869 годов. Как предполагает Аметистов, посылки эти были с целью удалить его, Аметистова, от сходок. Он, действительно, приглашал Ралли на сходки, но это было по поручению Нечаева. О чужих фамилиях, которые присваивал себе Орлов, не знал и не слыхал. Орлов жил у Нечаева недели две. Более об Орлове не знает. Что арест Нечаева была басня, не знал, о побеге же его за границу узнал только в III отделении и потому не мог объявить Ралли на железной дороге о бегстве; это показание Ралли — ложь, да и никому об этом не говорил. Был тогда на железной дороге, провожая друга. Лист с подписями не прятал и не видел в этом надобности, и если бы имел этот лист, то сжег бы его, так как не придавал ему никакой важности. У Ткачева был раза два, утром — просить работы, и вечером — за деньгами, но не видал там Орлова и Нечаева. Прокламации с цитатами Лассаля не видал и никто ее не показывал

ему. Вообще не имеет сочувствия к прокламациям Нечаева. Чубарова не знал, про ремесленную школу не слыхал. На сходках какой-то Губарев (может быть, это и был Чубаров) говорил о мастерской. Орлов не показывал ему, Аметистову, никакой программы и вообще он не имел с Орловым никаких сношений. На собраниях у Нечаева не присутствовал и не знает, что там было. Говорит правду. Когда с братом своим жил, то Нечаев принес записку от Орлова; это было начало знакомства с Нечаевым. Записка эта была к брату его, Аметистова, где было сказано, что Нечаев учитель Сергиевского училища и хороший человек. Эта записка осталась у брата, который один и читал ее. Только чрез неделю после этого Нечаев предложил ему жить у него. С самого начала и до конца знакомства с Нечаевым они не сближались. Нечаев ему не давал ни книг, ни аппаратов, и, когда уходил, все запирал. Серьезных разговоров не было, кроме того, о котором говорится в прежних показаниях. Он, Аметистов, был постоянно предметом насмешек Нечаева. Когда прошел слух об аресте Нечаева, еще неизвестно было о сборе денег Нечаеву, а в пользу студентов собирали деньги, когда начались аресты. Он, Аметистов, отвез в Москву 25 рублей Антоновой, не знает, была ли она знакома с Орловым. В присланной из Москвы Орловым записке говорилось, что аресты известны ему, Орлову, что денег еще нет, и просил прислать их в Москву и оставить надежному человеку, т. е. Лопатину, где Аметистов и узнал Антонову, которая должна была отправить деньги по адресу, ожидавшемуся от Томиловой [бывшему студенту Жученко] [1]. Особой тайны из этого не делали, непризненного ничего к правительству не было. У Томиловой бывал Аметистов перед обедом и во время обеда, особых коротких отношений с ней не имел. Записки Орлова к Томиловой не знает; смысл, по его мнению, тот, что дело было о сборе денег в пользу студентов. Таинственность и неопределенность записки удивляет Аметистова и, по его мнению, подводит только и губит других; просто следовало назвать студенческим делом. Кто оставил ему, Аметистову, 25 руб., — не знает. За этими деньгами он адресовался к Ткачеву, Езерскому, Корсакову, все они были у Ткачева, но тогда ничего не дали, и уже после деньги кто-то оставил у него, Аметистова, в его отсутствие, с запискою без подписи, где сказано было просто: «вот деньги, за которыми приходили». Полагает, что это было от Корсакова; не знает, кто он, видел только у Ткачева и обратился к Корсакову по указанию Ткачева. Слышно было, что собрали до 1 500 рублей [которые находились у Ткачева] [1]. На одной сходке предполагалось разделить деньги между всеми, т. е. студентами университета, медицинской академии и технологии. Он, Аметистов, действительно, уведомил Никифорова об аресте Нечаева, но в это время явился к Никифорову сам Нечаев, от которого он, Аметистов, не слыхал о намерении его бежать за границу, а только знал, что еще за 3 месяца до побега Нечаев начал заниматься французским языком. Не слыхал о знакомстве Нечаева с Енишерловым. Известный пакет Енишерлова [15]) Аметистов действительно получил от Ралли у него на квартире или

---

[1] Слова в квадратных скобках вписаны рукою чиновника III отделения Филиппеуса.

на дороге оттуда после одного собрания, точно не помнит, передал же этот пакет сестре Нечаева, но не знает, куда она девала его. Что говорили об Орлове, об его знакомствах и об его авторитете, не знает и с Орловым не имел сношений. О протесте и прошении слышал, но полагал, что требовать было бы безумно, — можно только просить. Записку Нечаева, будто бы выброшенную им из кареты при следовании в крепость, видел у Томиловой, была и у него в руках, потом опять видел ее у Томиловой, и затем не знает, где она. Лист с подписями видел на двух сходках уже после бегства Нечаева. В Москве не видел Орлова, а только во Владимире, и говорил ли там с ним о бегстве Нечаева, не помнит. Но по мнению его, Аметистова, Орлов знал об этом и, может быть, говорил об аресте Нечаева, но не помнит. Кажется, что Орлов сказал, что слух о бегстве Нечаева несправедлив, и поддерживал слух об аресте его, чтоб не разыскивали. Палашковского в Харькове знает весьма мало и только потому, что родственник его, Аметистова, Сидоренко служит под начальством Палашковского, на имя которого и адресовал свои письма для передачи Сидоренко, чтоб вернее дошли. Аметистов лично не знаком с Палашковским.

(То же дело, ч. II, лл. 136—140.)

Показания З. Ралли [16]) 10 июня 1869 г. [1].

Первый раз я вышел на сцену этого студенческого дела на сходке, что была на Фурштатской улице, д. № 37, кварт. № 4. Здесь было в сборе человек до 200 [2]; я тут говорил тоже после говора многих других, говорил о том, что если студенчество только дружно заявит все о необходимости ему кассы и сходок, то наверно будет удовлетворено; но что мы не должны действовать так, как действовали наши предшественники [3]; это была первая сходка, на которой я принял участие; далее идет целый ряд сходок подобного же характера [4], на которых я не замечал ровно ничего такого, что ныне всплыло наружу. Однажды вечером [5] зашел ко мне студент Евлампий Аметистов, которого до этого времени я не знал, и позвал меня к себе. Я собрался и пошел; пришли мы в Сергиевское училище, где я увидел в первый раз студента Нечаева. В этот раз он ничего особенного не говорил и напирал только на то, чтобы мы не отставали [6] (здесь было человек 30, а может быть немного меньше) [7] от раз предпринятого дела [8]. Я рано ушел от него, не понимая, зачем он меня хотел видеть [9]. В другой раз я был опять позван туда же [10] и отрекомендован какому-то господину, назвавшемуся Крыловым. На этот раз здесь было человек до десяти, двенадцати, но больше мне незнакомые все [11]. В этот раз г. Крылов, он же Орлов и Петров, рассказывал (я пришел на половине разговора) о каком-то обществе, цели этого общества не указуя, которое будто

---

[1] В подстрочных сносках к этому показанию Ралли мы приводим карандашные отметки, сделанные на полях кем-то из служащих III отделения. — *Б. К.* [2] «Не у Любимова ли?» [3] «Какие предшественники и где?» [4] «Где и когда?» [5] «Когда?» [6] «От чего и от кого?» [7] «Евлам. Аметистов отвергает эти сборища». [8] «Какого?» [9] «Значит, звал Нечаев, а не Аметистов». [10] «Кем?» [11] «Нужно спросить Орлова и об этих фамилиях».

существует где-то. Рассказ был длинен и систематичен [1]; помню, что у меня тогда явилась мысль такого рода: «этот человек [2] заучил то, что теперь говорит». Вышел я вместе с Никифоровым, которого не знал; но, выйдя, мы заговорили, и Никифоров мне сказал тогда: «все враки, дурака какого-нибудь рекомендуют» (Орлов хотел представить нам кого-то) [3]. Через несколько дней этот же господин явился ко мне и повел меня к г. Ткачеву [4], где уже я нашел несколько человек. Говорили о деле студентов. Когда же я спросил Орлова, зачем он привез меня, то Орлов сконфузился, и мы тоже не понимали, зачем это собрались сюда [5]. Дело кончилось скандально, мы разошлись, смеясь над неловким положением пригласивших (приглашал сюда тоже Нечаев). После всего этого я Орлова потерял из виду. На сходки же ходил, где стоял за общие сходки и отрицал кружкование, одобряемое другой стороной студенчества. Раз приглашен я был на сходку той партии, которая стояла за кружки (сходка была в 7 роте Измайловского полка в квартире Рослякова), здесь я указывал на вред кружков и на пользу общих сходок, я указывал на то, к чему привели кружки московских студентов. Шум был ужасный, спорили горячо.

Здесь-то я окончательно решился не допустить нигде создаться кружкам [6] и или добыть общую сходку, или же уничтожить дело. Решено было продолжать сходки до прибытия известий из других университетов; в Москву же ехать вызвался я сам; но со мною поехал Никифоров еще. В Москве, заметя, что кружки стоят за прежнее свое устройство, я рекомендованным мне Брайлко и Свечину сказал: «постарайтесь уничтожить кружки и возьмитесь лучше за дело студентов» [7], на что те дали мне ответ утвердительный. Остальные пять, шесть дней я провел у своего товарища Влад. Мартынова, никуда не выходя и не желая появляться даже в кружках [8], о которых теперь только узнавал, после чего вернулся в Петербург.

Здесь заметил я тоже желание у многих из партии, к которой и сам принадлежал (т. е. желание кружковаться). На одной из сходок даже чуть этот вопрос и не решился утвердительно, но я все свои старания прилагал к тому, чтобы не образовалось ничего подобного [9]. Дело шло пока так, как я желал, но явился опять Орлов [10] и начал примирять нашу партию с партией противной [11]; тут отделились многие лица, и я их терял из виду все больше и больше.

Во все время сходок я желал приобрести доверие окружающих, что и удалось мне, и всюду проводил ту же мысль, хотя и замечал, что во многих проявлялось то то, то другое сумасбродное, необдуманное [12] желание чего-то. Этих лиц я выведывал, но часто тщетно; часто же мне удавалось склонить их на свою сторону. Горячка сходок, горячка тогда ходивших книг [13] [17]) все это приводило меня к тому

---

[1] «Спросить Орлова. Если разговор он нашел систематичным, значит, понял и знал, в чем дело». [2] «Это Орлов или Нечаев?» [3] «Спросить у Орлова». [4] «Орлов, значит, хорошо знал Ткачева». [5] «Значит, Орлов понимал; спр. Орлова». [6] «Значит, авторитет». [7] «Значит, было и другое дело». [8] «А хотел их уничтожить». [9] «Авторитет, значит». [10] «Где?» [11] «Спросить Орлова, что же он хотел». [12] «Чего же именно? Если называет сумасбродным, то знает чего». [13] «Отщепенцы», «Народное Дело», № 3—4. — *Прим. Ралли.* На полях: «Откуда взялись эти книги?»

заключению, что многие из этих людей, находятся под влиянием той поры, которую и я когда-то испытал, живя в Москве и окруженный страшными картинами жизни большого жилого дома [1], когда и я задумывался над теми же вопросами [2]; на счастие мое в это время мне не попалась ни одна книга, которая дала бы известное направление моим мыслям [3], и я решился вывести этих людей из этого положения [4]. Я доказывал им и всегда стоял за то, что средства не могут оправдываться целью, что без улучшения нравов нельзя улучшить отношения между людьми, и что учреждение, купленное ценою крови [5], непременно падет, подавленное неодинаким нравственным и умственным отношением людей; я указывал на французскую революцию, на историю Пугачевского бунта, как на факты, которые сами за себя говорят. Зная, какое влияние на меня в былое время произвел мой возврат на родину, в круг семьи мне родной, я был уверен, что эти люди, разъехавшись на каникулы домой, отдохнут от наплыва этих мыслей, отдохнут от нужды, которую они испытывали в столице, и тогда сами найдут путь к разгадке тех вещей, которые были причиной этого ненормального состояния. Молодость горяча, думал я, но не надолго.

Замечу тут же: На сходке, что была в Академическом переулке на Васильевском Острове, была предложена Чабаровым или Чубаровым [6], не знаю хорошо, мысль создать мастерскую, где бы могли работать и учиться мастерству бедные студенты, не могущие кончить свое образование, и как люди трезвой мысли, образованные, следовательно, в будущем полезные классу, из которого вышли, могут быть лучшими кондукторами образования в своем необразованном классе; я пожертвовал на это предприятие 5 руб. [7], и он, Чабаров, тогда же собрали деньги: как дело пошло дальше, не знаю, ибо я не стоял за эту мастерскую и был уверен, что она падет, не имея средств к существованию; оппонировать же не хотел, ибо боялся отделения кружка людей, стоявших за Чубарова.

Мне должно было прежде еще упомянуть, что Нечаев имел лист, который озаглавлен был: подпись студентов, протестующих против всех условий, в которых они находятся, и пр. Этот лист он поднес и мне для подписи; я долго не соглашался, но, наконец, подписал, требуя перемены в заглавии, что Нечаев и обещал было мне; у кого хранился этот лист, я не знал и думал, что он уничтожен.

Марта 8-го, не раньше, Орлов опять явился в Петербург и объявил мне на этот раз, что он действительно Орлов, а не кто другой, и опять повторил все, что говорил прежде о кружковании, прибавив на этот раз, что в Вятской губернии у него есть школы народные, которые идут очень хорошо [8]. Я этому не поверил, на что он, Орлов, сказал мне: «дайте знать кому-либо из ваших, пусть поедет и посмотрит». Я это передал студенту Корнфскому [9], который решился поехать и стать там учителем, не имея средств здесь. Людей более горячих, как Катин-Ярцев, Ижицкий, Аметистов, Енишерлов и др., я сдерживал [10]

---

[1] «Что это за дом?» [2] «Какими именно?» [3] «Какое?» [4] «Из какого?» [5] «Наконец договорился». [6] «Кто он?» [7] «У кого же деньги?» [8] «Спр. Орлова». [9] «Разыскать». [10] «От чего, от каких намерений?»

и ублажал насколько возможно было, о первых же двух я даже старался, как о людях больных, ибо слышал от них часто горячо сказанные речи [1], не основанные ровно ни на чем; но, как всегда случается в таком случае, в этом не успел, и как Катин-Ярцев, так и Ижицкий и Енишерлов начали косо смотреть на меня и прозвали «идеальная честность». Люди эти честные, благородные, но нервные и, пожалуй, больные. Они сами через час после сказанного соглашались уже со мною и отказывались от своего [2].

Последний раз, это было за день до моего ареста, я был у Майковой, одной своей знакомой, которая жила в квартире, где бывали сходки [3], и здесь говорил о том, что женщина может тоже помочь нам тем, чтобы влиять благотворно на студентов ей знакомых. Это был последний вечер моей свободы, ночью я был арестован, потом выслан на родину, потом опять посажен в тюрьму. Теперь, узнав, где находится Нечаев, узнав, к чему стремился Орлов [4], узнав, что они уже фактически обличены, я, никогда не стремившийся к подобным целям [5], никогда не веривший в право ножа, петли и пр., буду ожидать правого суда, от которого мне нечего было бежать, как сделали те, которые серьезно вели это дело к убийству и грабежу [6]. Я шел с ними рука об руку, считая их честными, благородными людьми и, если подчас и безрассудными, то только на словах, а не на деле, и думал, что они так, как и я, стремятся к уменьшению горя и преступлений в обществе, а не доведения их до террора, как это теперь только стало мне ясно [7]. Страшно даже подумать, что здесь участвовали и женщины [8] и может быть знали о цели и средствах этих людей, потому что люди эти были близки, и меня даже познакомили с некоторыми из своих близких знакомых женщин [9].

Как Орлова, так и Нечаева я очень плохо знал, ибо первый вел себя слишком загадочно, второй же вскоре после знакомства моего исчез.

Знакомые же его говорили, что он арестован, почему и собирали ему денег [10], думая доставить в место заточения. На сходках часто я слыхивал эти две фамилии, и, как видно, их многие знали так же, как и я; желая окончательно, наконец, узнать, что за связь между Орловым, Нечаевым и его знакомыми, я нашел лучшим сблизиться с более молодым из них, это Аметистовым; я приглашал его зачастую к себе, где спрашивал его об Нечаеве и Орлове; но ничего узнать не мог, ибо Аметистов или сам ничего не знал [11] или же не доверял мне, несмотря на все мои усилия.

Будучи в Бессарабии, я хотел узнать, где этот Орлов, где некоторые другие из желавших образования кружков, и поэтому написал мало мне знакомой, но у которой бывал Орлов, Томиловой; ответа я не успел получить. Вот все, что я знал об этих лицах; теперь мне остается прибавить только, что никогда эти люди со мною откровенны не были, никогда не высказывали мне своих затаенных желаний; на увлечение же других предлагавших мне разные но к чему не ведущие

---

[1] «Что за речи?» [2] «Что это его, что их?» [3] «Где это?» [4] «К чему именно?» [5] «Каким?» [6] «Кто именно?» [7] «Когда именно, где?» [8] «Кто именно?» [9] «Кто?» [10] «Кто именно?» [11] «Нет, знал».

предложения о составлении общих сумм для школ народных, изданий книг народных, составлений обществ, кружков, я всегда отказывался или же разбивал дело окончательно.

Таковы были Чубаров или Чабаров и его товарищ, которого фамилии не знаю [17a]). Этому я всегда отвечал свое искреннее убеждение: «только то честно, что явно, только то право, что не прячется» [1]. Господин последний с тем и уехал за границу, называя дураками всех тех, кто не согласился с ним.

Вообще во всем деле я всегда желал, чтобы все было явно, чтобы не скрылась где-либо такая политическая тенденция, которая опять бы сгубила молодое поколение в общественном мнении; но, как вижу, это мне не удалось, и так явились лица, стремившиеся единолично повлиять на целый строй общественного порядка [2]. Что я всегда был против кружков, зная зло то, которое всегда может создаться тогда, когда нет столкновения с другими убеждениями, когда замкнуто выработанное вскармливается уединенно и, наконец, переходит в фанатизм, я решился лучше итти с этими требованиями общих сходок, чем позволить составиться чему-либо опять, что легло бы черным пятном на совесть всего увлекающегося молодого поколения. Вот причина моего участия в деле студентов. Что же касается тех подозрений, которые поневоле легли на меня теперь, благодаря всем тем, кто начал это дело [3], то я уверен, что они должны будут рассеяться, если взглянут на мое прошедшее и если это дело разберется окончательно.

2. Я знал, что буду арестован, и даже за день до ареста об этом уведомил г. Кадьяна, просившего быть у него; я не бежал, чувствуя себя правым перед своим правительством, и теперь жду суда его.

Вопросы, которые могут быть мне заданы еще, я не могу здесь вместить, потому что, по-моему, это дело запутанное, как я вижу, и, следовательно, отгадать их я не смогу; но откровенность моя [4] будет мне порукой в моем деле. Читая многое, занимаясь сильно, я многим увлекался в жизни, но увлечения мои не выходили за предел благоразумия; никогда я не доходил до тех убеждений, которые явно теперь принадлежат г. Нечаеву. Никогда я не верил в право ножа и петли, как это высказал он, пустив листки, сидя покойно в креслах там, в Женеве.

Фамилии мне известных студентов, ездивших в другие университеты: Баснев — Харьков, Горизонтов — Киев, Никифоров — Москву.

Кто ездил в Казань, не знаю, но знаю, что кто-то собирался, Ралли — Москву.

Слышал в Москве я, что Орлов бывал у Лунина, студента Земледельческой академии, у Браилко, студента университета. У них я спрашивал, кто он такой, и кто-то из них сказал мне, что он — студент Земледельческой академии.

Замечу еще, что впервые я услышал от студента Лунина, который, смеясь, передал мне, будто какой-то князь Черкезов приехал в Москву и говорит всем и каждому, что все это студенческое дело поднято дру-

---

[1] «Странно. Не знал фамилии, а высказывал свои убеждения!» [2] «Кто именно?» [3] «Какое именно?» [4] «Ее то и нужно».

гими людьми, ищущими людей для организации, с целью же какою, кто такие, не знает. Я со своей стороны просил Лунина передать этому господину, выдавшему себя депутатом от петербургского студенчества, чтоб он говорил от себя, если что желает, но отнюдь не от массы, на что он права не имеет.

Бывший студент Медико-хирургической академии дворянин Земфир Ралли.

(Д. III отд., 3 эксп., 1869 г., № 112, ч. II, лл. 79—85.)

Дополнительное показание З. Ралли.

1) Первый разговор Орлова об обществе будто бы существующем был таков: существуют два, много десять человек, которые взяли на себя создать тот идеал общечеловеческой жизни, к которому стремится общество в продолжении всех веков [1]. Эти люди дело ведут так: они каждый имеют вокруг себя по десяти им доверяющих людей, каждый из этих десяти имеет вокруг себя тоже десять и т. д., влияние, следовательно, тех двух или более лиц распространяется на всех, как от центра. Таким образом создается общество равномыслящее, равнонравственное. Далее он сказал, что если мы хотим, то он рекомендует нам одно из второстепенных лиц этого общества [2]. Мы согласились (здесь был Нечаев, Никифоров и другие мне не знакомые). На другой день мы были призваны (я Орловым) к г. Ткачеву, где он, Орлов, уже говорил совершенно не то, а просто о студенческом деле. Когда же я и другие ему напомнили вчерашнее, он замялся, и тем дело кончилось, мы разошлись; видно было по всему, что хозяином играл, без его позволения, г. Орлов.

2) Орлов явился в марте месяце опять. Здесь он объявил мне, что он действительно Орлов, а не Крылов, Петров и проч. Тут же на мое мнение о том, что бедным людям лучше быть в среде своей, работать там, где родился, а не итти в университет, где с голоду им приходится часто подличать, а еще чаще делаться пьяницами (таковых я знал), я указывал ему на Германию, говоря, что там бедняки не идут в университеты, а делаются честными ремесленниками или хлебопашцами, у нас же все они как будто презирают физический труд. На это Орлов при других объявил мне, что ему удалось устроить несколько школ, которые идут очень хорошо, что в одной из них теперь требуется учитель. Товарищ мой, намеревавшийся жениться, бедный человек Коринфский согласился отправиться туда.

3) Я слышал от Орлова, что он хотел ехать в Харьков и имеет там много знакомых, которые поведут дело студенческое хорошо [3].

Во всех своих встречах со мною Орлов никогда не высказал мне того, что я вижу теперь по прокламациям, данным мне для прочтения, и о существовании которых я доселе не знал. Он всегда говорил о Нечаеве, как о жертве студенческого дела. Г-жа Томилова, которую

---

[1] «Спр. Орлова». [2] «Кто это; спросить Орлова». [3] «Спр. Орлова, кто эти знакомые».

я всего раза три видел, собирала деньги для арестованного Нечаева [1]. Никому не говорилось, насколько я знаю, что он бежал. Раз в своих разговорах с товарищами, когда я говорил о том, как, по-моему, может создаться идеал общего счастья, когда я указывал на Овена и на его успехи (я увлекался этим человеком всегда), мне Орлов при других заметил, что все это чепуха и что Овен не понимал людей. Он назвал его добродушным стариком. На что я Орлову ответил: «жаль, что он у вас не попросил совета». Вообще Нечаев и Орлов, появляясь на сходках, всегда стремились уничтожить, как и сделали, предложения мои и других о кассе предприятий и пр. Они всегда этим предложениям бывали рады до половины, и после я замечал, что дело всегда падало, не доходя до конца.

Вообще я несколько раз был то Нечаевым, то Орловым (три раза) приглашаем для составления общества, руководящего делом студентов, но все разы дело кончалось так, как и в первый раз на квартире Ткачева; я до конца стоял за общие сходки, насколько мне это удалось, не знаю, но я замечал, что сходки начали редеть и лица, участвовавшие прежде, составлять кружки. С этим впечатлением я и уехал из Петербурга.

З. Ралли.

(Дело III отд., 3 эксп., 1869 г., № 112, ч. II, л. 101.)

Дополнительное показание З. Ралли.

Езерского я видел несколько раз, но только на сходках, где слышал его говор. Он всегда был против общих сходок и стоял за кружкование. Слышал я на одной из сходок, бывших в 5-й линии Васильевского Острова, что они (его партия) составили какую-то кассу, что у них есть библиотека и назначено какое-то депутатское собрание, куда приглашали и из нашей партии многих. Пошел ли кто, не знаю. Потом, спустя некоторое время, я встретился опять с Езерским на вечере, бывшем в Измайловском полку, в 7-й роте, кв. Рослякова. Здесь произошел сильный спор между ним, другими и мною; я опять стоял за общие сходки, технологи же стояли за кружки и общие собрания только депутатов. Вот все мои встречи с г. Езерским. Больше я его не видел и даже не знаю, знает ли он мою фамилию. Видел я его часто с студентом Кипиани, который по всему вероятию гораздо более знаком с ним. На вечерах же этих, руководимых Езерским, я больше не бывал, хотя слышал, что они продолжаются. Кроме того, не сочувствуя их партии, я не хотел участвовать в образовании кассы со взносом за вход, за чай и ужин (вход 60 коп., остальное не упомню). Там бывали дамы, военные и вообще много посторонних лиц, но большая часть публики состояла из студентов. Слышал я, что одна и та же личность могла быть на этих вечерах только три раза сряду, почему же, это я добиться не мог. Над учреждением же смеялись.

З. Ралли.

(Дело III отд., 3 эксп., 1869 г., № 112, ч. II, л. 123).

---

[1] «Спр. Томилову».

Показания 3. Ралли 4 октября 1869 г.

4 октября 1869 года в помещении высочайше учрежденной следственной комиссии в С.-Петербургской крепости, в присутствии нижеподписавшихся, вызваны были к допросу бывший студент Медицинской академии Земфирий Ралли для разъяснения некоторых пунктов его показаний. При сем Ралли объяснил следующее: на сходках, бывавших в Фурштатской улице, дом № 37, у Любимова, и на Васильевском Острове, 5 линия, № 22, у Никифорова, заведывал сходками и более всех говорил Нечаев, формулировал его речи студент Васильев. Левченко говорил за демонстрации по улицам, подобные тем, которые были в 1861 году [18]). Что это именно за «дело», о котором много говорил Нечаев, Ралли не может положительно объяснить, так как не мог «раскусить» Нечаева, но догадывается, что это было негласные сходки для общего дела всех университетов. К Нечаеву Ралли позван был Аметистовым Евлампием, где познакомился с Орловым, бывшим под именем Крылова или Петрова; под именем же Хомутовского не знал Орлова. Этот последний считался, по его рассказам, за студента Земледельческой академии, и говорил об обществе взаимного страхования. У Орлова была и программа этого общества, заключавшая в себе правила общества с нравственной и материальной стороны и на счет основания школ. Орлов хотел представить одного члена этого общества, но это не было исполнено. Что говорил Орлов, то это казалось как бы заранее подготовленное, заученное. Когда Орлов привез Ралли к Петру Ткачеву, то сам ушел с хозяином в другую комнату и о чем-то тихо они говорили. Как кажется Ралли, они хорошо были знакомы. К Ткачеву на собрание приглашал также и Нечаев; было до 12 человек; это было на Мойке. Цель некоторых кружков, к которым принадлежал Ралли, была закупать книги для народа — больше издания Хана — и раздавать их даром детям простого народа. Эти кружки не имели связи с другими, имевшими, как кажется, совсем иной характер, так, напр., кружок Езерского до 80 человек, Браилки, Бирка, Катин-Ярцева. У последнего бывали сходки на Петербургской стороне, в Гулярной улице, дом 24. У Браилки на квартире был портрет Искандера за занавеской, которая снималась во время собраний, что производило своего рода впечатление. Катин-Ярцев на сходках в библиотеке Медицинской академии объявлял, что должны протестовать, расходиться не иначе, как после третьего залпа и т. д. Урсати видел на сходках и Ткачева. Катин-Ярцев старался устроить подписку в пользу учителя народной школы, но кого именно, Ралли не мог узнать. Чубаров же хлопотал о подписке в пользу ремесленной школы, которая была в Серпуховской улице, дом №, как кажется, 18. На этих сходках передавались друг другу: «Колокол», «Народное Дело» и прокламации Нечаева к студентам с цитатами из Лассаля. Книгу «Отщепенцы» Ралли получил от Соловьева; была такая же книга у Бирка и других. Рассуждения на сходках были с частыми ссылками на французскую революцию, Пугачевский бунт. Подобные рассуждения электризовали молодежь; многие увлекались, так, напр., студент Рассудов бросил занятия, вышел

из университета и отправился в провинцию, говоря, что там, если он будет и приказчиком, то принесет более пользы делу. Корнифский решился ехать в Вятскую губернию учителем, собственно за неимением здесь места. Ралли тоже собирал деньги в пользу Нечаева, как говорили тогда, арестованного, — но не эмигранта. Потом уже когда он, Ралли, отправлялся на родину, в вагоне железной дороги Евлампий Аметистов сказал, что Нечаев на свободе, за границей, и что подписной лист, он, Аметистов, спрятал. На сходках у Майковой бывала и Томилова, знакомая с Нечаевым и Орловым. На сходках, где устроен был буфет, доход от этого буфета назначался в пользу какой-то кассы, но какой именно, Ралли не знает; хозяин этой квартиры был Негрескул, который ныне за границей. Технологи на своих кружковых сходках собирались у Костеловского. Сходки бывали на Невском, недалеко от Аничкина моста, как кажется Ралли, в доме Лопатина, вход где трактир. Старались вообще о негласности сходок, потому что на них, кроме студентского дела, проговаривались совсем о другом личности, подобные Катин-Ярцеву. Но, впрочем, вход был открытый для всех. Затем Ралли объяснил на счет Орлова, что этот господин хотя и не имел значения на сходках и не говорил там, но его все знали, он у всех бывал; Ралли видел его и у Майковой, и находит его личностью весьма сомнительной. Почему на сходках с буфетом дозволялось каждому бывать только три раза, Ралли не знает; цель же этих сходок была, как ему собственно кажется, примирение партии Езерского с их, т. е. Ралли и др. партиями. По объяснению Ралли, Орлов по просьбе Никифорова объявил свою настоящую фамилию ему, Ралли, и что Орлов присылал сюда с письмом студента, который жил в Москве с Лунниным.

Читал и согласен вполне со всем написанным выше З. Р а л л и.

(Дело III отд., 3 эксп., 1869 г., № 112, ч. III, л. 117.)

Очная ставка Орлова, Никифорова и Ралли.

6 октября 1869 года в помещении высочайше учрежденной следственной комиссии, в С.-Петербургской крепости, в присутствии нижеподписавшихся лиц призван был Владимир Орлов для разъяснения некоторых показаний Ралли.

О р л о в показал: На вопрос, что его все знали и всюду встречали — отвечал, что это было для него физически невозможно, так как он был в Петербурге всего две недели, у Ткачева был, у Майковой же не был, отвергает показание Томиловой, что будто бы по его просьбе она послала Нечаеву за границу 100 рублей, которые Орлов обещался ей возвратить. Орлов утверждает, что он не мог бы возвратить эти деньги — по бедности своей, и не получал в селе Иванове денег от Александра Зубкова, да и ни от кого не получал. Не помогал Нечаеву в бегстве за границу, но только дал ему свой паспорт на проезд в Одессу, где же и когда Николаев отдал свой паспорт Нечаеву — не знает. Хотя на сходке у Никифорова и был, но его не знает. Не выдавал себя за студента Земледельческой академии. На сходке у Нечаева

развивал мысль об обществе взаимного страхования, но письменной программы этого общества не имел у себя. Эта программа была у Ткачева, но содержания ее не знает. Бывши у Ткачева всего один раз, в особую компату с ним не ходил. Приглашал к Ткачеву Нечаев. Видел программу и слышал о ней от Нечаева, который объяснял, что она заключает в себе предположения доставлять работу учащимся и бедным учителям. Предполагалось испросить разрешение на устройство общества. Говорил у Нечаева на сходке только про школы, но не об устройстве общества и кружков, не чертил этих кружков, а только принимал участие в разговоре. Не предлагал Ралли познакомить его с одним членом этого общества. Кого приглашал на сходку к Ткачеву, на другой день после Нечаевской сходки — фамилии не знает, но действительно приглашал. Настоящую фамилию свою действительно объявил этому лицу, сказав, что другие ложные. По отзыву Орлова, он не помнит, был ли у Майковой или нет, Любимова не знает.

Затем вызван был Никифоров, который показал: что у Нечаева Орлов действительно говорил, но что именно, не помнит. У Нечаева больших сходок не видал. На какой-то сходке, где-то слышал, что предлагали устроить какое-то общество из студентов, программы не видал. У Ткачева не был. Сходки бывали на Петербургской стороне, на Васильевском Острове, в 5-й, 7-й или 8-й линиях. Никифоров знал Ралли и видел его на сходке у Любимова или у Нечаева, хорошенько не помнит. Говорил с Ралли об Орлове и смеялись над Нечаевым. На сходке говорилось, что они ни к чему не поведут, Нечаев же обещал собрать много народу. Была сходка у Крутикова, где Нечаев зашел с Никифоровым в другую комнату и предложил ему написать несколько строк по студенческому делу, что было исполнено Никифоровым. Подписей собралось мало, потому что не знали цели этой подписки. Нечаев говорил убедительно и читал тут листок о том, что студенты готовы отстаивать свои права всеми средствами, кроме физической силы. Студенты соглашались представить протест ректору, если соберется по крайней мере 200 человек. Нечаев обещал собрать много. Не Орлов, но Нечаев развивал план общества. О других фамилиях Орлова Никифоров не знал, но слышал, что он принимал чужие фамилии. Не знает и не помнит, чтобы уговаривал Орлова объявить Ралли настоящую свою фамилию. Орлов действительно говорил, что хотят устроить общество. Иван Аметистов постоянно отговаривал Нечаева от исполнения его предположений и всегда говорил ему правду прямо, что не нравилось Нечаеву. Подписка у Любимова послилась Нечаевым. Никифоров не знает, к чему был этот протест. Сходки с буфетом и с платою по 60 коп. не знает для чего были; плата же за вход производилась, как полагает, на наем квартиры. На одной сходке Нечаев заговорил о каком-то земском деле, но встретил сильный протест, — не желали вмешивать посторонние предметы и политику в дела студентов. Затем образовались две партии — сходок гласных и негласных. Желали просто подать прошение ректору и если не позволят сходок, то устраивать их и так. Никифоров принадлежал к партии сходок гласных. Какую роль играл Орлов — не знает, у Ткачева, кажется, Орлов был, но наверно не знает. Руководил глас-

ными сходками Езерский; Катин-Ярцев, как всем известно, был глуп до того, что его можно в одно и то же время убедить в пяти совершенно разных вещах, постоянно лгал, и ему никто не верил, говорил же обо всем, что попало.

Потом призван был Р а л л и, который утверждал, что говорил об обществе Орлов, а Нечаев только вмешивался в разговор, но после показывал программу и давал ее читать.

По заявлению Никифорова, он ничего не слышал на этом вечере об обществе, но говорил о протесте Нечаев. Ралли же возразил, что Орлов по пунктам развивал план общества, а программу показывал в Сергиевском училище и кому-то передал.

Прокламацию одного студента к своим товарищам Нечаев действительно передал ему, Ралли, для распространения [19]). Ралли ездил в Москву вместе с Никифоровым, но там они не видались между собою, что подтвердил Никифоров, прибавив, что он собственно хлопотал там о протесте недовольных студентов, которые соглашались на это в случае, когда наберется их более 300 человек.

На очной ставке Орлова, Никифорова и Ралли:

Орлов объяснил, что программу общества действительно показывал Ралли, но кому потом передал ее — не помнит; получил же ее от Нечаева и видел у Ткачева, у которого был всего два раза в один день.

Ралли говорит, что был у Ткачева после того, как видел программу у Орлова на сходке.

Никифоров говорит, что не видал Ткачева ни на одной сходке, а Орлов утверждал, что видел, но не помнит, на какой именно.

По уверению Ралли, письмо было к нему от Орлова и доставлено, кажется, Амосовым, верно не знает. Орлов-же говорит, что не чрез Амосова, а чрез студента Земледельческой академии, который жил у Лунина, в Москве, по фамилии его не знает.

Ралли подтвердил свое показание, что Орлов развивал идею основания общества, но Орлов отверг это.

На вопрос Ралли: почему в известной записке Орлова к Томиловой упомянута его фамилия, чего он решительно не понимает, Орлов отвечал, что записка эта дана им Томиловой по ее просьбе и что заключала в себе пустые фразы, больше ничего. При этом Орлов подтвердил, что знал о побеге Нечаева за границу тогда, когда еще об этом не было известно другим.

Никифоров пояснил, что записка Нечаева о его аресте была следующая: «Меня везут в крепость, в какую не знаю, о сходках ничего не знают, продолжайте». Говорили тогда, что эта записка выброшена Нечаевым из кареты, когда его везли в крепость, и этому верили. Когда это происходило, то Орлова не было в Петербурге.

Ралли подтвердил, что на сходках проводил мысли о кассе, а Орлов утверждал, что говорил только о школах, Амосов ему писал об этом и что он, Орлов, собирался ехать не в Харьков, как другие говорили, а на Кавказ.

Потом Орлов утверждал, что не приглашал Ралли составлять, как сей последний показал, общество и руководить делом студентов

и кроме школ ничего не знаст. Уверял, что старается быть искренним в своих показаниях; на сходках же не видел женщин, бывал только у Нечаева, фамилии Майковой не помнит и у ней не был.

Но Ралли опять и положительно утверждал, что видел Орлова у Майковой, даже не в первой комнате, куда сам вошел, а в следующей, и помнит он, Ралли, этот факт тем тверже, что тут же Майкова спросила его мнение на счет Орлова.

(Дело III отд., 3 эксп., 1869 г., № 112, ч. III, лл. 121—126).

Показание 3. Ралли 24 февраля 1870 г.

Разговор, бывший в школе на Сергиевской улице, мне неизвестен вполне. Я пришел во время его, следовательно, после начала; но постараюсь по возможности припомнить его. Говорил Орлов, он указывал, как человек знающий, на какое-то общество, которое существует и формируется следующим порядком: некоторые имеют вокруг себя несколько человек; эти в свою очередь приобретают каждый вокруг себя по несколько и т. д. Помню, что я его спрашивал о цели общества. Он высказывал, что цель крайне нравственна: распространение школ, облегчение учащейся братии (его выраженье), составление библиотек для воскресных и народных школ. Он говорил, что общество это давно существует, и обещал рекомендовать нам одного из членов его. По прежним моим показаниям, этот один был Ткачев. Как это дело кончилось, я писал уже. Не помню, здесь же или в другое время, Орлов дал мне и программу «общества взаимного страхованія» и просил, прочтя, высказать ему свое мнение. Я ничего предосудительного не видал во всем этом деле, но и участвовать не брался; у меня на это времени не было, да и дело незнакомое мне было.

С Ткачевым я более не видался и решительно ничего не слыхал о нем.

Помню одно еще обстоятельство, — это, что какие-то господа предлагали дать концерт в пользу студентов, стоящих за сходки, на случай, если дело кончится драмой; мне и Никифорову предложено было подписать принятие суммы, но как он, так и я от всяких концертов отказались.

Сожалею, что я сжег прошение и программу, составленную мною и другими студентами, бывшими депутатами курсов академии. Она показала бы, какие мотивы давали нам право предполагать возможным успех нашего дела. Да и теперь я постараюсь вкратце высказать это. 1-е, была описана история студенческого движения 1861 года и переход его в колорит политический, далее история Казанского университета и Петербургского; в противоположность им была поставлена Медико-хирургическая академия, которая пользовалась правами сходок с 1862 г., и в то время, когда в других высших учебных заведениях происходили беспорядки, постороннее влияние не могло нарушить покой академии, а сходки явные, сходки всех не давали возможности составляться кружкам, которые всегда оказывались причиною всех неурядиц; но с определением нового инспектора сходки были закрыты, и вот вышло наружу дело какого-то Надуткова, что ли, и

академия приняла участие в деле, чуждом ей. В программе была исправлена инструкция студентам. Правилась в последних девяти пунктах. Покажется странным, что мы могли надеяться на успех. Да, ведь, нам позволили передать программу в академическую комиссию, а это было для нас много уже. Эта партия студенчества стояла за петицию, к ней прилегали и такие, которые просто требовали скандала; без этих нигде не обходилось; они то и пропзвели демонстрацию или, по крайней мере, были причиною ее.

О кружках здесь, в Петербурге, я очень мало знаю. Был я только на этом свиданьи некоторых у Орлова и Ткачева; но были ли это кружки, не могу решительно сказать. Слышал о кружке Езерского и техников, но, где они были и были ли действительно, не знаю. Партия петиции тоже раза два разбивалась на кружки под чьим-то влиянием, но всегда безуспешно, всегда кончала ссорою в кружках и примирением на общей сходке. Вообще связи не было, да и быть не могло между студентами этой партии, они мало знали друг друга, да и к чему было узнавать? Требовалось одно — согласие на петицию и звание студента.

Я не могу сказать, что на сходках не касались вещей нестуденческого круга; но все, что говорилось порой, решительно не давало возможности предполагать такой преступный, по коже подирающий исход.

Оборот дело приняло, видно, потом другой, т. е. после демонстрации. Да и придет ли в голову, чтобы пустая либеральная выходка одного-двух студентов, не имеющая никакого основания, могла притти к такому исходу? Нет, я уверен, что, не будь здесь посторонних людей, чуждых интересам студенчества, посторонних людей, которые, к несчастью, всегда словно из земли вылезут при подобных обстоятельствах, — дело студентов, при всей своей несостоятельности, много если кончилось бы пустым скандалом. Выходки людей, подобных Катин-Ярцеву и другим, не могут сделать более вреда.

Зная теперь дело москвичей [20]), прочтя программу Нечаева, мне понятны теперь следующие факты:

Дела чисто студенческие никогда не приходили к концу: касса ли предприятия, прошение ли мое, программа ли депутатов, — все это останавливалось на полдороге и вечно (каждая сходка) кончалось криком, ссорою.

Я сошлюсь на всех, посещавших сходки. Пусть припомнят они сходку (Фурштатская), на которой меня чуть не прибили, а г. Кипиани обругали самым площадным образом. Пусть припомнят себе этот факт. Его нельзя было забыть. Причиной этой истории было то, что я смеялся над лицами, говорившими о протесте, предлагая его бог знает в каких формах.

Сидя в камере, я, кажется, вполне понимаю значение записочек г. Орлова [21]). Нет, это не фраза, как он выражается. Я обращу внимание на то, что в одной из них стоит моя фамилия рядом с фамилией г. Нечаева. Я понимаю значение этих записок и уверен, что не ошибаюсь. Эти записочки — род прокламаций, опять-таки с целью продолжать обдувать студенчество. «Ралли арестован, Нечаев также;

во имя этих жертв (sic) [1], продолжайте, друзья», — вот скрытый смысл этих записок. И я уверен, что это так. Здесь моя фамилия употреблена возбуждающим средством, и только. Почему я так цитирую эти записочки? Потому, что в этом роде для г. Орлова всегда служила фамилия арестованного Нечаева. Насколько честно это, пусть судит сам г. Орлов. Впрочем, когда дело кончилось кровью, о чести нельзя говорить, ее здесь нет.

Далее я, зная программу Волховского (Нечаева [2]) [22]), считаю нелишним выписать фамилии всех моих знакомых студентов .

Земледельческая академия московская: Вл[адимир] Мартынов, Ив[ан] Мартынов, Александров, Писаржевский, Бондаш, Евг[ений] Азмидов, Ник[олай] Азмидов, Лунин (раз видел только). Вот и все мои знакомые там; из них никто не арестован, кроме Лунина, может быть, который мне незнаком почти

Университет петербургский и академия: А. Урсати, С. Урсати, Д. Урсати (за границей), Богоявленский, Предтеченский, Коринфский, Никифоров, Аметистов, Златопольский, Недович, Соловьев, Муринов, Блюменфельд, Магалов, Левентон, Пятницкий, Любимов, Чудновский, Покровский, Пятницкие Петр и Алекс. и еще несколько, — список был бы длинный. Никто из них не замечен в этом деле, никто из них не принадлежит ни к каким кружкам, и только лица, столкнувшиеся с Орловым, заподозрены. Если бы я следовал программе Волховского, если бы я знал ее, разве не естественно было бы завлечь большее число моих друзей в это дело, и, однако, пусть хоть один из арестованных даже или из них скажет, что я был причиной его несчастья? Нет, этого не может быть.

Какой же я последователь или член этой политической организации, когда ни одного действия, даже ни одного из лиц, меня окружающих, я не ввожу в это дело, когда на все поползновения Орлова и прочих ничем не отвечаю, когда ни один из этих лиц мне не известен (почти все). Не естественно ли было и с моей стороны стремление к составлению между лицами, мне более знакомыми, кружков, а я не только не составил, но еще и испортил дело?

В заключение скажу, что как ни прискорбно бы было мне поступить не по своему убеждению, против совести, но если бы я знал, что дело, казавшееся мне простой вспышкой, минутным увлечением, обагрится кровью, клянусь всем святым, во что я только верую, я донес бы, — донес бы, несмотря ни на что; но разве я знал что-либо подобное и был ли компетентен в подобных делах, чтобы знать, что дело пустое, дело незначащее принять может такой трагичный характер? Пустые демонстрации студентов, требования кассы и сходок кончаются вдруг заговором (ведь оно уж так, коли и комитет, и программа, и прокламации существуют), и этого мало — у б и й с т в о м.

З. Р а л л и.

По моему убеждению, дело это росло постепенно, т. е. сначала едва ли существовало все открытое в Москве; Нечаев, верно, привез

[1] «Sic» — помета автора показаний. [2] Товарищ прокурора говорил и давал читать. — *Прим. Ралли.*

это с собой из-за границы; имел ли он эти виды здесь, в Петербурге, — думаю да, но было ли у него общество, — не знаю решительно. Если бы со мною более знакомы были Орлов, Нечаев и др., может, я и узнал бы более. Теперь же дело для меня ясно стало только в заключении. Во всяком случае все, что мог припомнить я, кроме разве пустых фраз людей, не знающих и теперь этого грустного дела, которые повторять считаю, право, лишним, людей, подобных Катин-Ярцеву и пр., — я высказал все.

З. Ралли.

(Дело III отд., 3 эксп., 1869 г., № 112, ч. III, л. 240.)

Показания С. Езерского 22 февраля 1870 г.

Обстоятельства студенческих беспорядков в С.-П. Университете, бывших в марте 1869 года.

(Показания эти писаны бывшим студентом С.-П. университета Степаном Езерским. Писаны прямо набело).

А. Обстоятельства до января 1869 года.

Обстоятельства студенческих беспорядков в университете до января 1869 года мне почти неизвестны. Кто подал мысль ходатайства об улучшении быта студентов, с прямой целью или косвенною он ее подал, как мысль распространялась дальше и дальше до января, я точных сведений не имею и до сих пор. В это время сам я, согласно своим планам, сидел почти безвыездно дома, очень редко кого видел и усиленно занимался; так что только около 1 января я услыхал, что существует движение, имеющее основанием недовольство студенческим положением, созданным правилами 1863 года [23]). Тут же я услыхал, что до рождественских праздников шли толки по этому предмету и что в университете было вывешено приглашение принять участие в сходках; сам я этого приглашения не читал, да и в университете бывал очень редко. Передававшие мне студенты говорили, что из любопытства стоит сходить; я сперва уклонялся, но увеличившиеся слухи о сходках, ходившие даже в обществе, возбудили любопытство, и я, узнав о первой общестуденческой назначенной сходке, решился посетить ее. К тому побуждали меня и мои солидные знакомые и родные, боявшиеся увлечения молодости и какого бы то ни было шума.

Б. Обстоятельства, сопровождавшие первую мною посещенную сходку (около 1 января).

Первая посещенная мною сходка была общестуденческая, т. е. всякий студент имел право на нее войти; характера партиозности она не носила, а тут были даже такие лица, которые, простояв около часу, уходили и более никогда на сходки не являлись. Сходка началась с 11-ти, кажется, часов, место в точности не помню, но наверное на Петербургской стороне. Студентов университета было больше медиков,

а медиков больше технологов; последних, как мне говорили, было человек пять.

На сходке я играл роль наблюдателя и вот что заметил: главным оратором был Нечаев, человек, которого я тут увидел в первый раз; других говоривших не помню. Время б о л ь ш е ю ч а с т ь ю прошло в простом опросе, дисциплины не было никакой, что было весьма несносно. Разноречий больших не было. Р е з к и х м н е н и й н и к т о н е в ы р а ж а л; весь разговор вертелся на общих местах: «плохо? да, плохо, надо просить!» Много было весьма юных студентов. Искренняя страстность речи Нечаева бросалась в глаза и давала ему адептов, но и он в речах решительно не выходил из пределов студенческих интересов, хотя про него и ходили потом слухи, что он бежал за границу и имел другие цели. О сходке 8 января в университете и просьбе ректору говорилось, как о деле решенном.

Впечатление мое от сходки было таково.

Много шуму, толку мало: 1) дело не обсудили, а решение уже готово; это — бессмыслица: ясно, что идут слепо; 2) самое ходатайство, как не образумленное, будет иметь характер демонстративный. У медиков есть и касса, и библиотека, и депутаты, и кухмистерская, и читальня, и сходки, значит, общего ничего.

Такое впечатление было основанием моей последующей деятельности; оно заставило меня вмешаться и вразумить молодых людей. И я вмешался и вразумил на второй сходке, мною посещенной, бывшей около 5 января.

В. О б с т о я т е л ь с т в а, с о п р о в о ж д а в ш и е в т о р у ю м н о ю п о с е щ е н н у ю с х о д к у (кажется, 5 января).

И эта сходка была общестуденческая; была более многолюдна, чем предыдущая; опять были медики и технологи, но больше было университетских. Опять на Петербургской стороне. Началась часов в 11.

Сходка эта была назначена п о с л е д н е ю перед я в н о й сходкою в здании университета и официальным заявлением 8 января.

Предварительно н а р о ч н о познакомившись и переговорив с некоторыми студентами университета, я вышел с намерением о с т а н о в и т ь д в и ж е н и е в том виде, какой оно имело.

На ней я, почти никем не знаемый, являюсь перед студентами действующим лицом в п е р в ы й р а з. Я говорил третьим. В длинной речи я доказывал беспутность движения и заключил ее категорическими заявлениями: 1) соединение медиков и технологов и университетских студентов не должно иметь места; это — пустая демонстрация, 2) сходки надо прекратить, ибо на них больше кричат, чем обсуждают, 3) так как дело не обсуждено, с х о д к е 8 я н в а р я б у д у п р е п я т с т в о в а т ь в с е м и м е р а м и.

Речь прерывалась радостями и негодованиями; некоторые кричали: «Долой его! Он не желает добра студентам, прислан препятствовать» и т. д. Другие же одобряли и требовали продолжения речи. Но, хотя с большими перерывами, речь была доведена до конца. После

речи пошел спор и в споре меня особенно поддерживали Шраг и Пацановский, которых я впервые в этом деле узнал, а равно Семевский. Спор бы не кончился, если бы я, потребовав слова, не пригласил дело решить баллотировкою, — кто в пользу моего мнения и кто в пользу сходок всех студентов, заявлений 8 января и т. д. Перед баллотировкою я предложил медикам и технологам уйти в другую комнату, и они ушли. Баллотировка дала моему мнению огромный перевес. Посыпалась брань между двумя сторонами и среди брани все разошлись. Я сделался любимцем большинства и врагом меньшинства, в среде которого виднелись люди совершенно невинные.

Вот последняя сходка общестуденческая, со студентами всех заведений.

Через три дня, т. е. 8 января, должно было последовать назначенное и решенное прежде заявление начальству неудовольствия своим положением.

Это обстоятельство, да еще сознание, что в быту студентов есть, однако, печальные стороны, но что раньше, чем дело не обсуждено, нельзя ничего предпринимать и что, следовательно, надо дело обсудить, заставило сторонников моего мнения согласиться сойтись 7 января; но, конечно, дело уже шло только об университетских студентах и чисто студенческих интересах.

Г. Обстоятельства сходки одних университетских студентов 7 января.

Сходка была у Николы Морского, в доме Бенуа. Она имела две цели: 1) обсудить, что делать 8 января, чтобы не было никакого заявления и шума, и 2) потолковать о путях к улучшению быта университетских студентов.

Так как никто не явился из тех, которые хотели заявления 8 января и сходок студентов разных заведений, то сходка прошла весьма спокойно; благонамеренность доходила до того, что после прений единодушно порешили:

1) никогда никаких сходок ни в городе, ни в университете не делать, потому что это может навлечь преследования,

2) так как обсуждать положение студентов в больших собраниях неудобно, то избрать комиссию с этою целью из 11 студентов университета; их тут же и избрали. Об этой комиссии полиция знала и, получив уверение, что сходок студентов не будет, оставила дело в покое, и

3) явиться всем 8 января в университет и препятствовать шуму.

Порешив это, студенты разошлись, и после этой сходки я не был ни на одной сходке и не знаю, бывали ли они.

Д. Обстоятельства от последней студенческой сходки до мартовских беспорядков в университете.

Комиссия, изредка заседавшая, дала разногласия между членами ее: одни находили лучшим просить какого-либо из высокопоставлен-

ных лиц устроить общество для воспомоществования студентов или же просить самим об этом же, на основании существующих законов, обер-полицмейстера (Свечинский, Рихтер, Андреев и позабыл еще кто); другие находили лучшим просить ректора и священника университета устроить братство при церкви с целью помогать бедным студентам (Ржундковский, Смирнов); я же настаивал на том, что лучше ходатайствовать путем скромных переговоров с профессорами и ректором о студенческой кассе, подтверждая свое мнение указанием на медиков, пользующихся кассой, сходкою, депутатами, читальнею, библиотекою и т. д., и глубоким сожалением, что никто не может знать студенческой бедности так, как сами студенты.

Комиссия в долгом разногласии готова была разойтись. Во всяком случае о каком-либо политическом духе тут и мысли ни у кого не было; одни студенческие интересы преследовались.

Мнения студентов, высказывавшиеся в частных разговорах, были в пользу скромного ходатайства через профессоров и ректора о студенческой кассе; комиссия, наконец, согласилась на этом мнении.

Так тихо и скромно шло бы дело, если бы чрезвычайные обстоятельства в скромный огонек не подложили хворосту; вышло пламя, более видное, но все же чисто студенческое и известное под именем мартовских университетских беспорядков.

Эти обстоятельства, как я теперь соображаю, были следующие:

1) Юбилейный праздник [24]) сильно оживил и объединил студентов: самое торжество, многие обеды, концерт, студенческий бал и всему этому предшествовавшие переговоры и беседы между студентами способствовали этому.

2) Некоторые профессора, узнав о неудовольствии студентов, приглашали их к умеренности и в частных разговорах уверяли, что путем скромным можно скорее улучшить быт студентов и добиться кассы; это было известно студентам; студенты же сами воспрепятствовали беспорядкам 8 января, но затем профессора не принимали никаких мер, чтобы что-нибудь устроить для пользы бедных студентов; обманутые надежды нехорошо повлияли на впечатлительную и прямодушную молодежь.

3) Распределение сумм, пожертвованных на юбилей его величеством [25]), распределение, происходившее с участием студентов из разных курсов и факультетов, произвело во многих неудовольствие; там и сям жаловались, что такой-то богаче такого-то, а получил большее вспомоществование; недовольные апеллировали, где могли, к студентам и немало способствовали распространению убеждения, что даже усилия нескольких студентов недостаточны для справедливого распределения стипендий и пособий. Я сам участвовал в распределении сумм по юридическому факультету и испытал на себе и моих товарищах это неудовольствие, хотя студенты и видели во мне вообще правдивого человека. Неудовольствие это проникало в слой общества, ближайший учебно-университетскому, и нашло отголосок в печати.

4) Распределение сумм и особенно единовременных пособий, весьма многочисленных, заставило участвовавших в распределении

студентов (без них нельзя было распределять) наводить справки о всех подававших прошение о вспомоществовании и посещать квартиры. Я сам посетил много студентов, о которых было недоразумение. Это — весьма важное обстоятельство. Бедность, нагая бедность просвещенной молодежи в первый раз встала во всей своей полноте. Открыты были поразительные факты!! О них не место говорить здесь, скажу только, что передо мною плакал незнакомый студент, жалуясь на свое безвыходное положение. Из уст в уста переходили открытые студенческие бедствия и произвели на впечатлительную молодежь сильное впечатление. Да и кто из гуманных людей не содрогается, услышав, что есть целая небольшая группа студентов писцов в разных казенных учреждениях, что один студент, не имея чем питаться по выходе из больницы, просил полицию дать ему пропитание, и ему дали место чуть ли не с жалованием 10 р. в месяц! А сколько открыто необедающих?

5) Наконец, разнесшиеся слухи о многочисленных арестах медицинских студентов за историю, как говорили, с инспектором и секретарем совета [26]) могли также повлиять дурно на студентов.

Может были и еще какие-нибудь обстоятельства, но мне кажется, что и выставленные достаточно объясняют причину, почему люди, хотевшие итти тихим путем переговоров о студенческой кассе через свое ближайшее начальство, решили подать открыто прошение.

Комиссия уже ничего не значила, и большинство ее уклонилось от участия в подаче прошения. Уклонился даже Семевский, который так же, как и я, полагал, что студенческая касса и участие студентов через депутатов в распределении стипендий и пособий есть лучшее средство для помощи им.

Но что же было во все это время (от 5 января до мартовских беспорядков), что делали студенты отделившиеся? Что делало меньшинство? Где девался Нечаев?

Мне нельзя этого вопроса задавать. Тот, который силою своего энергического и искреннего слова в 5 часов рушил здание, построенное другим зодчим и поддерживаемое наивною, детски-увлекающеюся молодежью, — тот разошелся с ними в разгаре вражды. Не знаю, откуда пущено было в ход, что я агент III отделения и никакого блага студентам не желаю, а маскируюсь для подавления всего. Имя мое, мне передавали, произносилось в собрании иных лиц положительно с проклятиями. Но масса студентов была со мною и полюбила меня...

Вот что, однако, могу сказать:

1) 8 января было брожение, приглашали там и сям на сходку в какую-то аудиторию, но явившаяся сильная партия противников, действуя на других студентов, мешала. Я мог решительно подойти к инспектору и сказать: «не беспокойтесь, студенты сами все уладят, и будет спокойно». И все прошло благополучно.

2) Никакой агитации в университете не было. Если, как мне заявили на устном допросе, и были личности, преследовавшие другие цели, то они агитировали вне университета. В университете пикнуть об этом нельзя было! Может быть, это поняв, люди удалились, но я ничего не знаю о таковых.

3) Нечаев, который, как ходили слухи, бежал за границу и был учителем гимназии, после 8 января в университете, кажется, вовсе не бывал, но не смею этого сказать совершенно утвердительно.

Невинные, милые юноши, заимствовавшие убеждение, что надо открытое заявление неудовольствия своим положением, уклонялись, как недовольные, от всякого участия, т. е. не были на сходке исключительно университетских студентов, не интересовались делами комиссии, не принимали участия в распределении сумм, не участвовали в собраниях по поводу университетского юбилейного студенческого бала и т. д., — ходили угрюмо, как ребенок, не получивший конфет.

4) Равно и частным путем ни ко мне, ни к моим единомышленникам никто не являлся для каких бы то ни было переговоров. Постоянный раздор не давал и мысли об этом, если бы и были люди, политически интриговавшие.

Е. Обстоятельства самых мартовских беспорядков в университете.

Эти обстоятельства частью известны из официального донесения; я дополню своими замечаниями.

1) Причины их мною подробно указаны в пункте «Д». Студенты, недовольные распределением сумм и вынесшие убеждение, что только участие прямое, открытое студентов в этом деле может устранить неправильности, студенты, потерявшие надежду, что профессора помогут им своим ходатайством, студенты, пораженные открытою бедностью, никогда в такой полноте не являвшеюся перед глазами, коих гуманное и братское чувство шокировалось, студенты, пораженные закрытием академии и арестами медиков, когда ходили слухи, что все дело было в неприятностях с инспектором и секретарем, студенты, и прежде убежденные в необходимости просить кассы, — все слились вместе.

2) Преследовались одни студенческие интересы и желали того, что имела академия медиков: кассы, сходок, депутатов для распределения сумм.

3) Разговор «об оскорбительной опеке университетского начальства» касался запрещения курить, разговаривать и т. д. в здании университета.

4) Отчет университета не полон, не разъясняет причины и имеет неточности (я говорю о напечатанном отчете); но о нем много писать придется, если начать говорить; некогда, — лучше умолчу.

5) Услыхав о волнении, ректор обратился ко мне. В частной уединенной беседе я сказал ему то же, что позже на суде и что скажу перед канцелярией его величества: «мое человеколюбивое чувство оскорблено картиною просвещенной бедной молодежи; я видал студенческие слезы, видал без сапог, обеда и верхнего платья сидящих, — я этого не подозревал прежде». Ректор был затруднен, но все же просил удерживаться. Горькая слеза навернулась на его глаза. Да, он много умирял студентов своим честным и добрым характером.

6) Когда ректор явился на собрание студентов, меня в собрании этом вовсе не было; но студенты разыскали меня и просили подать прошение. При большой тишине и при скромной критике прошение было подано [27]).

7) Шум следующего затем дня неизвестен, потому что я и студентов не видал, — я отправился с утра в университетский суд, а затем был арестован полицией и выслан на родину [28]).

Заключение.

Я описал обстоятельства студенческих беспорядков в С.-Петербургском университете в марте 1869 г.

Обстоятельства, изложенные с полнотою и последовательностью, изложены также с откровенностью. Бо́льшая подробность была бы излишня и отяготительна. Если же в чем она нужна, я могу сообщить.

Не без намерения я прибегнул к полноте и откровенности изложения: пускай как канцелярия его величества, так и другие учреждения, если бы кому понадобились сведения об этих беспорядках, имеют подробное, последовательное и откровенное описание их.

Отчет университета далеко не полон и совершенно умалчивает о причинах и о том, что было вне университета, а и то, и другое имеет большую важность.

Что же касается до оправдания с е б я перед лицом III отделения его императорского величества канцелярии, об нем я не думал в этом описании; но верное изложение хода беспорядков, указание на их характер и встречающееся описание моего участия в них дают III отделению возможность определить характер этого участия.

Я прошу извинения и прошу позволения сказать мне про себя нижеследующее: поведение мое должно было подлежать суду университета, хотя суд наказал жестоко, исключив без права вступления в другие университеты, общая полиция выслала на родину в интересах спокойствия — это понятно; но я нахожусь в недоумении, почему я нахожусь в настоящее время в строгом, скудном и вредном для здоровья тюремном заключении?

Неужели филантропическое чувство, чувство сострадания к бедности собрата заключает в себе что-либо опасное?

Можно бояться богатых умом и знаниями, но скудных душою; люди же, носящие в сердце своем любовь, воспитавшие ее путем уединения, нравственного развития, люди, коих душевное благородство засвидетельствовано общей любовью, не могут быть названы опасными. Прошу извинения за откровенное заключение.

Степан Езерский.

22 февраля 1870 года. Тюремный замок.

(Дело III отд., 3 эксп., 1869 г., № 112, ч. III, лл. 231—238.)

Показания Н. Пирамидова 16 февраля 1870 г. [29])

16 февраля 1870 года. Понедельник.

По объявлении Пирамидову высочайшего повеления, он показал:

Зовут меня Николай Михайлов Пирамидов, дворянин, 22 лет, вероисповедания православного, по окончании курса в Смоленской гимназии, поступил в Московский университет, по медицинскому факультету, но с 4-го курса исключен 31 октября 1869 г.

Вполне подтверждая показание, данное мною 9 февраля [30]), в настоящее время могу только прибавить следующее. Какие мотивы заставили меня сделаться членом организации? Ответ на этот вопрос выяснится сам собою, если разобрать то положение и те условия, в которых я находился после исключения моего из университета. Не говоря уже о том, что это исключение ложилось тяжелым образом в материальном отношении, лишая меня стипендии и отдаляя еще на год окончание моего курса, оно главным образом способствовало развитию недоверия и даже озлобления к людям, держащим в своих руках власть. Как, — думал и говорил я всюду и всем, где только можно было говорить, — в конце XIX столетия так бесцеремонно обращаются с наукой, назначают анатомо-патолога на кафедру терапевтической клиники, и когда 18 человек студентов четвертого курса, во имя науки не желая выйти вместо честных лекарей, шарлатанами, отказались дать свое согласие на посещение лекций Полунина, тогда, я говорю, их выкидывают из стен университета, т. е. преграждают всякий доступ к окончанию своего образования. И как выкидывают!.. без следствия, без суда, которому они подлежали даже по университетским правилам, и в то самое время, когда в России введены великие реформы, когда для людей, обвиняемых в самых страшных преступлениях, существует суд, дающий возможность если не оправдать, то по крайней мере выяснить те причины, которые заставили их совершить преступление.

Все только что сказанное мною ясно сознавалось нами, прибавьте к этому полное сознание своей правоты, которую мы можем доказать медицинскими фактами (стоит только сличить истории болезней с протоколами вскрытий) и свидетельствами людей, вполне компетентных, т. е. врачей и некоторых профессоров, знающих Полунина; потом — невозможность апеллировать на решение университетского совета, подписанное попечителем, и вот все это вместе взятое представит вам картину нашего положения. Печально и тяжело оно. И ясно отсюда, к чему вело это положение: к озлоблению в большей или меньшей степени. Недоставало только случая, чтобы нашим положением воспользовались добрые люди; но и он скоро представился, и опять-таки мы обязаны нашему исключению из университета. Не будь мы исключены, наши денежные дела не были бы в том печальном положении, которое заставило нас обратиться за помощью к обществу, следовательно, не было бы письма к Прыжову и моего с ним знакомства [31]). К жалким и горьким результатам оно повело: он подлил масла в огонь, и я попался на удочку. «Я ловлю всякий случай за хвост»,

сказал Прыжов во время разговора по поводу университетской истории. Я хорошенько не понял тогда этой фразы, но теперь, вспоминая и разбирая ее, я вижу, что она относилась к нам и что это мы играли такую обидную и столь плачевную для нас роль. «Грешные люди, мы сильно обрадовались, когда узнали, что столько человек исключено из университета», сказал Рпиман в одну из наших кружковых сходок. И эта фраза проскользнула мимо моих ушей, как будто они были заткнуты чем-то. Но, однако, предположим, что все сказанное было действительно так, вызывало возбужденное состояние, но должно же было оно кончиться, уступить место рассудку. Почему же это последнее обстоятельство случилось только впоследствии и окончательно даже только после первых двух дней моего ареста? А вот почему, — и опять-таки благодаря университетскому начальству. В последних числах ноября я стал замечать, что что-то неладное делается с таинственными незнакомцами, являвшимися иногда на наши собственные товарищеские собрания, — придут, не скажут в продолжение вечера ни одного почти слова и потом исчезнут. Но впечатлению, производимому этими посещениями, не суждено было в то время выразиться в ясном и определенном рефлексе, т. е. положение их было такое потому, что они не знали, что им говорить. И вот почему, как я объясняю это теперь: пятеро моих товарищей, исключенных по 3-й и 4-й категории, явственно и для незнакомцев собирались ехать за границу на общие средства оканчивать там свой курс, так как здесь окончание это было отодвинуто одному из них на 5, а остальным на 4 года, и незнакомцы видели неуспех своей пропаганды. Но услужливое университетское начальство снова подало им руку помощи в том отношении, что рассудку моему не позволило вступить в свои права, выхлопотав моим товарищам, вместо заграничных паспортов, высылку за границы Московской губернии. Я употребил здесь слово «выхлопотало» потому, что, действительно, этот казус случился по настоянию университетского начальства и притом совершенно неожиданно для нас. Когда 31 октября мы были призваны в университет для выслушания приговора совета, то нам не было прочтено, что по решению совета Московского университета положено хлопотать о высылке вышеупомянутых пяти моих товарищей из Москвы, и только когда состоялось это решение, мы из официального отчета узнали, что совет Московского университета решился сделать для нас этот сюрприз. Хорошенько не знаю, что делалось с высылаемыми, но я, поверьте мне, жалел, что не нахожусь в числе их: мне казалось, легче перенесть самому ссылку, чем видеть эту ссылку дорогих друзей. И за что же они были высланы? Да за то, что, кроме [того], что они не пошли на лекцию к Полунину, имели еще несчастие встретиться с ректором, который, оскорбивши их до мозга костей, их же потом обвинил в дерзости [32]). По-моему, разбирая, в чем состояла их дерзость, видно: для Лыткина — в том, что он осмелился сказать Баршеву всем известную истину: имею голову для того, чтоб рассуждать; дерзость же остальных — в том, что они молча присутствовали при этой потрясающей сцене. Может быть, меня постигла бы та же самая участь, приди я в тот тяжелый для нас день несколькими минутами раньше

в клинику. После того, как прочли нам решение совета Московского университета, мы немного успокоились в надежде, что quasi-дерзость моих пяти товарищей достаточно наказана; но, — увы! — нашей надежде не суждено было оправдаться: наказание нашли недостаточным, и вот 27 ноября последовал их арест, а затем и ссылка, причем Гольштейна отправили так, что ни один из его товарищей не только не успел проводить его, но даже и проститься с ним. Тяжело подействовала на меня эта ссылка. Это было новое масло в огонь.

Я сказал, что холодный рассудок начал занимать свои права только с конца декабря и окончательно занял только спустя два дня после моего ареста, т. е. после того, когда я решился чистосердечно рассказать все, что припомнил. Почему же сделалось это так поздно? А вот почему. Не знаю, как покажется вам моя исповедь, но для меня она была почти что самобичевание в нравственном смысле, — так тяжело и горько было сознаться в том, что два-полтора месяца тому назад я играл роль хвоста для какого-нибудь Прыжова.

1) В чем состояла цель общества? Это было не более, как мне казалось, желание собрать людей единомыслящих в виду предполагаемого народного движения. Правда, здесь говорилось о необходимости пропаганды в среде народа, но этого не требовалось от всех членов общества.

2) Гольштейну я не успел сказать ничего.

3) Сахарову тоже.

4) Константину Иванову говорил, но он, как мне кажется, отнесся индиферентно. Он был знаком с Рипманом.

5) Соколову и Тихомирову говорил, но они отнеслись к этому неопределенно. Я говорил, что есть общество, цель которого состоит в подготовлении людей развитых более или менее к предполагаемому народному движению.

6) Петрова я видел два раза у Прыжова; особенного он ничего не говорил.

7) Бумага, найденная у меня, с вензелем А. О. принадлежит Александру Эльсницу.

8) С Алексеем Гераспмовичем Орфано встречался несколько раз в биргале у Пельде, против Большого театра, но домом с ним не был знаком. Познакомился через Бутурлина.

9) Пятеро моих товарищей, о которых я упоминал в этом показании и которые были высланы, следующие: Лыткин, Бутурлин, Смирнов, Эльсниц и Гольштейн.

(Дело угол. отдел. мин. юст., 1873 г., № 42, т. VIII, лл. 49—50.)

Показание В. Смирнова 17 февраля 1870 г.

17 февраля 1870 г. Вторник.

По объявлении Смирнову высочайшего повеления, он показал:

Зовут меня Валериан Николаев Смирнов, дворянин, 20 лет, вероисповедания православного; воспитывался в Московском университете, из которого исключен за полунинскую историю. Арестован 28 января 1870 г.

Во Владимире я в последнее время занимался приготовлением к докторскому экзамену и исполнял должность младшего фельдшера во Владимирской земской больнице. Указанные места в книжке [33]), требующие разъяснения, представляют следующее: на 1-й странице неоконченный список имен моих исключенных товарищей; 2-й — адрес товарища, исключенного из Московского университета в мае 1869 г.; 3-й — список товарищей, которым я доверен был доставить уроки и переводы (по исключении их из университета); 4-й — рецепты, записанные мною во Владимирской больнице; 5-й — расчет, сделанный на случай нашей поездки за границу; 6-й список товарищам, которым необходимы были пособия.

Прежнее показание мое подтверждаю, но нахожу необходимым изменить некоторые места [34]). Я желаю рассказать все подробности тайного общества, мне известные: 1) потому, что члены этого общества покушались на мою честность, желали завладеть тою студенческою кассою, хранителем которой был я, 2) потому, что они причислили меня к своему обществу в то время, когда я к нему и не принадлежал, 3) потому, что я не желаю, чтобы мое молчание было сочтено знаком сочувствия этому обществу.

О существовании тайного общества я узнал по поводу моего посещения Прыжова, которое случилось в первых числах ноября 1869 г., когда я собирал студенческую кассу. Мое первое посещение Прыжова было вследствие записки Орфано. Орфано на словах сказал, что Прыжов сочувствует студентам, имеет влияние на купцов и потому может доставить деньги в нашу кассу; кроме того, он сказал, что Прыжов легко увлекается в политическом отношении. Прыжов, поговорив о полунинской истории, начал советовать нам сомкнуться, устроить студенческие кружки по образцу кружков, существующих в Петровской академии. В это время вошел господин в синих очках, которого Прыжов отрекомендовал мне под именем Петрова. Петров — молодой человек, хорошего сложения, среднего роста, лицо довольно оживленное, глаза темные, бегающие, губы довольно толстые, небольшие усики, волосы длинные, темные. Говорит довольно хорошо на о. Петров также советовал устроить студенческие кружки по образцу кружков Петровской академии и обещался доставить нам случай познакомиться с слушателями Петровской академии, которые могли бы нам помочь в сборе денег для кассы. Кроме Прыжова и Петрова, присутствовала при нашем разговоре девушка лет 20—22, блондинка, стриженая, с золотым обручем на голове [35]); в разговор, сколько я помню, она не вступала. При втором моем посещении Прыжова присутствовал только один Петров; денег они нам не доставили; разговор опять клонился к тому, чтобы убедить нас в необходимости устройства студенческих кружков. На вопрос, предложенный этим господам, какая цель этих кружков, они отвечали, что время теоретической постановки вопросов прошло, что спорить не о чем. Посещение наше Прыжова имело целью получить от него обещанные им деньги. После исключения нашего из университета многие товарищи были поставлены в безвыходное положение; это было причиною того, что мы собирались почти каждый день вместе; на этих собраниях мы отдавали друг другу отчет в наших

успехах в деле собирания кассы. На эти частные собрания были присланы депутаты из Петровской академии. Первый раз явились двое: черненький, вертлявый, с небольшою бородкою, с длинными волосами, который оказался впоследствии кн. Черкезовым; другой — плотный мужчина в очках (цвета не припомню), в красной рубахе и смазных сапогах, как мне объявил г. сенатор, — Рипман [36]). Я явился на это собрание довольно поздно; мне было объяснено значение этих господ; они подошли ко мне и пригласили меня, равно как и еще нескольких товарищей, отправиться с ними для того, чтобы ознакомиться с устройством кружков в Петровской академии. Мы отправились в гостиницу Мамонтова. Предварительно Черкезов рассортировал нас на хорошо и дурно одетых; первым он велел спросить в гостинице один из номеров хорошо меблированных; если номер заперт, хорошо одетые должны были спросить, дома ли Пажон; если же отперт, должны были сказать встретившему их: «князь Черкезов». Я попал в число хорошо одетых. Номер оказался отпертым, нас встретил какой-то господин в черном сюртуке, белокурый, довольно высокого роста, смазливый. Я сказал ему пароль; он предложил нам раздеться и сесть, а сам куда-то ушел, через несколько времени явился и провел в другой номер, где уже находился Черкезов, Рипман и дурно одетые. После некоторого совещания между Черкезовым и Рипманом, Рипман решился начать свою речь, в которой должен был ознакомить нас с устройством кружков в Петровской академии. Вместо этого, мы услыхали, что Рипман член революционного общества; потом он начал доказывать, что такое общество действительно существует, привел несколько фактов в пользу необходимости этого общества, так, указывал на народные бедствия, на раздражение, существующее в народной среде, и т. д. В доказательство существования общества Черкезов вынул несколько прокламаций, из которых я припомню: 1) прокламацию «От сплотившихся к разрозненным», писанную на синей бумажке, с клеймом «Русский отдел международного революционного общества» [37]), 2) прокламацию к студентам С.-Петербургского университета, напечатанную в марте 1869 г. [38]). Черкезов, между прочим, упомянул о зарезанном на Урале Нечаеве и показал стихи Огарева на смерть Нечаева [39]), рассказывал, как Нечаев бежал из Петропавловской крепости, желая этим указать на могущество организации. Кроме того, Черкезов показывал какую-то бумагу листа в два, кажется, какой-то перевод с французского. Через 2—3 дня на наше собрание явилось трое депутатов — Черкезов и двое новых; один из них в синих очках, смотрит исподлобья, темные волосы, небольшие рыжие усы, говорит тихо, часто покашливает; другой — крепкий мужчина, сколько я помню, белокурый, говорит тихо и мало. На этом собрании опять начались убеждения принять участие в организации кружков. После многих споров опять ни к чему не пришли. Я спросил у Черкезова, какая цель организации, какое ее устройство, на это мне отвечали, что непосвященные знать этого не могут. Через 2—3 дня, в одно воскресенье, Черкезов и Рипман снова явились на наше собрание. Черкезов подошел ко мне, сказал, что он меня долго отыскивал сегодня и приглашал поехать с собою для того, чтобы переговорить. Заинтересованный организацией, я

желал поблпже познакомпться с нею; я поехал с Черкезовым; мы прпехали на Кисловку, в дом Стерликовой, как я узнал впоследствпи; вошел во флигель, стоящий на правой стороне; проходя через переднюю, я мельком видел женщину в темном платье и слыхал ее грубый голос. Мы поместились с Черкезовым в маленькой комнатке без окон, наполненной различным платьем; в этой комнате спал ребенок, лет 5—6. Черкезов; подошел к нему, сказал «спит» и начал говорпть мне о том, что в органпзацию поступплп обо мне очень лестные отзывы, что ему поручено переговорить со мною от центральных членов. Затем он дал мне мелкопечатную тетрадку № 1 «Народной Расправы» и «Постановку революцпонного вопроса»; ответ я должен был дать через 2 дня — в среду, в 7 часов вечера, прптти в эту же самую квартиру и прпнестп с собою данные мне печатные тетрадкп. Чтобы узнать члена общества, мы разорвали пополам 1 руб. сер., одну половинку взял я, другую — Черкезов. Из этих двух тетрадок я успел пробежать только №1 «Народной Расправы», затем положил эти тетрадкп в трубу и лег спать; утром оказалось, что тетрадкп испепелились так, что нельзя было ничего прочесть. Я недолго обдумывал, что мне нужно сказать в ответ. Вступить в органпзацию я и не намеревался, думал только познакомиться поближе с подземным миром, поэтому совершенно естественно было, что я приготовпл отказ Черкезову, а сам в это время стал хлопотать о заграничном паспорте, для чего обратплся во 2-й квартал Яузской части. В среду, в 7 часов вечера, я отправплся в дом Стерликовой. Меня встретил молодой человек с темными волосами, с несколько искрпвленными тонкими губами, судя по выговору, малороссиянин. Я показал ему половину рубля; у него не оказалось, с тем я и вышел из этого дома. Несколько дней об организацпи не было ничего слышно. Я был очень доволен, думал, что обо мне забыли, но через несколько дней ко мне явился какой-то господпн Павлов, который не застал меня дома; на другой день я получпл записку, в которой ломанным почерком было написано: «Мпе поручено переговорить с вами, приезжайте в понедельник (чпсла не помню) на Тверскую, в Палашевскпй переулок, в кухмпстерскую Молчанова. П а в л о в». Я явился и увидел господина, являвшегося на наши частные собрания депутатом; он показал мне половпну рубля, я ему отдал свою. Я вступил с ним в разговор об организацпи, он отделывался только общими местами, потом спросил у меня, какое мое решенпе; я ему ответил, что в начале декабря уезжаю в Вену. Он начал меня расспрашивать с явным неудовольствием, почему я думаю так сделать. Я уклонился от ответ. Так мы и разошлись. С этого времени ко мпе уже более никто не пристава л из организации. Таким образом, устройство организацпи, условпя поступленпя (права и обязанности членов) остались для меня тайною. После этого я впдел еще раз Прыжова, — встретился случайно с ним на улице; он расспрашивал меня о том, продолжаем ли мы собираться, я отвечал утвердительно; он вошел со мною в одну лавку, записал адрес товарища, у которого мы собираемся, а затем я с ним простился. Вечером на наше собранпе явилась та госпожа, которую я видел в первое посещенпе Прыжова. Разговор шел о предметах, вовсе не касающихся организации. С этих пор я

более не видал ни одного члена организации. Вскоре за тем я был выслан во Владимир.

Желая объяснить мои письма и жизнь во Владимире, я нахожу нужным сказать несколько слов о полунинской истории и моем поведении в этой истории. За отъездом профессора Захарьина за границу, на опустевшую кафедру клиники внутренних болезней был избран советом университета г. Полунин. Задолго до этой истории г. Полунин упрочил за собою славу недаровитого, рутинерствующего профессора, Тредьяковского в научном деле, и еще более славу далеко не полезного практического врача. Студенты с первых лекций заслуженного профессора убедились собственными глазами и ушами в неуспешности выполнения миссии, возложенной на г. Полунина избирателями. Вместо живого слова науки, они услышали давно отпетые доктрины; они увидели не только полное незнание последних научных исследований, но и предубеждение против них, враждебное отношение ко всему новому. Мало того: г. Полунин оказался плохим учителем и в отношении старых доктрин: ошибки в диагностике, неудачный анализ клинических случаев, неудачное лечение не могли внушить доверия к учителю. Отсюда понятно, что уже с первых шагов между Полуниным и студентами возникли натянутые, холодные отношения; студенты начали ходить на лекции его все в меньшем и в меньшем количестве, находя, что пользы от г. Полунина получить нельзя, а вреда ожидать можно, так как г. Полунин требовал от студентов исповедания его учения. Г. Полунин, желая привлечь на свои лекции большее число слушателей, прибегнул к стеснительным мерам, — так. он запретил ординаторам помогать студентам, если последние просили их помощи. Затем г. Полунин поставил себе в священную обязанность читать нотации студентам, не усердно посещающим его лекции, никаких объяснений со стороны студентов он не принимал, требовал безусловного подчинения ему, как старшему. Эти меры привели как раз к противоположному результату, — число слушателей г. Полунина еще более уменьшилось. Последнее уважение к личности профессора исчезло, когда однажды при вскрытии г. Полунин позволил себе обмануть студентов: при жизни у одной больной профессор диагносцировал страдания сердца и почек, перед вскрытием профессор предсказал те изменения, которые он найдет в трупе. Пророчество оказалось ложным: изменений не оказалось, но Полунин, рассчитывая на крайнее невежество студентов, желая поддержать свое достоинство, признал здоровое сердце больным. Когда один из студентов (Озеров) просил профессора указать, в чем заключается порочность сердца, г. Полунин ответил ему, что с его стороны невежливы подобные вопросы, что Озеров не имеет права подозревать профессора в обмане и т. д. в этом же роде. Неудовольствие студентов росло и росло; молчаливая протестация, выражавшая эти неудовольствия принимала большие размеры; наконец студенты вовсе перестали ходить на лекции г. Полунина. Начальство университета, вместо того, чтобы разобрать беспристрастно все дело, прислало суб-инспекторов, наказавши уговорить студентов возвратиться к порядку. Студенты просили университетского суда, говорили посланникам ректора о причине их не-

удовольствия, — все было напрасно. Ректор, явившийся в операционную залу, объявил студентам, что он разбирать их дела не будет, что студенты кругом виноваты, объявил им, что требует от них немедленного возвращения к порядку. Через день было вывешено объявление от совета, в котором 4-му курсу угрожалось закрытием в случае неповиновения: 7 человек устрашились объявления и пошли к г. Полунину. Остальные разошлись. Я был в числе последних. На другой день я пришел в клинику и был встречен суб-инспектором Добровым, словами: «вам представляется выбор одного из двух: или итти немедленно на лекции к г. Полунину, или выйти из клиники; в случае, если вы этого не исполните, вы будете преданы университетскому суду». Я ответил на это, что желаю университетского суда, а теперь, в качестве студента 4-го курса, я иду исполнить обязанность куратора в клинику профессора Басова. Сказано — сделано. Отметив истории болезни моей больной, я вышел из палаты и, встретив на лестнице суб-инспектора Доброва, подошел к нему и спросил: «в каких университетских правилах запрещается студенту оставаться на другой год на одном и том же курсе?» (а я именно так и хотел сделать, как скоро убедился в бесполезности клинических занятий под руководством г. Полунина). Он отвечал мне, что это не запрещается. «Следовательно, я в первый год могу посещать лекции только по тем предметам, какими я намерен заниматься в течение первого года». На это суб-инспектор возразил мне, что я не имею права сделать так; почему, он мне не объяснил. Разговор в этом роде продолжался еще несколько времени, как явились еще четверо студентов — Бутурлин, Эльсниц, Лыткин и Гольштейн. В это время подошел еще другой суб-инспектор — Бобров, который записал наши фамилии, услыхав от нас, что мы намерены остаться в клинике, чтобы итти на лекцию, следующую по распределению за лекциею г. Полунина. Едва он успел это сделать, явился ректор Баршев, который грозно объявил нам: «я приказываю вам удалиться». На слова Бутурлина, что «мы пока еще студенты», ректор закричал на нас во все горло: «Я приказываю» и т. д. На вопрос студента Лыткина: «чье это приказание — ваше или совета?» (вопрос был предложен спокойным голосом, а никак не дерзким, как показывает ректор), ректор, побледневший от гнева, закричал на Лыткина: «вы смеете рассуждать!» Лыткин отвечал так же спокойно, что он рассуждает. Тогда ректор опять закричал: «даю вам честное слово, что всю жизнь будете раскаиваться». Лыткин ответил, что не будет. Ректор приказал его арестовать, но суб-инспектор почему-то удержал солдат, двинувшихся исполнять ректорское приказание. Оскорбленные, униженные студенты отправились в правление университета и подали прошение об увольнении их из Московского университета; но ректор возвратил им прошение с ядовитою улыбкою, произнесши многозначительные слова: «вы сделали проступок, ждите решения». Решение не замедлило воспоследовать: 18 человек студентов, не подписавшихся на слушание лекций пострадавшего профессора, были исключены из университета, причем они были подразделены на 4 категории. Я принадлежу ко 2-й категории и исключен на 2 года; мое исключение мотивировано подстрекательством товарищей, дерзо-

стями против ректора и суб-инспекторов, сопротивлением ректорскому повелению. Нас осудили, не выслушав нас; нас обвинили и не позволили нам оправдаться; ректор нас оскорбил, он же нас обвиняет в дерзостях против него. Нас наказали несправедливо и жестоко; заступников в совете за нас не нашлось, сами же мы не могли никому жаловаться.

Я был до глубины души потрясен этою историею. С моим исключением рушились все мои планы относительно моей будущей деятельности. В течение всей моей университетской жизни я был честным тружеником (если меня заподозрят в хвастовстве, пусть обратятся к профессорам нашего университета, к моим товарищам и знакомым); я готовился к научной деятельности и нельзя сказать, чтобы мои труды были безуспешны. Исключенный из университета, я должен был отказаться от своих лучших желаний. Мое положение ухудшалось еще более тем, что отец мой принял близко к сердцу мою историю, кроме того, я опасался, что его заставят выйти из гимназии, где он инспектором. Я совершенно упал духом; в это время, в первый раз я подумал о самоубийстве, но я отстранил его, решившись исполнить обязанность кассира, возложенную на меня моими товарищами. Заметив, что их положение ухудшается моим грустным настроением, я собрал последние силы и решился представлять из себя мужественного человека, взял на себя роль всеобщего утешителя; кажется, мне удавалось иногда поддерживать их. Возможность поездки за границу поддерживала меня, хотя я не мог без тоски подумать о том, что мне придется расстаться с моим семейством на 4 года; во всяком случае я смотрел на поездку, как на меньшее зло — возвратить мне энергию и рассудительность она не могла, утишить моей злобы на университетское начальство также не могла. В это время мне пришлось познакомиться, к моему искреннему сожалению, с Прыжовым. Благодаря тому, что я не мог хладнокровно рассуждать о моих действиях, да и вообще некогда было рассуждать, так как я целые дни бегал по Москве, собирая деньги, отыскивая уроки для исключенных товарищей, я втянулся в знакомство с господами, подобными Прыжову; я уже объявил, почему я не прерывал знакомства с ними в это время: меня как озлобленного заинтересовало это общество; поступить в число его членов я не желал: 1) до этого времени мне хорошо жилось; погруженный в свои медицинские занятия, я мало обращал внимания на то, что делалось вне научного мира, да если бы я и захотел выглянуть на общественную жизнь из-за своих книг, я не мог бы это сделать без ущерба моим сложным трудам, а жертвовать временем я не мог, — это не входило в мои расчеты; 2) я должен был бы верить организаторам на слово, а это не в моей привычке; они говорили мне, что рассуждать не приходится, что все уже давно передумано и выработано без меня, мое дело итти только за ними и других вести за собою; 3) я не чувствую призвания к политической деятельности; мое призвание — кабинетная деятельность ученого. Взвесить ту опасность, которую мне доставляло знакомство с членами общества, я не мог по сказанным мною причинам; но во всяком случае я решился уехать за границу, не вступая в таинственное общество; время поездки назначено было

в начале декабря 1869 г.; я уже начал собираться, — продал книги, накупленные мною в течение университетской жизни, приобрел и источник, из которого мог добыть деньги для поездки. Среди этих сборов я был арестован 27 ноября и выслан на жительство во Владимир. Нечего говорить, что это был новый полновесный удар, последняя возможность поправить дело уничтожалась местью университетского начальства, поездка за границу оказалась мечтою; я на все махнул рукою; горькое сознание правоты своего дела, сознание своего полного бессилия, злоба, ясное понимание, что мне не вернуть своей прошедшей жизни, — вот все, что до сих пор неразлучно со мною. Прибавьте к этому мучительное состояние совести, так как всякое изменение в моей судьбе отзывается на отце, — я невольно сделался его мучителем. Во Владимире со мною начали делаться припадки тоски, в особенности если я оставался один; мысль о самоубийстве начала показываться все чаще и чаще; я сомневаюсь и теперь, что мне удастся отвязаться от нее; предполагая, что я останусь во Владимире до конца срока, я решился разделаться с собою весною; этот срок стоит в связи с родом смерти, избранным мною. Чем же было наполнить время до весны? Оставалось чтение, да переписка с изгнанными товарищами. Но ни то, ни другое не давали и не дают мне забыться. Трудовая энергия пропала, у меня хватило энергии только настолько, чтобы скрыть до поры до времени свое полное нравственное падение от тех лиц, которые меня считали мужественным человеком, а эти лица были мои товарищи, которые считают меня почему-то недюжинным человеком, мои некоторые знакомые, да, кажется, еще мой отец. Мои письма мне стоили большого труда, потому что мне приходилось их сочинять, — я должен был рисоваться перед моими товарищами, напрягать все усилия, чтобы удержаться на том пьедестале, на какой им угодно было меня поставить. Мне пришлось поэтому разыгрывать роль старшего брата в отношении к ним, утешителя. Отсюда в моих письмах избитые фразы о том, что придет и наша пора, когда мы отомстим за себя, и т. д. Я не верил сам тому, что я писал, поэтому я не придавал никакого значения моим фразам. Как они меня понимали, не знаю наверное, кажется, некоторые считали меня за члена организации, потому что я не говорил им, принял ли я участие в организации или нет. Жизнь во Владимире я вел уединенную, несмотря на то, что мог иметь многих знакомых, так как внимание владимирцев было устремлено на изгнанников; я почти нигде не бывал. В январе месяце я поступил в больницу фельдшером. В то же время я начал заниматься приготовлением к докторскому экзамену, чтобы хотя чем-нибудь наполнить время. Среди этих занятий, далеко не успешных, я был арестован и привезен в Москву.

Относительно писем я имею сказать следующее: относительно первого письма, подписанного «Египтянин», писанного Пирамидовым, я могу сказать только, что оно написано ко мне, вероятно, по той причине, что он меня считал за члена организации; он имел основание этому, так как я после переезда во Владимир ничего не говорил против организации, не говорил никому о моем решении в Москве, т. е. о моем образе. Я здесь опять считаю излишним повторять, что

членом организации не был: мне так и остались неизвестны те условия, на которых принимаются в организацию, те права и обязанности, какими пользуются члены, план и устройство организации, характер работ членов-организаторов. Отсюда следует, что Д. К. Лыткина в организацию я намечать не мог. Что касается до бланок «Народной Расправы», о которых говорится в этом письме, то я их не видал никогда; я видел только печатные листки «Народной Расправы» и «Постановку революционного вопроса». Относительно письма под № 4, подписанного Бутурлиным, я оставлю объяснить его самому автору. Относительно письма под № 11, писанного в начале декабря, относительно слов: «все, что могу сообщить» и т. д. до слова «исполнить» заключается следующее — спокойно говорится о студенческих арестах: «пребывания за границею» — мое пребывание во Владимире (за границею Москвы). Адреса — моих товарищей, остальное — поручения ко мне. Письма за № 8 и 10 писано также тою же особою. В письме под № 2 от Гольштейна говорится о моей поездке в Москву. И, действительно, был в Москве для окончания дел по кассе исключенных товарищей. Письмо за № 5 от Тихомирова никакого отношения к организации не имеет. Письма мои под № 6 и 7, взятые у меня, и взятое у Бутурлина под № 8 объясняются тем первым раздражением, о котором я говорил выше.

(Дело угол. отдел. мин. юст., 1873 г., № 42, т. VIII, лл. 61—70.)

Показания И. Прыжова 26 февраля 1870 г.

26 февраля 1870 года. Четверг.

По объявлении Прыжову высочайшего повеления, он показал: зовут меня Иван Гаврилов Прыжов, коллежский секретарь, дворянин, 43 лет, вероисповедания православного, воспитание получил в 1-й московской гимназии, где окончил курс с правом поступления в университет без экзамена, но на историко-филологический факультет не был принят (в 1859 г.) по случаю сокращения числа студентов, в течение одного года считался в числе медиков, а в течение двух лет слушал лекции на двух факультетах — историко-филологическом и юридическом. На втором году не был даже вольным слушателем.

1) Заявление, данное мною при дознании 6 декабря 1869 года [40]), я в настоящее время нахожу необходимым изменить в следующем: именно, выражение мое, что «во всех моих трудах говорил не в пользу правительства» — совершенно [не]верно, потому что во всех моих ученых работах, относящихся к периоду государственных реформ последнего десятилетия, я только и думал о том, как бы оказать посильное содействие правительству, но не мог этого сделать по независящим от меня обстоятельствам. Другое выражение в этом самом дознании, что правил панихиды по Шевченко, — совершенная ложь, и, наконец, указание на поездку в Рязань было вымышлено для того, чтобы скрыть свою поездку в Тулу. В этом же заявлении я сказал о том, что будто бы одну прокламацию я сжег в присутствии моего знакомого Колоколова (служащего чиновником в регистратуре ок-

ружного суда); это неверно: прокламация была сожжена, по в присутствии другого моего знакомого, но кого, — не помню. Кроме того, тут же я объяснил, что слышал от г. Плохово о том, что некоторые дамы решились агитировать между арестантами, но в настоящее время не могу сказать положительно, действительно ли этот господин носил фамилию Плохово, но факт верен. Все остальное, что заключается в этом первом моем объяснении, я вполне подтверждаю.

2) Заявление, данное мною 15 декабря, действительно, писано с моих слов и подписано мною. Дополнить к этому могу следующее. Бывши в Петербурге для продажи моей библиотеки и сочинений, я познакомился с Черкесовым, а по приезде в Москву сошелся с Успенским. О продаже библиотеки напрасно обращался к сенатору Конасову, который вызвал меня через г. Семевского, и к профессорам С.-П. университета через профессора О. Ф. Миллера; что же касается до сочинений, то я продал их Черкесову и получил часть денег, но он от издания их отказался, вероятно, потому, что они принесли бы один убыток. По возвращении в Москву я находился в безвыходном положении, думал только о том, как бы уйти от себя, и поэтому целые дни проводил в магазине Черкесова, где читал газеты. Не имея дела, я по просьбе Успенского ездил к Зубкову с письмом от Флоринского, которого тоже узнал в магазине Черкесова, получил от Зубкова 100 рублей для Нечаева, тогда мне совершенно неизвестного даже по фамилии, которые и передал Успенскому. Девушка, приглашавшая меня в Кунцево для открытия типографского станка, была жена Успенского [41]). Что это был за станок или это было другое что-нибудь, того не знаю, но когда пишу это показание, припоминаю слух, носившийся после каракозовского дела, что станок печатный, принадлежавший этому обществу, скрыт и где-то зарыт около Москвы. Вместе с сербом, помянутым мною в показании, в то же утро явилось ко мне неизвестное лицо, по имени Петров или Павлов (теперь не помню), с запиской от Успенского. Он впоследствии оказался Нечаевым. Я с ним разошелся с первого раза. Я, как доказывает вся моя жизнь, работал единственно для того, чтобы людям, сколько возможно, облегчить тяготу жизни, что и высказал Нечаеву, как правило мое: он, напротив, предложил мне: 1) принять на себя организацию низшего класса городских населений, именно: дворников, извозчиков, будочников, хлебников и почталионов, 2) составить кружок из всех моих московских знакомых с целью сделать их агентами народного движения в разных губерниях и пр. в этом роде. От всего этого я отказался, а с тех пор уже больше не пользовался особым его доверием. Наконец, когда я отказался агитировать народ, он стал просить, чтобы я занялся прокламацией ко всему русскому народу. Я отказался положительно, прося его не давать мне таких тяжелых поручений, но, разговаривая с ним, накидал на клочке бумаги три, якобы, прокламации, — к вольным девкам, к школьникам и к Малороссии. Из этих клочков один вошел в показанный мне лист «До громады» [42]) и заключает в себе несколько мыслей моих и слов, но чтобы признать ее своею, от начала до конца своею,— я не могу. Остальное в этом заявлении все подтверждаю, исключая участия в убийстве Иванова, о котором я говорю после.

3) Заявление, данное мною декабря 27 дня, я вполне подтверждаю, считая однакоже нужным прибавить следующее: Иванов, отказываясь слушаться Нечаева, отвечал смехом на предложение представить деньги, которые он собрал, дразнил этим Нечаева, доводя его до бешенства, и отсюда произошло убийство. Когда Нечаев стал приготовлять оружие и отдал Николаеву складной нож, чтоб спрятать его в сапог, а сам стал переодеваться в другие брюки, я отказался итти на это дело, говорил, что на одного будет и четверых, тем больше, что я спутаю их в случае опасности, так как ночью ничего не вижу и бежать не могу (у меня болела левая нога), но они все отвечали: «мы вас понесем». Для пополнения показаний считаю нужным указать, что правою рукою Нечаева, поверенным его во всех планах, был Кузнецов. Из всех заседаний нашего кружка помню пять, на которых я был. Два отчета в роде заметок, представленные мне Риппманом, переданы были мною Успенскому. Заметки эти относились к характеристике тех личностей, которые он нашел в местности, указанной ему мною на площади.

4) Показание 31 декабря подтверждаю совершенно.

5) Показание 20 января подтверждаю совершенно.

6) Показание 6 января подтверждаю совершенно.

7) Заявления 11, 16 и 19 января подтверждаю совершенно.

8) Заявление 29 января подтверждаю, считая нужным прибавить, что Бутурлин был у меня только один раз, и кто именно из его товарищей был у меня во второй раз, того не помню, — знаю, что они были из числа тех лиц, которые мною поименованы. Был ли Гольштейн, того прямо сказать не могу, почему против его фамилии в моем заявлении и поставлен вопросительный знак.

9) Заявление 31 января относительно моего отказа от показаний по случаю ненормального положения моей головы я устраняю, так как показания мною пересмотрены, дополнены и исправлены, и остаюсь совершенно согласным с фактами, изложенными во всех показаниях.

В заключение я могу сказать, что виновным в устройстве политического общества, с целью ниспровержения существующего порядка правления, я себя не признаю, участие же мое в этом деле я объясняю целым рядом обстоятельств, отчасти видных из дела, отчасти видных одной моей совести, которые вовлекли меня в массу зла, совершенно чуждого и моей природе, и всей моей прошедшей жизни.

Дополнительные показания И. Прыжова 27 февраля 1870 г.

27 февраля 1870 года. Пятница.

1) Относительно того, в каких связях находились Зубков, Флоринский и Нечаев, я не знаю ничего, потому что в период этих связей я не имел никакого понятия об упомянутых личностях, но слыхал от Флоринского, что Нечаев был у Зубкова своим, домашним человеком, и Зубкову, по всей вероятности, были известны нечаевские убеждения, планы, а в то время, когда я брал у него для Нечаева 100 руб., то ему положительно было известно об его политической деятельности.

Знакомство с Зубковым совершилось так: Успенский поручил мне съездить к нему в Иваново, чтоб взять 100 руб. для Нечаева; предварительно ездил туда Флоринский и предупредил Зубкова, что с письмом от него, т. е. Флоринского, приеду я, и чтобы он мне выдал деньги. Деньги от Зубкова я получил уже в Москве, на Чижовском подворье, куда он просил меня заехать по возвращении моем в Москву. Во второй раз, когда Нечаев посылал меня к нему за получением обещанных 10 000 р., Зубков меня не принял. Больше я Зубкова не видал.

2) Относительно роли, какую играл Флоринский в организации и каковы были его отношения к Нечаеву и другим лицам, того не знаю, потому что Флоринский жил все время (последнее) в Петровском, и я его совсем не видал. Полагаю, что сначала он близок был к Нечаеву, но потом он, вероятно, не мог вынести его деспотизма и думал отстраниться, и в этом смысле, действительно, раз говорил мне, что ему, наконец, нет мочи от Нечаева. Николаев, сообщивший мне первые сведения о Флоринском, по всей вероятности, должен знать подробно и об отношениях его к Нечаеву. Занимался ли Флоринский перепиской правил организации и прокламаций, того верно сказать не могу, но что-то подобное было.

3) Какая конечная цель была в виду у общества, созданного Нечаевым, и каков был план их революционных действий, — то из первого разговора с Нечаевым я знал, что его конечная цель была крайне радикальная; я спрашивал его о подробностях, но он их не говорил, а указывал на прокламации, именно на 1 № «Народной Расправы», хвастался при этом теми подвигами, которые совершил Нечаев (тогда говорил это мне не он, а Петров или Павлов), указывал на его решимость итти на все и предлагал его, т. е. Нечаева, как образец, подобный которому представляется только в одном, — в Володьке Орлове. Мои убеждения, мой образ действий, — т. е. мирная социальная пропаганда путем распространения знаний, — он считал вздором, от которого нельзя было меня вылечить (его слова). Каков был его план, то думаю, что у Нечаева положительно не было определенного плана, так как все действия его — обман, самый нахальный, имевший целью добиться чего-нибудь всеми путями, мерами всевозможных жертв, и если что-нибудь выйдет из этого, то хорошо, а иначе бросить и уйти. Мне известно одно, — что он одинаково обманывал и здешних знакомых, и своих женевских друзей, а потому, предлагая мне ехать за границу, настоятельно просил, чтобы я ровно ничего, никому, ни единым словом не упоминал в Женеве о том, что делается в России, и на все вопросы отвечал бы: не знаю. По-истине говорю, что все действия Нечаева были скорее разбоем, а уж никак не последствием определенного революционного плана. Относительно будущего положения дел, еслиб революция сделала свое дело, то разговора об этом с Нечаевым не было никогда, тем больше потому, что ему некогда было о чем-нибудь говорить. Как ни странно показалось бы, но я положительно могу уверить, что если когда-нибудь и говорил о чем-нибудь с Нечаевым, то это было раз или много два, и то при других. Помню, что раз, показывая мне печатанную условным шрифтом книжечку, он

давал мне понять, что тут заключена конечная цель всякого революционного движения [43]), и объявил, что знакомство с содержанием ее должно быть искомой целью всякого агитатора. Показанная мне книжечка оказалась той самой, о которой я упомянул. Нечаев указал мне на нее, как на знак, по которому узнают членов комитета. Книжечку эту он не переводил мне и не читал.

4) Как мною уже было заявлено, я писал от имени неизвестного человека письмо к Лихутиной, уведомляя ее, что Нечаев умер, и на мой вопрос Нечаеву, правда ли, что он умер, он (Павлов) отвечал: нет, но это пишется ввиду того, что его выдал Негрескул. Мною так и в письме было написано, что Нечаев взят по доносу Негрескула. Послав ей письмо, я оставил ей свой адрес, и в ответ была получена мною телеграмма, и помню, что в ней было сказано, чтоб Дмитрий Федорович не ехал, потому что у них нездорово, или что-то в роде этого. Кто же именно назывался этим именем, — того я не знал. Ни разговоров, ни рассказов о Лихутиных никогда не было, и об отношениях их к делу организации ничего не знаю. Касательно отношений Нечаева к Негрескулу припоминаю из слышанных мною разговоров, что они были очень близки [44]), но что потом Негрескул стал распространять слух о какой-то большой краже (если не ошибаюсь), совершенной Нечаевым [45]), что последнего очень беспокоило, и предполагаю, что по этому случаю послан был туда Кузнецов, имевший целью подавить всякие слухи. Телеграмму, сколько помню, передал Успенскому, потому что не знал, когда увижу Нечаева (Павлова).

5) Об анонимном письме от Нечаева я ничего не слыхал, Колачевских, Баснина и Бирка не знаю, но фамилию Колачевских приходилось слышать не раз в квартире Успенского.

6) В лавке овощной у Николая Михайлова (на углу 4-й Мещанской, д. Иванова), где я прежде жил, по вечерам собираются выпить служащие в Мещанской части. Не помню, кто-то мне говорил, что от них (т. е. вообще от служащих в частях) можно получать фальшивые паспорта; я бывал в этой лавочке, заводил разговор об этом предмете с посетителями из части, но они сказали, т. е. я получил в ответ, что это вещь совершенно невозможная; но, сидя на стуле, я заметил возле себя в куче бумаг, сложенных для обвертки товара, несколько паспортов старинных годов, тотчас же купил их, как простую бумагу оберточную, за 5 коп., и эти паспорта через Нечаева переданы были Николаеву; каким образом они попали к Рипману и были ли у него, того не знаю; но Николаев однажды говорил мне, что из них некоторые он вытравил, а остальные сжег, испугавшись обыска. Искание паспортов совершалось по неотступной просьбе Нечаева, вследствие которой я обратился к служащему в цеховой управе (на Никольской) г. Ильинскому, но он ловко перебрал у меня рублей до 15-ти и ни одного паспорта не дал. Деньги эти, по рублю, по два, получал я каждый раз от Успенского для выдачи Ильинскому. Выше я неловко выразился, сказав о служащих, что они собираются выпить в лавке. Не в лавке, а в соседнем питейном доме того же хозяина, что и лавочка, но в лавку заходят для покупки и разговоров. Затем я даже и того верно не знаю, действительно ли эти люди служат в части, — я знал только, что они

бывают в части и имеют там разные дела, может быть, и служат. Не могу бросить на этих людей ни малейшего подозрения в чем-либо подобном фальшивому паспорту. Ришману паспортов этих я никогда не передавал, даже ни слова не говорил с ним об этом предмете. Ильинского знал я по службе его в гражданской палате [46]), подозрений в выдаче им фальшивых паспортов не имею; лавочника Николая Михайлова знаю за очень хорошего человека, которого тоже не могу подозревать в подобных делах; он же давно знает меня за любителя всякой старинной бумажки, так как бумага идет в лавочки из архивов присутственных мест.

7) О Левашевой, Виноградове, Корнфском, Зарапове, Беляевском, Аветисове, Кудиновиче, Мейнгарте, Палашковском, Гумалицком, Беке, Малыкове, Гернете, Богданове, Короваеве, офицере Шимановском в Твери, о Смирнове — никогда не слыхал.

8) О ядах, бывших при Нечаеве, не имел ни малейшего понятия, — разговора даже о них не было; но о чем-то подобном удавалось слышать из разговоров Нечаева с Успенским. Подробностей не помню.

9) В дополнение к первому показанию могу прибавить, что в то время, когда я брал у Зубкова деньги, он расспрашивал меня о Нечаеве с величайшим вниманием, интересуясь малейшими подробностями, но я ничего ему не мог сказать, потому что сам ни о чем не имел понятия, даже об имени Нечаева; только с этого времени я узнал это имя.

10) Прокопенко знаю за знакомого Нечаева и Успенского, какое участие его в организации — не знаю; кн. Черкезова слыхал по фамилии.

11) В Тулу за Николаевым ездил по поручению Нечаева, останавливался на подворье, имя которого известно Николаеву, в городе ни у кого не был. Слыхал в разговорах, что Нечаев имел в Туле большие связи, но с кем, не знаю, по поручений от него никаких не имел. Слыхал что-то о переписке его с Тулой. Александровской, Тейльса не знаю.

12) Показываемая мне печать желтой меди, овальной формы, с надписью кругом: «Комитет Народной Расправы 19 февраля 1870», и изображающая топор, есть та самая, которую при мне прикладывали к бланкам, сначала один Успенский, потом вместе с Нечаевым, причем и мною, когда у Нечаева уставала рука, она была приложена несколько раз. Шифр, связанный веревочкой, раз видел у Нечаева, когда он его вязал, но что он изображал, того не знаю. Найден он был Нечаевым по моему указанию на том именно месте, где он обыкновенно прятался.

13) Завадского никакого никогда не видал и не знаю.

14) После того, как явилась моя брошюра «О Малороссии», наполовину сокращенная в самых невинных вещах (цензурою), я, рассерженный, дополнив в печатном экземпляре все сделанные в нем пропуски, прибавил брани на Москву и послал во Львов, в редакцию газеты Prawda [47]). Она, вероятно, напечатана или в газете, или отдельной брошюрой, и потому очень важно, если доступ ее в Малороссию был прегражден. Это было, вероятно, в октябре прошлого года; письмо, посланное мною, писано по-украински.

Отказавшись прямо и положительно от всякого нравственного, обдуманного, сознательного участия в этом деле, я не могу и думать

об отрицании участия фактического, и его, вместе с собой, передаю на волю правительства. Замечу одно: чтобы ни ожидало меня впереди, не может быть хуже того, что я пережил. Нечаев встретил меня уже совсем переломленного судьбами жизни и был так добр, что помог мне добить себя окончательно.

(Дело угол. отдел. мин. юст., 1872 г. № 42, т. VIII, лл. 345—352.)

Показания А. Кузнецова 7 января 1870 г.

7 января 1870 г. Среда.

Предварительно допроса, когда обвиняемый был введен в следственную камеру, сенатор Чемадуров объявил ему высочайшее повеление от 31 декабря 1869 г., в силу коего, он, сенатор, назначен производить следствие по делу, к которому прикосновенен Кузнецов. Следствие это, он, сенатор, и производит в присутствии и под наблюдением господина министра юстиции, статс-секретаря графа Палена.

На предложенные ему сенатором и министром юстиции вопросы Алексей Кузнецов дал следующие показания:

Зовут меня Алексей Кириллов Кузнецов, я сын почетного гражданина, 25 лет, православного вероисповедания. Я уроженец Херсонской губернии, г. Херсона, воспитывался там, до 11 лет в уездном училище, а потом перевезен в Москву, где поступил в коммерческое училище. Там я пробыл 7 лет и затем поступил в Петровско-разумовскую академию и слушал там лекции три года. В прошедшем ноябре, 23 числа, я, вместе с Нечаевым, приехал из Москвы в Петербург и здесь в ночь с 1 на 2 декабря арестован на своей квартире, на Невском проспекте, в д. Лопатина. С тех пор я содержусь при III отделении собственной его императорского величества канцелярии; до настоящего случая ни под следствием, ни под судом не бывал. До настоящего допроса я давал три показания: два — жандармскому полковнику Жолобову и одно — прокурору; но два первых мои показания неверны, собственно потому, что, не зная еще, насколько раскрыты обстоятельства дела вообще, я не мог показывать истину, не разоблачая других. Но впоследствии я дал показание прокурору; показание это совершенно верно, и я его утверждаю [48]).

Впрочем, и это последнее показание я имею дополнить некоторыми разъяснениями и фактами. Так, я должен сказать, что мне принадлежит сбор денег по внушению Нечаева; для этого сбора я сделал особые бланки, которые были двух родов: одни для сборов лиц, участвовавших в обществе, другие — для не участвовавших, и вот эти последние были с надписью «для страждущих», будто бы для студентов, исключенных и пострадавших за последние истории, причем на бланках была сделана неясно и подпись будто бы секретаря. Оставшиеся у меня две или три бланки я сжег, денег же по остальным собрал однако до 200 рублей, которые и передал Успенскому, заведывавшему кассою общества; сбор этих денег я начал после первого собрания, у нас бывшего.

Об этих собраниях же я скажу, что они были двух родов: центральный кружок, члены которого были выбраны самим Нечаевым, и на обязанности каждого из них лежало сгруппировать около себя несколько лиц. Таким образом и я сгруппировал около себя кружок, и на втором собрании число мною сгруппированных было более других, чего другим не удалось. Тогда меня и товарища моего Иванова перевели в другое собрание, которое составило уже отделение [49]).

Собственно определенной цели в нашем деле не было; Нечаев устраивал вербовку в члены общества разными средствами, и тех, кто не поддавался на его желание, обставлял таким образом: окружал их незаметно для них самих такими людьми, которые все старались уговорить нежелавшего, давали понимать, что все должны служить общему делу, что это нужно ради их же самих, ибо иначе народ, когда поднимется, истребит всех, кто не стоит в наших рядах. Старания эти вели к тому, что нежелавший поддавался сначала только на пожертвование в пользу дела деньгами, а потом, связавши уже себя этим пожертвованием, вступал в дело и лично. Вообще Нечаев обладал удивительною ловкостью к тому, чтобы склонять к участию в обществе; он умел представить это дело в таких размерах, придать ему такой характер общего дела, что силою этих доводов увлекал за собою. Но убеждением он действовал лишь до того времени, покуда надо было склонить человека на согласие, а коль скоро получал это согласие, то изменялся в отношении к согласившемуся совершенно, — он приказывал и требовал подчинения его указаниям. Однако, при этом он не указывал цели общества, объясняя такую неопределенность тем, что если теперь же указать эту цель, то непременно возникнут споры о средствах к ее осуществлению, споры эти обратятся в ссоры, а когда эти ссоры начнутся, то они вредно могут повлиять на общий ход дела. Он говорил, что наше дело — работа подготовительная, мы должны подготовлять себя, чтобы быть полезными народу, помогать ему своими знаниями, пополнить пробелы в этом отношении у народа; надо было расшатать прежде общественную машину. Что касается до меня собственно, то я понимал, что дело идет к восстанию народа, я верил Нечаеву и потому согласился на участие в этом деле, что не сомневался в уверениях Нечаева о громадности этого дела, о его общности, о его народности, о тесной связи его с Западом, с восстанием рабочего сословия. Я не в силах был устоять при таком характере дела, тем более, что до знакомства с Нечаевым, до разговоров с ним о настоящем положении народа вообще я много трудился и работал, старался близко ознакомиться с учреждениями, близко стоявших к народу, так, например, с земскими учреждениями, тщательно изучал земледелие, и когда меня стали убеждать, что ни земство, ни улучшения вообще не принесут желаемой пользы к изменению быта народа к лучшему, то я, желая быть полезным народу, не устоял от предлагаемой мне возможности осуществить это желание. Вот истинная причина моего участия в этом деле, а не какие-либо обещания касательно улучшения материального моего положения, потому что оно было не тяжело, так как мой отец человек состоятельный и всегда присылал мне средства к жизни. Отец мой не знает еще

о моем аресте, и я желал бы написать ему. Возвращаясь к сбору мною денег, я должен сказать, что мы, т. е. Нечаев и я, лгали по этому поводу; так, он говорил, будто бы в Петербурге есть касса с капиталом (малороссов) в 7 тысяч руб., а я говорил в собраниях наших, что вступил в сношения с богатыми купцами, например, с Боткиным и Якунчиковым; об этих двух фамилиях я упоминал в виду придания большей достоверности моим заявлениям в этом отношении, так как у первого из названных лиц жил мой товарищ по коммерческому училищу Попов, а у второго служил приказчиком некто Краснопольский, тоже мне знакомый, и для большего правдоподобия моих рассказов о сношениях с этими купцами я и ссылался на Попова и Краснопольского, будто бы близких с Боткиным и Якунчиковым, чего в действительности совсем не было. Если я вообще прибегал к таким изворотам, то ради дела и под влиянием опять-таки Нечаева, в котором я находил нечто необыкновенное. (Повторяю, что не нужда заставила меня вступить в это дело; я говорю честно.) Нечаев указали на меня, и указал ему на меня Долгов, и если я говорил, что Нечаев вызвал меня сам, то говорил неправду; меня вызвал Долгов и указал на меня Нечаеву, и указал потому, что я был известен за человека серьезного, который вел жизнь самую замкнутую, в занятиях, и заявлял своим образом мыслей полное несочувствие молодости, проводящей свою жизнь в праздности и не приносящей пользы.

Затем, на предложенные ему сенатором Чемадуровым и графом Паленом вопросы относительно некоторых следственных доказательств и неясностей в прежних показаниях, Кузнецов объяснил:

Личность Засулич, о которой меня спрашивают, — мать жены Успенского; я был у нее с письмом от Успенского, когда приехал в Петербург из Москвы, и в письме этом, чтобы возбудить ее доверие ко мне, значилось, между прочим, что она передала мне все, что знает, ибо я могу ей пособить.

Личности Кикина и Демерта я знаю: первый из них мой товарищ по академии, и я был у него здесь, в Петербурге, два раза, но был из желания именно побывать у него, как у короткого моего знакомого. Что же касается до второго, то он сотрудник «Отечественных Записок», познакомился я с ним у Успенского, в Москве, в магазине Черкесова, когда Демерт приезжал в Москву по одному делу о диспуте, за неправильный отчет о коем против него было возбуждено преследование. Другого знакомства у меня с ним не было, и к нашему делу он не причастен, ибо Успенский отзывался о нем, как о человеке, который не может участвовать в таком деле. Впрочем, может быть, на него и имели виды, но я сам никогда и ничего не говорил с ним по этому предмету, да думаю, что и Успенский тоже не говорил.

На вопрос о том, где проживал Нечаев сначала, отвечать не могу, но знаю, что впоследствии он жил в Москве, у Долгова. Тут-то я и присмотрелся к нему: он показывал вообще, что страшно занят, спал иногда только по два часа в сутки, и, повторяю, я удивлялся его способностям; бывало, дремлет, а ему что-нибудь читают, о чем-нибудь спрашивают, и он отвечает всегда исправно, советует, распоряжается. Где он теперь, я не знаю, но уверен, что теперешнее его путешествие

вынуждено настоящими обстоятельствами раскрытия этого дела: он скрывается вследствие происходивших арестов. Я и не могу знать, где он теперь, так как вообще он был скрытен перед всеми; этою скрытностью хотел как будто поставить себя независимо выше нас всех и по отношению ко мне старался придать мне такое положение, так же как и Николаев, чтобы я ничего не знал. Поэтому-то мне также неизвестно и у кого он был в Туле.

Что касается до предъявляемой мне здесь книжечки, то она составляет выписку о книгах одной библиотеки, которая во время студентских беспорядков в Петербурге была передана мне Скипским; часть их была взята Скипским обратно, а другая часть находится у девушки, с которой я жил и которую в своих прежних показаниях я называл Авдотьей Ларионовой. Догадываюсь, что книги эти принадлежат Волховскому, и к этой догадке прихожу потому, что присылка этих книг ко мне совпадала со временем ареста Волховского. Вообще я знал подробно университетские истории через товарищей студентов, но мы этим историям не сочувствовали, потому что признавали их невыгодными для дела, как долженствовавшие непременно повлечь за собою стеснения. Мысль эта собственно принадлежит Нечаеву, который признавал, что большие сборища не нужны, ибо при таких сборищах постоянно возникают споры, а споры, по мнению Нечаева, всегда вредны, так как ослабляют значение многих людей из тех, которые спорят.

Выше я говорил об Авдотье Ларионовой; предъявляемая мне депеша, подписанная «Кипявский», побуждает меня возвратиться к этой девушке, ибо слово невеста, встречающееся в депеше, извещающей о болезни и вызывающей меня в мастерскую, относится именно к этой девушке, с которой я жил четыре года. Подпись «Кипявский» идет, вероятно, от Нечаева, если не должно под этой фамилией разуметь одного учителя, имеющего такую фамилию. Впрочем, Нечаев назывался и иначе; так, Лупину он называл себя другим именем, — не знаю каким, мне он был известен сначала за Ивана Петровича, а потом под величайшей тайной сообщил, что фамилия его Павлов.

Предъявляемые мне фотографические карточки взяты у меня, а частью у брата, в которых есть и карточка Демерта, о котором я говорил выше и у которого я был. Из двух же предъявляемых мне конвертов моей рукою написано: на одном — г. Негрескул, Васильевский Остров, 14 линия, дом № 21, а на другом: Петербургская, за Тучковским мостом и пр., студенту Кикину, но почему первый из конвертов, хотя и пустой, оказывается запечатанным, я не знаю и понять не могу. Затем одно из предъявляемых мне писем известно, так как это черновик с моего письма Кикину, а другое мне неизвестно, но полагаю, что писано Успенским и оставлено им у меня.

Возвращаясь к одному показанию, данному мною прежде о Смирнове, я объяснюсь, почему я говорил, что предполагаю о его принадлежности к народной партии. Этот Смирнов — слушатель Петровско разумовской академии, и я с ним не знаком, но так как отыскивали людей с народными мыслями, которые сближались бы с народом, хотя по кабакам и площадям, и так как Смирнов именно мог подходить под

такие требования, то я полагаю, что он принадлежит к народной партии и был употребляем для этого дела; подтверждение моей мысли я нахожу в том обстоятельстве, что я его видел у Рипмана, участвовавшего в этом деле, тогда как прежде он не был с ним знаком. При этом я должен сказать, что вообще для возбуждения народа, рабочих распускались разные слухи; так распустили слух, что Иванов послал в III отделение допос, что Успенской не дали акушерку [50]), что в III отделении употребляют пытку. О самой же организации общества Нечаев рассказывал весьма много и между прочим ссылался на Центральное бюро, будто бы существующее и заведывающее главными нитями дела, утверждал, что, благодаря стараниям этого бюро, рабочие уже до того возбуждены, что их надо сдерживать и ожидать известного дня. Вообще трудно было не верить этому, потому что он указывал на целую обширную организацию, на целые партии недовольных различных сословий, из которых во главе одной даже стоял будто бы военный министр Милютин. Что касается до начальства собственно Петровско-разумовской академии, то оно ничего не знало об организации нашего общества, и когда найдены были в академии прокламации, то таковые были представлены исправлявшему должность директора академии Ильенкову, который и отправил их [51]).

Изложенное здесь во всей подробности показание обвиняемый Кузнецов собственноручно изложил, хотя менее кратко, в протоколе и затем был возвращен под стражу.

(Дело угол. отд. мин. юст., 1873 г., № 42, т. VIII, лл. 2—6, копия.)

Показания Ф. Рипмана 23 февраля 1870 г.

23 февраля 1870 года. Понедельник.

По объявлении Рипману высочайшего повеления, он показал: Зовут меня Федор Федоров Рипман, из обер-офицерских детей, 23 лет, вероисповедания православного, воспитание получил в Тифлисской гимназии, а потом был слушателем Петровской академии.

Показание, данное мною при дознании, я подтверждаю и, сколько помню, дополнить, кажется, ничего не имею. С Иваном Петровичем, карточка которого была мне предъявлена, причем было объявлено, что это Нечаев, я познакомился в начале сентября 1869 года у Иванова (убитого). Иван Петрович при моем с ним знакомстве говорил о разных вопросах жизни, причем сообщил мне, что за границей составилось общество интернациональное, с целью содействовать возвышению и улучшению быта рабочего сословия, но предложения вступить в тайное общество в Москве лично он мне не делал, а спросил только, не желаю ли я сделаться членом интернационального общества. После этого разговора Нечаев, вероятно, переговорил с другими лицами и затем вскоре по его приглашению я пришел в квартиру Иванова, где застал Нечаева, Иванова, Долгова и Кузнецова. Здесь Нечаев опять говорил об интернациональном обществе, о цели его способствовать благосостоянию рабочего сословия и прибавил, что в России это об-

щество имеет еще другую цель: произвести политический переворот путем революции; последнюю цель он оправдывал тем, что простой народ тяготится своим положением. Не зная сам положения народа и желая лично проверить слова Нечаева, я возымел намерение поближе познакомиться с народом; вследствие этого не помню кто, Нечаев или Иванов, дали мне адрес Прыжова и сказали, что он может мне помочь при моем знакомстве с народом. Здесь я должен оговориться, что я, до моего ареста не успев сблизиться с народом, очевидно, и не мог влиять на его понятия. Но если бы я с ним ближе познакомился, то, может быть, и стал бы возбуждать его, т. е. стараться развить настолько, чтобы сам додумался до известных выводов в вопросах социального положения народа. Впрочем, с некоторыми крестьянами я занимался еще и прежде моего знакомства с Нечаевым, но занятия эти имели целью одно только образование народа. Это обстоятельство было известно Нечаеву, и потому вскоре бланкою комитета я был отделен из кружка, состоящего из вышепоименованных лиц, для действия в народе, и для этого я поступил в кружок Прыжова, который впоследствии состоял из меня, Пимена Енкуватова, Коведяева и Александра Васильева. Пимен Енкуватов и Коведяев были присоединены во второй половине ноября. Привести Енкуватова Прыжов поручил словесно, а Коведяева — бланкой комитета, так как в это время мой кружок, в котором он состоял, о чем я буду говорить ниже, расстроился. Кружок Прыжова на первом собрании толковал о распределении занятий, и при этом Прыжов указал места, которые надобно посещать, например, Хитров рынок, Дербеновка; на первый я и Енкуватов ходили. Второе собрание кружка Прыжова, на котором последний не был, было то самое, на котором Александр Васильевич сообщил Енкуватову от комитета, чтоб он отправился лечиться. О деятельности моей среди народа я должен сказать, что на Хитровом рынке я познакомился с несколькими публичными женщинами и жуликами, но знакомство мое с этими лицами было самое ничтожное, так как я держался того правила, чтобы не мне с ними заговаривать, а они бы со мной. Женщины оказались более разговорчивы, поэтому их знаю более, а мужчин почти никого не знаю, а что они жулики, мне известно из того, что некоторые из них хотели меня ограбить (как я узнал от одной из публичных женщин), а в другой раз один из них спросил меня: не могу ли я указать ему место, где бы можно было стянуть что-нибудь, но, конечно, ответа не дождался. Этим и ограничились мои сношения с народом в Москве. Теперь скажу относительно крестьянина Тверской губернии Димитрия Макарова следующее; с ним я начал заниматься еще за год до моего знакомства с Нечаевым. Занимался с Димитрием грамматикой, арифметикой, естественной историей; цель этих занятий была содействовать его умственному развитию, так как я считал своей обязанностью делиться с другими своими знаниями. Со времени моего знакомства с Нечаевым занятия мои с Димитрием Макаровым несколько изменились: во-первых, они сделались более случайными и отрывочными, так как в это время я принадлежал к тайному обществу и вскоре переселился в Москву, во-вторых, потому, что осенью я стал заниматься толкованием ему текстов св. писания; последнее считаю

нужным пояснить примером. Раз я взял текст из евангелия: «возлюби ближнего, как самого себя»; рассуждая на этот текст, я старался действовать на чувство эгоизма, которое я замечал в Макарове; доказывал, что Христос спаситель в этом тексте указал на равноправность людей; затем, перейдя к фактам жизни действительной, я взял пример неравномерного распределения народа повинностями, отягощение ими одних на счет других и тем старался ему доказать, насколько в действительной жизни встречается противоречий с евангелием. Вести такого рода разговор с Макаровым я считал себя вправе, потому что около этого же времени появилось сочинение Флеровского «Положение рабочего класса в России». Насколько Димитрий был мной подготовлен и успел ли он сам до чего додуматься, я не знаю. В его присутствии мне случалось петь революционные песни; слушая эти песни, он, может быть, некоторые и запомнил, но утверждать положительно не могу. Эти революционные песни я получил от убитого Иванова; некоторые из них были писанные, а другие (две или три) печатанные на маленьком листке бумаги, приблизительно четвертушке, сложенной вдвое, они были напечатаны плохо. Иванов мне эти стихи дал для того, чтобы списать и выучить их наизусть, чтоб при случае петь и стараться распространять их в народе. Стихи списал, подлинник возвратил Иванову, а свою рукопись уничтожил, когда начались аресты. Из этих стихов «Обманул нас царь свободой» и другие «Царь, бояре и попы» я только читал, но наизусть не знаю; стихи «На голос комаринской» тоже читал, но наизусть знаю некоторые строфы, которые иногда певал. Чаще других я пел следующую песню:

Славься, свобода и честный наш труд!
Пусть нас за правду в темницу запрут;
Песню свободе и в пытке споем.
Славься ж, славься, родимая Русь!
Пред боярами и кнутами не трусь!
Встань, ополчися за правду на брань!
Встань же скорее, родимая, встань!

Строфы из комаринской и в особенности последнюю я певал только в присутствии одного Димитрия Макарова. В рукописи никаких революционных песен я никому не передавал. На народном собрании на Рождестве я действительно был в Петровских Выселках, заходил в трактир «Царское Село», встретился с Димитрием, но затем с ним опять разошелся и только успел перекинуться словами, не имеющими никакого значения; затем был в другом трактире, где видел представление народной комедии «Царь Максимилиан». Таким образом я пробыл в Выселках два дня и ни разу не слыхал, чтоб кто-нибудь из крестьян пел какую-либо революционную песню. Автор этих песен мне неизвестен; кем была писана рукопись — не знаю. Мещанина Николаева я знал под именем Александра Васильевича. Вследствие отделения некоторых из нас в народ, потребовалась надобность в паспортах, потому что, например, Епкуватов без паспорта не соглашался итти в народ. Александр Васильев достал откуда-то несколько паспортов, на которых нужно было вытравить некоторые места; он мне дал один паспорт для произведения опыта; я попробовал на нем вытравить слу-

жебные отметки; простые чернила вытравились только на местах не засаленных, ализариновые совсем не вытравились; после этого вытравлять паспортов я больше не брал; что сделал Александр Васильев с остальными паспортами — не знаю; кажется, сжег. Цель тайного общества, к которому я принадлежал, как я сказал выше, была произвести политический переворот путем революции и тем способствовать возвышению рабочего сословия, при этом, насколько мне известно, общество не занималось разрешением вопроса — каким образом правления заменить существующий, так как по мнению общества сам народ сумел бы распорядиться своей судьбой. О девятнадцатом февраля этого года, как эпохе в деятельности революционного общества, я слыхал, что это конечный срок обязательства крестьян и что им надобно воспользоваться. В каком смысле воспользоваться, я хорошенько не понял и не предполагал, чтоб к этому времени надобно было произвести переворот.

Кто составлял комитет, я не знаю, и арестованы ли члены комитета — тоже не знаю, так как это было тайною для всех, но я думаю, что комитет существовал, так как вряд ли Нечаев один мог успевать заправлять всем. Несмотря на неизвестность и таинственность комитета, между членами была доверенность к нему, необходимая для достижения цели и согласного образа действия, так как всем распоряжаться нельзя, а нужно было подчиняться кому-нибудь одному; впрочем, у многих было желание узнать поболее о комитете, но желание это оставалось без успеха, так как о комитете никто ничего не мог сказать. Мне самому приходилось слышать вопросы о том же от членов моего кружка, и я принужден был им говорить, что и мне самому решительно ничего неизвестно по этому вопросу и что нужно от членов общества доверие. На этом доверии была основана вся организация: я верил в честность убеждений пригласивших меня в общество; другие верили мне. Впрочем, власть комитета была отчасти основана на угрозе со стороны комитета, так как каждый член, в случае неповиновения, боялся мести его.

После полунинской истории я получил через Прыжова предписание комитета отправиться на сходку исключенных студентов, при этом мне дал Прыжов клочек бумаги, с которым я отправился к Пирамидову, для того, чтоб узнать, когда у них будет сходка; последняя состоялась в тот же вечер в квартире Мутафова; на этой сходке был князь Черкезов, с которым вместе мы пришли; но я не знал, что он также послан депутатом; я был одет в красную рубаху. У Мутафова было приблизительно человек 12 исключенных студентов; здесь говорили насчет истории с Полуниным; потом Черкезов подал мысль о сплотнении студентов университета, чтоб легче переносить невзгоды. Затем не помню кого-то из студентов я спросил, можно ли здесь говорить о вещах серьезных, но, получив отрицательный ответ, сообщил об этом Черкезову, который предложил отправиться в гостиницу Мамонтова; туда отправились не все, а человек 7, именно: Ишханов, Мутафов, Пирамидов, Бутурлин, Смирнов, Эльсниц и Петровский. Говорил здесь я о тайном обществе, о его цели произвести революцию и пр. Черкезов с своей стороны показывал листок «От разрознен-

ных к сплотившимся» [52]), кому-то дал его, но показывал ли еще что-нибудь, не помню. Перед уходом сказал я собравшимся, что если кто желает со мной поговорить подробнее, то я готов. В настоящее время я не могу припомнить, говорил ли я, что принадлежу к тайному обществу. Забыл сказать, что мы, отправившись в гостиницу Мамонтова, разделились на две группы — хорошо и дурно одетых; потом я с Черкезовым уехал вперед, чтоб распорядиться для приема. Цель разделения была — не возбудить подозрения, поэтому хорошо одетые вошли с парадного, а дурно одетые с другого подъезда. После этого собрания, кажется, на другой день я зашел к Пирамидову и предложил ему вступить в организацию и получил его согласие; такое же предложение было сделано Ишханову и Мутафову. Затем все собрались у Мутафова, куда приглашен был мною Коведяев, за которым я ездил к нему на квартиру на Кисловку. Это было в начале ноября. Немного раньше я переговорил с Коведяевым, к которому Прыжов послал меня со значком; Коведяев, кажется, был предупрежден о моем приходе. Таким образом составилось первое собрание моего кружка, на котором были прочитаны правила общества и потом занимались тем, что намечали личностей, которых можно было бы привлечь в общество. Кружок мой собирался раза четыре или пять; на нескольких собраниях присутствовал Александр Васильевич, как уполномоченный от комитета, он прочел бланку, которая была всеми осмотрена и затем сожжена. Александр Васильевич участия в разговорах не принимал, но все, что происходило, записывал. Все, что говорилось на собрании, теперь припомнить не могу, но помнится, что было предложено мною собирать в пользу общества деньги и завести особый шрифт; но ни то, ни другое сделано не было. О деятельности кружка моего составлены были мной три отчета, которые я передал Прыжову. В этих отчетах говорилось о том, кому с кем удалось переговорить. В одних из них говорилось, что Ишханов около середины ноября образовал свой кружок из Рахимова, Шанаева, Хаджибекова и Сарибекова. В других говорилось о прочих намечаемых, так, например, была речь о Кудиновиче, намеченном, кажется, Мутафовым, но какая характеристика — не помню, Аветисов был также намечен Мутафовым и переговорил с ним, но получил ли согласие на вступление в общество — не знаю. Может быть, в одном из отчетов и было сказано, что Аветисов согласился вступить в общество, а от Кудиновича ждут ответа, но теперь решительно припомнить не могу. Дубенко, Халимова, Зайцева, Соколова, двух Тихомировых, Комаровского, Хрусталева, Шатерникова, Просинского, Валенштейна, Кешова, Пружанского, Печковского, Наденна и Николая Лопатина я не знаю, кроме первых трех и Просинского. Были ли эти личности кем намечены и если были, то кем именно и кто из них, я теперь не помню. Если же об этих личностях что-нибудь упоминалось в моих отчетах, то я признаю те сведения и в настоящее время за верное. Помню только, что при разговоре с членами моего кружка, что некоторые из намеченных ими лиц живут в Петербурге. Вследствие этого бланкою комитета или словесно Прыжовым мне было поручено взять у членов моего кружка рекомендательные письма к ним. К Ишханову за этим я не обращался, а другие не

дали, одни уклонившись от этого, а другие случайно, так как мой кружок вскоре расстроился. Мой кружок расстроился во 2-й половине ноября, потому что Ишханов и Мутафов уехали в Петербург, а я и Коведяев были присоединены к кружку Прыжова. Что сделалось с Пирамидовым — я не знаю, так как вскоре пошли аресты. О деятельности кружка Ишханова подробностей не знаю, но им был составлен отчет, который я, как и свой, передал Прыжову. Взятые в моих бумагах документы: 1) клочек бумаги с именами, между которыми встречаются Хлявдин и Вяземский, принадлежит не мне; кем писан, не знаю и с поименованными мною лицами вовсе незнаком. Нахождение этой бумажки объясняю тем, что я жил в академии с Долговым и книга Либиха, в которой он найден, мною часто была даваема другим слушателям. 2) Адрес г. Ламанского, с которым я незнаком и к которому ходил раз, чтобы видеть Черкезова, кем писан — не знаю. Вероятно, он попал ко мне, потому что я жил с Сарибековым, который до меня жил с Ишхановым, к нам ходили некоторые из исключенных студентов, а так как я помню, что о Ламанском говорили, как о лице, могущем достать места на железной дороге, то вероятно кто-нибудь случайно и оставил в столе этот адрес. 3) Бумажка с цифрами: я один раз виделся с товарищем Сарибековым в трактире и говорил с ним; передо мной лежал бумажник с папиросами и записной книгой; я совершенно машинально и без смысла стал писать на листке цифры, делалось это, чтобы не обращать на себя внимания других; удивляюсь, что она осталась у меня сохранною.

(Дело угол. отдел. мин. юст. 1873 г., № 42, т. VIII, лл. 195—200, копия.)

Показания П. Прокопенко 27 февраля 1870 г.

Дополнительные показания обвиняемого Павла Васильева Прокопенко, данные 27 февраля 1870 года.

Зовут меня Павел Васильев Прокопенко, звание: купеческий сын, от роду имею 24 года, вероисповедания православного, воспитание получил в Таганрогском уездном училище и был сторонним слушателем в Московском университете, под следствием и судом не был, арестован в Таганроге 27 января.

Заявление, данное мною при дознании 3 сего февраля [53]), подтверждаю и в настоящее время имею добавить следующее: что Сергея Нечаева не знал и то, что Павлов, которого встречал осенью в Москве, был именно Нечаев, мне неизвестно; равно также и то, что я не знал ни о каком тайном обществе, основанном Нечаевым в Москве с целью ниспроверження существующего порядка вещей. Я в показании 3 февраля 1870 года довел рассказ о моей поездке в академию до того, когда мы подошли к квартире Долгова; когда мы вошли, то уже был готов самовар и все стали пить чай. Разговор, который мне пришлось там слышать, был о следующих предметах. Долгов говорил, что цель у его приятелей или товарищей такая, чтоб устроить земледельческую ферму, где бы были рабочие на первых порах сами они, а потом по мере ознакомления с окружающим народонаселением и по мере по-

пуляризации принципа «кооперативного труда» принимать и посторонних рабочих, чтобы со временем и совсем передать в их руки все ведение дела, под председательством одного из слушателей, который был бы главным образом представителем технически-ученой стороны дела, а остальные слушатели отправлялись бы в другое место и предпринимали бы то же самое; к этому делу предлагать приставать и других из слушателей, чтоб начать в двух и более местах зараз. Таким образом, говорил Долгов, в народ можно совершенно законно провести принцип кооперативного труда и техническое знание, недостаток которого есть главная причина бедности в России. Павлов стал возражать. Он говорил, что такую ферму не дозволят и что весь труд на приготовительную работу к такому делу пропадет задаром; он говорил на эту тему несколько времени, и когда кто-нибудь, оставивши пить чай, хотел ему противоречить, он повышал тон и старался не давать говорить, — словом, он хотел «переговорить», что называется. Ему возражал и я, говоря, что ведь верещагинскую сыроварню на артельных началах [54]) дозволяли, дозволили также и говорить об ней в газетах, значит могут дозволить и другие. На это он отвечал, что пока она одна, ее терпят, как скоро появится их несколько, то на них обратят внимание поспециальней и тогда — малейшее подозрение со стороны местных властей, и артель вашу запретят. После этого пошел один из тех перекрестных споров, в котором ничего нельзя разобрать, я в это время вышел по естественной надобности, и когда вошел, то разговор уже шел о том, в каком бедственном положении находится русское крестьянство, что большие с них берут подати, что многие наделы, данные им, совершенно никуда не годны в хлебопашеском отношении и что многие из них недовольны до того, что уже теперь заявляют свои недовольства и что этих недовольств в наступающем 70-м году будет с каждым днем больше и больше, потому что у крестьян на 70-й год большие надежды, и выполнить их не может ни общество, ни правительство, финансовое положение которого теперь в очень грустном положении. Это говорил Павлов; насколько я припоминаю, с ним некоторые из присутствующих соглашались в том, что крестьяне в бедственном положении (кто именно — не помню), но что они будут заявлять свое недовольство бунтами, я не слыхал, чтоб кто с ним соглашался в этот вечер (тогда уже было, насколько я припоминаю, около 7 часов); напротив, возражали и говорили, что как ни грустно положение их, но крестьяне им очень довольны сравнительно с временем до шестьдесят первого года, что хотя они не знакомы хорошо с подробностями дела, по общим впечатлениям, журнальным статьям, рассказам и пр., дело находится теперь в лучшем положении и что если в то время было прибегнуто к экзекуциям, то вероятно крестьяне, наученные опытом прошедшего, не согласятся, находясь в лучшем положении, на протесты, за которыми следуют большие неприятности. Не помню наверное кто, кажется Успенский, обратился ко мне с вопросом, как я думаю насчет этого (в это время также произошел перекрестный разговор, в котором говорили все и почти никто не слушал, что говорят другие). Когда немного утих разговор, я предложил Павлову ответить мне на следующие вопросы: знает ли он, сколько был средний оброк и вообще побо-

ры с крестьян в 60-м году и сколько теперь, и потом, что такое должно произойти по положению 61 года 19 февраля в наступающем семидесятом году, и потом, указать, где произошли протесты недовольства настоящим положением. На все эти вопросы отвечал крайне смутно, общими местами и на последний уклончиво; вообще видно было, что человек слышал, как говорится, звон, да не знает где он! Я стал тут излагать свое мнение, которое перебивалось Павловым очень часто, мнение мое насчет экономического положения крестьян, и я говорил, что положение экономическое, хотя на первый взгляд и кажется неулучшившимся, но те юридические права, которые даны им 19 февраля 1861 года, настолько понимаются крестьянами и настолько до осязательности ясно дают им возможность больше и больше улучшать положение, что разговаривать о протестах в 70-м году, который все эти права и эту возможность расширит еще больше — по меньшей мере смешно. (Я на эти протесты напирал больше потому, что Павлов почему-то силился их доказать.) Говорил также о том, что правительство понимает значение 70-го года и обратит на него должное внимание в отношении упрощения прав на переселение крестьян, а также и относительно возможности отказываться от невыгодных почему-либо «наделов». После этого Павлов сказал: «Ну, уж если не верить — это последнее дело, это и толковать нечего!» Так как я ко всему этому разговору относился без всякой предвзятой мысли, а также и к собранию всех тут бывших молодых людей, то я и не обратил внимания, никакого внимания на это восклицание, и так как в комнате было очень душно и дымно, а я чувствовал и прежде озноб и головную боль, то я опять вышел с каким-то мне незнакомым юношею на двор освежиться. В комнате в это время опять шел перекрестный огонь — разговор, — если можно так выразиться, т. е., другими словами, очень громко разговаривали и друг друга не слушали. Когда вошел в другой раз в комнату, то присутствующих было уже меньше, чем прежде. Я тогда объяснил себе это тем, что чай уже был в исходе, а может быть, была и другая причина. Павлов опять говорил и на этот раз уже о «международной ассоциации рабочих» на Западе. О ней сообщил: что эта ассоциация имеет уже четыре миллиона членов, объяснял, каков характер этих членов, из кого и каких наций она состоит и что есть еще у этой ассоциации более интимный кружок, который имеет своих представителей почти во всех государствах. Говорил, что главная цель ассоциации есть протесты: в виде стачек насчет повышения заработной платы; пособие взаимное всем возникающим кооперациям рабочих деньгами, кредитом и пр. Когда я спросил, кто же составляет интимный-то кружок, то на это он, Павлов, отвечал уклончиво, неясно: «Из разных лиц, так, есть и не рабочие, а цель его интимного кружка главным образом революционная, политического свойства». Вообще видно было из ответов, что или он сам не знал или же скрывал и не желал распространяться; разумеется, из деликатности я не стал больше спрашивать у него. Потом он стал говорить: что вот, де, и за границею не думали на основании разных научных теорий и статистических цифр, чтобы из нескольких десятков рабочих в три года образовалось общество в 4 миллиона, и, уже обращаясь лично ко мне, прибавил: «так и ваше мнение

относительно науки, статистики и пр. приведет к такому же положению насчет Россип. Да и какая ваша русская статистика, разве ей можно верить?» Я ответил, что больше, чем совершенно голословному мнению отдельного лица. «Да, почему вы знасте, что я говорю только свое мнение? Я говорю не только на основании своих личных наблюдений, но и на основании мнений многих лиц, которые присланы были некоторым мне лично известным людям, да притом не из одного, не из двух мест, а может быть со всех концов России». Разумеется, в это время между другими лицами шел разговор своим чередом, как почти и во все продолжение моего пребывания там. — «Ну, я должен ответить вам, господин Павлов, что насчет доставки сведений со всех концов я тоже не верю, пока не увижу на факте». — «На факте вам не придется так узнать, для этого нужно много условий». — «Каких же?» был мой вопрос, но Павлов опять замял разговор, и я, сказавши Успенскому, что мне нужно итти к Хабарову и что если он желает, то я к десяти часам заеду за ним, чтоб отправиться вместе в Москву; он согласился, и я ушел. Пробыл я в квартире Долгова после первого моего прихода с час, а может быть и больше, теперь хорошо не помню. Из лиц, там присутствующих, я по фамилиям знаю следующих: Успенского, Долгова и Павлова, но не знаю, был ли тут Кузнецов и Иванов, и сколько счетом было мне неизвестных, не помню, потому что, говоря откровенно, меня это и не интересовало тогда. Нужно еще прибавить, что Долгов во все время хлопотал: то заваривал чай, то ходил к хозяйке, чтоб скорей несла самовар, то просил подавать еще молока и, кроме разговора об артелях, кажется, и не вступал больше в прения. Когда я вышел к Хабарову, у меня очень сильно болела голова и вообще чувствовал себя нездоровым. Как я уже сказал, главная цель моей поездки в Петровскую академию — повидаться и разузнать от Хабарова, не может ли он мне дать письмо или так указать квартиру, в которой бы я в случае, если не откроется, как говорилось в газетах, железная дорога от Харькова до Таганрога, мог бы за недорогую цену прожить до открытия в Харькове. Из разговоров с Хабаровым я заключил, что он никого такого не знает, а также и квартиры такой не знает, потому что из Харькова уж три года, как выехал, и, следовательно, легко могло все измениться. Переписки же с Харьковым он не имел. В десятом часу я от Хабарова ушел, чтоб зайти за Успенским и с ним ехать на линейке в Москву, но в квартире Долгова я уже не застал никого, кроме самого Долгова, который и сказал мне, что Успенский ушел на линейку. Я отправился на линейку, где узнал от Успенского, что билетов уже нет и что лучше мне остаться ночевать в академии, тем больше, что Павлов просил его передать мне, что он желал меня видеть для чего-то. Я в то время не имел в Москве своей квартиры и, притом чувствуя себя не совсем здоровым решил, что действительно лучше остаться в академии и отправился обратно на Выселки к Долгову на квартиру. К Хабарову я не пошел, во-первых, потому, что у него очень маленькая комната, во-вторых, что по намекам догадался, что к нему должна прийти в гости швея какая-то. Когда я вошел к Долгову, было часов 10 с лишним. Я спрашивал у Долгова, не знает ли он, кто такой этот Павлов, но он и сам не знал, по крайней мере отве-

тил мне, что он не знает, но что он имеет к кому-то из его товарищей рекомендацию и потому он и познакомился. Спать у Долгова мне было очень дурно и поэтому долго не мог уснуть, и когда проснулся утром, головная боль и лихорадочный озноб еще больше усилились; тут пришел и Павлов. Я между прочим спрашивал, не знает ли Долгов, где теперь Павлов и как мне его увидеть (это было с вечера); он ответил, что, вероятно, он завтра утром зайдет к нему. Долгов ушел в это время в академию, у него кажется экзамен. Павлов, когда мы остались одни, сказал мне: «Скажите, пожалуйста, почему вы вчера говорили против возможности крестьянских бунтов и вообще протестов? Неужели вы в этом убеждены или высказывали ваше настоящее мнение насчет 70 года потому, что люди вам были незнакомые?» Я ему ответил, что это мое истинное убеждение и что я не знаю до сих пор, почему это вас так интересует. Ответ был: потому интересует, что вопрос интересный. И стал опять мне доказывать общими же фразами, что и накануне доказывал. Я не возражал ему по случаю головной боли, и дело кончилось тем, что я ушел опять к Хабарову, лег у него спать, а после обеда отправился в Москву; при встрече с Успенским он мне предложил вопрос, что говорил ли я еще раз с Павловым. Я ответил: «Да». Больше он ничего не спросил. Потом я еще раз встретился с Павловым дня за три или четыре до отъезда своего на юг по просьбе его чрез Успенского; он опять мне сказал только, что мы, вероятно, еще встретимся до вашего отъезда. Я отвечал, что не знаю. «Если можно, то зайдите. Я вас кое о чем попрошу». — «Если успею — постараюсь зайти». Но уже после этого я его не встречал и так он мне и не дал никакого поручения. На юг я ехал, во-первых, потому, что хотел повидаться с родными, во-вторых, что рассчитывал взять там дела при помощи знакомых, в-третьих, думал, нельзя ли там взяться за какое-нибудь дело даже коммерческого свойства, если только оно будет выгодно в денежном отношении, так как мне тогда, да и теперь нужно было расплатиться, во-первых, кое с какими долгами, во-вторых, иметь на жизнь сколько-нибудь денег, чтоб можно было заняться серьезно или приготовлением себя в более или менее знающего дело адвоката или позаняться и приготовить себя к литературе, для чего я имел в виду статистику, которою я и до этого занимался. Проездом до Таганрога я прожил дней десять в Харькове, и потом, не дождавшись открытия железной дороги, отправился в Екатеринославскую губернию, в Новомосковский уезд, к своему знакомому Степану Степановичу Евецкому, у которого и прожил более месяца. Я знал, что у него есть долговые дела, и рассчитывал, что он их поручит мне, но дела его обошлись и покончились без адвокатов по добровольному соглашению. От Евецкого я поехал к станции Лозовой, где севши на железную дорогу, поехал в Таганрог, где прожил до дня моего ареста, т. е. до 27 января 1870 года. Ни в Харькове, ни в Таганроге организацию кружков с противузаконными целями не устраивал. Видался в Харькове с Рейгардом, с Хныкиным, т. е. со своим дядей, и у него с некоторыми студентами таганрожцами. В Петербург ездил в сентябре из Смоленской губернии проездом в Москву; в Петербурге виделся с Колачевским, с которым я раньше познакомился в Москве у Дешукова. Негрескула знаю, познакомился

с ним, кажется, чрез Колачевско[illegible]
15 руб., еще просил у Колачевского да[illegible]
вращения моего с юга, когда надеялся им[illegible]
и он мне обещал поручиться у Успенского, к[illegible]
как на человека, который может ему доверить, [illegible]
чил их. О принадлежности Негрескула к тайному о[illegible]
Колачевского не знал и сам не принадлежал. Предъяв[illegible]
писка на имя Алексея Алексеевича писана мною в пер[illegible]
1869 года, дана мною Успенскому для передачи Кутырину, [illegible]
бывал у Дешукова, где я с ним и познакомился. Кутырин г[illegible]
что у него из кассы вытащили деньги, подпоивши его пьяным во вр[illegible]
дежурства его, за что он был отдан под суд и, не дождавшись решения, ушел; об этом мне было сказано потому, что просили и меня отыскать место Кутырину. Из того обстоятельства, что он совершенно откровенно признался в своей вине мне и Дешукову, имея полнейшую возможность скрыть это, и все-таки просит нас отыскать ему место, я заключил, что он должно быть виновен действительно только юридически, фактически же совершенно прав, и потом из личных наблюдений Дешукова о нем, Кутырине, нельзя было иметь или составить дурного мнения; так, принимая все это в расчет, я обещал ему при первой же возможности с моей стороны доставить ему место или, лучше сказать, отрекомендовать. Человек Кутырин был бедный, об этом он говорил, да и видно было; была у него мать старуха, он говорил, где и живет она, в провинции, но я позабыл; что она тоже очень бедна и что он ей прежде посылал деньги из своего жалования, а теперь больше году и не пишет к ней, так как послать нечего. Познакомился с ним Дешуков еще в Самарской губернии, куда он ездил летом лечиться кумысом. Так по крайней мере он говорил. Бывши раз в магазине у Успенского, он, Успенский [спросил меня], не знаю ли я кого такого, чтобы поступил в библиотеку в помощники библиотекарю и чтоб по возможности молодой был; я ему рассказал все, что знал о Кутырине, и сказал, что он с удовольствием займет это место. Он просил его прислать к нему, я отвечал, что так как мне нужно скоро поехать из Москвы в Рязань по делу от адвоката Ковалева, то я дам ему лучше записочку и что не зайдет ли он сам к нему, причем и дал ему предъявляемую мне записку. Не знаю, был ли он у Кутырина или нет. Кутырина я не видал после того, как дал записку Успенскому. Я писал подробно потому о записке, что на нее кажется обращается большое внимание. Упоминаемый Кутырин при просьбе меня о месте сказал, что он паспорт имеет фальшивый, в котором называется или коллежским регистратором, или губернским секретарем; жил он, сколько я помню, на Разгуляе и имел наружность, насколько помню, следующую: роста среднего, лет от 20 до 25, волосы каштановые. На предложенный мне вопрос, знаю ли я князя Алексея Алексеевича Вяземского, сим отвечаю, что я его знаю. Отношений к нему особых не имел никаких, а жил он тогда на Садовой, в своем доме.

Павел Васильев Прокопенко.

(Дело угол. отдел мин. юст. 1873 г., № 42, т. VIII, лл. 214—220.)

Показания И. Лихутина 5 января 1870 г.

1870 года января 5 дня я, отставной артиллерийский подпоручик Иван Лихутин, заявляю прокурору С.-Петербургского окружного суда следующее:

Первое знакомство мое с Нечаевым было весной на сходках; у нас он был два раза, как я и показывал раньше; знакомство это было очень мало и недружелюбно, приняв во внимание наше несогласие с его теориями, подрывающими важность образования.

После того Нечаев оставил нас без внимания до своего побега за границу.

До конца сентября прошлого года мы жили спокойно; знакомства, какие и были сделаны во время сходок, прекратились сами собой; это замечание я сделал для придания этим знакомствам именно чисто личного характера.

Однажды вечером входит Колачевский, говоря, что хотел бы видеть сестру мою Катю; через несколько минут я его к ней проводил; ко мне подходит Ковалевский и говорит: «Представьте себе, я вышел на лестницу — и там Нечаев; что нам делать?» Я вышел посмотреть и узнал по голосу, он просил поторопить Колачевского, но потом, раздумав, вошел к нам. Посидев немного в ожидании самовара, он пошел с Ковалевским погулять около Таврического сада. Дорогой он расспрашивал: «что делаете, чем занимаетесь», и, услыхав, что занятия научные текут мирно, а так и все время проходит, заметил: «нет, вы, господа, заспули, вас разбудить нужно». Тут они вели спор. Ковалевский старался ярко доказать нелепость всяких волнений. Нечаев не привык, чтобы ему так смело возражали, и остался чрезвычайно недоволен Ковалевским. Я позволю себе заметить, что Ковалевский менее других старался хитрить с Нечаевым и всегда резко высказывал свое несогласие с ним.

Придя домой, Нечаев заявил желание переговорить с сестрой; вскоре он ушел; со мною и братом он не говорил ничего, так как еще очень мало знал.

На другой день он был у нас вечером, остался ночевать. Утром мы вели разговор (я, брат, Попов, Щелкунов и Нечаев) (Ковалевский жил в Лесном и к нам приходил по субботам и воскресеньям) о цели, которую Нечаев хочет достигнуть, но этого он ни разу не ответил, как мы ни подводили; он старался нам доказать только необходимость иметь между собой связь для того, чтобы возможно было легко получать и доставлять разные летучие листки. Мы возражали ему на это, что все эти листки — чистый вздор, галиматья, что нам нет никакого основания подвергать себя риску из-за подобных глупостей. Нечаев возразил на это: «плохие или нет листки, это другой разговор, но я вам заявляю только тот факт, что когда они будут выходить, я вам буду их присылать, и вы должны в своих же интересах озаботиться их сбывать скорее».

Мы заметили, что он упускает самый короткий способ — это в огонь. Тут он заметил вскользь о том, что в Москве и на юге в разных местах идут дела хорошо, люди не спят, сплачиваются; в подробные

объяснения он не вступал. Объяснения его с на
и главной причиной, почему он убеждал меня е
было желание иметь во мне проводника.

Подумавши, я принял это приглашение из
хотелось посмотреть, что это такое делается; я не мог допустить, чтоб могло составиться какое-нибудь общество.

Подъезжая к Москве и собираясь выходить у Петровского-Разумовского, Нечаев объявил мне, что никакой посторонний человек не может участвовать в заседании кружков и потому меня он выдаст за агента женевского общества (мне он советовал присмотреться и передать другим, как нужно дело вести), дал мне бланки с женевской печатью, прося при свидании возвратить, дал мне кусочек обоев; с таким же кусочком должен был притти за мной в магазин Черкесова господин и проводить к Нечаеву. Как агент, — говорил он мне, — я могу обо всем спрашивать, но мне будут стараться по возможности не отвечать. При входе в магазин я должен был спросить Успенского и показать ему бланки и спросить о Прыжове, у которого Нечаев советовал мне остановиться ночевать. Я все так и сделал: начал расспрашивать Прыжова о текущих делах, что за люди группируются, какие у них стремления; получал ответы или отрицательные, или крайне темные; задал я ему один вопрос, что типография (о существовании которой я слышал в дороге от Нечаева) есть дело нескольких лиц, просто частным образом занявшихся, или есть дело общества организованного; он ответил, что дело совершенно частное, что он не понимает хорошо, отчего я так напираю на организацию, ее нет еще у нас, мы можем надеяться только на будущее.

С ним я покончил; я видел господина лет около 40 и не мог считать его слова выдумкой, я верил им вполне, они вполне согласовались с моим мнением о невозможности существовать какому бы то ни было обществу.

Я забыл сказать, что спрашивал Прыжова о кружках и когда бывают собрания; он отвечал, что нет ничего правильного, да и люди, собравшись, не знали, что друг с другом говорить (так бывало и на сходках; на последней, на которой я был, никто не говорил, и вот толкают одного, говоря: «скажи же что-нибудь», тот выходит и говорит что бог на душу положит).

Затем ко мне пришел Успенский; я задал ему те же вопросы и получил почти те же ответы. Из разговора я вывел, что, действительно, ничего нет, но что Успенский человек, любящий таинственность. Во время нашего разговора пришел Прыжов, прося переслать к Нечаеву письмо, и подал исписанный лист бумаги; по его удалении, я с соблюдением всех таинственных форм начал выяснять, что лучше письма не отправлять, что оно может не найти Нечаева, заваляется: быть может, он и сам скоро будет. (Надо заметить, что Успенский спросил меня немного погодя после показания женевской бланки: «а что еще вы должны сказать мне?»; я и рот открыл, — вот, думаю, влопался, Нечаев мне ни слова не сказал; сообразя все это, я ответил, что молчание мое основательно, и он после узнает; я рассчитывал на помощь Нечаева, которому неприятен был бы открывшийся обман. Так и поми-

рились.) Поведя так разговор, я немного погодя спрашиваю Успенского, какого он мнения о Прыжове. Это очень его изумило; я его успокоил, говоря, что так всегда делается в случаях, когда показания не сходятся. Он отозвался о Прыжове, как о человеке хорошем, но, собственно говоря, не без своих странностей.

Затем он прочел письмо Прыжова к Нечаеву, в котором он просил у него новых инструкций и торопил приехать; письмо это было важным документом, оно очерчивало характер лица, как человека несостоятельного. Успенского звали к прилавку; он оставил мне книгу, но вскоре за мной пришел господин, и мы отправились к Страстному монастырю, откуда до Петровского-Разумовского ходят линейки. Приехавши, мы прошли парком и вошли в дачу, где проживал мой проводник; там у него в комнате я и остановился; мы с ним разговорились, он оказался человеком добродушным; от него я узнал многие нехорошие вещи про Нечаева, как он мало церемонится с людьми, не разделяющими его образа действия; он приводил мне в пример большое число людей, забранных во Владимирской губернии, которые были подведены разными письмами и прокламациями Нечаева из-за границы; это все заставляло меня пока стараться не высказывать своих мнений Нечаеву, я чувствовал, что попал впросак, увлекшись любопытством [55]).

Флоринского (моего проводника) я начал расспрашивать, как он на это дело смотрит; тот начал меня уверять, что он и не думает об этих глупостях и очень огорчен, что встретил Нечаева, так как он собирался спокойно позаняться, а теперь и не знает как быть. Я ему совстовал отправиться в Петербург в Лесной, говоря, что там теперь заниматься отлично. Он считал затруднением недостаток денег.

Так мы проговорили до вечера; я не скрыл от него своей фамилии, потому что он мне казался человеком таким, как говорил.

Вечером зашел Нечаев, и мы отправились в собрание главного кружка Петровской академии. Поднялись на самый верх; там сидело четыре человека; меня Нечаев представил опять-таки как члена комитета женевского; их фамилий он не называл, а называл просто нумерами: № 1, № 2, № 3, № 4. После нашего входа они принялись за свои занятия, которые казались мне до крайности скучны; занятия состояли в отчетах всех по очереди собранных об какой-либо личности справок, затем читали список всех когда-либо бывших студентов Петровской академии и делались отметки, обратить или нет на него внимание. Это занятие не одному мне казалось скучным, Нечаев заснул совершенно, так что это заметили. Вскоре все окончилось, и я отправился спать к одному из четверых. Утром пришел Нечаев и позвал меня с собой. Отошед немного, он спросил меня, как я думаю обо всем виденном. Я выражал хорошее мнение обо всем, рассказал разговор с Прыжовым и Успенским; я все передавал буквально, боясь в случае, если они уже рассказали ему, быть уличенным. Он остался мною довольным, а я очень и очень горевал, что попал в эту кашу и порядком побаивался, чтобы Нечаев не состряпал с нами чего недоброго.

Потом Нечаев попросил меня сходить в Москву и взять у Успенского бланки, я пошел; «что, думаю, это бланки такие?» Спрашиваю

у Успенского, тот говорит: «зайдите ко мне на квартиру и спросите у Прыжова» (адрес квартиры Нечаев мне сказал). Прихожу; там Прыжов и жена Успенского; спрашиваю у Прыжова; «они, — говорит,— не готовы, если спешно нужны, то можно сейчас изготовить». Я говорю, что спешно; вот, думаю, узнаю наконец, что тут кроется, что тут самая заковыка. Пришел Прыжов, принес медную печатку с вырезанным топором и кругом словами «Народная Расправа 19 февраля 1870 года».

Я в первый раз еще видел эту печать. Прыжов принес краску, но от неуменья намазать не выходило. Я попробовал, получилось пятно. Принесли сальную свечку; он накоптил, и таким образом получилось несколько изображений. Спрятав бланки, Прыжов отправился со мной в Петровское-Разумовское. Дорогой я, на правах члена женевского, сделал ему замечание, что с печатью обращаются, как с новенькой игрушкой (я упустил, жена Успенского говорила, что она и муж ее пробовали, да не выходило). Действительно, мне казалось, что люди просто играли; я понимал опасность их игры, которая непременно затронет при своем раскрытии и меня, попавшего к ним; мне было досадно, зачем я поддался любопытству.

Приехав в Петровское-Разумовское, мы посидели у Флоринского. Вскоре пришел Нечаев (я раньше еще заявил ему желание ехать на другой день), позвал меня, чтобы не опоздать на машину. Дорогой он мне говорил о необходимости нам всем заняться образованием общества в роде виденного. Я ему говорил, что форма эта увидится; мы во всяком случае считаем теперь самым важным занятием научные, что он очень плохо или нерасчетливо сделает, если будет мешать; по выходе же дело другое; мы будем люди самостоятельные, тогда можем потолковать. Я уверял, что пять лет, которые нам заниматься, вовсе не такой большой срок. «Послушайте, сказал мне Нечаев, если вы виляете, то это очень плохо». Я ему возразил, что, напротив, я очень чистосердечно прошу оставить нас в покое, так как мы поставили себе целью получить известное образование. — «Хорошо, — сказал Нечаев, — я постараюсь оставить вас в покое, но мне будет очень жаль, если я в вас ошибся». Он дал мне на дорогу один экземпляр «Народной Расправы». Я с ним простился и ни слова не сказал, что видел как делались бланки; Прыжова я предупреждал заранее, говоря, что это может не понравиться Нечаеву. Тут кончились все мои похождения в Москве. Больше я в ней не был и ни с какими московскими лицами не встречался. Цель и стремление московского общества «Народной Расправы» я могу судить только по прокламации. Я тут изложил подробно все мое прошлое пребывание в Москве и все мои старания узнать; я думаю, что действительно узнал все самое главное, а именно, что делом заправляют Прыжов и Успенский. Нечаева в Москве я почти не видел, так что он мне не объяснял своих целей, но я думаю, слыша часто возражения от нас в бытность в Петербурге при разговорах о полезности революции и волнений, считал нас плохими участниками в его деле. Кроме того, я должен заметить, что в то время, т. е. последнего числа сентября, я буквально каждый день после обеда до 12 часов ночи просиживал у моего родственника

Кочеткова по поводу последних дней пребывания его сестры Пелагеи Ильиничны Карабиной.

Теперь я считаю долгом объяснить, как объяснил я все виденное, как мы на это посмотрели и как решили относиться в будущем.

Я рассказал моим товарищам все мною виденное; все дело это представлялось мне в комичном виде; я таким его и представил. Я предлагал подумать, какие бы меры предпринять, чтобы нам совершенно изгладить все следы нашего причастия к делу и личности Нечаева. Мы порешили не входить с ним ни в какие сношения, полученные вещи или не брать от посланных, или, если бегом ушли, истреблять. Но я должен заметить, что действительно Нечаев ни разу не обеспокоил нас присылкой, так что эту меру я приложил только к полученному мною листку «Народной Расправы». Стремление общества Нечаева, по прокламации судя, было к произведению волнений, воспользовавшись 19-м февраля; как они хотели это сделать, я не знаю. так как все мое знакомство описано до малейшей подробности. Я понимал только одно: что волнение, принесшее только один вред, произведено может быть; конечно, я не мог себе представить, что оно будет велико или мало; затем последует раскрытие общества, мое участие может быть открыто, я мог всегда доказать, что, кроме моей поездки, в которую я собственно увлекся любопытством, я ни словом, ни делом не заявил своего сочувствия к этому обществу, о котором после и не слыхал больше. Но ведь знание о существовании общества и недонесение составляет уже преступление. Все эти соображения глубоко волновали меня; не раз говорил я брату и Щелкунову: «погубят нас эти господа, пропадем даром, ни за грош положительно; господа, мне часто на мысль приходит пойти и рассказать в III отделение». Те и я тоже находил это нехорошим тем, что после всегда будешь думать, что погубил их, и не будешь иметь покоя. Находя же наше причастие слабым, они считали, что в крайнем случае, если не обратят внимания на наше мирное житье, мы будем наказаны, но и то легко. Таким образом мои товарищи только от меня узнали о существующем обществе, и все мы, как не сочувствующие всяким революционным стремлениям, решили как можно больше устраниться от всякого сношения с Нечаевым.

До сих пор мы стояли от Нечаева далеко, знакомство наше было очень нетесное, можно даже сказать, слабое, благодаря постоянным возражениям, которые мы делали ему, когда он по своему обыкновению старался убедить нас в полезности революций вообще и волнений в частности. Я высказывал свое мнение реже других, по своей привычке молчать, пока не узнаешь хорошо человека. От этого он, может быть, во мне видел человека, более других способного поддаться его влиянию. Но все-таки, видя постоянные возражения по теоретическим вопросам, он не мог говорить с нами о составлении общества, да это и не было в его привычке, он всегда старался говорить по возможности туманно. Приглашая меня в Москву, он видел во мне проводника; это была очень маловажная цель, потому что он там мною почти не занимался и я все время дня провел с Флоринским или, когда он уходил, один в его комнате. Нечаев хотел мне просто пока-

зать собрание кружка в Петровской академии, чтобы показать, что действительно есть люди, которые составляют общества; так что без счастливой случайности я ровно ничего не знал бы и мог бы ответить еще меньше. Мы никогда не сочувствовали никаким революционным стремлениям, но при столкновении с Нечаевым мне казалось всегда трудным защитить свой образ мысли, я как будто терялся. Но это продолжалось недолго, вслед за уходом являлось спокойствие и уверенность в справедливости своих мнений.

Я говорю, что, кроме факта моей поездки в Москву из любопытства посмотреть, что такое делается, ни я, ни мои товарищи, ни до означенной поездки, ни тем более после нее не заявляли своего сочувствия каким бы то ни было революционным стремлением. Я позволю себе заметить, что все мы любители жизни тихой, уютной, семейственной и мы не могли любить революционные всякие стремления, как мешающие подобной жизни, и любя подобную обстановку я и посещал очень часто моего родственника Кочеткова, что было бы лишнее в противном случае, так как никакие расчеты не могли бы иметь места. Жизнь наша потекла так же мирно и тихо; у нас никого не было, мы были всегда в своем домашнем кружке. Перед сумерками 24 ноября, в день именин моей сестры, в то время, когда она гуляла, приходит какой-то господин и спрашивает у хозяйки: дома ли сестра? Та отвечает: нет, а будет дома вечером. Господин уходит. Хозяйка все-таки нам сообщает, говоря, что еще не видела этого господина ни разу. Я знал, что сестра вечером пойдет в институт к маленькой сестре, позвал назад из форточки описанного господина и сообщил, что сейчас будет. Он ушел; лицо его показалось мне знакомым, но я не мог хорошо рассмотреть под надвинутой шапкой и запахнутой шубой. Через несколько минут является Нечаев в форме военного чиновника с тем же господином; он сказал, что хотел бы переговорить с нами, но что прежде он окончит с этим господином (он мне показался одним из четырех); мы оставили его вдвоем. Когда вошел Нечаев, я не видел, чтобы у него был сверток; его появление так меня давило, что мне вовсе не до рассуждений было. Выйдя из комнаты, мы согласились в необходимости пояснить ему открыто, что не хотим иметь с ним никаких сношений и что поэтому просим уйти и больше нас не беспокоить. Мы понимали необходимость положить конец его приставанию к нам; всякое дальнейшее притворство с нашей стороны могло принести нам большое несчастье.

Переговоривши, незнакомец ушел. Нечаев попросил меня рассказать историю векселя и какое мы тут принимали участие. Я рассказал ему, что это все выдумки Колачевского, никакого участия мы не принимали, да и в существование самой истории не верим. Кончив это, я заявил Нечаеву наше полное несочувствие его планам и вообще всем революционным идеям, прося его больше не ошибаться на наш счет и совершенно оставить в покое. Это его изумило, но не успел он возразить, как подошел Ковалевский, находя, что разговору пора кончиться, и объявил, что просит Нечаева уйти, так как он здесь не безопасен и может быть арестован. В это время пришла сестра; он переспросил у нее, принимали ли мы участие в деле векселя, говоря,

что верит ее слову. Она ответила отрицательно. После этого он ушел, не оставлял также у нас никакого свертка. Это было последнее мое свидание с Нечаевым. Больше мы ничего не слыхали ни о нем, ни опять-таки о московском обществе. Жизнь наша шла попрежнему тихо; иногда мне приходила на ум возможность быть арестованным, но я не знал, как из этого обстоятельства выпутаться. Вдруг над нами разразилась гроза, сперва в виде обыска, потом в виде ареста сестры и, наконец, меня с братом. Теперь я считаю нужным рассказать историю векселя Колачевского, как она была на самом деле. Мы скрывали настоящее дело, боясь, чтобы на нас не пало подозрение в смысле нечестного дела, как желания воспользоваться деньгами другого. Дело это было сделано нами просто в виде школьнической шутки.

Наш товарищ Орлов просил меня устроить так, чтобы Колачевский взялся быть поверенным для ввода во владение землей, доставшейся от его матери. Попов просил Колачевского притти вечером; он пришел на другой день назначенного. Мы перетолковали с ним; он согласился и просил уведомить, чтобы Орлов пришел в понедельник к нему со всеми бумагами. Стоящий на углу городовой, находясь в хороших отношениях с хозяйкой нашей квартиры, несколько раз, видя идущего студента, спрашивал, не в 19-й ли номер дома и 10-й квартиры идет, и указывал дорогу. Это случилось раз, два, три; городовой мог быть просто в веселом расположении, но студентов это смутило.

Рассказывали мы эти события Колачевскому; тот в свою очередь рассказал, что за ним кто-то следил и нанял извозчика, чтобы посмотреть, не войдет ли он в наш дом; затем он уверял, что все же не боится никаких преследований.

Видя его хорохорящимся, нам пришла мысль сыграть с ним шутку. Я ему передал запечатанную книжку Нечаева (которая в сущности важности не имела: одни выписки); но сам он мог бы и не взять, а потому я просил передать Негрескулу, говоря, что особой важности нет. Брат, которого Колачевский почти не знал, так как он приехал в начале сентября и все время занимался сдачей экзаменов, взял на себя разыграть роль офицера; он достал напрокат баки и усы, надел мои старые погоны. С Колачевским он простился раньше под предлогом спанья. Переодевшись, он вышел, дал выйти Колачевскому и заарестовал его; поехали они как мне помнится в номера Знаменской гостиницы. Колачевский только первое время испугался, он, быть может, не вполне мне доверял, что содержание пакета есть книжка и совершенно не предосудительная; затем он начал подозревать что не брат ли перед ним; ему хотелось, как он говорил потом, даже высказать свое подозрение с предложением кончить шутку, и он сожалел потом, что этого не сделал. Брат спросил с него вексель, тот дал. Давая, я думаю, он руководствовался недействительностью векселя; он и сам на это напирал, говоря потом с нами. После того они расстались.

Придя, брат рассказал всю историю, и мы смеялись, что, верно, Колачевский порядочно страха набрался: мы представили себе, как на-днях он придет с грустью рассказывать случившуюся

историю. Вексель был нами сожжен, так как мы не ожидали даже, что он даст, а думали просто попугать.

На другой день утром пришли Колачевский и Негрескул, сильно разозленные. Ночью Колачевский обдумал, что это должно быть верно наша проделка. Дело они приняли серьезно, и нам никак нельзя было сознаться, что это хотя сделано и нами, но ради шутки; мы стали просто отрицать. Мы предлагали возвратить назад эту книжку, но Негрескул удержал ее у себя, как могущую служить питью для следователя, когда они начнут дело в случае представления векселя. После того вечером на другой день пришел к нам Колачевский и предложил, чтобы ему выдали юридическое обязательство, что в случае требования с него по тому векселю, мы в свою очередь уплатим. Наконец он ограничился, чтобы дали ему слово, что вексель не будет явлен. Колачевский выяснял нам невозможность получить по тому векселю, так как кто-нибудь да должен вписать туда свое имя, набросить тем гнусную тень на себя и на товарищей. Мы упорствовали в объяснении шутки, так как думали: вексель уничтожен, и дело канет в вечность. При открытии же им всей истории пошли бы опять бесконечные разговоры о том, насколько можно верить, что мы шутили, и т. д. Мы боялись, что наше признание набросит на нас тень, и вот главная причина нашего упорного отрицания.

Считая, что это дело я рассказал до подробностей мелочных, я перехожу к дальнейшим показаниям. Кроме товарищей, с которыми я живу, и еще вышедших вместе со мной из Артиллерийского училища, я знал в Петербурге несколько студентов, с которыми познакомился я на сходках, но знакомство наше было чисто шапочным, весной же прекратилось. Никогда ни от кого я не слыхал, чтобы в Петербурге существовало какое-нибудь тайное общество.

В заключение я должен прибавить, что, если мои показания не совсем подробны, то это происходит вовсе не от желания что-либо скрыть, но действительно от малых сведений. Московская поездка представляет единственный факт, где я находился в роли человека революционных стремлений. Товарищи мои и брат, те и совершенно не выходили из роли людей, частно живущих и занимающихся своими домашними делами.

Этими строками я хотел очертить себя и людей, в моих показаниях встречающихся.

Иван Лихутин.

(Дело III отд., 3 эксп., 1869 г., № 115, ч. III, лл. 126—141, копия.)

Показание И. Лихутина 18 января 1870 г.

В дополнение к данному мною 12 января словесному показанию имею честь объяснить следующее:

Брат мой, Владимир, вышел из Артиллерийского училища, не кончив одного курса, со своими товарищами Мокриевичем, Котельниковым и Орловым, следовательно, знакомство близкое с ними меня и брата очень естественно; тут же в начале осени брат познакомился с Ковалевским, товарищем Мокриевича (они были в одном корпусе),

приехавшим в Петербург, получив отставку. Приехав в октябре, я также пытался поступить в Медицинскую академию, но по незнанию латинского языка не удалось. Тогда же пришла мне мысль, принятая и братом, отправиться в Америку для получения там, как мы думали, более лучшего воспитания; эта мысль была принята и товарищами, за исключением Котельникова. Вследствие этого предложения мы стали учиться английскому языку; вот положение, в котором нас застал январь 1869 г.

В предыдущем показании я упоминал о посещаемых мною сходках и упомянал об адресах, которые я знаю. Повторяю еще раз, что на сходках говорилось об образовании студенческой дозволенной кассы и о праве сходок. Посещение сходок вскоре было мною оставлено, как скучная и напрасная трата времени; прибавлю только подробное описание сходки на Фурштадской, на которой я не был, так как был болен.

Видя всеобщее охлаждение к сходкам, Нечаев на Фурштадскую заманивал хитростью, говоря: «там новый вопрос будет поднят». И вот собравшимся он предлагал подписываться на просьбу кассы и сходок; многие не хотят, он уговаривает тем, что можно всегда вычеркнуться; технолог Кольденберг [56]) громко заявил о нелепости подписки, прося студентов одуматься; его не слушают, и он с некоторыми своими товарищами уходит. Подписей набралось тогда, как я слышал, 73; подсчитавши, Нечаев высказал свою радость: «сразу 73 набралось».

Впоследствии, т. е. осенью 1869 г., на мой вопрос, что думает он делать или думал с подпиской, неимеющей, по моему мнению, никакого значения, Нечаев отвечал, что так как подписавшиеся принадлежат к разным заведениям и, следовательно, просьба их не может быть подана какому-либо одному министру, то и заявлять ее пришлось бы самому государю, для чего и вышли бы все на площадь.

На мое замечание, что на площадь никто не пойдет, он возразил: «что пошли бы все, так как о тех, которые итти бы не согласились, все равно заявлено было бы начальству. Таким образом последние были бы поставлены в необходимость либо итти на площадь, на авось, либо отвечать перед правительством уже наверное». Подписной лист по слухам уже находился в III отделении; от Нечаева же он перешел, если не ошибаюсь, в руки студента Медицинской академии Аметистова. В то же время мы узнали о том, что у литератора Петра Ткачева собирается весьма замкнутый кружок, где кроме него самого были Нечаев, а потом и Орлов; других же членов этого кружка я не знаю. Из нашей компании проник туда, кажется через студента Серебренникова, один Ковалевский. Через него я в общих чертах знаю, что орудовал там Нечаев и, развивая свою революционную теорию, убеждал в необходимости образования кружков по известной системе в 5 членов. После сходки на Фурштадской произошел, так сказать, разрыв среди нашей компании; мы все, кроме Ковалевского, пришли к убеждению о неудобстве применения к делу всевозможных сходок и всевозможных кружков. Все революционные идеи, даже и в теории, были заброшены, как вредные. Точно так же бросил их вскоре и Ковалевский. Длилось это так до приезда к нам 1 или 2 октября

Нечаева. Приезд его сопровождался теми обстоятельствами, которые уже мною изложены в моем показании совершенно подробно и правдиво. Добавлю только, что Нечаев произвел некоторое впечатление на меня. Дня через два спустя Нечаев пришел снова и окончательно увлек меня своими смелыми предположениями и таинственностью, а также безопасностью предприятия. Я согласился на другой день ехать с ним в Москву, чтобы познакомиться лично с образованной им в Петровской академии организацией. Я забыл добавить, что еще в Петербурге, когда Нечаев проповедовал пользу прокламаций, то весь наш кружок отозвался о них несочувственно. Ковалевский же даже при этой беседе вовсе не присутствовал, так как находился в Лесном. Пребывание в Москве изложено совершенно верно в прежних моих показаниях. Скажу лишь о том, что при отъезде моем из Москвы Нечаев поручил мне заняться составлением кружков в Петербурге, так как [это] собственно и было главною целью моего приглашения с ним в Москву. Я не только отказался, но, увидя ясно, что московская организация может быть только причиной гибели людей, просил Нечаева оставить нас вообще в покое. Он на это согласился только под тем условием, чтобы я достал вексель от Колачевского на 6 тысяч рублей; он же поучал меня тому, как и что для этого сделать следует, присовокупив для моего успокоения, что вексель Колачевского нужен ему вовсе не для взыскания с него денег, а для того только, чтобы иметь его в своих руках. После того мы распростились, и я уехал обратно в Петербург.

Через несколько дней по приезде домой разыгралась история с векселем. Происходила она таким образом: уверив своих, что я хочу подшутить с Колачевским, я под предлогом дела о вводе во владение Сергея Орлова пригласил его через Попова к нам. Брат, предупрежденный заранее, вышел и, переодевшись в офицерское платье и надев фальшивые усы и бакп, вместе с Мокриевичем (непереодетым, но начертившим себе усы и бороду) дожидались с готовой каретой выхода от нас Колачевского. Для большей верности предприятия я передал Колачевскому перед уходом его от нас в запечатанном конверте книгу записную Нечаева, сказав, что это вещь секретная и что я прошу его сохранить ее. Когда Колачевский вышел на улицу, то брат и Мокриевич, арестовав его, повезли в Знаменскую гостиницу. Там брат объявил Колачевскому, что он должен дать в 6 тыс. вексель, либо отправиться в III отделение. Вексель был выдан Колачевским на сумму в 6 тыс. руб. на вексельной бумаге месяцем назад, как того хотел Нечаев. Всех домашних я уверил, что это была чистая шутка и, взяв у брата вексель, ушел в свою комнату, сказав, что я его уничтожу. На другой день утром приходили к нам Колачевский и Негрескул; объяснялись с нами; собственно говоря, у нас ничем не окончилось, впоследствии же при содействии Ковалевского, бывшего с ними вместе с Поповым в трактире, дело настолько разъяснилось в том смысле, что в этом деле участвовала наша компания. Вследствие этого, сестра моя, в виду угрозы Колачевского и Негрескула начать следствие, ездила в тот же день к Негрескулу и объяснила ему, что если дело пойдет судом, то будет разъяснено, что за книжка в руках у него была,

и вообще разъяснится вся политическая сторона дела, причем приятнее и легче будет отвечать за дело с характером политическим, нежели за простую кражу; при этом она указывала, что и сам Колачевский будет запутан в том же политическом деле. Колачевский согласился молчать под тем условием, чттобы сестра выдала ему записку тоже в 6 тыс. руб. Сестра не согласилась, с одной стороны, потому, что думала, что вексель уже не существует, а с другой, потому, что тогда у Колачевского было бы в руках неоспоримое доказательство его с нашей стороны ограбления. Пока тем дело и кончилось. Впоследствии же Колачевский письменно сообщил нам, что подал жалобу в полицию, с просьбой однако не приступать в делу, пока не будет предъявлен вексель.

В конце затем ноября, а именно 24-го числа, прибыл к нам снова Нечаев. Тут я ему передал тихонько вексель Колачевского, и он ушел. Дальнейшие подробности этого моего свидания с ним изложены в прежних моих показаниях верно. Спрашивал же он об истории с векселем сестру вероятно только ради того, чтобы узнать, сохранил ли я верно тайну.

В заключение считаю необходимым присовокупить следующее:

1. В Тверь я ездил к Шимановскому без всяких преступных на него замыслов.

2. Записную книжку, отданную мной впоследствии Колачевскому, я получил в Москве от Нечаева вместе с планом всего дела, к которому бы, конечно, никто и не приступил, если бы Нечаев не стращал меня присылкой ко мне и ко всем нашим прокламаций и других могущих компрометировать нас бумаг.

3. В деле векселя никакого оружия, т. е. пистолета или револьвера, употреблено не было. Мокриевич вообще играл в этом деле роль пассивную, т. е. при аресте сидел в карете и при объяснении в гостинице стоял за дверью.

4. Сознаваясь совершенно чистосердечно во всем, я должен сказать, что сочувствовал революционным идеям и надеялся достичь путем восстания не того демократического правления, о котором мечтал Нечаев, но только представительного правления с большею относительно свободою личности и слова. Дальше мои мечты не шли, и это все, на что я по большей мере мог и желал рассчитывать.

5. Когда я читал прокламацию «Народной Расправы», то брат мой даже не был, а слушали ее, кажется, только Попов, Щелкунов и, может быть, Ковалевский, не помню хорошенько.

6. Все затем мною в прежних показаниях изложенное верно и добавить я ничего не имею. Иван Лихутин.

(Дело III отд., 3 эксп., 1869 г., № 115, ч. X, лл. 29—32, копия показания.)

Показание М. Негрескула 15 января 1870 г.

1870 года, января 15, я, дворянин Михаил Негрескул, заявляю г-ну прокурору С.-Петербургского окружного суда следующее:

С Бакуниным я никогда непосредственно знаком не был, никогда у него не бывал. О его бедственном денежном положении сообщил

мне monsieur Perron, президент одной ассоциации, кажется, слесарей. Этот последний знаком с Бакунинным. Он говорил мне, что Бакунин буквально умирает с голоду, и поэтому просил меня: нельзя ли ему достать какую-либо работу и помочь деньгами. На первое я отвечал, что, быть может, мне удастся получить для него перевод от какого-нибудь издателя, и если уговорю дать работу, то, быть может, уговорю уплатить часть суммы вперед. Я обращался по этому поводу к двум издателям; оба они обещали мне, что дадут ему перевод. Я известил об этом Перрона. Перрон мне ответил, что, пока пришлют перевод, можно умереть с голода, притом же по безденежью и по долгам ему грозят тюрьмой. Я отвечал, что постараюсь достать где-нибудь денег, тем более, что, быть может, издатели захотят дать несколько вперед. Но издатели отвечали на мои просьбы отказом, а между тем Перрон написал мне крайне оскорбительное письмо по поводу будто бы того, что я обещал, а сделать не сделал, и закончил свое письмо следующею фразою (я представляю ее в переводе): «если к концу двух недель не получу от вас 200 рублей, то буду считать вас фанфароном». Это до такой степени меня оскорбило, что я, объяснив все мои хлопоты, окончил свое письмо тем, что послал Перрона к чорту. Это было в августе. С тех пор я никогда ни Бакунину, ни о Бакунине никому не писал и не говорил.

Нечаев являлся ко мне за границею два раза, и все, что я показывал по этому поводу, совершенно справедливо; могу только пояснить, что Нечаев никогда со мною не говорил о революции или о чем бы то ни было касательно государственного переворота. Но он совершенно стал мне противен своим крайне циническим отношением к положению сосланных студентов. Я не смею положительно утверждать, что он унес у меня платье, но лично меня убеждают в этом слухи, смысл которых был таков, что Нечаев всеми мерами старался компрометировать своих врагов, а меня он всюду провозглашает таковым.

С Успенским мои отношения были просто отношения двух знакомых между собой лиц. За весь 1869 год я виделся с ним не более как на два часа во время проезда своего через Москву. Я не могу вспомнить теперь, просил ли я у него 100 руб. или нет; очень может быть, что я ему рассказывал о том положении Бакунина, о котором мне сообщил Перрон. Что касается до общества скопления капиталов с целью пересылки их Бакунину, то это такая наглая и неправдоподобная ложь, на которую я положительно затрудняюсь отвечать. Я несомненно убежден, что это — заключительная проделка Нечаева, который, вероятно, с подлейшей целью бросить на меня грязное подозрение, распространял эти слухи между своими единомышленниками. Могу только сообщить, что семь тысяч рублей своих денег я не мог вложить в эту странную операцию, ибо таковых денег у меня никогда не было. Снова повторяю, что эта наглая ложь извлечена вероятно из того, что я, говоря о необходимости Bildungs Verrein'ов, часто громко и совершенно явно говорил о том, что для этого необходимы средства. Очень может быть, что я говорил и Успенскому о благотворном влиянии самообучительных кружков, но никогда не приглашал его ни в какое общество, ни в тайное, ни в явное. Так как мне необходимо

было в скором времени быть в Москве по моему частному делу, находящемуся в сенате, то я просил Успенского, не желает ли он, когда ему придется быть в Петербурге, останавливаться у меня, с тем, чтобы я мог останавливаться у него, на что он и согласился. Засим он просил меня, нельзя ли похлопотать через кого-нибудь об его сестре, которая была арестована, и вообще он просил меня сообщить ему все касающееся его сестры [57]). Очень может быть, что я в письмах своих высказывал надежду на хлопоты Штакеншнейдер, с которой была знакома моя жена и с которою я и сам вскоре познакомился. О Левашевой я решительно не могу вспомнить, что писал, ибо я с нею незнаком. Засим мы еще переписывались по трем пунктам: по поводу денег, по поводу сенатского дела и по поводу телеграммы, которую я послал Успенскому, когда мать написала мне, будто дело уже решено. Между прочим, я, когда стали ходить слухи о нечаевских проделках, постоянно упоминал о них в своих письмах к Успенскому, стараясь при этом не преуменьшать, а преувеличивать слухи.

Книжка, которую мне передал Колачевский [58]), сколько я помню, взята при моем аресте.

Что касается до пребывания у меня Нечаева в ноябре месяце, то я прошу господина прокурора обратить внимание на то обстоятельство, что в октябре месяце я уже передавал всевозможнейшие мерзейшие слухи о г-не Нечаеве, в октябре же украдены у Колачевского 6 тысяч, т. е. не украдены, а ограблены с помощью векселя. В октябре же я просил Скипского предупредить Успенского о бесконечной наглости Нечаева. И после всего этого, несмотря на то, что я всюду гласно рассказывал о грабительстве, произведенном Нечаевым, несмотря на то, что никто не сомневался в том, что Нечаев: 1) подкидывает прокламации с целью компрометирования, 2) вымогает деньги с тою же целью, 3) делает ложные доносы на умеренных людей, — после всего этого, я повторяю, как может такое обвинение иметь место. Я клянусь богом, что скорее решился бы убить самого себя, чем впустить его в свой дом. Утверждаю, что Нечаев не был у меня. Это едва ли не самое безумное обвинение со стороны этой шайки. Что же касается до того, что некоторое время я вел себя с крайней осторожностью и не приказывал впускать в свою квартиру неизвестных личностей, то это произошло по причинам, известным по крайней мере 100 человекам в Петербурге. По поводу одного скандала меня один господин вызвал на дуэль; когда я отказался, обещал меня застрелить, как собаку, и, вообще говоря, преследовать. Около недели я сам выходил из дому не иначе, как в сопровождении кого-либо из знакомых. Когда же я уходил, то приказывал принимать различные предосторожности, которые, впрочем, вовсе не были принимаемы.

Знакомство мое с Перроном было в мае месяце 1869 года.

Дворянин Михаил Негрескул.

(Дело III отд., 3 эксп., 1869 г., № 115, ч. IV, лл. 213—218, копия показания.)

Показание М. Натансона 30 января 1870 г.

1870 года 30 января имею честь объяснить следующее: зовут меня Марк Андреевич Натансон, сын купца, студент 2-го курса Императорской медико-хирургической академии, 20 лет; что ни Нечаева, ни Александровской не знаю и никогда не видал их и не имел с ними дел, что об Александровской даже никогда не слыхал (кроме газет), а об Нечаеве слышал в прошлом году, что он был в январе 1869 года в нашей академии на студенческой сходке, а в этом году (академическом) слышал темные слухи между студентами об нем, как о человеке, прибегающем к самым жестоким средствам и угрозам для завлечения в свою организацию, но мне не приходилось встретиться с лицами, с которыми бы это случилось или которые бы знали об этом что-нибудь положительное. С Бобарыковой познакомился в прошлом году на лекциях в академии, ни на каких вечерах с нею не бывал, у нее на квартире тоже никогда не бывал.

Какой-то Негрескул издал химию, больше об этой личности ничего не знаю и не встречался с нею.

О вечере на Вульфовой улице не знаю и на нем не бывал.

А о факте, сообщенном мне судебным следователем, о пакете на мое имя, найденном у г-жи Александровской [59]), могу только сказать, что он привел меня в крайнее удивление, — как могут найтись люди, до того испорченные, чтобы злодейским образом подвергнуть преследованию людей невинных и им совершенно незнакомых; разве по слухам они знали обо мне, что я не такой человек, чтобы заниматься такими пустяками, что я никогда не церемонился говорить знакомым студентам, что если слухи о Нечаеве верны, то он подло поступает. Если это дошло до сообщников Нечаева, то неудивительно, что это должно было их бесить, тем более, что я был лицом, студентам знакомым, как их библиотекарь. Иначе, как жаждой мщенья, не могу себе объяснить этого факта.

Студента Шапиро знаю с прошлого года, познакомился с ним в академии, в этом году был у него несколько раз, чтобы посоветоваться о делах библиотеки, но на сходке с ним не был.

Александрова знал с конца прошлого (академического) года, так как он стал известен, как горячий противник студенческих протестов, и говорил постоянно, что первое дело наше учиться, знание, что горячатся от нежелания заниматься, а в этом году (в сентябре) я сошелся с ним ближе и действительно узнал в нем человека дельного, занимающегося, довольно основательно знающего химию и физиологию и смотрящего на всякие неразумные поступки со стороны студентов, как на дело, крайне вредное для ученья и для прогресса вообще. Так как я ему вполне сочувствовал, то мы и стали вместе жить с октября месяца 1869 года.

В последнее время мне пришлось услышать, что будто бы обо мне и Александрове стараются распускать сплетни, что мы будто бы люди нечестные и вредные, ренегаты и т. д., но я не придавал этому значения, как всякой сплетне. Кто именно заботился о распускании таких слухов, трудно сказать, так как они распускались, [как]

клевета из-за угла. Но если принимать во внимание слухи, что [со]чувствовавшие Нечаеву обзывали именем «нечестных, подлецов и т. д.» вообще людей, считавших и говоривших, что их попытки глупы и вредны, то неудивительно, что и я с товарищем подпали их гневу и преследованию. С апреля месяца 1869 г. я не был ни на одной сходке.

Марк Натансон.

(Дело III отд., 3 эксп., 1869 г., № 115, ч. V, лл. 248—249, копия.)

Показание В. Александрова 30 января 1870 г.

1870 г., января 30 дня, имею честь объяснить следующее: Василий Максимович Александров, дворянин, студент Медико-хирургической академии, 2-го курса, от роду 21 года.

Нечаева нигде не встречал, знаю его только по газетам, да по молве, которая ходит про него между студентами. Молва эта следующего содержания: будто Нечаев (это было в конце осени) в Петербурге и являлся к некоторым личностям (фамилии их я не знаю) и требовал от них сочувствия к его делу; в случае сопротивления, отказа с их стороны он грозил им доносом в III отделение, грозил даже смертью (носились слухи, что он, посещая студентов, с этой целью имел всегда при себе оружие). Про его дело я знаю только то, что он развозил прокламации и в конце концов желает революции. Говорили про него еще, что он решился в случае, если его схватят, как можно большее число людей впутать в свое дело, хотя бы они были и непричастны в нем (его деле), оправдывая это следующею фразою: чем больше возьмут из общества людей, особенно непричастных, тем сильнее общество возбудится враждебно правительству; следовательно, скорее случится революция. Носились слухи про его скандальные действия в Петербурге, из которых я помню только одно: он надул какого-то господина, взявши с него вексель в несколько тысяч [60]).

Слыхал также, что со стороны здешней молодежи было желанье противодействовать Нечаеву (как и каким образом и кто — не знаю). Слыхал это я от товарища моего Арвапитаки, которому я высказал желание помогать противодействию. С Негрескулом лично не знаком, также с ним никогда не говорил. Встретил его на квартире моих знакомых Ивановского и др., где он говорил о том, каким образом в Германии (каким методом) говорят в обществе, желая, чтобы их разговор имел строгую последовательность и точность и тем приводил к верному результату. Желая испробовать этот способ, тут же выбрали трех, — в числе их был Негрескул; я же не был, Тейльс тоже не был — которые должны были следить за точностью и последовательностью речей, желающих убедить в чем-нибудь или разубедить. Позднее время не позволило осуществить эту пробу. Слух же, что будто Негрескул выбран каким-то президентом, а Тейльс — вице-президентом, я считаю клеветой, и ничего подобного быть не могло. Также неверно, будто Негрескул говорил за полезность революции.

На этой квартире я был 25 декабря. Предвзятой цели не имел никакой (я думаю, что ее никто не имел), я желал только провести

праздничный вечер в кругу своих товарищей. Говорилось там про многое, но никто не упоминал о том, каким образом разрушить ныне существующий строй Российской империи. Вообще, насколько мне известно, бывшие тогда там смеются над революционными затеями и не думают, чтобы по крови можно притти к чему-нибудь доброму. У меня на квартире сходок никогда не было.

Тейльса и Шапиро знаю только, как студентов, поэтому про их действия ничего не знаю. Александровскую, Коведяеву совсем не знаю, Бобарыкову знаю, но не знаком лично. Натансона знаю очень хорошо (жил на одной квартире), знаю, что он ничего общего с Нечаевым не имел, знаю его, как за студента, усердно занимающегося своими предметами. Негрескула встречал у Ивановского недели за три до Рождества. Кружков, задача которых — ниспровержение существующего строя Российской империи, не знаю ни одного, даже не слышал, — кроме Нечаева, конечно. Также сомневаюсь в возможности их существования.

Студент В. М. Александров.

(Дело III отд., 3 эксп., 1869 г., № 115, ч. V, лл. 255—257, копия.)

Показания В. Александровской [61]).

«Держаться рекомендовали системы разоренья». Это было сказано по поводу упреков мне за мое эгоистическое существование, что я столько времени ничего не делаю в виду таких народных бедствий, на что я отвечала, что это несправедливо, потому что я все, что могла, делала, т. е. помогала бедным крестьянам и вот сейчас имела намерение купить в один вымерший дом сиротам корову. На это Элпидин [62]) захохотал, сказав, что это аристократическая благотворительность и что если бы я действительно занималась вопросом о народных нуждах, то давно бы поняла, что этот способ есть способ разоренья, а не помощи. На это ему сказала, что я его вовсе не понимаю. — Чего же тут не понять? Разве, помогая одной семье, вы что-нибудь делаете для народа? Вы улучшаете лишь положение одной семьи и больше ничего и чем же эта семья святее других. — Так что же, говорю, мне делать! Не могу же я отдать все свое состояние мужикам, тем более, что его одинаково не хватит на весь мир? — Никто вас об этом и не просит. На эту благотворительность много и без вас народу. Само правительство того и гляди додумается до сбавки податей и до тому подобных народных благ. Это было бы сущее несчастье, потому что народ и при настоящем дурном положении с трудом поднимается, а облегчилась хоть сколько-нибудь его карманная чахотка, заведись там хоть на одну корову, тогда еще на десятки лет все отодвинется и вся наша работа пропадет. Напротив, вы должны при всяком случае притеснять народ, как, вот, напр., подрядчики. Это самый дорогой для нас народ; они, так сказать, бессознательно самые ревностные наши помощники (тут он выразился каким-то ученым термином, но я его не запомнила).

Я на это говорила, что это противно моей натуре, а потому опять-таки я для вас негодный член. Вы знаете, сказала я, что то только

дело делается хорошо, которое вполне понимаешь, в чем более, которое вполне соответствует организации человека; я же, женщина нервная, не в силах смотреть на раны, на трупы, вследствие чего должна была отказаться от необходимых для меня, как акушерки, анатомических работ в академии, да и притом мне уже 36 лет, а я, как помню себя и своих отца и мать, никогда решительно у нас в семье этого способа и при крепостном праве не придерживались, а привыкать мне к этому теперь трудно, совершенно невозможно. На это он ответил, что это мне потому только так кажется, что я на предмет не с той точки зренья смотрю; а как только пойму свое заблуждение, очень легко буду действовать так, как и следует действовать человеку, искренне преданному интересам народа. Не звери же мы, не злодеи, когда подставляем свою голову за этот способ действия, а вероятно это глубоко продумано и найдено нужным. Впрочем, теперь не время разрабатывать теории, вы, должно быть, довольно наговорились в 1862 г. и ничего не делали; теперь пришла другая пора — ничего не говорить, а делать и делать, так, как укажут люди, более нас компетентные в этом деле, а наша обязанность повиноваться, а не рассуждать. — Но, однако, — говорю я, — не могу же я не знать, чего хотят от меня, и не могу же я, — это было бы по моему бесчестно, — не открыть вам глаза на мой счет, да при вашей системе и рискованно с моей стороны. Как же я буду принимать на себя обязанности, которых я выполнить не могу. — Это почему, разве вы калека? — Конечно, говорю я, по-вашему даже нравственная калека; я ничего не понимаю ни из одной объясняемой вами теории. — Да вам и понимать-то нечего. Разве я понимаю, зачем я с вами няньчусь, а не кто другой или не с кем другим? Мне велено, и баста! Сдаю свое дело и прощайте, — я вас не знаю, вы меня тоже.

Я задумалась, мы некоторое время молчали. Я, наконец, прервала молчание. — Скажите, говорю, пожалуйста, почему я именно выбрана жертвою ваших заблуждений, разве мало народу понадежнее меня? Он захохотал, сказав, что я говорю фразы, и он не видит надобности больше тратить время со мной. — Вы говорит, не хотите нарочно, не хотите понять, что $2\times2=4$. Я уже вам объяснял, что я исполнитель воли комитета, что и вы будете тоже; это понять не трудно! Указал вас комитету Утин, а что он там говорил, не знаю. А что касается до ваших фраз: жертва и т. п., то это просто понять, что вы не избранная какая-нибудь на белом свете, что все и все теперь жертвы старого порядка, а в той или иной форме — это все равно. Жить теперь никому не дадут, всюду будут врываться, всякие отношения рвать и тем самым освобождать людей от цепей, держащих их в узкой рамке мировоззрений. Будь это гражданские супруги, будь это законные — это все равно, даже первые хуже последних вредят делу, потому что более сильною связью держатся и менее ограждены законом. Не в наших интересах поддерживать эту чепуху. Никаким страстям теперь не место, нужно одно совершенное отсутствие всяких привязанностей и всякого благосостояния. Поняли теперь или нет? — Я ответила, что поняла, и замолчала. Он побыл еще несколько минут и предложил мне не хандрить и не задумываться над старыми обломками, а

стать трезвою ногою на той почве, на которую меня так счастливо перенесла судьба. Что он жалеет, что я не понимаю всю выгоду своего положения. — Сходите в театр, развлекитесь, в таком состоянии неудобно работать». — Я заплакала и сказала, что мне не до того, что я ума приложить не могу и понять, что со мной сотворилось. — У меня, говорит, нервов нет, не плачьте, я это отношу к болезненному состоянию и советую развлечься. — Я пришла в сумасшедшее негодование и сказала ему резко: убирайтесь! Он ушел и дня 3 или 2 не приходил, а посещал меня Трусов и французик какой-то. Говорили мне ту же чепуху, хотя более вкрадчиво и мягко. Звали меня путешествовать в горы, на что я сказала, что ничего не хочу, что я больна, и просила сказать, когда меня отправят отсюда. Они сказали, что ничего не знают. Я им объяснила, что я очень больна и должна была еще в России приняться за свое лечение, а что теперь я совсем чувствую себя нехорошо, а потому прошу их поговорить с Элпидиным, нельзя ли отложить мою обязанность на месяц, а теперь послать с этим кого-нибудь из их барынь. Они на это — что, во-первых, дела принимают совершенно иной оборот и все эти барыни отправляются и может уже отправились с поручениями еще большей важности, а что их там ожидает одинаково неизвестно; людей верных мало, а в особенности способных, а дело придет к развязке раньше месяца, а потому сами можете судить, на что нам ваша услуга через месяц. — Да, сказала я, ведь это другое дело; ведь, я ничего этого не знала, и с этой минуты решила, что возьму все, повезу и уверю их в перемене моих мнений. Тут же попросила их прислать мне Элпидина, который в этот или на другой день пришел ко мне и поразился моей веселостью. Все приставал ко мне и к моему собеседнику французику, что уже не выпила ли я с ним тут рюмку лишнюю. Я попросила его на этот счет успокоиться и сказала, что имею с ним говорить. Он отправил фран[цузика] и остался у меня. Я ему повела речь совершенно другую, сказала, что ему очень благодарна, что он оставил меня одну эти дни, что я вдумалась в дело и иначе вижу его. Он долго был подозрителен, но когда я ему сказала, что он сам в этом виноват, потому что ничего не хотел мне выяснить, а что Трусов объяснил мне дело проще. Я не знала, насколько экстренны дела, а ему не поверила, потому что он не был искренен со мной, а говорил то так, то иначе.

(Дело III отд., 3 эксп., 1869 г., № 115, ч. VI, лл. 292—294, подлинник.)

Заявление В. Александровской 31 марта 1870 г.

Его сиятельству господину министру юстиции коллежской советницы Варвары Александровской

Заявление.

Все зло сделано мне Нечаевым, от которого я не нашлась, как себя оградить в то время, лишь вследствие того, что находилась в самом непреодолимом страхе за свою жизнь. В настоящее же время, уяснив себе более или менее его личность, я во искупление своей неумышлен-

ной вины осмеливаюсь представить на усмотрение вашего сиятельства мои соображения, как может Нечаев быть чрез мое посредство арестован, если известно настоящее его местопребывание, т. е. за границей ли он и Огарев, в Женеве ли, потому что он высказывал намерение переехать в Англию.

Основываю я свои соображения, во-первых, на более или менее для меня верно определившейся личности Нечаева. Г. Попов, с которым я была по соседству в Александро-Невской части, знает очень хорошо Нечаева и говорил мне, что я Нечаева очень верно ему определяла. Во-вторых, на основании имевшегося у меня с Нечаевым разговора перед моим отъездом из Женевы, вследствие которого он более расположился в мою пользу. В-третьих, на основании того настоящего его положения, в котором я его предполагаю. Личность Нечаева, по моим весьма внимательным, хотя и кратковременным наблюдениям, обладает следующими свойствами. Он смел и остроумен, но не всегда осторожен, смел же до дерзости. Деспот весьма односторонний. Хитер и подозрителен, но не глубок и односторонне легковерен. Непреклонной воли, но с неверным соображением. Деятелен до изнурения. Общечеловеческих мирных стремлений или слабостей никаких не проявляет, кроме слепой самоуверенности. Как понимание людей, так и всего окружающего у него одностороннее. Так, например, он убежден, что большая часть людей, если их ставить в безысходное положение, то у них, невзирая на их организацию и воспитание, непременно выработается отважность в силу крайней в том потребности. Этот взгляд свой он переносит и в понятия свои о воспитании детей, даже самых маленьких. Вероятно, это понятие у него выработалось на основании его прошлого, которому он, надо полагать, и приписывает создание такой личности, как его. Делом своего общества, повидимому, он весь поглощен; других интересов для него не существует. Сколько я ни следила за ним, но мне не удалось уловить его внимание в разговоре ли, в деле ли или просто в размышлениях на предметы, не относящиеся так или иначе к его делу. Дела же общества занимают его свыше физических сил; он, если и пьет, урывками; спит чуть не на ходу; засыпая в кресле, находясь не один, вопреки, конечно, своей воле, чертит рукой как бы по парте, произнося какие-то несвязные слова, но все-таки из мира своей деятельности. Этому я сама была свидетельницей, но слов не помню. Нет того самомалейшего случая, которым бы он не пренебрег, если таковой предполагается им на что-нибудь полезным. Ни время, ни сил не жалеет, но уж не упустит случая, хотя бы все ограничилось одной попыткой. Излишков себе никаких не позволяет. Приняв во внимание все вышесказанное, вместе с его настоящей крайней бездеятельностью, а равно и весьма, как надо полагать, ограниченной возможностью знать что-либо в деле о России и о следствии в особенности, я его предполагаю в самом сильном возбуждении знать больше и точнее о всем, почему думаю, что теперь он легче поддастся обману, чем могло бы это с ним случиться в более нормальном его состоянии. Думаю, что удачнее будет, если обман его будет предпринят лицом, которого свойств он либо не точно еще усвоил, а при односторонности своих

воззрений, при малейшем на то поводе может предполагать ее в духе своих привычных идеалов, либо личность, в которой он несомненно уверен. Не может он в настоящее время быть в состоянии полного самообладания, потому что положение слишком для него новое и несвойственное ему, хотя, с другой стороны, вероятно, держит себя на сторожке. Тем не менее, надо полагать, что на первом плане его интересов не самосохранение, а жажда непреодолимая возобновить с еще большей свирепостью прерванную его деятельность. Но для достижения попытки с его стороны на это нужно, чтобы он знал отчасти положение дел, следствия и арестованных в России с большей подробностью и вероятностью. На эту приманку, думаю, что он не с большой предусмотрительностью бросился бы, так как иначе выходу из ненавистного ему бездействия надо думать не имеется. Через мою личность, полагаю, его можно бы было вызвать на вышесказанную приманку в Дрезден. Он меня вовсе не знал, но с тех пор, как я с ним встретилась, я ему представлялась в таких разнообразных и одни другим противоречащих проявлениях, что при отсутствии в нем наблюдательности он, вероятно, имеет обо мне самые сбивчивые понятия; он может меня предполагать способной и на то, и на другое. Между тем я, имея в виду еще в бытность мою в Женеве оградить себя от его преследований, если бы мне удалось благополучно доставить в руки его сиятельства графа Шувалова как бумаги, так и все сведения о его деле, я высказывала перед Нечаевым геройское настроение, говоря, что хотя я по его воле и буду арестована, покоряясь его деспотизму, тем не менее скоро надеюсь освободиться; и когда он, изумленный, спрашивал: как я на это рассчитываю? я ему сказала: как придется, уже это дело мое. — Ну, нет, сказал он, это нелегко, а самое лучшее не попадаться. На что я ему ответила, что он хорошо знает, что на это воля не моя; вот, я говорю, что касается до освобождения из под ареста, — то уж будет дело мое. Он был этим чрезвычайно изумлен, но, как было заметно, наполовину верил и сказал, одобрительно глядя на меня: ухитряйтесь, ухитряйтесь, помогай вам... Тогда я, не переставая наблюдать за ним, сказала, что отчего же мне не ухитриться, когда другие ухитряются. Конечно, вы для такого ничтожества, как я, хлопотать не будете; надо, значит, самой изыскать возможность, если она есть; а, вероятно, есть, когда ваши бегают. И много говорила я в тоне его воззрений. Так что он со вниманием и видимым удовольствием слушал и, как бы хвастаясь мной, сказал Огареву: какова! хочет еще удрать! И затем последовали опять одобрительные возгласы от него. С тем мы и расстались; на прощанье я сказала Огареву, что я надеюсь скоро его видеть, а потому говорю: до свиданья. Нечаев же сказал: Ну, ну, уже, пожалуйста, не очень надейтесь; когда слишком много надеются, то мало бывает исполнения! Эти последние слова я себе истолковываю, как боязнь его лишь за неудачу, но предполагаю, что он допускал в это время возможность с моей стороны попытки к бегству.

Принимая в соображение все вышеизложенное, я полагаю, будет достаточно для вызова его в Дрезден послать ему от меня письмо за дрезденским штемпелем, с адресом на конверте, моей рукой написан-

ным. В письме я могла бы ему написать, что я бежала, как и намеревалась; затем рассказать какие-нибудь подробности этого побега и несколько порицаний поведению некоторых из его членов, на основании чего я будто никому не решаюсь, кроме его лично, передать богатые подробности о деле, но что я очень больна и лежу в постели, потому не могу дальше ехать, и притом без денег. А потому, чтобы он поскорее приехал и денег привез мне с тем, чтобы передать ему нечто и от соседей моих по аресту и затем с совета его перебраться куда-нибудь поблагонадежнее. Вообще надо написать письмо в его духе, и, конечно, как можно хитрее и правдоподобнее. Сказать в письме, что я остановилась у моей невестки. Он ее не побоится, потому что он ее видел, и она одна из личностей, которая всего и всех на свете боится. Но потому я указываю ему к ней прибыть еще, что она его сейчас же узнает и сообщит лицам, которые будут к тому времени у нее ждать его. Письмо же послать надо бы в заграничном конверте и дамском, потому что он на все пустяки обратит внимание. На случай, если бы он вздумал ответить письмом, чтобы удостовериться, действительно ли я письмо прислала из Дрездена, то поручить его письмо целиком телеграфировать сюда, хотя бы французскими буквами, а я написала бы другой ответ в том же виде и опять с моею надписью на конверте адреса, а из Дрездена его переслать самым скорейшим способом к нему. Так что срок получки его письма и моего ответа как можно более был сокращен по возможности; он, конечно, на этом и будет основывать свое удостоверение в действительном моем пребывании в Дрездене. И если не получит сомнения так или иначе в том, что я сама посылаю ему письма из Дрездена, то вероятнее всего, что с его отважным характером приедет. Не смею уверить в несомненности успеха, но в том, что план мой обдуман мною с приличной данному и для меня особенно важному случаю осмотрительностью и проверкой, насколько позволяют мне небогатые мои сведения о Нечаеве, — я смею удостоверить, ваше сиятельство, тем, что я убеждена при этом, что будет ли или нет Нечаев по письму моему арестован, но если только получит его, то моя голова будет ими преследоваться. Тем не менее, полагая себя вполне на волю божию, я покорнейше буду просить ваше сиятельство обратить ваше благосклонное внимание на верноподданическое мое предложение.

Коллежская советница Варвара Александровская.

31 марта 1870 г.

(Дело угол. отдел. мин. юст., 1873 г., № 42, т. X, лл. 3—8, подлинник.)

Заявление Г. Енишерлова 5 марта 1870 г. [63]).

Вдумавшись в обстоятельства дела, я пришел к неизбежному заключению, что моя честь требует протеста против Сергея Нечаева: вред, им нанесенный, я никакими средствами исправить не могу; остается протест бессильной злобы. Словесный протест не имеет места против бесчестного дела, оставившего глубокие и неизлечимые последствия; я протестую делом; злоба требует смерти Нечаева, которым я оскорблен втройне.

Как человек, у которого связаны руки, я и спрашиваю разрешения от тех, которые надо мною властны, выставляя им на вид следующие шансы.

Правительство ищет не смерти, а наказания Сергея Нечаева, но я не верю, чтобы оно могло этого достигнуть. Смерти его достигнуть легко: стоит только взять меня, как средство. Обида, им мне нанесенная, глубока и может быть смыта только его или моей кровью; если он будет убит, правительство лишается довольно опасного врага, который в силах вредить ему еще многие десятки лет. С моею же смертью я получаю с лихвою следуемое мне воздаяние. Если я останусь жив, я возвращусь в каземат для получения следуемого мне воздаяния за мой проступок, но так как в подобном деле мое честное слово уже более не может служить гарантией, то правительство имеет полную возможность гарантировать другими средствами мою личность. Я з н а ю Сергея Нечаева: он не побоится поставить свой лоб под дуло. Если я ошибаюсь, я его убью, как собаку. Это для меня жизненный вопрос: если я не получу испрашиваемого разрешения, объявляю: я воспользуюсь первым же случаем к побегу, помощью которого я думаю достигнуть того, что недостижимо путем легальным.

Сделав дело, возвращусь.

Г е о р г и й Е н и ш е р л о в.

1870 г. марта 5 [1].

(Дело III отд., 3 эксп., 1869 г., № 112, ч. IV, л. 254, подлинник.)

Заявление Г. Енишерлова 6 марта 1870 г.

Сообщенное известие об убийстве слушателя Петровской академии Иванова не составляет для меня неожиданного известия: о нем или о чем-либо подобном говорил мне Сергей Нечаев до своего побега. Я не знал ничего обстоятельного: это была игра слов, намеки. Вот сущность слышанного мною: для политической организации необходима тайна; ее надо удерживать всякими способами, а главным образом страхом. Шпионов и агентов, людей по большей части трусливого десятка, должно время от времени устрашать смертью (убийством) кого-либо из них. Отличительным признаком, как бы печатью, должен служить род смерти: всякий шпион будет сперва задушен, и потом будет прострелена ему голова.

Это сущность слов Нечаева, а не самые слова: смысл я оставил тот же, но выразился определеннее, как я его понимал.

Может быть я ошибся в значении его намеков.

Г е о р г и й Е н и ш е р л о в.

1870 г. марта 7 [2].

(Там же, л. 255, подлинник.)

---

[1] На заявлении — рукою Филиппеуса помечено карандашом: «Пространно переговорить с Енишерловым. 6 марта 1870 г.». [2] На заявлении — рукою Филиппеуса помечено карандашом: «Доложено, приказано привезти из крепости в III отд. 8 марта».

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

ПИСЬМА НЕЧАЕВА И НЕЧАЕВЦЕВ

Письмо Н. С. Долгова А. О Худыковскому [64]).

Ну, Худыковский, удивишься моему письму: ни разу не писал, а то, вот, и вздумал. Нельзя не писать, — произошел такой факт, об котором нужно, чтобы казанские студенты узнали, вот и пишу к тебе. Захарьин, не знаю, профессор какого предмета, уехал на 1½ года за границу, а его предмет взял на себя читать Полунин, ничего в нем не смыслящий. Медики 4-го курса к нему не сочли за нужное ходить (соглашения не было). Ректор вздумал уговаривать их, чтобы они ходили, и это умасливание тянулось 2 недели, но ни к чему не привело. Студенты упорно отказывались ходить. Тогда совет решил принять строгие меры: вывешено было объявление, что 4-й курс медицинского факультета будет закрыт, если не начнет ходить на лекции. Тогда 6 человек изменили, испугавшись этой меры, которая, конечно, не была бы приведена в исполнение, и явились на лекции. Тогда появилось другое объявление, которое гласило, что курс считается открытым и при 6 человеках, а остальные пусть приходят за бумагами, в противном случае обяжутся подписками ходить. Измена 6-ти и то обстоятельство, что начальство порознь говорило с каждым, произвели новый раскол; еще часть присоединилась к полунинцам; остальные 21 остались верны своему решению и взяли бумаги. Некоторые из них, по решению суда, исключены на время — 1, 2, 3 года, а другие навсегда. Этот факт произвел сильное впечатление на всех студентов. Тотчас же открылась подписка в пользу исключенных, и студенты начали собираться на квартирах по кружкам, а не так, [как] весной, в университете большими массами. Надо тебе сказать, что при убеждении студентов начальство высказало такое мнение, что студенты подняли историю не из-за недовольства профессором, что это был только предлог, по что ей [1] двигают политические мотивы. Но он [1] ошибся временем! Теперь, говорят, дело принимает такой характер, если судить по тому, что говорится на сходках и как они ведутся. На место прежней розни явилось множество кружков небольших и вместо замкнутых; я, сколько ни пытался, до сих пор не успел в этом. Но что удивительно, это то, что, несмотря на то, что они друг друга не знают, между тем, говорят, рассуждения на собраниях всех их имеют один радикальный характер; точно будто какая-то невидимая сила заправляет всем этим. Закипела жизнь, да и пора! Будет терпеть гнет, который в последние годы наложили на умственную жизнь студентов

[1] Так в подлиннике.

и даже на внешнюю, — точно мы дети. Судя по прошлому, можно надеяться и на казанских студентов: между ними всегда был слабосилен, ничтожен аристократический, барский элемент, и они скорее всего откликнутся на возрождение студентов.

Не лишне рассказать и то, что случилось на-днях в театре; это бросает свет, кажется, и на студенческую историю в новой ее форме. Именно, из отверстия над лампою вдруг сыплется целый дождь листков. Начинается суматоха, полиция бросается на чердак и видит, что там какой-то высокий господин читает с воодушевлением стихи, где воспевается царь; его задерживают; дальше что было, — неизвестно. Внизу же все нарасхват ловили листки, думая, что это прокламации.

Прошу тебя отписать мне в Петровскую академию, адрес мой знает... [1]. Я с ним виделся летом на съезде. Впрочем, пиши в Москву в Петровскую академию, слушателю такому-то.

Н. Д.

(Дело № 115, ч. I, лл. 234—235, копия.)

Письмо М. Ф. Негрескула П. Г. Успенскому [65]).

Любезный друг.

Я уже послал вам некоторые предостережения с Н. А. Д. Надеюсь, что они дошли до вас благополучно и произвели благоприятное впечатление.

Я имел бы основание прибавить и еще кое-что к изображенному уже в прошлом письме, но ожидаю вашего ответного послания, — тогда мне будет легче обсудить, насколько мои предупреждения уместны. Скажу пока, что еще две личности пострадали от непрактичности и были обмануты теми же людьми, о которых я извещал вас. Тон полученного мною из Москвы вашего последнего письма показался мне до бесконечности странным. Мне даже показалось, что письмо это было отчасти (весьма ловко, так ловко, что вы, быть может, и не заметили этого) продиктовано вам тем же ловким enfant terrible. Иначе, как мне понять, например, то, что (как вы пишете) этот барин изменил свое обо мне мнение? Я отвергаю всякое основание для такого изменения. С тех пор, как мы видались в последний раз, я, кроме неприятностей, ничего для него не сделал, а между тем вы изображаете, что он прежде считал меня дилетантом, а теперь считает действительным артистом. Он прямо (конечно, сдуру и притом в присутствии одного дурня из своей партии) говорил, что оставляет у себя сюртук и платок, д а б ы д е р ж а т ь м е н я в р у к а х, а вы пишете, что он уважает меня [66]). Далее вы пишете, что не он, а вы посылали ко мне барыню и что будто бы п о з а и м с т в о в а л и с ь о т н е г о л и ш ь в н е ш н и м и з н а к а м и. Скажите, пожалуйста, зачем вам м о г л и понадобиться какие-либо знаки? Неужели же недостаточно было бы вам изобразить: с д е л а й т о - т о и подписать просто: П. Г. Усп[енский]? Неужели же вы могли допустить

[1] В копии пропуск.

ту нелепую мысль, что эта простая подпись для меня окажется неудовлетворительной, и что чья бы то ни было подпись может в моих глазах значить более вашей? Наконец, я основательно помню, что в бытность мою в Москве я совершенно ясно изложил вам мои отношения к этому барину и заявил, что не желаю никаких общих коммерческих дел вести с людьми, допускающими слишком прямые принципы в коммерции, и в то же время изложил вам радикальную разницу в моем торговом плане с его биржевой спекуляцией. Что лучше: торговля или биржевая игра, — это другой вопрос, но я тогда же упирал на несовместимость обоих родов коммерции. Точно так же я помню и то, что выражал вам мое личное к нему уважение, как к личности, одаренной умом и энергией. Еще раз умоляю вас, будьте осторожны в коммерции с этим барином, иначе, обанкрутитесь! — как обанкрутилось уже несколько столь же умных смертных, как и вы и я. Но, впрочем, я жду вашего ответа на мое первое серьезное послание. Перехожу к Прокопенко. Смею уверить вас, что я ни словом, ни делом, ни помыслом не дал права г-ну Прокопенко злоупотреблять моим именем и брать деньги от кого бы то ни было моим именем — и т. д.

Ваш M. N.

(Дело угол. отдел. мин. юст., 1873 г., № 42, ч. VII, лл. 248—249, копия.)

Письмо Е. Н. Лихутиной П. И. Бокову от 24 февраля 1870 г. [67]).

Хочу написать вам последнее прости. У меня обыск, пишу тихонько. Против меня важное обвинение. Не знаю, увидимся ли? Я вас очень люблю, верьте этому. Мне жаль, что я не видала вас в последний раз. Мне казалось, что вам до меня нет дела, что вы равнодушно относитесь к нашему великому горю. Я ошибалась, вероятно. Прощайте, вспоминайте обо мне иногда, я стану часто и часто думать о вас, как о человеке, оказавшем мне огромную услугу. В нашей квартире обыск в шестой раз. Это интересно.

(Дело III отд., 3 эксп., 1869 г., № 115, ч. VII, л. 3—4, копия.)

Письмо Е. Н. Лихутиной к К. К. Арсеньеву от 24 февраля 1870 г.

Возьмите на себя труд быть моим адвокатом. Против меня важное обвинение. У меня обыск. Пишу тихонько и тороплюсь. Пожалуйста, не откажите мне.

(Там же, копия.)

Письмо С. Г. Нечаева к Ф. Г. Постниковой от 4 марта 1870 г. [68]).

Лондон, 4 марта [нов. ст. 1870 г.].

Давно я не давал вам известий о себе, хотя и знал всегда хорошо, как вы живете. Я жив и здоров.

Вам желаю всего хорошего и всех крепко обнимаю.
Если бы папаша по осени был в Москве, мы там свиделись бы.

Вас любящий Сергей.

Прощайте.
Бабушку и дедушку целую.

(То же дело, ч. VII, л. 207, подлинник.)

Письмо Ф. В. Волховского к А. И. Успенской от 7 июля 1870 г. [69]).

Милый человек Александра Ивановна!

Еще раз спасибо вам за Ауэрбаха; я получил его. Максимова («Год на севере») первый том, присланный мне довольно давно Наденькой [70]), я прочел и сдал. Можете попросить в министерстве, чтоб его потребовали отсюда [1]. Когда я окончу «На высоте» [71]), то попрошу прислать мне, если возможно, второй том Максимова; не прошу сейчас, потому что у меня и без того довольно книг.

Третьяго дня я так спешил из-за недостатка времени, когда писал вам, что едва успел написать несколько слов и не мог сделать нескольких замечаний, которые сделаю теперь. Начать с того, что Наденька, действительно, мне вашего поклона не передавала, и я вам за него очень благодарен; конечно, «шубы из него не сошьешь», но если принять во внимание, что теперь лето и что, с другой стороны, я и одеждой, благодаря бога, от казны не оставлен, то таковое качество поклонов, чтобы из них можно было шить шубы, для меня и не нужно, а нужно только знать, что вас де-добрые люди не забывают. Ну, и спасибо на том.

И не одни ваши поклоны оставались для меня в неведении; то обстоятельство, что вы подарили Российскую империю новой гражданкой (place aux dames!) или гражданином [72]), я также впервые узнаю из вашего письма. Но каков бы ни был пол этого молодого млекопитающегося (ибо, надеюсь, оно еще питается молоком?), я не хочу думать, чтобы вы так мало заботились о привитии молодому поколению хороших манер, как, повидимому, это явствует из того обстоятельства, что ваше детище свидетельствует свое почтение и любовь оригинальными, но несколько неудобными для подвергающихся им субъекта средствами: царапаньем носа и дерганием за бороду. Подобные привычки особенно смущают меня на случай встречи с молодым джентльменом (или джентльменкой), так как борода моя хотя здесь и отросла, но все же так невелика, что я ей очень дорожу; нос же даже не отрос, и потому я имею еще более причин дорожить им; подумайте только, что это за необходимое украшение человеческого тела! Как несчастлив был известный майор Ковалев, когда его нос превратился в статского советника. Нет, вы как хотите, Александра Ивановна, а должны отучать свое потомство от этих замашек. Впрочем, вот что: трясенье за бороду есть, как известно, прием весьма похвальный и любезный, как прием административный, и, быть может, ваше чадо показывает таким образом свои природные наклонности к той, а не другой карьере?

---

[1] Т. е. из крепости. — *Прим. Ф. В. Волховского.*

Это — вопрос важный, и, как мать, вы должны подумать о нем серьезно.

Мое почтение Кат. Ив. [73]).

Если удосужитесь, то пишите мне; я рад всякому письму, от кого бы и какого бы рода оно ни было.

От души жму вашу руку. Ваш Ф. Волховский.

(Дело III отд., 3 эксп., 1874 г., № 414, т. II, л. 176, копия.)

Письмо М. О. Антоновой к Ф. В. Волховскому [74]).

Я заявила было готовность взять на себя все тетради [75]) и прочее, если это хоть сколько-нибудь может облегчить судьбу других, но мне ответили, что ничего нельзя этим выиграть, — только себя запутаю. Приходится сложить руки, как это ни тяжело. Последний допрос был 1 мая [1869 г.]. 22 мая мне были дозволены книги и некоторые другие льготы, но с 9 июня снова явилась на сцену прежняя строгость; сделали обыск у меня в нумере, отобрали книги и т. д. в том же духе, и все это без малейшего объяснения. Признаюсь, у меня замерло сердце, не за себя — мне нечего бояться, но тут была другая причина, которую узнаете впоследствии, — писать неудобно. До сих пор я не знаю причины этой перемены, — держат все так же строго, допросов не делают, так что я в полном недоумении. Приготовьте мне подробное письмо о том, кто взят, где находится, одним словом, обо всех происшествиях в эти 5 месяцев. Это может быть, сколько-нибудь уяснит дело мне. Неизвестность томительнее всего на свете. Письмо у вас возьмут при первой возможности или тот же господин (вы понимаете), который известил вас обо мне, или, может быть, кто другой, в таком случае непременно с запискою за той же подписью, как и в первый раз. Пишите больше, я буду рада знать все о вас всех. Передайте мой искренний поклон всем. Как поживаете вы все? Освобождены ли Лодка и М[ария] Констан[тиновна]? [76]). Из-за М. К. я вела войну с частным приставом Арбатской части. Раз я дошла до истерического припадка, заступаясь за нее, и дело кончилось неприятностью для меня, ускорившею мою болезнь и выписку в больницу, так как мне пришлось буквально морить себя голодом, чтобы не обязываться и не тяготить человека, с которым имела такое неприятное столкновение. Если бы вы только знали, с каким презрением относятся к людям, ш л я ю щ и м с я п о ч а с т я м, даже те, которые высказывают им наиболее сочувствия! А каково иметь дело с теми, которые считают себя в праве плевать нам прямо в лицо! Мне пришлось испытать вдоволь и того и другого, да еще прибавьте к этому, что я — мещанка, незаконная дочь. Вам и в голову не может притти, какое важное значение имеет здесь последнее обстоятельство, — им или прямо тычут в глаза или по деликатности стараются дать понять вам, что это ничего, что они выше даже этого, не понимая, что самое это старанье само по себе уже оскорбительнее всякого прямого выражения презрения. Сколько мне здесь приходится биться и переносить неприятностей из-за одного того, что я не встаю перед докторами и прочими

высшими смертными, сколько раз мне приходилось встречать изумленный и негодующий взор этих высших при виде того, что я сижу перед ним. Вслед за тем всегда следовал вопрос: кто я? И как презрительно сжимались начальнические уста при моем ответе. Все это невольно делает меня резкой в обращении с подобными людьми. Слава богу, хоть няня у меня славная, — с ней живем в мире и добром согласии. В дни скудости она иногда поила меня чаем или кормила кашей, хотя казенная каша почти без масла, но и это было для меня почти лакомством; из этого вы можете заключить, насколько мне хорошо жилось. А доктор посоветовал еще пить какао вместо чая, так как чай вреден мне. Бог с ним и с какао, — был бы хоть чай-то, а то мне приходится иногда пить нянин чай, иногда брать у сестер милосердия (у нас сестры милосердия монахини) и платить им за это шитьем, что ставило меня в очень неловкое положение, а в большинстве случаев довольствоваться холодной водой. Здесь иногда раздают подаяние: калач, немного чаю и сахару, одну или две копейки и пр. тому подобное; я тоже принуждена принимать, чтобы не выделяться и не вызывать насмешек, так как известно, что я сижу без ужина. Сначала все это меня тяготило, но теперь я на все махнула рукой. Я не возмутилась даже, когда недавно пьяный служитель кричал, что он плевать на меня хочет за то только, что я попросила его не швырять так моим хлебом и не валять его по полу! Э, да стоит ли пересказывать всю эту гадость... Все эти неприятности принесут известную долю пользы для меня, и это может служить некоторым утешением. Только одно всего мучительнее, всего невыносимее, это — мысль о других арестованных, о их настоящем положении, о их будущей судьбе, — вот от чего я не могу избавиться ни днем, ни ночью. Я не могу ничем заглушить сознания, что они терпят за меня. Я уж думала, что и вы-то арестованы. Вообще я не была уверена, что уцелел хоть кто-нибудь из более или менее коротких знакомых. Пишите обо всех. Если бы кто из вас увидел меня теперь, то-то бы удивился: толстая холстинная мужского покроя сорочка с широким отложным воротником, полосатая синяя затрапезная юбка, очень короткая такая же кофта, холстинные мешки и уродливые огромные туфли без задков на ногах, — не правда ли, красиво? На осень и зиму выдали нам еще арестантские верблюжьи халаты. От чепчика я теперь кое-как отделалась, а то еще страшнее было.

До нескорого свидания.

(Дело № 115, ч. V, лл. 136—137, подлинник.)

Письмо кн. В. А. Черкезова к И. Н. Лихутину [77]).

Лихутин, исполняю твое желание тем охотнее, что, быть может, мне приходится говорить с тобой первый и последний раз, как с человеком, стоящим за народным делом. Нечаев в моих глазах человек не с особенно ясным и широким развитием, человек, не могущий не только дать направление, — куда ему! — но даже быть представителем какой бы то ни было серьезной и последовательной политической агитации. Но он имеет одно качество — решительность, доходящую

до изуверства, любовь к работе на народное дело и привязанность к нему, равносильную фанатизму. В этом последнем качестве и нужно искать то влияние, какое он имел на известные группы частных людей. Этим людям он не дал ничего, не помог в развитии, — они выше его по развитию; не выяснил им ни программу, ни состояние народного дела, — они знали все это помимо и лучше его. Не давая им ничего, он привлек их к делу, как человек энергичный и деятельный; он, хотя и запачканный, явился к ним, как стоящий за тем делом, которое они понимали и яснее и шире его. Но он первый был в том деле, в которое другие внесли много мысли и самое главное — много чистоты и честности, большие материальные средства, обширный круг знакомых. Что касается до его личных качеств, как личности, я должен сказать одно: личность его в этом отношении не ахти как привлекательна. Я знаю Нечаева уже год слишком. Его личность имела для меня одно значение — посредник между отдельными недовольными личностями; но его посредничество становится лишним, коль скоро личности сами столкнулись.

(Дело № 115, ч. VI, л. 147, подлинник.)

Письмо А. Н. Колачевского к В. И. Ковалевскому [78]).

Ваша фамилия вовсе не упоминается в моих показаниях. Только жанд[армский] полк[овник] Жолобов спросил у меня словесно, жених ли вы Лихутиной. Я словесно же отвечал, что не знаю и вообще не знаю вас, раза 2 видел, но никогда не говорил, кроме того, и при нем ругал Неч[аева], коего я никогда не видал, но только слышал о нем. Об ист[ории] с векс[елем] сущность моего последн[его] показания заключается в следующем: я был приглашен Ив. Лихутиным по адвок[атскому] делу какого-то господина Тверской губ. Вечером я б[ыл] у него, говор[ил] о деле и получил от него запечатан[ный] конв[ерт] для передачи Негр[ескулу], в коем оказалась какая-то записная книжка. Возвращаясь домой, я был остановл[ен] офицером, сел с ним в карету, приехал в неизвест[ный] дом, сделался пьян от хереса и, думая, что попал в руки мазуриков, выдал вексель, чтобы отвязаться от них. Подробностей не помню, ибо б[ыл] пьян и, кроме того, заболел горячкой на третий день, почему и не подал объявления в полицию, хотя имел намерение. Подозрения ни на кого не имел до самого признания Ив. Лихутина на следствии. На друг[ой] день после эт[ой] ист[ории] был с св[оим] знакомым Негр[ескулом] у них для объяснения по поводу книжки и слышал спор, но в чем он заключался, не помню. С Неч[аевым] никогда не был у Лих[утиных] и в глаза его не знаю, а мож[ет] быть, был одновременно у них, не зная, кто он. Вот и все.

Ив. Лих[утин] показал, что он взял вексель по наущению Неч[аев]а, но воспольз[овался] только его мыслью для шутки, а не хот[ел] воспольз[оваться] деньгами. Во время объяснен[ия] с Негр[ескулом] его в квартире не б[ыло], почему и не объяс[нил] цель присылки книжечки. Фамилия Попова также ни разу не упомин[алась] в мо[их]

показаниях. С Лих[утиными] я познак[омился], катаясь на Черной речке, и был приглашен ими на дачу. Знаком с ними мало, бывал у них всегда один. История с векселем открылась след[ующим] обр[азом]: во вр[емя] моей болезни (я действительно заболел вскоре) к Негр[ескулу] приезжал из Моск[вы] некто Скипский, знаком[ый] Усп[енского]; он рассказ[ал] ему эту ист[орию], высказав подозрение на Лих[утина], а тот, по своем аресте, в порыве откровенности рассказал следователю. Мне невозможно было отрицать самого факта, и кроме того у меня нашли черновое объявл[ение] в полицию, написанное в превратном виде. Негр[ескул] уже месяца 2 как освобожден, а я сижу по особому делу, не имеющ[ему] никак[ого] отношения к неч[аевской] истории, да еще потому, ч[то] третий раз арестован [79]).

Скажите Лихутиной, если можете, ч[то] я с ней познакомился, катаясь на Черной речке, следующим образом: я катался один, а она с братом; попрося закурить папиросу у ее брата, я разговорился и потом был приглашен на дачу. На студ[енческих] сходках я не был.

У меня спрашивали, правда ли, что вам Лих[утина] обещала возвратить вексель; я сказал, ч[то] вздор, а она говорила, ч[то] если бы могла, то возвратила бы, т. е. перевернул фразу и дал ей другой оборот. Напишите, что вы и она показали обо мне и Негр[ескуле]. Условимся так: если я, умываясь, кашляну 3 раза, то вы идите тотчас после меня в нужник и найдете на балдахине у окна записку; если вы 3 раза кашлянете, когда я буду умываться, то это будет значить, что вы, изготовив записку, тотчас пойдете в нужник и положите ее на то же место, и я последую туда за вами. Если вы также запутаны по следствию в ист[орию] с векс[елем], то напишите: в крепости я имел возможность узнать показания и намерения показ[ывать] на суде обоих Лих[утиных] и Попова, который сидит в Рождест[венской] части. Они условились под конец следствия. Если будет возможно, то лучше просовывайте записку в щель, когда я буду умываться, записки эти спрячьте до завтра в подштанниках, что ли, а завтра возвратите мне с прибавлением своей, ибо... Ну, да вы сами хорошо знаете, что я имею некоторые основания просить вас об этом, да и знаю я вас мало.

(Дело III отд., 3 эксп., 1869 г., № 115, ч. XII, лл. 147—148, копия.)

Письмо В. И. Ковалевского к А. Н. Колачевскому.

Всякий мало мальски развитой политически и уважающий себя человек держится, когда попадает в тиски, двух правил:

1) Заставлять уважать себя [1] или, если этого слишком много в ротозейской среде, по крайней мере, смотреть на факты, как на явление, не лишенное силы и стойкости.

2) Относиться к личности о б ъ е к т и в н о, ergo подавляет в себе всякие мерзкие аффекты: злобу, месть... иначе невозможно соблюсти 1-го требования, а также удовлетворить эгоизму собственной шкуры.

Сие вступление сделал затем, чтобы поставить вас на должную точку зрения. О показании вашем, когда вы сидели в Спасской части

[1] Ведь можно уважать и врага своего. — *Прим. подл.*

когда я был свободен — я знал. Считаю его разумным, иначе поступить нельзя. Не знаю, чем вы руководствовались: высказанными ли началами или побуждениями своего самосохранения, во всяком случае я не видал в этом какого-либо высоконравственного явления, — примерно, благородства... Да и сам не смотрю иначе на свое поведение на следствии. Повторяю, иначе нельзя поступить человеку, который дорожит своим достоинством, который не желает эпитета «ничтожества» (№ «СПБ. В[едомостей]» 9 авгу[ста], смотри корр[еспонденции] «Моск. Вед.» [80])... Прочтя вашу приписку о возвращении послания обратно, m-me «злая ирония» нашептывала мне кое-что... но я счел лучшим ответить на вашу недостойную выходку доверием к вам, а потому и не прошу о возвращении своего. Вы маленько не сообразили: класть в сортир не совсем удобно, в случае же надобности написать вам, у меня есть способы. Мы же, говоря вообще, вели себя отвратительно мерзко, быть может тут имели место глубокомысленные соображения осла Усп[енского]. После некоторых, — впрочем, немногих, так как был арестован, когда показания других вполне уже выяснились для меня, — изменений resumé моих показаний следующее: К[о]л[аче]в[ского] знаю немного (где познакомился, не спрашивали, если бы такой вопрос был бы предложен на суде, то отвечу: «кажется, летом на даче»), во взятии векселя не принимал никакого участия, даже и не знал некоторое время о самом факте; на другой день ходил с вами и Негр[ескулом] в трактир для объяснений, так как мне было неприятно, что обвиняют в таком деле; разговор в трактире был следующий: ваша сторона высказывала подозрение, обещая, в случае неудовлетворения требования, заключ[авшегося] по крайней мере в содействии разъяснению и раскрытию дела, заявить полиции о случившемся. Я, не желая компромет[ировать], обещал принять меры к разъяснению, причем уверял, что Н[ечаев] не может сделать этого, что, наконец, сам вексель не имеет значения. После этого мы разошлись и более не виделись. На вопрос: «не ругал ли К[о]л[аче]в[ский] Неча[ева]?», ответил: «да он бранил его, считая по рассказам очень дурным человеком, но где и когда не помню». Вообще старался быть лаконическим чем вызвал большое неудовольствие. Мелочи — концы нити, могущей обратиться в аріадновy, что действительно не раз и случалось. Есть головы, которым кажется, что знание мелочей предполагает полное знание всех фактов, а потому такая проницательность, часто ошалевшая от всеведения допрашивающего, все, все валит в кучу, не разбирая даже, поможет ли ей самой такая путаница. Вот по милости таких то господ сижу и я; при обысках (их было 3) у меня ничего не найдено; я был совершенно уверен, что меня не тронут, но — увы и ах! — слишком понадеялся. Москвичи кругом (конечно, говорю только о некоторых: Усп[енском], Скип[ском]... [1] и мн. подобных) обосрались: показано было, где ночевал Нечаев, ночевал же он у моих знакомых, показавших, что его к ним привел я, сообщивши ложную фамилию. Надо было выгородить этих господ, так как об отрицании не могло быть и речи. Говорю искренно, что на

[1] Одно слово в копии пропущено.

них я и не в претензии, хотя они и знали, что за особа у них ночует (я показал, что они и е знали этого), — не в претензии потому, что им выхода не было. В моих глазах относительно меня поступил подло только один Святский. Комиссия узнала, что в Лесном у меня в номере ночевал Нечаев (показание москвича... [1]; я и здесь выгородил своих сожителей, показал, что они не знали, кто у меня пребывает. Святский же, попавшись с «democratic socialiste» [81]), сказал, что я ему давал переписывать этот листок. Кроме того, на вопрос: «что говорил вам о Ковал[евском] ночевавший у него господин?», — показал: «он удивлялся, что я до сих пор не приглашен им в организацию». Вот уж, по истине, было бы смешно, если бы не было так грустно! Скажите, ну, не глуп ли человек? А на глупца строгая мораль запрещает сердиться. Я назвал это выше «подлостью», но беру назад определение, — ведь Святский ничего не выигрывал этой откровенностью (если сия последняя не казалась добродетелью in sich und für sich, как говорят немцы), а потому он глуп — и только. Себя я выставлял образцом и олицетворением начал мирного прогресса, проповедником верещагинских ассоциаций, борцом за идею экономического развития народа путем пропаганды артельного начала и нравственного — разведения школ, что с этою целью вышел в отставку и слушаю курс агрономических наук (обо мне показали, что я занимаюсь наукою). Что показала Л[ихути]на — не знаю; во всяком случае будьте уверены, что ваши интересы не страдают. Напрасно вы также раскидываетесь в своих показаниях, надо быть более сконцентрированным. К чему эти подробности места знакомства? Можно было, если вы уж хотели избежать подозрительных «не знаю», «не помню», проще вести дело: «кажется, на даче». Подобная микроскопическ[ая] топограф[ия] только путает тех, которые мелочам придают важность. О Негрескуле ничего не спрашивали, но я, не упоминая его фамилии, показал много в пользу его (от чего, понятно, и сам выиграл). Так, я вообще говорил, что не знал о проделках Нечаева, что, с другой стороны, дал ночлег, потому что не желал иметь в нем врага, ибо знал его подлость еще по студенческому движению (список «протестантов» у них в руках), наконец, слыхал, что у одного очень солидного и далекого от всякого запрещенного дела господина он нахальным образом своровал некоторые вещи, желая этим держать его в зависимости от себя, что я, наконец, рад, что хоть теперь могу с ним разделаться. Вообще я обвиняюсь слабо; по всей вероятности, немного еще придется посидеть. Если бы не Святский, я был бы давно свободен. Мне вы можете помочь следующими сообщениями: Попову, — что я с ним не уничтожал шарфа и ничего не знал о векселе пред взятием его, что я его сжег вместе с ним; Лихутиным, — что 1) не знал о векселе пред взятием его, 2) не знал о поездке Ив. Лихутина в Москву, 3) он не читал мне «Н[ародной] Р[асправы]». С своей стороны готов помочь вам чем могу; если говорю «исполню», то действительно можете быть уверены в том.

Да, «ничтожество», — вот наше имя. Грустно! Я думаю, в летописях российских политических следственных дел ни единожды не

---

[1] Одно слово в копии пропущено.

проявлялось столько слабости, чтобы не сказать более. Суд — это интересная картина и материал для многих гражданских соображений.

Благодарю вас за совет: «спрячьте в подштанники», только такая регламентация, право, излишня: в опытности в этих делах мы можем поконкурировать, к тому же я успел, сидя здесь 7 месяцев, изловчиться, к чему вы не имели возможности в крепости. Если вам хочется переписываться указанным путем, то я добавлю с своей стороны следующее: после того, как положите, ставьте знак (+) у лампы; если я нашел, то заключаю этот знак в круг (+); с своей стороны делаю тоже, — понятно, обратно. На первый раз не мешает писать о пустяках. Знаки эти необходимы, потому что иногда в сортире бывает какая-либо сволочь, и вы, не зная, что я не положил, можете быть введены в заблуждение, подозревая, что посторонние лапы схапали. Если бы не захотели класть, то по крайней мере уведомьте меня в том, что исполнили мою просьбу относительно Поп[ова] и Л[ихутины]х, поставив знак ♂ (Марс). Видите, какое неудобство класть в нужнике: найдя хотя бы то самую безобидную записку, власти сделают повальное распоряжение об отобрании письменных принадлежностей. — Чем могу быть полезен вам? О свидании с вами в трактире мне необходимо было показать, так как прокурор предупредил меня об известности им этого, да и сам я в этом не сомневался. Вы, конечно, от этого ничего не теряете. Странно, каким образом москвичи все без посторон[них] импульсив[ов] могли доказывать о взятии с вас векселя. Дело проще, не скрывайте. Понятно, выражение «ничтожество» можно объяснять и иначе, если только захотеть замазать истину. Нет, скрывать не будем: большинство такая сволочь... Говорят, у Успенского были какие то глубокие соображения, — результаты их мы уже видим, а логику их и, так сказать, «чистый разум» можно оценить и после, если, понятно, боги пошлют к этому средства... Вашу просьбу исполняю, послание ваше едет обратно, и вы можете быть спокойны. — Не знаете ли, скоро нам раздадут обвинительные акты? Куда нас денут после суда, нас, т. е. тех, которые приговорены будут к Макару [1] и к заключению? Сколько сидит в крепости и кто? Знаете ли наверно, что Попов не освобожден? Свободна ли ваша сестра и Тит[ов]? Каких результатов (max[imum] и miminum) ожидаете для себя? Л[ихут]ину нельзя было вывернуться: другие так густо нагадили, что оставалось одно... Вообще можете оставить свою мнительность и пишите, что интересно для вас; я отвечу, потому что не разделяю подобной трусливости и недоверия. Затем, до свидания, желаю вам всего хорошего, столько же, сколько своей особе. В щель не просунешь записки, впрочем, попробую.

(Дело III отд., 3 эксп., 1869 г., № 115, ч. XII, лл. 149—151, копия.)

Письмо Ф. В. Волховского к В. И. Ковалевскому.

Mein liebster Freund! Во вчерашней записке вы как будто противопоставляете поэзию науке. Я никак не могу с этим согласиться. Мине-

[1] Понятно, что их отправят не сейчас же. Кто будет обвинителем, как думаете? Мне сдается, что Баженов, если этому не помешает то, что он прокурор окружного суда, а дело будет разбираться в судебной палате. — *Прим. подл.*

рология сама по себе, поэзия сама по себе; и то, что вы читаете с увлечением геологию или другую какую-либо — «логию», нисколько не говорит в пользу отсутствия поэтического (я знаю одного юношу, который страшно предан химии и музыке) чутья. Сатиры и песни Мин[аева] также не вполне могут служить критерием, ибо если некоторые из них («Муза») и действительно очень поэтичны, то другие только обладают звонким стихом, который сам по себе еще не составляет поэзии. Мне вот интересно знать, какое впечатление производил на вас Шевченко?

(Кстати, пришлите мне Минаева).

40 десятин не больно много, едва ли стоит вести процесс, — пожалуй, дороже обойдется.

Увы! мой друг! Мы должны запеть: «его уж нет (собственно, поэтическая вольность в размере 12 часов, но все равно), я это знаю, а сердце все болит об нем!» Грущу!

Вчера я совсем было приготовился отвечать на ваш запрос, как приятель наш скрылся и был повлечен пред Анну и Канафу! Так и остались с носом!...

— «А завтра — где же девался человек?» — говорит Ломоносов.

Addio, mio caro!

P. S. Записка эта, конечно, от чорт знает какого числа, но все-таки посылаю. Я кончил статейку о патриотизме и молодом поколении, когда перепишу, пришлю прочесть. Начал также свои фельетонные размышления, почесываю начальство. Из моих стихотворений Баранов «Мною наивность» (об радикалах) не пустил в печать.

(Дело III отд., 3 эксп., 1869 г., № 115, ч. XII, лл. 152—155, копия.)

Письмо В. И. Ковалевского к Ф. В. Волховскому.

Здорово, друже искренний и единый! Читали ли в субботнем № «СПБ. Вед.» приведенную корреспонденцию «Моск. Вед.», где речь идет о «ничтожестве среды». Понятно, что корреспонденция написана кем-либо из бывших членов комиссии, либо одним из членов прокурорского надзора. Как думаете? Товарищ прокурора определенно говорит, что суд в октябре. Неужто месяц пойдет на составление защит[ительных] речей и приготовл[ения] к суду? Говорю месяц, потому что товарищ прокурора сказал мне, что раздадутся обвинительные акты в конце этого месяца. Быть может, вы сегодня что-либо узнаете. Мне сильно не везет: я подписался в библиотеке, желая за весь месяц хоть на 5 дней достать «Из мрака к свету» [82]), но не удалось. Мало того: обыкновенно не получаю мне нужных книг (прося выбрать по 10—15), последний этот раз мне листок прислали чужой, разрядом ниже. Кажется, что последнее обстоятельство не помешает мне получить залог обратно, если я пошлю свой билет, хотя бы с листком на другое имя. Если нужны еще какие-нибудь гарантии, то напишите. Только я думаю, что довольно и одного билета. Месяца три тому назад я взялся за изучение немецкого языка; чрез его уже читал свободно сочинения по химии; прочтя 1 000 страниц и увидя, что, кроме химии, ничего не буду в состоянии читать, если не упражняться по другим

отраслям, я взялся за ботанику. Навык приобрел скоро. Затем мне принесли: «Durch Nacht zum Licht» Шпильгагена; ползу как черепаха, да еще ледящ[ая]. Вот для ускорения-то дела я и подписался в библотеку. Вижу, что не стопт. Нет ли у вас какой-либо немецкой книги с параллельным переводом, хотя бы евангелия. Флер[овского] я читал на свободе, теперь начал сначала; но читаю медленно, так как имею Зибеля по библиотеке. Мой знакомый, теперь помешанный, сидящий в институте Балинского, подействовал на Полякова столь успешно, что он пустил Флеровского на 1 р. 20 к. В одном Лесном институте я продал в вечер 30 экземпляров. Какой-то с[укин] сын явился в черк[есовский] книжный магазин и предложил продажу несколько экземпляров по 1 р. 50 к; вышла неприятность, и, кажется, продажа по уменьшенной цене прекратилась [83]). Не успел захватить по сбавленной цене Берне, Щапова[84]), потому что вскоре после выхода книжек арестовали. «П. Л.» [85]) посылаю. Вы хорошо знаете английский язык? Не в заключении ли вы выучились? Еще имею к вам просьбу: в моем скудном гардеробе не хватает штанов, хотя бы каких-нибудь похуже, стареньких. Имеющиеся до того плохи, что я, при всем равнодушии к этим вещам, малость конфузился, когда приходилось бывать в комиссии. Они, во 1-х, очень коротки, а во 2-х, очень гнилы, так что на заднице никоим образом не избежать дыры. Если у вас оные хоть какие-либо имеются, то прошу предоставить, пожалуй, пред самым судом. После суда, конечно, передать будет легко. Впрочем, мне, может быть, еще и принесут. На всякий случай заручаюсь... Книжка очень полезная и недорогая даже при 3 рублях. С своим соседом недавно вступил в переписку, предлагал ему книг, тот пишет: «Вы, вероятно, недовольны тем, что я хожу. Благодарю, книг довольно. Хожу же много потому, что гнусность людская, благодаря коей я сижу, не дает мне покоя». Он славно свистит; я музыку очень люблю, хотя слуху нет. Впрочем, во время оно пел альтом, — правда, больше из-за сала и маковников, обильно присылаемых регентом, чем... В случае надобности имею очень удобный способ передачи записок: проделал щель близ лампы, куда удобно проходит четвертуха, сложенная в $^1/_4$. Если д в а р а з а кланяюсь, значит намерен совершить преступление.

Будьте здоровы и веселы.

(Дело III отд., 3 эксп., 1869 г., № 115, ч. XII, лл. 153—154, копия.)

Письмо Ю. В. Бобарыковой к П. Г. Успенскому [86]).

Голубчик Петр Гаврилович.

Я вам совершенно чужой человек, но не могу вас отпустить в дальний путь без того, чтобы не сказать вам, что есть люди, глубоко, глубоко сочувствующие вам, которые уважают вас и не забудут, что еще несколько мучеников прибавилось в борьбе за свободу и за народ. Ваши имена останутся нам дороги, покуда мы будем живы, и мы научим других любить и уважать их. Может быть, впоследствии, когда жизнь сломит и изувечит нас, мы пожалеем, что не на вашем месте, хотя, разумеется, теперь мы рады, что отделались дешевле вашего.

Одно вам могу представить в утешение: вера и убеждения наши сильнее и III отделения, и крепости, и. т. д., и, может быть, еще и до вас дойдет слух, что ваши мучения даром не пропали. Когда ваша сестра [87]) захочет, она найдет во мне сестру, хотя в друзьях недостатка ей не будет.

Целую вас. Передайте мой братский поцелуй А. Кузнецову, Николаеву и Прыжову. Жалею, что не сумела лучше выразить все мои чувства к вам, честным мученикам за свободу и народ.

Юлия Бобарыкова.

(Дело III отд., 3 эксп., 1873 г., № 414, т. II, л. 176, подлинник.)

Письмо неизвестного В. А. Гонорскому от 5 ноября 1772 г. [88]).

Ноября 5 дня

Виктор Афанасьевич.

К вам моя покорнейшая просьба: узнайте через свою хозяйку, если можно, прямо от самого отца [89]), что допрашивала его полиция или нет; если допрашивала, как об этом здесь известно, то, что он сказал им и когда это дело было; получал ли он письма от Анны Геннадьевой за последнее время и сколько, послал ли ей взамен или нет? Что он думает о последнем обстоятельстве, публикованном в газетах около 25 октября [90]). Дело в том, передайте ему, что привезенный господин не говорит по-русски ни одного слова, утверждая, что он не Н[ечаев], что он серб, Гражданов по фамилии, и потому говорит по-сербски. В Петербурге ни кто не знает Нечаева, нет ни одной верной карточки; сами члены III отделения не знают его; агент русский видал в Швейцарии этого человека тоже по подозрению, собственно же сам он не знает. Поэтому и отцу не должно признавать этого человека за сына в виду того, что его, т. е. Нечаева, освободят из крепости или по крайней мере оставят в подозрении и потому много смягчат наказание. Сами сообразите, что нет никаких улик. Суд будет производиться в Москве и скоро, с присяжными заседателями; печатать показания обвиняемого не будут; больше ничего неизвестно, потому что ведут это дело чрезвычайно тихо и скрытно. Отца вызовут к допросу по всей в роятности в Москву. Слышно, что делаются какие-то приготовления в министерстве юстиции. Самые лучшие ответы на все запросы — это ничего не говорить положительно относительно личности арестованного. Отвечайте без всякого опасения и, если хотите, не подписывайте свою фамилию. Ответ пишите прямо Анне Геннадьевой по следующему адресу: Петербург, Надеждинская улица, д. № 22, кв. 25, господину Тетельману.

P. S. Пишите все подробнее. Пусть то же показывает и ваша хозяйка, и ее бабушка, которых тоже могут вызвать к допросу. Пусть все сговорятся и не трусят, это самое главное. Анна Геннадьевна жива и здорова, занимается своим делом, ее, не беспокойтесь, не будут аресто в[ыв]ать. На конверте напишите только вышеупомянутый адрес и больше ничего, т. е. не пишите, кому передать письмо.

P. S. На письмо отвечайте поскорей

(Дело угол. отделения департамента министт. юст. 1873 г., № 42, ч. I, л. 61, копия.)

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

ПРОЦЕСС НЕЧАЕВЦЕВ ПО ДОНЕСЕНИЯМ АГЕНТОВ III ОТДЕЛЕНИЯ

1 [1].

Записка от 15 июня 1871 г.

Ходит достоверный слух, что книгопродавец Черкесов предполагает согласить некоторых сотрудников «Искры» [91]) и других лиц на тот предмет, чтобы в заседаниях судебной палаты по делу сообщников Нечаева они находились в числе публики и стремились своими разговорами и суждениями расположить общественное мнение в пользу подсудимых.

Дело назначено к слушанию на 1 июля. Вообще ожидают, что разбирательство этого дела не обойдется без скандалов и что правительственному обвинителю предстоит весьма трудная задача бороться с такими защитниками, как Спасович, Арсеньев, князь Урусов, Хартулари и другие.

(Дело № 115, ч. XIII, л. 31.)

2.

Записка от 19 июня 1871 г.

При личных переговорах министра юстиции с товарищем шефа жандармов, первый, признавая неудобным вести какую-нибудь цензуру при напечатании в газетах прений по предстоящему судебному разбирательству дела Нечаева, полагал, что самое откровенное и полное изложение фактов должно будет нанести самый большой удар партии, сочувствующей обвиненным. Граф Пален опасается только, что в изложении прений некоторые газеты могут позволить себе умолчать именно о таких фактах, которые преимущественно способны возбудить общественное мнение против лиц, подвергающихся суду, и в виду этого находит необходимым, чтобы стенографические отчеты судебных заседаний, которые будут печататься в «Правительственном Вестнике», служили мерилом точности и руководством для других газет.

К достижению этого представляются два средства: во-первых, допустить к присутствованию на суде только стенографов «Правительственного Вестника» и больше никаких, пользуясь тем, что закон не обязывает допускать всех стенографов, которые пожелали бы присут-

---

[1] Все записки печатаются с подлинников.

ствовать; или, во-вторых, обязать редакции газет печатать отчеты заседаний судебной палаты лишь после появления сих отчетов в «Правительственном Вестнике».

Первое средство менее удобно второго по той причине, что недопущением частных стенографов могли бы воспользоваться люди недоброжелательные и распустить молву, будто бы официальный отчет «Правительственного Вестника» не полон и подвергся цензуре и изменениям.

На основании сих соображений испрашивается высочайшее разрешение применить второе средство, т. е. заблаговременно обязать редакторов всех газет не печатать отчетов о судебном разбирательстве по делу Нечаева прежде, чем отчеты эти будут напечатаны в «Правительственном Вестнике». Министр внутренних дел совершенно разделяет мнение министра юстиции и товарища шефа жандармов о пользе этой меры.

19 июня 1871 г. [1]
(Дело № 115, ч. XIII, лл. 34—35.)

3.

Записка от 3 июля 1871 г.

В четверг первого июля, в 11 часов 40 минут, началось в здешней судебной палате разбирательство по делу о заговоре, составленном с целью ниспровержения существующего порядка управления в России.

Присутствие составляли: председатель А. С. Любимов, члены палаты постоянные: Маркевич, Мессинг, Медведев, Шахов, Богаевский, присоединенные члены: с.-петербургский уездный предводитель дворянства князь Трубецкой (за губернского предводителя), царскосельский уездный предводитель дворянства Платонов, с.-петербургский городской голова Погребов, волостной старшина 2-й Александровской волости Михайлов. Обвинял прокурор с.-петербургской судебной палаты В. А. Половцев, секретарь Гойлевич. Защитники подсудимых присяжные поверенные: князь Урусов (Успенского и Волховского), Спасович (Кузнецова, Ткачева и Томиловой), Арсеньев (Прыжова), Соколовский (Дементьевой), Турчанинов (Николаева), Хартулари (Коринфского) и Деп (Флоринского). В зале заседания, кроме того, находились многие присяжные поверенные — защитники по другим группам подсудимых, вызванных в заседание в качестве свидетелей.

Против ожидания, у входа суда публики было очень немного, и когда заседание началось, то всех зрителей, считая и лиц, занимавших места за судебным столом, было только около 200 человек.

Из лиц известных присутствовали управляющий министерством юстиции сенатор Эссен и товарищ министра государственных имуществ князь Оболенский. В числе публики было три артиллерийских генерала, один генерал военно-судебного ведомства, несколько артиллерий-

[1] На полях: «Имея в виду соглашение трех лиц, поименованных в докладе, высочайше повелено исполнить согласно соображения. Гр. Шувалов. Петерсталь 25 июня—7 июля» [82]).

ских офицеров и человек 5 или 6 из простого и купеческого класса; остальные были нигилисты и нигилистки: студенты, родственники и родственницы подсудимых. Нигилистки обращали на себя внимание костюмом и наружностью; но никто из них не позволил себе ничего неуместного.

Из разговоров с этою многочисленнейшею частью публики наши агенты, присутствовавшие на заседании, убедились, что все эти личности были ознакомлены с мельчайшими подробностями дела. По открытии заседания была произведена поверка лиц, вызванных в суд в качестве свидетелей, и потом подсудимых.

Несмотря на заявление прокурора о том, что вместо 13 свидетелей явилось только шесть, суд по просьбе присяжных поверенных (по частном определении) открыл заседание.

К слушанию дела судом была вызвана первая категория подсудимых, состоящая из 11-ти человек, а именно: 1) Петра Успенского, 2) Алексея Кузнецова, 3) Николая Николаева, 4) Ивана Прыжова, 5) Владимира Орлова, 6) Ивана Флоринского, 7) Михаила Коринфского, 8) Феликса Волховского, 9) Петра Ткачева, 10) Елизаветы Томиловой и 11) Александры Дементьевой.

Войдя в залу заседания, почти все они были в хорошем расположении духа и на устах их выражалось самодовольствие. При перекличке же их Александра Дементьева даже позволила себе громко смеяться, и между ней и председателем произошел следующий разговор:

Председатель, обращаясь к подсудимым, предложил им объявить суду их имена, отчества и фамилии, звание, лета, занятия и место жительства.

На эти вопросы подсудимая Дементьева отвечала смеясь: «Александра Дмитриевна Ткачева... Ах, что я! Дементьева!»

Председатель: «Потрудитесь воздержаться, подсудимая Дементьева, от такого неприличного поведения. Вы призваны сюда для того, чтобы участь ваша была решена. Конечно, ваша участь может быть решена в смысле благоприятном для вас, но тем не менее вы должны воздержаться от неприличий, от неуместных улыбок и т. п.».

Известно, что Дементьева жила с Ткачевым в качестве бессрочной невесты или так называемым «гражданским браком». Какою наглостью должна обладать эта еще столь молодая девушка, чтобы под видом обмолвки объявить перед судом и даже хвастать своею связью с Ткачевым, чтобы тем публично поставить принцип гражданского брака.

Затем был прочитан общий обвинительный акт, а затем объявлен перерыв заседания.

Во время сказанного перерыва часть публики и почти все присяжные поверенные собрались в буфете, где посторонние очень мало говорили о деле, а, напротив, громко разговаривали между собою поверенные и без церемонии подтверждали один другому, чтобы положительно настаивать на том, что все подсудимые, как по своему положению и воспитанию, так равно по правам состояния, не могли иметь влияния на производство мятежа, а потому они полагают, что это не уголовное и не государственное преступление, а просто шалость.

После перерыва начался допрос подсудимых, и первый из них, Успенский, сознавшись виновным во всем, просил суд дозволить ему отложить объяснение до следующего дня вследствие его болезни. Второй же, Кузнецов, заявив, что он виновен, как деятель в числе лиц, желавших ниспровергнуть установленный государственный порядок, и как один из убийц студента Иванова, подробно объяснил план действий Нечаева и революционного комитета под председательством Бакунина и Огарева.

По допросе этого подсудимого суд закрыл свое заседание в 8 часов вечера.

При допросе подсудимого Кузнецова обратила на себя внимание агента жена отставного полковника (бывшего адъютанта графа Ермолова) Лихутина, у которой в число подсудимых попало два сына, и один из них, именно младший, в марте месяце этого года умер в заключении. Она, кусая губы, проклинала все суды и правительство, а в особенности товарища прокурора окружного суда Кобылина, которому был поручен особый надзор за политическими преступниками и который, несмотря на болезнь ее сына, не хотел по ее просьбе отправить его на излечение в госпиталь.

2 июля заседание открыто в 1-м часу. Физиономия залы относительно присутствовавшей публики была та же, что и накануне. Спрошены только двое из подсудимых, а именно Николай Николаев, сознавшийся как в связях своих с Нечаевым, так и в участии в убийстве студента Иванова. В рассказе своем об обстоятельствах, сопровождавших то и другое дело, Николаев придерживался указаниям, сделанным накануне в сознании своем Кузнецовым. Другой допрошенный, Иван Прыжов, признал себя виновным в содействии Нечаеву к революционной пропаганде, а также и в том, что знал о намерении Нечаева убить студента Иванова, но не только не содействовал этому преступлению, а, напротив, старался избавить Иванова от угрожавшей ему опасности, за что навлек на себя негодование Нечаева.

Во время допроса все личности, составлявшие публику, вполне сочувствовали подсудимым, в особенности Ткачеву.

Кроме того, в залу заседания являются переодетые студенты. В форме же студентов Медико-хирургической академии, 2 июля были только двое, которые при входе в залу преступников кланялись им (кивая головой) и около 3-х часов вышли из заседания. При производстве дела ежедневно присутствует в числе публики жена подсудимого этой 1-й категории Успенского с несколькими молодыми женщинами и переодетыми студентами. Сама она в веселом расположении духа.

Между тем при рассказе Прыжовым об убийстве студента Иванова одной из спутниц Успенской, женщине около 20 лет, сделалось дурно, и суд на некоторое время сделал перерыв, а когда эта госпожа пришла в себя, то суд опять вошел в залу и, по выслушании до конца объяснений Прыжова, около 7 часов вечера закрыл заседание.

При отправлении подсудимых в крепость та же публика ожидала их подле подъехавших за ними карет, где прощалась с ними наклонением головы. Знаки прощания более других относились к Ткачеву,

который с своей стороны отвечал на них тоже легким наклонением головы, прикладывая при этом палец правой руки к губам.

В буфете разговор был о жаре и о том, что Николай Николаев своим глупым (как называли) рассказом более утомил слушателей, нежели духота в зале.

Многие из постоянных посетителей заседаний известны III отделению; вообще все они — люди весьма подозрительные; из числа свидетелей большинство тоже нигилисты, и все они по своему костюму (особенно женщины), своим приемам и т. д. очень бросаются в глаза. Черкесов тут же постоянно.

(Дело № 115, ч. XIII, лл. 61—66.)

4.

Записка от 4 июля 1871 г.

3 июля судебная палата открыла заседание в 1-м часу пополудни, продолжавшееся до 7½ ч. вечера.

Во время заседания спрошены были только трое из подсудимых:

1. А. Дементьева, которая сначала объяснила о знакомстве своем со студентами, о желании быть для них полезною влиянием на общественное мнение посредством напечатания прокламаций и о своем намерении выйти замуж за Николаева, а потом, — как она напечатанные в ее типографии прокламации разбросала в Технологическом институте, Медико-хирургической академии и разослала по почте разным лицам. На вопрос же председателя: кто ей дал оригинал прокламации, Дементьева отказалась отвечать.

2. Петр Успенский, сознавшийся в своих сношениях с Нечаевым и другими лицами, составлявшими революционную партию, подробно рассказал историю убийства Иванова, а потом коснулся причин, побудивших и его вступить в революционное общество. Так, он говорил, что во время обысков у его родственников и знакомых тайная полиция (его выражение) входила в комнаты ночью, где спали молодые женщины и срывала с них одеяла и тогда обыскивала. Многие из них были, по мнению Успенского, совершенно невинны, но тем не менее сосланы. Когда же родственница его Антонова пришла к генерал-адъютанту Мезенцову с просьбой дозволить ей видеть своего сына, то генерал обругал ее и топал ногами [93]). Остановленный председателем ввиду того, что обстоятельства эти к делу не относятся, Успенский замолчал.

3. Иван Флоринский объяснил, что его сношения как с Нечаевым, так и с другими лицами не имели никакого революционного характера, а потому он виновным себя и не признает.

При допросе Успенского случилось следующее обстоятельство: присяжный поверенный, защищавший Флоринского, просил председателя суда о расспросе Успенского о том, какое он имеет отношение к Флоринскому и чем он может доказать, что сей последний действительно был в сношениях с Нечаевым с революционною целью. На это председатель в суровых выражениях запретил защитнику представлять суду подобные вопросы. Такой ответ со стороны председателя вызвал

к нему неудовольствие поверенных, которые говорили, что если им запрещают возбуждать вопросы, то им нечего и защищать подсудимых. Мнение это разделяла и присутствовавшая на заседании публика. Все эти разговоры и неудовольствия высказывались в буфете во время перерыва заседания.

По окончании заседания публика, собравшись у ворот, совершенно свободно посылала поклоны провозимым подсудимым.

(Дело № 115, ч. XIII, лл. 67—68.)

5.

Записка от 5 июля 1871 г.

...Во время перерыва материалом к разговору в буфете послужило полоумное объяснение Орлова [1], и многие уверяли, что им положительно известно то обстоятельство, что 18 человек из содержащихся в крепости уже сошли с ума и трое умерли вследствие дурного помещения и продолжительного одиночного заключения, при этом вспомнили историю Каракозова, о котором рассказывали, что его 7 дней не кормили и перед тем, как повесить, выломали ему руки [94]).

Кроме описанного князь Урусов закупил в буфете все блюдо апельсинов и отправил их со служителем к подсудимым с предупреждением их, что это подарок от Урусова, за что при входе в залу при возобновлении заседания они благодарили его наклонением, головы.

Заседание окончилось в 3-м часу вечера и будет продолжаться завтра, в 11½ часов утра.

Присутствовали бывший министр юстиции Замятнин и товарищ министра Эссен.

Сегодня публика к каретам, в которых отвозили в крепость подсудимых, не приближалась, так как на довольно большом пространстве была расставлена цепь из полицейских нижних чинов и жандармов и в некоторых каретах у окон были опущены шторы.

(Дело № 115, ч. XIII, лл. 71—74.)

6.

Записка от 7 июля 1871 г.

6 июля судебная палата открыла свое заседание в 1-м часу пополудни и немедленно приступила к поверке свидетелей, затем, по исключении из числа их шурина Ткачева [95]), сестры Успенского и одного крестьянина, остальных 17 человек привели к присяге.

Из числа спрошенных сегодня свидетелей пятеро к обвинению подсудимых, а также относительно революционной пропаганды ничего не показали. Показания остальных трех спрошенных свидетелей не

---

[1] В опущенной нами части записки об Орлове говорится, что он «старался говорить, как будто бы он помешан, но все же ничего во вред себе не сказал, т. е. не признал себя виновным».

представляют никакой важности и относятся лишь до получения ими по почте воззваний.

Во время перерыва в буфете было очень мало публики, большая часть присяжных поверенных отправилась домой, остальные же, а равно и публика говорили о том, что такое значит распоряжение правительства, которым запрещено даже родственникам приближаться, как они выражались, к жертвам, и вполне были уверены, что это был вымысел полиции, который не повторится. Между тем в этот день еще шире была расставлена цепь из нижних чинов корпуса жандармов и полиции, кроме того, во всех каретах были в боковых окнах спущены шторы. Но, несмотря на дождь и закрытые экипажи, публика собралась у ворот суда и только по выезде со двора последней кареты разошлась по домам.

Заседание было закрыто в 7½ часов вечера. Из лиц известных присутствовали от 3 до 7½ часов товарищ министра юстиции Эссен и генерал адъютант Баранов.

(Дело № 115, ч. XIII, лл. 75—76.)

7.

Записка от 11 июля 1871 г.

7 июля судебная палата открыла свое заседание в 1-м часу пополудни и тотчас приступила к допросу свидетелей, находящихся на свободе, а именно: 1) Черкесова, хозяина книжного магазина, 2) Нечаевой, сестры агитатора Нечаева, 3) Анненского, шурина Ткачева, 4) Михайлова и 5) Антоновой, которые положительно ничего к обвинению подсудимых не показали. Потом без присяги были допрошены подсудимые других категорий в качестве свидетелей в числе 9-ти человек, из которых, кроме Лихутина и Ковалевского, все говорили о себе, а не об обстоятельствах, относящихся к 11 подсудимым 1-й категории.

Между тем около 3 часов (перед перерывом) через дверь, служащую для ввода арестантов, в залу заседания вбежала женщина около 17 лет и без церемонии рукой вызывала некоторых лиц, сидевших на скамейках, занятых публикой.

Три судебных пристава не только впустили ее особым ходом, но даже не остановили при нарушении ею в зале порядка.

Через ½ часа после того был перерыв, при самом начале которого, т. е. по выходе из зала судей, произошла суматоха, и подсудимые, вызванные на сегодняшний день в суд в качестве свидетелей, смешались с присяжными поверенными и разными лицами, выбежавшими им навстречу из числа публики, и если бы не распорядительность жандармского офицера, воспрепятствовавшего дальнейшим последствиям, то весьма возможно, что несколько арестантов нашли бы случай бежать.

Во время перерыва судебные пристава, распоряжающиеся вводом и выводом арестантов, вовсе исчезли со своих мест, публика же немедленно же бросилась навстречу (с другой стороны дверей) выходившим из залы подсудимым, и, несмотря на все свои усилия, чины жан-

дармского корпуса не могли вполне помешать обеим сторонам обменяться разными знаками и жестами.

В буфете присяжные поверенные, в том числе и Урусов, и несколько частных лиц (при этом был судебный пристав Мевиус) смеясь говорили, что штука им удалась и что вовсе ненужные в настоящее время подсудимые ими вызваны, т. е. вызваны судом по их заявлению. Из дальнейшего их разговора можно было убедиться, что подсудимые в числе 9 человек вызваны в суд в качестве свидетелей без всякой надобности, так как они говорили только о своих действиях, о которых повторят при допросе их в свое время; но при этом цель была доставить им свидание с родственниками.

8 июля судебная палата, открыв заседание в 12½ часов, приступила к рассмотрению вещественных доказательств.

При этом г. прокурор просил суд прочитать несколько протоколов, составленных при обыске подсудимых, а также писем и телеграмм, присланных из Женевы под адресом подсудимой Томиловой, двух писем Ткачева к Успенскому и правил революционной организации.

Выбранный же из среды присяжных поверенных Спасович просил суд о прочтении имеющихся в деле прокламаций, отчетов Успенского русскому отделу революционного комитета и экземпляра «Народной Расправы».

После просьбы Спасовича г. прокурор заявил, что прокламации «К дворянам» и «Народная Расправа» вследствие своего содержания не могут быть прочтены при публике, а потому судебная палата после непродолжительного совещания разрешила прочтение документов, кроме упомянутых (т. е. двух последних) прокурором, которые и были прочтены при закрытых дверях.

В 7½ часов вечера было велено удалиться из залы не только публике, но даже полицейским чинам, находившимся на службе, но, несмотря на это, судебные пристава под предлогом, что это юристы, оставались [1] в зале около 20 человек, не считая защитников. Тогда были прочитаны сказанные два документа, а затем около 10 часов вечера заседание было закрыто. В продолжении перерыва в буфете было очень мало лиц, так как таковой начался в 8¼ часов вечера и все были утомлены продолжительным заседанием.

Отвоз арестантов в крепость начался в 10 часов вечера, и, несмотря на позднее время, публика толпилась как на дворе, так и у ворот суда, хотя за темнотой и по случаю опущения штор в окнах карет подсудимых видеть было положительно нельзя.

При чтении документов присутствовали его императорское высочество великий князь Николай Константинович от 4 до 5 часов вечера и товарищ министра юстиции Эссен.

В заседании 9 июля после спроса нескольких свидетелей председатель объявил судебное следствие законченным и после часового перерыва прокурор начал свою обвинительную речь, которая и заняла собою все время до закрытия заседания.

---

[1] Так в подлиннике.

10 июля судебная палата открыла заседание в час пополудни, предоставив вместе с тем этот день защите.

Из четырех присяжных поверенных, защищавших подсудимых, наибольшее впечатление произвел Спасович, который провел мысль о том, что при ничтожных денежных средствах подсудимых, их родственных связях, их знакомстве и их положении в свете они не в состоянии были что-либо сделать вредного для государства.

Мысль эта во время перерыва, бывшего от 4½ до 6 часов вечера, служила материалом для разговора публики, бывшей в буфете и в числе которой были почетные лица, имевшие на мундирах и фраках звезды. На вопросы, сделанные некоторыми из упомянутых лиц присяжным поверенным, последние, поддерживая мысль Спасовича, уверяли спрашивающих в том, что эту мысль разделяют все высокопоставленные особы. Относительно же остальной части публики, то она выразила Спасовичу свое удовольствие при выходе его из залы поклонами. Ему кланялись почти все — знакомые и незнакомые — в особенности дамы.

Заседание было закрыто в 7¼ часов, и в 7½ часов все 6 карет с подсудимыми, выехали со двора суда.

(Дело № 115, ч. XIII, лл. 81—85.)

8.

Записка от 11 июля 1871 г. [1].

К прилагаемому при сем хронологическому отчету о ходе судебного разбирательства по нечаевскому делу [96]) небесполезно будет присовокупить несколько слов о том значении, которое этот во многих отношениях замечательный процесс приобрел вследствие эпизодов последних дней.

Характеристика присутствующей публики уже доложена вашему сиятельству; она не изменилась, и на случайно попавшего в залу зрителя производит то впечатление, что он невольно ставит себе вопрос: какая разница между этою публикою и подсудимыми? Порядочная часть общества с любопытством, даже жаром читает газеты, но не интересуется делом настолько, чтобы спозаранку собираться у входа в здание суда и, придя уже поздно, она находит все места уже занятыми все тою же публикою, т. е. «стрижками» и их кавалерами.

В настоящее время, когда показания подсудимых и свидетелей уже напечатаны вполне, то небесполезно определить их общий характер, чтобы понять то впечатление, которое они могут произвести на публику и особенно на молодежь.

Две характеристических черты представляются почти во всех показаниях подсудимых: стремление высказать, торжественно и громогласно заявить свои убеждения, свои воззрения, свою profession de foi и желание представить мрачную картину быта студентов. Почти все подсудимые пользуются малейшим случаем, чтобы выразить свой

[1] Написана рукою чиновника III отделения Филиппеуса.

взгляд на существующий порядок, на его ненормальность, на необходимость иного, лучшего устройства общества, на женский вопрос. Иные, как, напр., Успенский, представляют свое участие в заговоре следствием несправедливостей и притеснений, жертвами которых являются их знакомые и родные. Другие, отрекаясь, подобно Орлову, от участия в заговоре, тем не менее высказывают чисто социалистические и даже коммунистические воззрения, подробно развивают мысли о негодности настоящего общественного строя, толкуют об ассоциации, самопомощи и т. п., словом, выступают апостолами нового социального и политического учения, впервые заявляемого громогласно, апостолами, готовыми принять за свою веру мученический венец. Наконец, третьи, как Ткачев, противопоставляют н о в о е общество старому, отживающему, открыто объявляют себя нигилистами и смело поднимают знамя этого н о в о г о общества, отделяя себя и свои воззрения от массы и ее нравственных начал. Стоит прочитать profession de foi Ткачева о ф и к т и в н о м браке, и невольно останавливаешься на следующих знаменательных словах: «Разумеется, с вашей точки зрения может показаться этот шаг женщины в высшей степени рискованным в виду опасений за лицо, которое вступает с нею в брак. Но есть причины, которые делают подобные браки в э т о й среде совершенно неопасными. Эти причины заключаются в отношениях, существующих между женщинами и мужчинами этой среды, — отношениях, основанных на обоюдном уважении и доверии, которые делают совершенно невозможною даже мысль со стороны мужчин о том, чтобы они когда-нибудь решились злоупотреблять своими правами». В другом месте своей речи, говоря о том, что эти ф и к т и в н ы е браки уже не составляют явления исключительного, а повторяются очень часто, Ткачев восклицает: «я здесь один из так называемых петербургских нигилистов, а ко мне, как видно из дела, обращались уже две женщины с просьбою устроить им фиктивный брак» [97]).

Любопытны также объяснения причин, вызвавших, по словам Ткачева, частые фиктивные браки в упомянутой среде. Он объясняет это явление семейным, общественным и правительственным гнетом, тяготеющим над русскою девушкою, и развивает эту мысль очень подробно.

Многие из подсудимых рисуют также мрачную картину быта студентов и тех притеснений, которым они подвергаются со стороны правительства и своего непосредственного начальства, и сочувствием к ним объясняют всю свою революционную деятельность. В этом отношении особенно интересно показание Дементьевой, очевидно, не ею сочиненное, которое представляет студентов несчастными страдальцами, жертвами вопиющей несправедливости и жестокости правительства.

Не раз еще нам придется писать об этом предмете и о том влиянии, которое нечаевский процесс будет иметь на направление нашей молодежи. На нее не подействует спасительно то, что суд приговорит подсудимых к более или менее тяжким наказаниям. Напротив, смелость, гордость, с которыми сидящие на скамье подсудимых «отщепенцы» как бы вызывают общество и выработанные им законы, уже теперь производят на молодежь обаятельное действие, и имеющему последо-

вать приговору уже стараются отнять нравственную силу уже распущенные в городе слухи, что будто бы участь подсудимых предрешена и что затем самый суд над ними есть лишь комедия.

Одно важное обстоятельство не может быть пройдено молчанием. Из вышеизложенного видно, что собственно роли переменились: не общество и государство в лице суда является обвинителем, а, напротив, они становятся обвиняемыми и обвиняются с силою и красноречием фанатического убеждения, как бы напрашивающегося на мученичество. Такие примеры всегда создают последователей, а для того, чтобы последователи этих смелых «отщепенцев» знали, как им сплотиться и какие средства ведут к замене старого общества новым, им теперь нужно будет иметь только «Правительственный Вестник», который отныне сделается руководством наших революционеров, так как в него вошли все документы, прочитанные на суде, то есть правила организации тайного общества, исповедь революционера [98]) и почти все возмутительные воззвания, которые до сих пор держались в тайне и за распространение коих законы определяют строгие наказания. Конечно, статьи уложения о наказаниях, относящиеся до имения у себя и распространения сочинений возмутительного и противоправительственного содержания, подвергнутся сильной критике со стороны защитников тех из подсудимых в настоящем деле, которые обвиняются в этом преступлении, в котором в настоящее время вся читающая публика виновна. Так называемая благонамеренная, благоразумная часть публики, без сомнения, с омерзением отвернется от подсудимых и их теорий, но она при всем своем численном превосходстве представляет пассивную массу, и все перевороты всегда исходили от буйного меньшинства, приобретающего силу чрез систематическое сплочение

Замечательно, что ни одна газета не печатает статей против теорий, заявленных на суде, не считает нужным влиять на общественное мнение в духе, противоположном этим теориям. Газеты вообще не печатают по этому предмету руководящих статей и ограничиваются простым воспроизведением отчетов судебных заседаний. Они поступили бы совершенно иначе, если бы то, что происходит на суде, не согласовалось с общей всем им тенденцией, с их главною целью: оппозицию против правительства и подрывом его нравственного авторитета.

Само собою разумеется, что в настоящем случае гласность не имела бы вышеизложенных последствий, если бы председатель не позволил подсудимым развивать на суде общие теории, а сумел бы ограничить их объяснения по существу того дела, по которому они обвиняются.

(Дело № 115, ч. XIII, лл. 58—60.)

9.

Записка от 14 июля 1871 г.

По окончании судебного дела относительно первой категории обвиняемых любопытно и полезно будет бросить взгляд на весь ход их процесса и вникнуть в некоторые подробности его. Сегодня ожидается произнесение приговора суда, так как вчера палата кончила слушание защитительных речей, занявших три заседания; следова-

тельно, с завтрашнего дня для этой части процесса начинается история, и мы постараемся изложить ее объективно и беспристрастно.

Воздерживаясь поэтому ныне от оценки и даже анализа речей, произнесенных обвинителем и защитниками, ограничимся хронологическим обзором последних дней.

В субботу 10 июля заседание было посвящено защите Успенского и Кузнецова, представленной князем Урусовым и Спасовичем. Речь последнего произвела большое впечатление, и при выходе его из залы подсудимые и публика засвидетельствовали ему почтение и благодарность поклонами.

В воскресенье заседания не было; в понедельник же интерес заседания сосредоточивался снова в речи Спасовича в качестве защитника Ткачева. Эта речь еще не появилась в газетах, и нам поэтому неизвестна; но она произвела такое всеобщее впечатление, что во время перерыва заседания в буфете, где собрались присяжные поверенные и многочисленная публика, только и было речи о громадных способностях Спасовича.

Вчера, 13 июля, палата слушала защиты Орлова, Волховского и Томиловой; защищали Хартулари, князь Урусов и Спасович.

Первый почти не коснулся своего клиента, а говорил собственно речь в пользу студентов, их стремлений и движений.

Князь Урусов забавлялся вылазками против обвинительной власти, вылазками довольно резкими, и в заключение заявил, что по предположению прокурора Волховский, совершенно невиновный, должен быть сослан в каторжную работу на 15 лет; а так как он, Урусов, находит этот вывод обвинения пристрастным, то протестует против него перед судом от имени всей России.

Речь Спасовича не представляла того интереса, который имели две первые речи его.

Заседание закончилось ответом прокурора на речи защитников; ответ состоял в разъяснении статей закона, коих применения к подсудимым требовало обвинение.

В зале и буфете публика говорила о том, что участь подсудимых предрешена и что приговор во всяком случае будет пристрастный.

(Дело № 115, ч. XIII, л. 90.)

10.

Записка от 16 июля 1871 г.

15 июля в здании судебной палаты, в верхнем этаже, где находились подсудимые, ожидавшие решения палаты по делу о заговоре, был громкий хохот и веселый разговор. Подсудимые Флоринский, Успенский, Кузнецов и Дементьева читали газеты, вероятно, судебную хронику о их деле, и выглядывали в окно; последняя обращала на себя особенное внимание. Публика, ожидавшая во дворе судебной палаты, сочувственно относилась к подсудимым; слышны были слова: «молодцы, не унывают!»

Большая часть публики была из молодежи: студенты, девицы и артиллерийские офицеры.

(Дело № 115, ч. XIII, л. 96.)

11.

Отношение III отделения к петербургскому обер-полицмейстеру от 16 июля 1871 г. № 1156.

Получено сведение, что во время заседаний судебной палаты по делу о тайном обществе некто Баталин обращал на себя особенное внимание, выдавая себя за агента тайной полиции, и что он вчера даже до того забылся, что на замечание судебного пристава о непринадлежности ему, Баталину, того места, на которое он сел, дозволил себе во всеуслышание и с запальчивостью заявить, что он послан лично графом Шуваловым.

По распоряжению прокурора судебной палаты Баталин был выведен из залы, сопровождаемый насмешками и угрозами публики.

Так как известно, что Баталин посещал заседания судебной палаты по поручению действительного статского советника Колышкина, то, сообщая вашему высокоблагородию о вышеизложенном, имею честь по приказанию графа Николая Васильевича [99]) покорнейше просить вас, милостивый государь, сделать распоряжение о строгом расследовании поступка Баталина и о результатах расследования уведомить III отделение собственной его императорского величества канцелярии.

За управляющего отделением тайный советник Грибовский [100]).

(Дело № 115, ч. XIII, л. 80.)

12.

Записка от 17 июля 1871 г.

Трактирные толки.

По поводу объявленного 15 июля судебною палатою приговора лицам 1-й категории по делу о заговоре, составленном с целью ниспровержения установленного порядка управления в России, многие говорят, что судебная палата чрезвычайно снисходительно решила участь преступников и что их следовало бы для примера другим непременно казнить, а не отдавать под надзор полиции, как некоторых суд приговорил, потому что полиция вовсе не отличается дальновидностью и серьезным уменьем и что, кроме протоколов о пустяках, которые она составляет на жителей города, ничего более не умеет порядочно сделать. Другие же, напротив, говорят, что мальчишек не судить бы следовало, а пороть розгами и пороть до тех пор, пока вся дурь не вышла бы из головы, а потом поселить порознь и навсегда в отдаленных местах Сибири; тогда бы они помнили, что не следует какой-нибудь ничтожной мрази итти против правительства, которое и так много сделало для них и в самое короткое время.

(Дело № 115, ч. XIII, л. 119.)

13.

Записка от 19 июля 1871 г.

Канцелярский служитель Александр Иванов Фураев, проживающий по Кабинетской улице, в доме Савина, № 3, представил в управление 2-го участка Московской части найденное им в 1-м часу ночи на сие число на мостовой в Свечном переулке прилагаемое при этом воззвание, написанное на лоскутке бумаги, следующего содержания:

«Г. г. публика! Отдайте последний долг нашему собрату г-ну Успенскому, осужденному совершенно невинно, и отправьтесь в день приговора на эшафот Конной площади».

(Дело № 115, ч. XIII, л. 106.)

14.

Записча от 19 июля 1871 г.

В сегодняшнее заседание судебной палаты опять явился Баталин, хотя он за неимением места и не был впущен в залу заседаний, но он оставался в коридоре в числе публики и там обращал на себя внимание.

До начала второго часа заседание не было еще открыто, и публика, от нечего делать, прогуливаясь то по зале, то по коридору, только вела разговор о сыщиках и шпионах. Я не предполагаю, чтобы меня и остальных нас кто-нибудь знал, но тем не менее, выслушивая от многих вопросы о том, действительно ли в зале заседаний есть шпионы, и встречая разные взгляды и угрозы (может быть, и не на наш счет), я принужден был удалиться из суда, тем более еще потому, что если бы с Баталиным повторилась субботняя история, то он мог бы со злости указать и на меня, если только он меня знает, в чем я сомневаюсь, но, не будучи вполне в этом уверен, повторяю, я удалился из суда на том основании, чтобы не компрометировать ни себя, ни место моего служения и чтобы избежать могущего быть скандала.

Обстоятельство это смею представить на ваше благоусмотрение в ожидании от вас приказания.

(Дело № 115, ч. XIII, лл. 104—105.)

15.

Донесение начальника московского губернского жандармского управления от 19 июля 1871 г. № 694.

Общественное мнение Москвы весьма сильно заинтересовано ныне обнародованными известиями о производящемся в с.-петербургской судебной палате так называемом «нечаевском деле»: оно привлекло к себе внимание всех слоев общества не только как первый пример гласного суда над политическим преступлением, но и как дело безусловно важное по существу своему. Считаю необходимым сообщить

сведения о тех впечатлениях публики по этому предмету, какие мне удалось собрать до настоящего времени.

Решимость правительства предать гласному суду лиц, оказывающихся виновными в тяжелом политическом преступлении, произвела вообще на значительную часть общества благоприятное впечатление. До сих пор ко всякому политическому делу, у нас возникавшему и бывшему исключительно в ведении администрации, относились недоверчиво, опасаясь с ее стороны произвола и задаваясь мыслью, что администрация всегда в подобных случаях преувеличивает и намеренно раздувает дело, в действительности имеющее ничтожное значение. Настоящий процесс, удовлетворяя желанию таких скептиков достигнуть полной гласности суда и раскрывая им всю важность и объем преступных замыслов привлеченных к суду лиц, приносит, по мнению многих, тот полезный результат, что молодые люди одинакового направления и убеждений с подсудимыми в виду публичного процесса и общественного к виновным негодования могут быть остановлены на увлекшем их пути и тем спасены для самих себя и для общества.

Вся консервативная среда, которая составляет здесь огромное большинство населения, проникнута сильным негодованием к виновникам тайного общества, призывая на них самую страшную кару закона. Нельзя, впрочем, отрицать, что между молодыми людьми находятся и симпатизирующие некоторым подсудимым, как напр. Дементьевой, привлекшей их участие высказанным с ее стороны горячим сочувствием к студентам и бойкостью ответов на судебном следствии.

С этим вместе обязываюсь сказать, что слышались порицания за допущения в речах подсудимых таких частностей, разъяснение которых должно было бы иметь место на предварительном следствии, а не в публичном заседании судебной палаты. При этом указывают на речь Ткачева, который открыто заявлял себя нигилистом и позволил себе развивать теорию фиктивного брака, оскорбляющую общественную нравственность, а между тем председатель не остановил подсудимого и дал ему возможность свободно высказаться до конца.

Объявленное решение суда по первой группе подсудимых не удовлетворило ожиданиям общества, заключавшимся в строгом возмездии для каждого из виновных. В приговоре суда Успенскому, Кузнецову, Прыжову и Николаеву видят лишь кары за убийство человека; оправдание же остальных четырех подсудимых, — Орлова, Волховского, Томиловой и Коринфского, — поразило всех неожиданностью, и общественное мнение недоумевает о причинах такого снисхождения к означенным лицам и в особенности по отношению к Орлову, одному из ближайших лиц к Нечаеву и посвященному в его замыслы. В разговорах по этому предмету случается слышать суждения и такого рода, что «если суд освобождает ныне от ответственности подсудимых первой, важнейшей категории, то за тем можно думать, что для лиц прочих категорий не только не найдется никаких поводов подвергнуть их взысканию, но присуждена будет им даже награда».

Наконец, заключительные слова председателя, сказанные им освобожденным подсудимым, показались многим по меньшей мере странными и неуместными. Не ограничиваясь объявлением им свободы,

он сделал к ним сочувственное обращение и призывал в свою среду. Высказанные в этом случае г. Любимовым слова не только встречены явным неодобрением, но и подают некоторый повод сомневаться в его политическом направлении.

Об изложенном имею честь донести III отделению собственной его императорского величества канцелярии.

Генерал-майор Слезкин.

(Дело № 115, ч. XIII, лл. 111—113.)

16.

Записка московского обер-полицмейстера от 21 июля 1871 г.

По поводу напечатанного в газетах приговора с.-петербургской судебной палаты, произнесенного над соучастниками Нечаева в государственном преступлении, возникли толки, в которых высказывается неудовлетворение на судебную палату за присужденные ею преступникам наказания, которые признаются слабыми, и за освобождение некоторых лиц, в особенности Волховского, давно известного здесь за опасного агитатора, причем некоторые порицают председателя палаты за произнесенные им к оправданным лицам слова, что «место их не на позорной скамье подсудимых, а в среде общества»; слова эти называют неуместною выходкою, особенно в таком важном государственном деле, как замысел ниспровергнуть правительство.

(Дело № 115, ч. XIII, л. 120.)

17.

Записка от 21 июля 1871 г.

Во вчерашнем заседании судебной палаты подсудимый князь Черкезов сказал, что III отделение и бывший управляющий им генерал-адъютант Мезенцов своими злоупотреблениями и превышением власти постоянно раздражали молодежь.

Два агента доносят, что на всех заседаниях обращает на себя внимание поручик гвардейской артиллерии, которого жена будет судиться по этому делу. Бобарыков близко знаком со всею политическою братиею, составляющею публику, дружен с судебными приставами и распоряжается в палате, как дома. Он приводит с собой молодых артиллерийских офицеров.

Из освобожденных первой категории вчера был на заседании Волховский, которому не только публика, но и судебные пристава оказывали почет и посадили в места, назначенные для юристов [1].

(Дело № 115, ч. VIII, л. 239.)

---

[1] На полях рукою Шувалова: «д. е. в.» и другою рукою: «Прошу при случае передать гр. Палену о неоднократно замеченном странном обхождении судебных приставов».

18.

Записка от 22 июля 1871 г.

С 1 сего июля в судебную палату в числе публики ежедневно является какой то артиллерийский офицер. Он знаком с кругом постоянных посетителей заседаний, состоящим из нигилистов, сочувствующих подсудимым. Судя по его выходкам, он, кажется, вожак этой компании; например, при появлении нового неизвестного лица артиллерист измеряет его с ног до головы, потом шопотом сообщает судебному приставу Мевиусу и целому кружку свои замечания. На эполетах у него 3 звездочки, росту высокого, толстый собой, лысый, говорят, что он содержался под арестом [1].

(Дело № 115, ч. XIII, л. 129.)

19.

Записка от 23 июля 1871 г.

12 текущего июля по прибытии из мест заключения в с.-петербургскую судебную палату подсудимых по делу Нечаева один из них, Феликс Волховский, передал Але сандре Дементьевой букет цветов.

Находившийся при подсудимых жандармский офицер заметил Дементьевой, что букет в судебной палате неуместен, и пошел доложить об этом председателю палаты.

Бывший при этом адвокат князь Урусов предупредил офицера с своим объяснением.

Председатель Любимов на доклад офицера сказал: «я полагаю, что букет Дементьева может иметь, я разрешаю».

Дементьева с букетом и отправилась по окончании заседания в Петропавловскую крепость.

Букет куплен Волховским с разрешения начальника срочной тюрьмы [2].

(Дело № 115, ч. XIII, л. 134.)

20.

Записка от 28 июля 1871 г.

Судебная палата, открыв свое заседание около часу пополудни, совещалась, согласно требованию прокурорского надзора и защиты, о документах, которые должны быть прочтены в заседании, как вещественные доказательства, и несмотря на то, что сословный суд, заседаю-

---

[1] Нет сомнения, что речь идет о поручике гвардейской артиллерии Бобарыкове, упоминаемом также в другом донесении (рукою Филиппеуса. — *Б. К.*). [2] На полях надпись: «Его величеству угодно было повелеть, чтобы подобное «б о л е е ч е м н е у м е с т н о е» распоряжение г. председателя было бы сообщено г. мин. юстиции. Н. Левашев. 24 июля 1871 г.».

щий в зале палаты, ясно слышал заявления сторон, по выходе суда, вероятно, председателем был послан секретарь палаты к присяжным поверенным с вопросом: вторично объяснить, что им прочитать в заседании.

После этого совещания или перерыва было приступлено к прочтению некоторых писем, и почти в каждом из них упоминалось о III отделении.

Публика присутствует почти та же, с весьма малым изменением, но при этом нельзя не видеть, что кто-то предупреждает ее о распоряжениях правительства.

Успенского жена с своими подругами и ассистентами постоянно посещает зал и сегодня одета в ситцевое платье (белое поле с черными полосами). Муж этой женщины, т. е. Успенский, бывший подсудимый 1-ой категории, приговоренный в каторжные работы на 15 лет, по заявлению Урусова, как присяжного поверенного (его поддерживал при совещании суда предводитель дворянства царскосельского уезда Платонов), вызван в суд в качестве свидетеля на все время производства этого политического дела.

Объявление в окончательной форме судебного приговора будет по окончании производства относительно всех категорий, т. е. по истечении 2-недельного срока по вручении им копий с приговоров, а так как о некоторых лицах будет представлено на высочайшее государя императора благоусмотрение и о всех привилегированных лицах на усмотрение, то объявление приговоров может быть отложено на неопределенное время.

Из важных лиц на суде никого не было.

Пяти агентам были показаны личности, на которых стоит обратить внимание, как имеющих явную связь с делом. Одну из этих личностей я показываю уже третий раз, и никак не могут узнать, кто она такая [1].

И. Щ. [101]).

(Дело № 115, ч. XIII, лл. 247—248.)

21.

Записка от 29 июля 1871 г.

29 сего июля судебная палата открыла свое заседание в час пополудни, и потом г. прокурор произнес обвинительную речь, которую успел изложить относительно всех тридцати трех преступников.

Сегодняшняя речь г. Половцева действительно была обвинительною (в сравнении с речью, сказанною им во время производства дела по первой категории), так как от обвинения из числа 33-х он отказался только от двоих подсудимых.

Публика сегодня немного изменилась: было несколько личностей новых, невольно обративших на себя внимание.

---

[1] На полях рукою Филиппеуса: «О вызове в суд Успенского в качестве свидетеля составить записку с присовокуплением, что в виду значения, какое У. приобрел процессом, а также замеченного обстоятельства, что со времени приговора над ним нигилисты стали носить траур, полезно было бы, если возможно, избегать привода его в суд. 5 августа», и «Записка представлена 8 августа».

Пятерым агентам были показаны личности для приведения в известность как их звания, прозвания, места жительства и источника средств к их содержанию. Но эти указанные личности слишком сделались осторожны, а потому при выходе из здания суда действуют осмотрительно, что ясно доказывает то обстоятельство, что им известно распоряжение следить за ними.

В зале и буфете публика, т. е. родственники подсудимых, поверенные их и знакомые, весело разговаривают между собой, припоминая некоторые выражения из показаний подсудимых, относящиеся к действию III отделения при обыске и арестовании политических преступников.

Во время второго перерыва в 3½ часа в суд прибыл адъютант его императорского высочества Константина Николаевича штабс-ротмистр из греческой народности, и вследствие этого полагали некоторые из числа публики, что прибудет в заседание его императорское высочество Николай Константинович.

Из высокопоставленных особ и важных лиц никого не было.

По окончании заседания сестра подсудимой Беляевой хотела поднести своей сестре букет цветов, но пристав местный, г. Федоров, воспрепятствовал ей исполнить свое желание.

Заседание закрыто в 8 часов вечера, а в 8½ часов все арестованные были выведены со двора суда.

На завтра в 11½ часов назначено заседание для выслушания защиты.

И. Щ.

(Дело № 115, ч. XIII, лл. 127—128.)

22.

Записка от 30 июля 1871 г.

Вчера, 29 июля, во время судебных прений по делу второй категории лиц, обвиняемых в государственном преступлении, прокурор г. Половцев в своей обвинительной речи просил полного снисхождения к подсудимой Беляевой. По закрытии заседания сестра Беляевой поднесла букет цветов защитнику названной подсудимой, помощнику присяжного поверенного Е. И. Утину, который в зале судебных мест старается разыгрывать из себя роль крайнего либерала и влиять на кружок нигилисток, постоянных посетительниц судебной палаты.

Г. Утин во время разгара парижского мятежа [102]) жил во Франции в качестве сотрудника-корреспондента «Вестника Европы». В зале судебной палаты он часто занимает публику рассказами о своих впечатлениях и наблюдениях, вынесенных из путешествия по местам, где лилась кровь жертв революции, при чем г. Утин заявляет полное свое сочувствие к коммуне.

(Дело № 115, ч. XIII, л. 146.)

23.

Записка от 30 июля 1871 г.

30 июля сословный суд открыл свое заседание около часу пополудни. А так как было назначено слово защиты, то и было выслушано шесть присяжных поверенных.

Завтра, кроме производящегося в судебной палате политического дела, будет разбираться в 1-м отделении окружного суда дело о три раза бежавшем (во время разбора его дела) преступнике Баме. Публика соберется в большом количестве.

Из собранных мною сведений: г-жа Свечина продовольствует арестантов. На чей счет — неизвестно, но при этом нельзя не видеть, что она известна председателю палаты г. Любимову.

Князь Урусов и Утин не жалеют своих средств на добавочное содержание арестантов. Эта женщина, т. е. г-жа Свечина, была мною указана Костючу в первый день присылки мне в помощь агентов.

Был в заседании г. Михайлов.

Г-ну Рыдво мною вторично указаны личности, по моему мнению, заслуживающие внимания.

Из важных лиц в заседании никого не было. И. Щ.

(Дело № 115, ч. XIII, лл. 136—137.)

24.

Записка от 4 августа 1871 г.

Нечаевское дело возбудило разнообразные толки даже в среде людей никогда не занимавшихся политикой. Многие из них, замечая из дела, что социальные теории пустили глубокие корни в среде молодого поколения, начинают с заметным недоверием и даже страхом относиться к предстоящей всеобщей воинской повинности. Они не без основания опасаются, что пребывание в армии людей, так ложно понимающих народное благо и так охотно предающихся революционной пропаганде, может весьма вредно повлиять на сельское население и извратить его здравый смысл. Солдаты после шести или осьмилетней службы возвратившиеся в крестьянскую или мещанскую среду, легко могут внести в нее те противообщественные понятия, которые будут привиты им их товарищами из образованного класса. Таким путем социальная и революционная пропаганда проникнет в народ, куда она до сих пор только стремилась, но еще не достигла, и кто знает, к каким пагубным последствиям приведет Россию это распространение возмутительных и антиправительственных учений.

(Дело № 115, ч. XIII, л. 150.)

25.

Записка от 7 августа 1871 г.

Подсудимый первой категории по нечаевскому делу и приговоренный к каторжной работе на 15 лет дворянин Успенский, по заявлению присяжного поверенного князя Урусова, поддержанному предводите-

лем дворянства Платоновым, вызван в судебную палату в качестве свидетеля на все время производства нечаевского дела.

Ввиду значения, какое Успенский приобрел этим процессом в среде известной партии, а также замеченного обстоятельства, что со времени произнесения над ним приговора нигилистки стали носить в виде демонстрации ш а р ф, полезно было бы, если представляется к тому возможность, избежать привода Успенского в суд.

(Дело № 115, ч. XIII, л. 155.)

26.

Из записки от 7 августа 1871 г.

... При объявлении приговора [1] публики было очень много, и она более, чем когда-либо, была подобрана судебными приставами. Особенное внимание обратил на себя судебный пристав Постников своим пристрастием и неправильными действиями; он впускал в залу только своих знакомых или же студентов, даже неприлично одетых, и лиц, на которых ему указывал гвардейской артиллерии поручик Бобарыков, распоряжающийся в судебной палате, как дома. Некоторые студенты были одеты, как чернорабочие, т. е. или в рубашках или в кафтанах.

В проходной зале между приставом Постниковым и полицейскими офицерами произошел спор вследствие того, что последние ему заметили, что [он] поступает неправильно, оставляя в зале места незанятыми и пуская на них затем своих знакомых студентов.

Лица, посланного в палату от III отделения собственной его императорского величества канцелярии, пристав Постников не впустил в залу, несмотря на предъявленный ему пропускной билет за подписью старшего председателя палаты. Пристав отозвался, что этот билет не имеет никакого значения.

(Дело № 115, ч. XIII, лл. 151—154.)

27.

Записка от 11 августа 1871 г.

10 текущего августа с.-петербургская судебная палата открыла свое заседание в 2 ч. 10 м. по полудни.

Председатель объявил, что дело 4-й категории политических преступников рассматриваться не будет и что по этому предмету назначается заседание на 12 августа в $11^1/_2$ часов.

В действительности причина закрытия заседания была та, что суд, распорядившись о привозе одного арестованного подсудимого, забыл вызвать 8 находящихся на свободе, а также свидетелей, необходимых при производстве судебного следствия.

---

[1] В выпущенной нами части этой записки излагается приговор по второй группе подсудимых.

Любимов, желая поправить эту ошибку, ездил к управляющему министерством юстиции просить разрешения пересмотреть и обсудить, вместо 3-й 4-ю категорию, так как в 3-й категории один из подсудимых вследствие болезни не может быть представлен в суд. Эссен согласился на это, и потому суд, открыв 10 числа заседание, отложил начало дела на 12 августа.

Публика 10 числа была немного разнообразна, т. е. было несколько новых личностей.

Молодые люди в грязных рубашках и в серых кафтанах тоже были, как будто бы желали показать себя прибывшими из слоя чернорабочего народа. Были и семь человек из числа освобожденных 6 августа.

(Дело № 115, ч. XIII, лл. 158—159.)

28.

Из записки от 24 августа 1871 г. [1]

Относительно Бобарыковой, Лихушиной и Рослякова можно назвать оправдательный приговор неожиданным.

Бобарыкова ревностно пропагандировала в Петербурге тайное общество; у нее собирались члены общества, от нее они отправлялись на сходки, наконец, она по делам общества ездила в Москву и оттуда должна была поехать в Женеву с шифрованною запискою от Черкезова к Нечаеву. Лихутина была в очень близких отношениях к Нечаеву, знала все его действия и была главою кружка, составленного из ее двух братьев, Ковалевского и Мокриевича.

Наконец, у Рослякова была главная квартира Нечаева, когда он приехал в Петербург с Кузнецовым после убийства Иванова.

(Дело № 115, ч. XIV, т. I, л. 31.)

29.

Записка от 2 сентября 1871 г.

Публика вообще и студенты в особенности чрезвычайно удивлены снисходительностью суда к 5-й категории подсудимых по делу о заговоре; лица, хорошо знающие Петра Топоркова, Кошкина и Долгушина, говорят, что последние после Нечаева, Успенского и Кузнецова более других сознательно стремились к своей цели и вообще более других виновны.

В разных сферах общества слышатся почти одинаковые мнения, которые в сущности сводятся к тому, что в настоящем случае суд своим оправдательным приговором сделал как бы насмешку над правительством. Многие совершенно справедливо говорят, что оскорбивший обыкновенное частное лицо подвергается большею частью нескольким месячному тюремному заключению, тогда как в настоящем случае

[1] В выпущенной нами части этой записки, написанной, повидимому, рукою Филиппеуса, излагается приговор по 3-й группе подсудимых.

подсудимый, обвиняемый в намерении составить общество с целью истребить лиц, приближенных к императору, и, кроме того, признанный судом виновным в дерзком оскорблении государя, подвергается только 2-месячному заключению в смирительном доме, причем суд еще определил ходатайствовать пред государем о совершенном помиловании одного из подсудимых (Кошкина).

(Дело № 115, ч. XIII, лл. 180—181.)

30.

Записка от 7 сентября 1871 г.

Судебное разбирательство по четвертой группе подсудимых представляет некоторые особенности, на которые нельзя не обратить внимания.

Подсудимые этой группы — студент Земледельческого института П. Топорков (20 л.), студент Медицинской академии Кошкин (21 г.), бывший студент Технологического института Долгушин (22 л.), студент Медицинской академии Дудоладов (22 л.) и поручик 3-го Туркестанского линейного батальона Л. Топорков (23 л.) преданы суду по двум обвинительным актам: по первому — в участии в заговоре, образованном с целью ниспровержения правительства во всем государстве, и по второму — в образовании кружка сибиряков с целью отделить Сибирь и уничтожить всю императорскую фамилию и императорскую партию. Обвинение основывалось на личном сознании самих подсудимых и на показаниях свидетелей, особенно Крохалева.

На суде как подсудимые, так и свидетели отказались от прежних своих показаний. Свидетель Крохалев показал, что кружок сибиряков имел целью взаимное вспоможение, и никаких политических целей этого кружка ему неизвестно; также ему неизвестен и устав кружка. О сношениях с Сибирью в кружках не было и речи; свидетель же не вступил в кружок только потому, что имел средства жить отдельно. Аресты студентов в Петербурге не отозвались на кружке ничем особенным.

Ввиду полного противоречия этого показания с данным на предварительном следствии, по требованию прокурора прочитано было первоначальное показание Крохалева, в котором, назвав лиц, составлявших кружок, свидетель передает, что на второй сходке Долгушин прочел устав кружка. «Вот,— показывает свидетель,— те параграфы, которые я помню: 1) основание коммуны могут положить два человека, но это minimum, поэтому каждый из членов должен «вербовать» новых; 2) кто что получает, тот то и должен вносить в общую кассу. Дальше мы узнаем, что цель коммуны не сближение, не помощь бедным студентам сибирякам, не касса и библиотека, а одна цель — предполагаемое отделение Сибири от России. Для достижения этого, в том же уставе говорится, кажется, что Сибирь нужно изучить теоретически с торговлею, произволством, изучить каждую губернию, чтоб все это после применить на деле. Срок сперва был, должно быть, десять лет, а потом Кошкин уменьшил до 3-х. По истечении этого срока один или два человека для пропаганды должны были ехать в Сибирь. Потом же.

если будет нужно, то и остальные должны будут ехать туда для той же цели. Притом, если общество найдет нужным, всякий член обязан оставить то учебное заведение, если он студент, и итти в народ. Также нужно иметь переписку с какими-то кружками Сибири, преимущественно в Томске. О существовании их я не знаю ничего. Помню, что против многих статей этого устава я сделал много возражений, почему и предложили мне, если я не хочу следовать им, убираться. Я это сделал, и после этого ни разу не был на сходках. Только однажды, когда у меня не было денег, я вечером зашел к Дудоладову и хотел попросить у него; но в это время там было человек 10 студентов, и я, не сказав ни слова Дудоладову, потому что было совестно обнаружить себя, ушел. В этот же вечер меня спросили вторично о желании поступить в общество, но я ничего не сказал и показал вид, что не слыхал, причем заговорил, с кем не помню. После этого я ни разу не видал Долгушина, Кошкина и других, кроме Дудоладова, который в одну из суббот опять заходил ко мне и звал на сходку. Приходил он в седьмом часу, в то время, когда я пил чай; я сказал, что иду в немецкий театр; он поверил. При прощании я сказал: кланяйся нашим, подразумевая знакомых мне Долгушина и других; он на это ответил: «ты становишься не нашим, а потому и кланяться нечего». Я сказал: «как знаешь». Он ушел. На другой день я написал ему записку, которая состояла в отречении от предпринятого ими дела, и просил исключить меня из числа членов. Более никого не видел. При этом я должен добавить, что Дудоладов колебался вступить в коммуну, и только, должно быть, крайнее безденежье заставило его вступить. От него же я слышал, что, узнав об арестах, произведенных между студентами, они все упрятали, даже портрет Чернышевского, который, я помню, всегда висел на стене. Что касается до прокламаций, то я их, действительно, видел у Кошкина, который предлагал и мне их прочитать. Но, познакомясь с общим характером их из газет, где были напечатаны главные места из них, я не стал читать.

Раньше я писал, что отказался от общества, но все еще не признавая себя правым перед правительством и перед той средой, которая меня воспитывала и воспитывает, я хотел открыть это дело. Слышал я, что можно это сделать через посредство г. Филиппеуса, для чего и пошел в III экспедицию; это было около Рождества. Я объяснил г. Филиппеусу суть дела, и он, спросив адрес, вместо которого я оставил свой вид на жительство, велел уйти и притти через день. Я был, но, не застав г. Филиппеуса там, ушел домой, и по болезни ноги не приходил до 13 марта. Этого числа я, взяв обратно паспорт, не упомянув о деле, предполагая, что он, г. Филиппеус, помнил сам, ушел. Более ничего не помню».

По прочтении этого показания, свидетель Крохалев объяснил, что он берет среднее между первым и последним показаниями, так как с тех пор прошло много времени, и свидетелю трудно все припомнить. Средина же в его показаниях заключается в том, что он видел что-то, но был ли это устав или нет, — он не знает; что кружок собирался только для взаимной помощи.

Товарищ прокурора заявил, что прочитанное показание свидетеля дано им не в качестве подсудимого, а в качестве свидетеля и написано им собственноручно. Поэтому и ввиду полного противоречия между устным показанием свидетеля и только что прочитанным, товарищ прокурора просил записать в протокол показания Крохалева на суде, в виду возможного привлечения его к ответственности за ложное перед судом показание.

Точно так же противоречие оказалось между показаниями и прочих свидетелей.

Несмотря на отступление свидетелей и подсудимых от первоначальных их показаний, прокурор поддержал прежнее обвинение, так как оно на судебном следствии вовсе не опровергнуто: подсудимые ни против одной из подробностей, приведенных против них, ничего не возражали, а отвечали только молчанием; письменное же показание Крохалева не вызвало никаких опровержений.

Из речей защитников особенно выдалась речь присяжного поверенного Ольхина (бывшего мирового судьи). По его словам, на свидетеля Крохалева нельзя ссылаться, так как сама обвинительная власть настолько не доверяет его показаниям, что просила записать его показания в протокол, с целью возбудить против него преследование по обвинению в ложном показании перед судом. Но которому же из двух показаний, данных Крохалевым, можно более верить? Если можно не доверять одному из этих показаний, то скорее всего можно не доверять первоначальному, принимая в соображение те обстоятельства, при которых оно дано. «Когда человек, вместо того, чтоб итти к судебному следователю или прокурору, выбирает для представления своего доноса тот путь, который выбрал свидетель Крохалев, то, естественно, является подозрение, что это сделано или для того, чтобы самому выйти из неловкого положения, или для того, чтоб получить выгоды, а показанию, данному под влиянием таких побуждений, едва ли возможно доверять».

Судебная палата, «признавая Кошкина виновным в произнесении заочно дерзких и оскорбительных слов против государя императора, без преднамеренного на то умысла (?), а остальных во взведенных на них преступлениях невиновными, — на основании 2 ч. 246 ст., 151, 1 и 2 степеней 37 ст. и 5-го п. 140 ст. Улож. о наказан. и статьи 771 Уст. уголовн. судопроизв., о п р е д е л и л а: Кошкина подвергнуть заключению в смирительном доме на два месяца; но, принимая во внимание долговременное содержание его под стражею и его молодость, ходатайствовать пред его императорским величеством о совершенном его помиловании; Топорковых, Долгушина и Дудоладова признать по суду оправданными».

Приговор этот произвел на зравомыслящую часть публики тяжелое впечатление. Некоторые припоминали, что с год тому назад один отставной военный, обвиненный в оскорблении словом с у д е б н о г о п р и с т а в а, был приговорен к заключению в тюрьму чуть ли не на два года; Кошкин же, признанный виновным в произнесении дерзких и оскорбительных слов против государя императора, приговаривается к заключению в смиритель-

ном доме на два месяца, да и то признается заслуживающим монаршего помилования (?).

«Неужели, — говорят они, — суд правый имеет двое весов, и, милостивый для заговорщиков и государственных преступников, строг и немилосерд для посягающих на его неприкосновенность и величие?».

(Дело № 115, ч. XIII, лл. 275—278.)

31.

Из записки от 11 сентября 1871 г.

Сего 11 сентября в 8 часов вечера судебная палата окончила объявление в окончательной форме приговоров подсудимым по нечаевскому делу.

Определенный законом 2-недельный срок для обжалования в кассационном порядке приговоров будет считаться с завтрашнего дня, т. е. с 12 сентября. По истечении же сказанного срока приговоры, относящиеся к привилегированным лицам, а также к уменьшению меры наказаний и к совершенному помилованию, как вошедшие в законную силу, будут представлены на благоусмотрение государя императора; а потому в настоящую минуту еще нельзя определить время, когда именно таковые будут приведены в исполнение.

Публика сегодня была многочисленна, из которой почти половина состояла из новых личностей.

В числе первой половины было несколько подозрительных личностей, обращавших на себя внимание (об них я говорил в прежних отчетах по настоящему делу).

Из разговоров освобожденных от ответственности бывших подсудимых положительно можно определить, что они намерены выехать из С.-Петербурга, а Бобарыков даже указал на г. Чернигов, куда он хочет отправиться в скором времени...

И. Щ.

(Дело № 115, ч. XIII, лл. 187—188.)

32.

Из записки от 16 декабря 1871 г.

21 декабря имеет быть на Конной площади публичное исполнение приговоров судебной палаты над Успенским, Прыжовым и Кузнецовым. Приговор, как известно, заключается в лишении прав состояния, за которым последует ссылка в Сибирь. Николаев, как несовершеннолетний, приговорен к работам в крепостях и отправлен в Вильну.

Совершение обряда казни может подать повод к какой-нибудь манифестации и, без сомнения, привлечет на место казни всех последователей нигилизма.

(Дело № 115, ч. XX, л. 2.)

33.

Из записки от 21 декабря 1871 г.

Церемония публичного объявления приговоров Успенскому, Прыжову и Кузнецову прошла совершенно спокойно. Народу было довольно много, но большею частью местные торговцы и чернорабочие.

Для обратного следования с площади преступников посадили в тюремный фургон, и тут из толпы отделилось человек 15 нигилистов, которые сопровождали преступников до замка. В числе сопровождавших была сестра Успенского, Надежда; ее несколько времени под руку вел Черкесов.

Непонятный беспорядок был в том, что фургон с тремя преступниками, тюремным сторожем и возницею тащила одна лошаденка, до того плохая, что она раз шесть останавливалась. Около Никольского рынка навстречу привели двух лошадей. Шествие снова остановилось, и стали было перепрягать, но служитель, который привел лошадей, был пьян и начал ссору с кучером фургона. Кончилось тем, что к фургону, не выпрягая первоначальной клячи, прицепили вторую.

Во время остановок провожавшие лица старались подойти к самому фургону; их не допускали городовые, которых собственно для этого поручик Середянкин брал по одному от поста до поста.

(Дело № 115, ч. XX, л. 9.)

Записка И. Арсеньева шефу жандармов.

«НЕЧАЕВСКОЕ ДЕЛО» [103]).

Дело, так называемое «нечаевское», составляет, несомненно, эпоху в жизни народа русского; но оно составляет эпоху не по своему существу (которое, в строгом смысле, не заключает в себе ничего нового), а по нравственному влиянию своему на общественное мнение и в особенности по тому сильному толчку, который дан печатными отчетами по этому делу социально-революционной пропаганде в России.

В настоящую минуту вряд ли найдется местность в нашем обширном отечестве, в которой не читались бы «нечаевские» прокламации в среде невежественных народных масс, которые без всякого сомнения обратят особенное внимание на те места из этих прокламаций, которые толкуют о народных страдах и о виновниках этих страд.

Нужно быть слишком близоруким, чтобы допускать мысль о возможности несочувствия со стороны народа к следующим словам документов, прочитанных на суде и разошедшихся в сотнях тысячах экземпляров по всему пространству России [1].

«Вы будете крепки, друзья, когда очиститесь от этой сволочи, разжиревшей от сытых блюд, составленных из крох, вырванных из мужичьих рук.

[1] Не только столичные газеты, но большая часть губернских ведомостей, перепечатывают из «Прав. Вест.» нечаевское дело. — *Прим. подл.*

Не роскошь и не мишура низменных декораций виднелись нам: перед нами вставали обратные стороны — грязные подмостки театра жизни, на которых мы видели изможденного, забитого мужика, надрывая грудь перетаскивающего кулисы и бессознательно производящего тем те превращения, что вызывают столько удовольствия у блестящей сволочи, рассевшейся на дорогих местах. Тысячи исхудалых, оборванных, обнженных, обворованных приходили нам на память; в них узнаем мы отцов и близких. Мы, дети этих тружеников, видим причины зла; для нас видна, ясна эта темная сила, заманивающая нас к себе на служение выставкой роскоши и блеска.

Продадим ли себя, как было доселе? Развив наши мозги на деньги народа, вскормленные хлебом, забранным с его поля, станем ли попрежнему в ряды его гонителей? — «Нет!»... И пусть именем подлеца будет заклеймен от товарищества каждый, изменивший этому правилу!»

«Нет, не будем больше полагаться на благородство подлейшей в мире администрации».

«Укажем же рабочим врага, растолкуем всем сильным и здоровым рукам, отчего голодают и холодают они, изнемогая над непосильным трудом».

«И гонимый местью царской
И боязнию боярской,
Он пустился на скитанье,
На народное воззванье
Кликнуть клич по всем крестьянам,
От востока до заката
И от Севера до Юга:
Собирайтесь дружным станом,
Станьте смело друг за друга
Отстоять всему народу,
Свою землю и свободу!»

«Мы не можем не признать, что главнейшей причиной бедствия нашего общества служит дурной экономический строй его, допускающий и узаконяющий господство сильного над слабым, богатого над бедным, тунеядства капиталиста над выбивающимся из сил рабочим. Одни работают от раннего утра до поздней ночи и получают за это скудную плату, неспособную подкреплять их и восстанавливать потраченные силы; вместо одежды — у них грязные, жалкие лохмотья; вместо жилища — какая-нибудь отвратительная конура, сырой, смрадный подвал, да и это в тех только счастливых случаях, когда у них есть работа. А что делают в это время другие, — те, от кого зависит их работа, а следовательно, и их существование? — Они отбирают у первых весь продукт труда

их, оставляя им только самое необходимое для поддержания их голодного и холодного существования».

«Но такой порядок не может продолжаться вечно. Народ сознает, что право и сила на его стороне, а тогда победа будет за ним. Этот исход неизбежен. Все дело в том, чтобы по возможности ускорять его, разъясняя народу его силу, необходимость объяснения [1] и восстания».

Этих подстрочных выписок достаточно, чтобы подтвердить высказанную нами выше мысль о том, что крестьяне, читая строки, в которых говорится об их страдах, невольно будут сочувствовать людям, защищающим их интересы и требующим «очищения России от сволочи, разжиревшей от сытых блюд, составленных из крох, вырванных из мужичьих рук».

Но не в одном лишь распубликовании этих документов, читанных на суде, кроется зло, которое произошло и произойдет от публичного разбирательства «Нечаевского дела»; это зло явно обнаруживается и в речах защитников и в речи прокурора, которые облагородили личности подсудимых, произвели их в «мученики за правое дело» и возбудили к ним невольное и весьма естественное сочувствие масс.

Замечательно в особенности то обстоятельство, что правительственные, коронные агенты — суд и прокуратура — ничего не сделали для того, чтобы уменьшить силу доводов в пользу социальной реформы и в ущерб ныне существующего порядка в государстве.

Суд и прокуратура обязаны были озаботиться запастись возможно надежными нравственными силами для борьбы с социальными началами, дабы их не застала врасплох враждебная сила, значение которой суд и прокуратура не имели права не сознавать, а следовательно, и отвергать — т. е. сила адвокатуры. Как можно было суду и прокуратуре допустить в число защитников по политическому процессу Спасовича, Арсеньева и кн. Урусова?

Спасович ярко обрисовал свой характер и цели, в деле Щапова, защищая социалистические теории Луи Блана [104]); Спасович был счастлив, что в залах суда, публично, имел возможность высказать свои политические убеждения и верования.

Спасович принадлежит к числу замечательно даровитых ораторов и к тому же обладает громадными юридическими познаниями. Без преувеличения можно сказать, что в одном Спасовиче больше ума и научных сведений, чем во всем составе суда и прокуратуры.

Можно ли было противопоставить Спасовичу Половцева, речь которого ясно доказывает положительную бездарность и отсутствие юридических познаний. Кроме недостатка логического и системати-

---

[1] Так в подлиннике.

ческого изложения, кроме ни к чему не ведущей болтовни, обнаружившей неспособность Половцева резюмировать и группировать факты, обвинительная речь Половцева допускает поэтическую обрисовку характеров преступников, повидимому с целью возбудить к ним сочувствие публики. Прыжова, напримеp, Половцев произвел в героя-мученика. Вот что прокурор говорит об этом обвиняемом:

«Очевидно, что он человек, который жертвует обществу не только настоящим, но и всею своею будущностью. Прыжов жертвует этому обществу всею своею прошлою жизнью; он человек честный, и все отзываются о нем, как о человеке добром, готовом на всякую услугу, оставлявшем по себе самое лучшее воспоминание. Между тем этот человек труда, честной жизни, хороших отношений, все приносит в жертву обществу, и хотя говорит, что в Нечаеве он видит мальчишку, но оказывается, что и он приносит в жертву обществу все и идет на убийство».

Кажется довольно и этой краткой выписки из длинной до безобразия речи Половцева, чтобы видеть несостоятельность и бездарность ее составителя.

Между тем против такого обвинителя — обязательного защитника правительственных интересов — допускают говорить Спасовича (о котором сказано выше), К. Арсеньева (известного поборника социализма, печатавшего множество статей, в которых сильно порицал действия правительства) и кн. Урусова (который приобрел себе в Москве известность народного трибуна).

Повторяем: при первом гласном и публичном разбирательстве дела политического суд и прокуратура, как коронные агенты, обязаны были распорядиться так, чтобы адвокаты Спасович, Арсеньев и кн. Урусов не принимали на се я защиты обвиняемых и чтобы в качестве обвинителя явилась личность, вполне способная отстоять интересы правительства, которые, в «нечаевском деле» представляли интересы государства.

Переходя затем к суду и принимая в соображение решение, произнесенное по первой группе преступников, нельзя не сознаться, что члены суда заботились, повидимому, о приобретении для себя популярности и вовсе забыли исполнить лежавшую на них обязанность, как на коронных чиновниках.

В делах политических взгляд коронного суда не может быть двусторонен: суд — в особенности в государстве монархическом неограниченном — не может либеральничать; он обязан строго, без милосердия карать людей, имевших целью ниспровергнуть и разрушить существующий порядок в государстве. Как бы ни казались симпатичными личности, участвующие в политическом преступлении, суд не должен оказывать им никакого снисхождения. Суд коронный обязан доказать народу, что лишь одна верховная власть в праве миловать, и это право, эту высокую прерогативу сохранять и

охранять единственно для верховной власти, которая, пользуясь правом помилования, а следовательно, милосердия, в самых широких размерах, приобретает сочувствие к себе народных масс.

К сожалению, все эти начала и истины были отвергнуты при разбирательстве публичном первого политического процесса в России.

25 июля 1871 г.

(Дело № 115, ч. XV, лл. 139—143, подлинник.)

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Показание Ив. Аметистова было дано им в начале августа 1869 г.; на имеющейся в деле III отделения копии этого показания находится отметка, сделанная Филиппеусом и удостоверяющая, что копия показания Ив. Аметистова была получена III отделением 9 августа 1869 г.

[2]) Этим товарищем Ив. Аметистова был В. Ф. Орлов.

[3]) В 1868—1869 гг. студенты Медико-хирургической академии, в отличие от студентов других петербургских высших учебных заведений, еще продолжали пользоваться правом сходок и касс взаимопомощи.

[4]) Ив. Аметистову перед его допросом были показаны прокламации, присылавшиеся Нечаевым из-за границы и в частности его прокламация «Студентам университета, академии и Технологического института в Петербурге».

[5]) Имеется в виду высылка Ив. Аметистова из Петербурга в марте 1869 г. в связи с происходившими в то время студенческими волнениями.

[6]) Дама, о которой говорит Ив. Аметистов, — Е. Х. Томилова; речь идет о найденной у нее при обыске записке В. Ф. Орлова, в которой, между прочим, говорилось: «Все друзья по делу! Вы, которым знакомы имена Нечаева, Ралли, Аметистова и пр., доверьтесь во всем Томиловой и на кого укажет она».

[7]) Из пометки Филиппеуса на показаниях Евл. Аметистова видно, что эти показания были даны им 10 июня 1869 г.

[8]) Об этом письме Евл. Аметистова к Капацинскому см. в нашей статье «Новое о Нечаеве», «Красный архив», т. XIV, стр. 150.

[9]) Подписной лист, о котором говорит Евл. Аметистов, составлялся по инициативе Нечаева на студенческих сходках в январе 1869 г. Лист этот был озаглавлен: «Подпись лиц, учащихся в высших учебных заведениях, протестующих против всех тех условий, в которые они поставлены, и требующих для изменения этих условий право сходок для всех учащихся в высших учебных заведениях вместе. Форма протеста примется по согласию подписавшихся». Всего на этом подписном листе было собрано 97 подписей. (Копия подписного листа в деле III отд., 3 эксп., 1869 г., № 115, ч. XIII, лл. 27—28.) Какими-то путями, выяснить которые на основании известных нам архивных материалов не представляется возможным, подписной лист попал в распоряжение III отделения, что дало повод студентам, давшим свои подписи, подозревать Нечаева в предательстве. III отделение держало подписной лист в числе документов особо секретных. Когда в июне 1871 г. прокурорский надзор обратился в III отделение с просьбой дать копию этого документа, то граф Левашев не только отказал в этом, но написал протест управляющему министерством юстиции, указывая, что документ этот является таковым, «существование которого даже при официальном запросе я сам должен был бы отрицать, не имея права его обнаружить». Поэтому Левашев просил принять меры к тому, чтобы прокуратура даже не упоминала на процессе о существовании этого документа. Соответствующее распоряжение министерством юстиции было сделано (то же дело, лл. 41 и 42). Таким образом ясно, что предположение Сватикова о том, что подписной лист был отобран жандармами при обыске у кого-нибудь из студентов (см. его статью «Студенческое движение 1869 г.» в сборн. «Наша страна», 1907 г., стр. 91), не выдерживает критики. Несомненно, что способ приобретения этого листа III отделением носил более «деликатный» характер.

[10]) Из этого места показания Евл. Аметистова видно, что Нечаева лишь вызывали в полицию для допроса, но аресту не подвергали.

[11]) Евл. Аметистов имел в виду показания, данные им 14 июня 1869 г. В этом показании Аметистов рассказывал о том, как, узнав, что Езерский оказывает денежную поддержку студентам, высланным за участие в студенческих волнениях, он в марте 1869 г. обратился к Езерскому с просьбой о деньгах. Езерского Аметистов нашел на квартире

Ткачева, где, кроме Езерского, присутствовали Корсаков и еще одно неизвестное Аметистову лицо (дело III отд., 3 эксп., 1869 г., № 112, ч. II, л. 122). Этим неизвестным лицом был А. М. Скабичевский, входивший вместе с Ткачевым, Езерским и Корсаковым в комитет, собиравший деньги в пользу высылаемых студентов и распределявший их между ними.

[12]) После исчезновения Нечаева в конце января 1869 г. из Петербурга В. И. Засулич получила по почте записку, гласившую: «Идя по мосту, я встретил карету, в какой возят арестованных; из нее выбросили мне клочек бумаги, и я узнал голос дорогого для меня человека: если вы честный человек, доставьте; это я спешу исполнить и в свою очередь прошу вас, как честных людей, сию минуту уничтожить мою записку, чтобы не узнали меня по почерку. Студент». К этой записке была приложена другая, от Нечаева, писанная карандашом на клочке бумаги, такого содержания: «Меня везут в крепость; не теряйте энергии, друзья-товарищи, хлопочите обо мне! Даст бог — свидимся». См. показания В. И. Засулич на процессе нечаевцев. «Правительственный вестник», 1871 г., № 161.

[13]) Речь идет о двух записках Орлова, найденных у Томиловой. Текст этих записок можно найти в стенографическом отчете по процессу нечаевцев и в вышеназванной статье С. Сватикова, стр. 211; сравни выше примечание 6.

[14]) Как и Ивану Аметистову, его брату перед допросом были показаны заграничные прокламации Нечаева.

[15]) В пакете Ешшерлова были составленные им рукописные прокламации с описанием хода студенческих волнений и причин, их вызвавших. Об этих прокламациях см. в вышеуказанной статье С. Сватикова, стр. 205—207.

[16]) Для расследования нечаевского дела III отделением показания З. Ралли имели весьма большое значение. До этих показаний в руках жандармов были лишь письма, присланные Нечаевым Томиловой из-за границы и записки Орлова, найденные у Томиловой при обыске. Содержание этих документов не отличалось большой ясностью. Если в них и говорилось о каком-то «деле», то у III отделения не было ясного представления о каком «деле» идет речь. Уклончивые показания Томиловой и других арестованных нисколько не разъясняли недоумения чиновников III отделения. Только из показаний Ралли III отделение узнало о попытках Нечаева и Орлова организовать тайное общество, о причастности к этому делу Ткачева, о руководящей роли Нечаева в студенческом движении, о посылке петербургскими студентами делегатов в другие университетские города и т. д. Естественно, что при таких условиях III отделение рассматривало показания Ралли, как вполне откровенные. В записке III отделения от 6 марта 1870 г. (дело 1869 г., № 112, ч. IV, лл. 256—261) мы читаем: «Из лиц, привлеченных к дознанию по делу Томиловой, Орлова и др., Ралли один с самого начала дал вполне правдивые показания, не только не опровергнутые другими показаниями, но послужившие к уличению некоторых менее искренних лиц... В искренности Ралли нет причины сомневаться, и он удостоверяет, что, если бы он тогда мог предвидеть последствия козней, выдвигавших вперед университетскую молодежь, то он счел бы своею обязанностью о том донести. Ралли лично представляется честным и неиспорченным молодым человеком и изъявляет непритворное раскаяние в том участии, которое он принял в студенческих беспорядках». Однако III отделение несомненно преувеличивало «искренность» Ралли. Сопоставление его показаний с опубликованными в 1906 г. его воспоминаниями («С. Г. Нечаев. Из моих воспоминаний», «Былое», 1906 г., № 7) убеждает, что Ралли при допросах в III отделении рассказал далеко не все, что было ему известно о Нечаеве, его товарищах по революционной работе и об их планах.

[17]) «Отщепенцы» — книга, изданная в 1865 г. сотрудником «Русского слова» Н. В. Соколовым и тогда же конфискованная правительством. Книга эта была написана Соколовым совместно с другим сотрудником «Русского слова», В. А. Зайцевым. «Народное дело», журнал, начавший выходить в 1868 г. в Женеве. № 1 этого журнала был составлен при ближайшем участии М. А. Бакунина; со 2-го номера «Народное дело» перешло в руки Н. И. Утина.

[17а]) Этим товарищем Чубарова был, повидимому, С. И. Серебренников.

[18]) Под уличными демонстрациями студентов 1861 г. Ралли подразумевает демонстративные шествия, устроенные во время студенческих волнений петербургскими студентами к квартире попечителя учебного округа Филиппсона и московскими студентами 12 октября к дому московского генерал-губернатора.

[19]) Ралли имеет в виду прокламации Ешшерлова, о которых сказано выше, в примечании 15.

[20]) Под «делом москвичей» Ралли подразумевает убийство студента Иванова; под «программой Нечаева» — повидимому, «программу революционных действий» (опубли-

кованную в № 163 «Правительственного вестника» за 1871 г. и перепечатанную в «Историко-революционной хрестоматии», изданной «Новой Москвой» в 1923 г.).

[21]) Имеются в виду упомянутые выше записки Орлова, найденные при обыске у Томиловой.

[22]) Ралли говорит о той же «программе революционных действий», о которой упомянуто выше; как известно, она была найдена жандармами при обыске, произведенном в Москве у Ф. В. Волховского.

[23]) Езерский имеет в виду университетский устав 1863 г., которым подтверждались все ограничения и запрещения, установленные для студентов в 1861 г. и послужившие поводом для студенческих волнений, охвативших в 1861 г. большинство университетов; студенты были лишены права сходок, касс взаимопомощи, петиций и иных проявлений корпоративного устройства.

[24]) 8 февраля 1869 г. происходило торжественное празднование пятидесятилетия Петербургского университета.

[25]) Ко дню юбилея Александр II назначил петербургским студентам 100 стипендий; распределение их производилось университетским начальством и вызвало резкие пререкания со стороны студентов.

[26]) Студент Надуткин был уволен из Медико-хирургической академии в начале марта 1869 г. из-за столкновения с секретарем конференции академии проф. Рудневым, который, утратив экзаменационный лист Надуткина, не только не извинился перед студентом, но и наговорил ему дерзостей. В виде протеста Надуткин подал прошение об увольнении из академии, и конференция, не входя в разбор дела, приняла его. Этот эпизод вызвал сильное возбуждение среди студентов. Среди них с 6 марта начались бурные сходки. В ночь на 14 марта среди студентов-медиков были произведены аресты. В тот же день академия была закрыта.

[27]) 20 марта на сходку студентов университета явился ректор. Езерский от имени всех студентов объяснил ректору, что студенты добиваются разрешения устраивать сходки, библиотеку, кассу взаимопомощи, признания выбираемых ими депутатов для участия в распределении стипендий и пособий и уничтожения стеснительной и оскорбительной для них опеки университетского начальства. При этом Езерский подал ректору прошение, в котором были изложены все пожелания студентов.

[28]) 21 марта состоялся университетский суд, которым студенты Езерский, Тельман, Зарапов, Киппани и Шраг были исключены из университета.

[29]) Показания Н. Пирамидова, как и следующие за ними показания В. Смирнова, отчасти касались так называемой «Полунинской истории», разыгравшейся в московском университете в конце октября 1869 г. В кратце сущность этой истории сводилась к следующему: за отъездом за границу проф. Захарьина чтение его курса на 4 курсе медицинского факультета было поручено проф. Полунину. Студенты, найдя, что проф. Полунин проявляет недостаточное знакомство с предметом, читать который он взялся, отказались, несмотря на увещания ректора слушать его лекции. 25 октября совет университета постановил сделать студентам выговор и предупредить, что если они не явятся на лекции к 29 октября, то курс будет закрыт. 29 октября на лекцию Полунина явилось всего 6 студентов. В тот же день совет университета постановил исключить из университета 9 студентов без права поступления в другие высшие учебные заведения: Лыткина на 3 года, фондер-Эльсница, Гольштейна, Бутурлина и Смирнова на 2 г., Озерова, Пирамидова, Глаголева и Иванова на 1 г., — 11 студентов с правом поступления в другие учебные заведения. Студенты Лыткин, Бутурлин, Смирнов, Эльсниц и Гольштейн были, кроме того, высланы из Москвы.

[30]) Этого показания Пирамидова нам найти не удалось.

[31]) Повидимому, Пирамидов имеет в виду рекомендательное письмо к Прыжову, которое дал студентам, исключенным за «Полунинскую историю» А. Г. Орфано, рекомендовавший им обратиться к Прыжову, как к человеку, могущему оказать им содействие в сборе денег в пользу нуждающихся студентов.

[32]) О столкновении студентов с ректором см. ниже, в показаниях Смирнова.

[33]) Записной книжки Смирнова в делах III отделения не сохранилось.

[34]) Первоначального показания Смирнова не сохранилось.

[35]) Повидимому, девушкой, о которой говорит Смирнов, была Е. Беляева.

[36]) Сенатор, допрашивавший Смирнова, — сенатор Чемадуров.

[37]) Прокламация «От сплотившихся к разрозненным», выпущенная Нечаевым в связи с «Полунинской историей», напечатана в № 162 «Правительственного вестника» за 1871 год.

[38]) Смирнов имеет в виду написанную П. Н. Ткачевым прокламацию «К обществу». Эта прокламация напечатана в № 162 «Правительственного Вестника» за 1871 г.

[39]) Стихотворение Огарева «Студент», выпущенное в 1869 г. в виде отдельного листка, перепечатано в № 163 «Правительственного вестника» за 1871 г.

[40]) Этого заявления Прыжова, как и других упомянутых им в показании, не сохранилось.

[41]) Речь идет о типографском шрифте, привезенном 2 мая 1869 г. Л. Н. Колачевской из Петербурга в Москву и тогда же зарытом ею в Филях под Москвою. См. А. И. Успенская, Воспоминания шестидесятницы, «Былое», 1922 г., № 18, стр. 29.

[42]) «До громады» — прокламация на украинском языке, изданная Нечаевым в Женеве в начале 1870 г.; перепечатана в № 2 «Колокола» за 1870 г.

[43]) Этой «книжкой» был знаменитый «революционный катехизис» Бакунина.

[44]) Отношения между Нечаевым и Негрескулом выясняются напечатанными ниже показаниями Негрескула и его письмом к Успенскому.

[45]) Имеется в виду обманное взятие векселя В. Лихутиным с Колачевского; об этом см. ниже показания И. Лихутина.

[46]) До 1867 г. Прыжов служил в гражданской палате.

[47]) «Малороссия (Южная Русь) в истории ее литературы с XI по XVIII век». Воронеж, 1869 г. (Оттиск из «Филологических записок»). В библиотеке имени В. И. Ленина в Москве имеется экземпляр этой брошюры, поднесенный автором К. Т. Солдатенкову. На обложке этого экземпляра рукою Прыжова сделано следующее примечание, относящееся к тому месту брошюры, где говорится о митрополите Дмитрии Ростовском: «Примечание к 35 странице: Вся книга исковеркана цензурой и, между прочим, на указанной странице выкинуто: «дикий раскол, скрывшийся в Брынских лесах и променявший свой протест против московских насилий на антихриста, на табачное зелье, выросшее из блудницы, и тому подобные суеверия. Все это никогда не знала Южная Русь: все это подарено расколу матушкой Москвой». — «Prawda» — украинофильский журнал, выходивший во Львове в 1867—1880 гг.

[48]) Предшествовавшие показания А. К. Кузнецова не сохранились.

[49]) Организованное Нечаевым в Москве тайное общество «Народная Расправа» имело следующее строение: центральный или «основной» кружок, каждый член которого должен был организовать вокруг себя кружок 1-й ступени; члены кружка 1-й ступени организовывали каждый по кружку 2-й ступени и т. д.

[50]) В ноябре 1869 г., когда был произведен обыск в библиотеке Черкесова в Москве, и П. Г. Успенский подвергся аресту, А. И. Успенская, как уже было указано выше, осталась под домашним арестом ввиду того, что она находилась на последнем месяце беременности.

[51]) Это были прокламации «Русскому дворянству».

[52]) Так Риман по ошибке назвал прокламацию «От сплотившихся к развращенным», о которой сказано выше.

[53]) Этого заявления Прокопенко не сохранилось.

[54]) «Верещагинская сыроварня» — артельные сыроварни, организованные Н. В. Верещагиным в Тверской и др. губерниях во 2-й половине 60-х годов.

[55]) Весной и летом 1869 г. Нечаев, находясь за границей, рассылал вместе с Бакунины свои прокламации; часть их была им адресована его бывшим знакомым по Иваново-Вознесенску и др. местностям Владимирской губ., не причастным к революционному движению. Это послужило поводом для жандармов к обыскам у этих лиц и к арестам их.

[56]) Не «Кольденберг», а Лазарь Гольденберг-Гетройтман.

[57]) Сестра Успенского — Надежда Гавриловна Успенская, была арестована 14 апреля 1869 г. после обыска, во время которого была обнаружена нелегальная литература. Успенская была освобождена в феврале 1870 г.

[58]) Негрескул имеет в виду записную книжку Нечаева, которую бр. Лихутины передали Колачевскому перед тем, как инсценировать его арест и, воспользовавшись его замешательством, вынудить его подписать вексель на 6 тысяч рублей.

[59]) При аресте Александровской при возвращении ее в Россию из-за границы у нее были найдены, между прочим, пакеты с прокламациями, адресованные на имя М. А. Натансона и В. М. Александрова.

[60]) Александров имеет в виду историю с векселем, взятым у Колачевского.

[61]) Ни начала, ни конца этого показания В. В. Александровской в деле не сохранилось. Показание это было дано Александровской вскоре после ее ареста.

[62]) В настоящем показании Александровская называет Элпидиным Нечаева. По ее словам, Нечаев, явившись к ней в 1869 г. в Туле, отрекомендовался Элпидиным. Если верить Александровской, то настоящую фамилию Нечаева она узнала только после ареста, когда в III отделении ей разъяснили, что человек, с которым она поехала за границу, был не Элпидиным, а Нечаевым.

[63]) Приведенные нами два заявления Ешиверова написаны им: первое после того, как жандармы познакомили его с прокламациями, которые Нечаев из-за границы рассылал своим знакомым в России, а второе после того, как жандармы осведомили его об убийстве Иванова.

[64]) Письмо Н. С. Долгова к А. О. Худыковскому было написано в конце октября или начале ноября 1869 г. в связи с разыгравшейся в Московском университете «полушинской историей». При допросе Долгов показал, что им была получена «бланка» тайного общества «Народная расправа», к которому он принадлежал, с предписанием сообщить в другие университеты, что московские студенты, не ограничиваясь чисто академическими вопросами, ставят себе задачи политические. Во исполнение этого предписания, Долговым и было написано письмо к Худыковскому. Письмо это на почте подверглось перлюстрации.

[65]) Письмо М. Ф. Негрескула к П. Г. Успенскому было написано в конце октября или, вернее, в начале ноября 1869 г. Поводом для написания этого письма послужило посещение Негрескула в конце октября Скипским, приехавшим из Москвы с письмами от Успенского, Прокопенко и Кузнецова. Успенский и Прокопенко в своих письмах обращались к Негрескулу с просьбой о выдаче им денег, которые он, будто бы, обещал Прокопенко. Негрескул заявил Скипскому, что никаких денег не обещал; по рублей 100 достать может (д. уголов. отдел. департ. министр. юстиции 1873 г., № 42, ч. IV, лл. 1—2). «Enfant terrible», о котором говорится в письме, — С. Г. Нечаев. Еще летом 1869 г., когда Негрескул был за границей, между ним и Нечаевым произошло столкновение, вызванное тем, что Негрескул опровергал распространяемые Нечаевым среди эмигрантов слухи о том, что он подвергся в России аресту и избиению и бежал из Петропавловской крепости.

[66]) Негрескул рассказывал Скипскому, что Нечаев, посетив его в 1869 г., обратился с просьбой достать ему какое-нибудь платье. Негрескул дал Нечаеву свою одежду с тем условием, чтобы Нечаев на следующий день возвратил ее. Нечаев этого обещания не сдержал, а позднее Негрескул узнал, что Нечаев оставил какую-то одежду у Колачевского. Оказалось, что это была одежда самого Нечаева, а не полученная им от Негрескула. Последний в этом посещении Нечаева усмотрел его желание скомпрометировать Негрескула и Колачевского в глазах правительства и сообщил Нечаеву, что не желает иметь с ним никакого дела. Когда Скипский по возвращении в Москву передал этот рассказ Негрескула Успенскому и Кузнецову, то первый из них сказал: «Охота же вам верить Негрескулу: он — известный лжец», а второй: «Негрескул — известный негодяй, желавший быть генералом и не попавший в эту должность» (д. угол. отдел. департ. министр. юстиции 1873 г., № 42, ч. IV, лл. 2—4).

[67]) Письма Е. Н. Лихутиной к П. И. Бокову и К. К. Арсеньеву были написаны ею во время производившегося у нее обыска в ночь на 24 февраля 1870 г. Оба эти письма были представлены хозяйкой квартиры, в которой жила Лихутина, производившему обыск участковому приставу.

[68]) Письмо Нечаева вместе с конвертом было препровождено 14 апреля 1870 г. в III отделение министром внутренних дел, получившим его от владимирского губернатора. На конверте надпись: «Russland, Wladimir. Вознесенский посад во Владимирской губернии, Милостивой Государыне Фетинье Геннадиевне Постниковой. На Часовенной улице, в собственном доме — в селе» и почтовые штемпеля: 1) «Berlin, 15, 4, 70»; 2) «Москва, 7 апр. 1870 г.» и 3) «Вознесенск, 9 апр. 1870». В деле III отделения имеется записка Филиппеуса: «Письмо к Постниковой и без сомнения писано Нечаевым, только не из Лондона. 15 апреля 1870 года» (д. 1869 г., № 115, ч. VI, л. 206).

[69]) Письмо Ф. В. Волховского было перехвачено администрацией Петропавловской крепости, где в то время содержался Волховский.

[70]) «Наденька» — П. Г. Успенская.

[71]) «На высоте» — роман Ауэрбаха.

[72]) У А. И. Успенской в декабре 1869 г. родился сын.

[73]) «Кат. Ив.» — Е. И. Засулич.

[74]) Письмо Антоновой, перехваченное тюремной администрацией, воспроизводится по подлиннику. Судя по содержанию письма, оно было написано в конце сентября или в начале октября 1869 г.

[75]) Очевидно, Антонова имеет в виду тетради с описанием студенческих волнений 1868—1869 гг. в Петербурге, взятые 15 апреля 1869 г. при обыске на квартире, где Антонова жила вместе с Н. Г. Успенской.

[76]) «Людка» — возможно, Л. Колачевская. «М. Конст.» — повидимому, М. К. Крылова.

[77]) Письмо Черкезова, перехваченное тюремной администрацией в 1870 г., печатается с подлинника.

[78]) Письма Колачевского и Волховского к Ковалевскому и Ковалевского к Колачевскому и Волховскому были отобраны 10 августа 1870 г. у содержавшегося в срочной тюрьме Ковалевского жандармским унтер-офицером Захаровым. Представляя эти письма управляющему III отделением Мезенцову, Филиппеус 14 августа писал: «Из них видно, что арестованные довольно легко сносятся между собой не только в тюрьме, но и в крепости, что они получают без всякого контроля газеты и книги (напр. Флеровского и Щапова — хорошее чтение для политических арестантов!) и, наконец, что следствие в некоторых отношениях не раскрыло истины» (дело 1869 г., № 115, ч. XII, л. 146). 18 августа подлинники писем, по распоряжению гр. Шувалова, были препровождены министру юстиции. Мы приводим эти письма по копиям, оставленным в деле III отделения.

[79]) Первый раз Колачевский был арестован в 1866 г., второй — 13 апреля 1869 г. на квартире Томиловых, куда он пришел во время производившегося там обыска, и третий раз — 5 декабря того же года. Под «особым делом, не имеющим никакого отношения к нечаевской истории», Колачевский подразумевал дело Кунтушева, сообщившего при допросе, что Колачевский снабжал деньгами кружок Воскресенского и Сергиевского и обещал дать деньги на освобождение Чернышевского.

[80]) В № 211 «С.-петербургских ведомостей» от 8 августа 1870 г. была помещена следующая заметка: «В «Моск. ведом.» пишут из Петербурга, что следствие, производившееся по известному делу об убийстве из-за политических целей студента Петровской земледельческой академии Иванова, дало удовлетворительные результаты в том отношении, что выяснило в подробности ничтожество той среды, из которой Нечаев подбирал себе сообщников и — прибавим от себя — вероятно и ничтожество самого дела во всем том, что не касается убийства».

[81]) «Démocratie socialiste. — Programme de l'Alliance international de la Démocratie socialiste», листок, отпечатанный в типографии Чернецкого и рассылавшийся Нечаевым и Бакуниным весной и летом 1869 г. из-за границы. Один экземпляр этого листка был отобран при обыске у Святского.

[82]) «Из мрака к свету» — ром. Фр. Шпильгагена.

[83]) Ковалевский имеет в виду «Положение рабочего класса в России» Флеровского, изданное в 1869 г. Н. Поляковым, распространявшим эту книгу по соглашению с кружком чайковцев по пониженной цене.

[84]) Сочинения Берне и Щапова также распространялись кружком чайковцев.

[85]) «П. Л.» — возможно «Исторические письма» П. Л. Лаврова, вышедшие отдельным изданием в 1870 г. под псевдонимом «Миртов».

[86]) Письмо Бобарыковой написано перед отправкой П. Г. Успенского из Петербурга на каторгу. Если принять во внимание, что Успенский был отправлен из Петербурга 10 января 1872 г., то письмо Бобарыковой нужно отнести к началу января этого года. Письмо это воспроизводится по подлиннику, отобранному при обыске, произведенном в 1873 г. у А. И. Успенской.

[87]) «Ваша сестра» — Н. Г. Успенская.

[88]) Письмо это попало в руки властей вследствие перлюстрации. Воспроизводится по копии.

[89]) Имеется в виду отец С. Г. Нечаева.

[90]) Имеется в виду опубликованное в русской прессе сообщение об аресте Нечаева и о выдаче его швейцарским правительством русскому.

[91]) «Искра» — сатирический еженедельник, издававшийся В. С. Курочкиным в 1859—1873 гг.

[92]) Впоследствии это решение было изменено, и на процесс нечаевцев не были допущены стенографы, за исключением работавших на «Правительственный вестник».

[93]) Соответствующая тому часть объяснений П. Г. Успенского была вычеркнута министром юстиции из стенографического отчета, предназначенного для напечатания в «Правительственном вестнике».

[94]) Слухи о том, что Каракозов подвергался пытке, были в свое время весьма распространены, но не находят себе подтверждения в дошедших до нас материалах.

[95]) «Шурин Ткачева» — Н. Ф. Анненский.

[96]) Этого хронологического отчета мы не воспроизводим ввиду того, что он не дает ничего нового по сравнению с стенографическим отчетом.

[97]) Ткачев имел в виду А. Дементьеву, фиктивный брак которой с Н. Н. Николаевым он пытался осуществить в начале 1869 г., и А. Евреиновну, письма которой к Ткачеву с просьбой устроить ей фиктивный брак были найдены при обыске у Ткачева.

[98]) «Исповедь революционера» — «катехизис», составленный Бакуниным.

[99]) «Граф Николай Васильевич» — граф Н. В. Левашев.

[100]) В ответном отношении от 6 сентября 1871 г. помощник обер-полицмейстера писал:

«Вследствие отношения вашего превосходительства от 16 июля за № 1156, имею честь уведомить, что из донесения полицмейстера 2 отделения, пристава 4 участка Литейной части и двух рапортов судебных приставов, препровожденных ко мне при отзыве председателя с.-петербургской судебной палаты от 16 августа за № 3282, не видно того, чтобы бывший студент с.-петербургского университета Иван Баталин выдавал себя за агента тайной полиции и дозволял себе во всеуслышание с запальчивостью называться посланным от графа Шувалова» (дело № 115, ч. XIII, л. 185).

[101]) Установить личность агента III отделения, скрывавшегося под инициалами «И. Щ.», имеющиеся материалы не дают возможности.

[102]) «Парижский мятеж» — Парижская коммуна 1871 г.

[103]) Эта записка не имеет подписи автора, но она сопровождается следующей запиской: «Позволяю себе представить вашему сиятельству несколько строк по поводу «Нечаевского дела», которое составляет в настоящую минуту предмет общественных толков и рассуждений. 26 июля 71 г. И. Арсеньев».

[104]) Спасович выступал защитником по делу П. В. Шапова, обвинявшегося в издании книги Луи Блана «Письма об Англии». Дело это слушалось 22 авг. 1869 г. в Петербургской судебной палате, которая Шапова оправдала и наложенный на изданную им книгу арест сняла. Речь Спасовича по этому делу и подробный отчет о нем дан в «Материалах для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати» (т. III, отд. I, СПБ 1870 г., стр. 439).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Аветисов, Петр, из духовного звания, кандидат прав. В 1870 г. привлекался по нечаевскому делу. По недостатку улик в мае 1871 г. следствие прекращено 39, 40, 106, 115.

Аврамов, Николай Иванович, дворянин Пензенской губ., родился около 1846 г., студент Петровской академии; 5 декабря 1869 г. арестован по нечаевскому делу. В мае 1871 г. следствие по недостатку улик прекращено 20, 40.

Азмидов, Евгений, студент Петровской академии в Москве 83.

Азмидов, Николай, студент Петровской академии в Москве 83.

Александров, студент Петровской академии в Москве 83.

Александров, Василий Максимович, дворянин, родился около 1849 г., окончил гимназию в Тифлисе, в 1868 г. поступил в Медико-хирургическую академию. В 1869 г. организовал вместе с М. А. Натансоном «Вульфовскую коммуну», впоследствии развившуюся в кружок чайковцев. 21 января 1870 г. арестован по нечаевскому делу. 4 февраля того же года освобожден. Следствие прекращено по недостатку улик. В декабре того же года подвергся аресту по делу о сходке в Земледельческом институте. Вскоре освобожденный эмигрировал за границу, где до 1873 г. заведывал типографией кружка чайковцев 7, 47, 135—137, 192.

Александровская, Варвара Владимировна (урожд. Чирикова), дочь подпоручика, помещика Тульской губ., жена коллежского советника, чиновника Кронштадтской таможни, акушерка, родилась около 1833 г. Арестована 8 мая 1862 г. в Петербурге по подозрению в распространении воззваний и революционной пропаганде в воскресных школах и высочайше утвержденной след. комиссией приговорена к 3 месяцам заключения в смирительном доме и высылке в Тульскую губ. под строгий надзор полиции. После покушения Каракозова выразила раскаяние и готовность содействовать правительству в борьбе с революционным движением. В 1867 г. получила разрешение вернуться в Петербург. В декабре 1869 г. вместе с Нечаевым выехала за границу. 11 января 1870 г. была арестована на границе в Вержболове при возвращении в Россию с большим количеством прокламаций. 23 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой приговорена к лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение. Жила в Ачинском округе, Енисейской губ., где в 1873 г. вышла замуж за ссыльного Богемского 7, 12, 18, 20, 25, 28, 34, 41, 42, 45, 47, 106, 135—142, 192, 193.

Алексеев, Арсений Петрович, сын священника, родился около 1847 г., окончил Тверскую духовную семинарию. Привлекался в 1869 г. по нечаевскому делу. 25 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой оправдан 24, 40, 41.

Аметистов, Евлампий Васильевич, сын священника, родился около 1850 г., окончил Владимирскую духовную семинарию. В 1868—1869 гг., состоя студентом Медико-хирургической академии в Петербурге, принимал деятельное участие в студенческих волнениях. В конце апреля 1869 г. арестован в Славянске и привлечен по нечаевскому делу. В мае 1871 г. следствие по недостатку улик прекращено. Жил в Изюме под надзором полиции. В 1872 г. надзор снят 7, 32, 33, 60—70, 72, 73, 77, 78, 83, 130, 189, 190.

Аметистов, Иван Васильевич, сын священника, брат Е. В. Аметистова, родился около 1845 г., окончил Владимирскую духовную семинарию. В 1868—1869 гг., состоя студентом Петербургского университета, принимал участие в студенческих волнениях, за что 28 марта 1869 г. выслан из Петербурга. В конце апреля того же года арестован в Славянске и привлечен по нечаевскому делу. В мае 1871 г. следствие по недостатку улик прекращено. Жил в Изюме под надзором полиции. В 1872 г. надзор снят 7, 33, 57—60, 79, 189, 190.

Амосов, знакомый В. Ф. Орлова 80.
Андреев, студент Петербургского университета 87.
Анисимов, Егор — фамилия, под которой в конце 1869 г. жил в Москве П. Н. Николаев.
Аптекский, Николай Федорович (1843—1912), известный публицист, экономист и статистик. 30 ноября 1869 г. арестован в связи с нечаевским делом. 3 февраля 1870 г. освобожден 164, 195.
Антонова, Мария Осиповна, впоследствии по мужу Волховская, московская мещанка, незаконнорожденная, родилась около 1848 г. 13 апреля 1869 г. арестована в Петербурге на квартире Томиловых. 17 апреля освобождена. Вскоре арестована в Москве. 12 января 1870 г. освобождена. Следствие прекращено по недостатку улик. Выйдя замуж в 1871 г. за Ф. В. Волховского, жила вместе с ним в Одессе и принимала участие в местном отделении кружка чайковцев. После разгрома этого кружка в 1874 г. эмигрировала за границу, где и умерла в 1877 г. 7, 33, 50, 66, 69, 148, 149, 162, 164, 193.
Арванитаки, знакомый В. М. Александрова 136.
Арсеньев, Илья Александрович (1820—1887), журналист, агент III отделения 7, 184—188.
Арсеньев, Константин Константинович (1837—1918), публицист и критик, присяжный поверенный, выступавший защитником по делу нечаевцев 146, 158, 159, 186, 187, 195.
Артус, конспиративная кличка П. Михайлова.
Ауэрбах, Бертольд (1812 — 1882), известный немецкий беллетрист, автор романов «Дача на Рейне», «На высоте» и другие 147, 193.

Баженов — прокурор петербургского окружного суда 154.
Бакунин, Михаил Александрович (1814—1876) 5, 28, 43, 132, 133, 190 192, 194.
Балинский, Иван Михайлович (1827—1902), известный психиатр 156.
Баме, уголовный преступник, судившийся в 1871 г. в петербургском окружном суде 177.
Баранов 155.
Баранов, граф, Николай Трофимович (1809—1883), генерал-адъютант 164.
Баршев, Сергей Иванович (1808—1882), криминалист, ректор Московского университета с 1863 по 1870 г. 92, 98.
Баснин, Сергей Васильевич, потомственный почетный гражданин, уроженец Иркутской губ., родился около 1848 г. Был студентом Московского и Петербургского университетов, а затем Земледельческого института в Петербурге. В феврале и марте 1869 г. принимал участие в студенческих волнениях и ездил в качестве делегата от петербургских студентов к харьковским. В конце 1869 г. привлечен по нечаевскому делу. В конце 1870 г. по делу о студенческих собраниях в Земледельческом институте высочайше учрежденной следственной комиссией предназначен к высылке на родину по окончании нечаевского дела. В мае 1871 г. преследование по нечаевскому делу прекращено за недостатком улик 34, 64, 74, 105.
Басов, Василий Александрович (1812—1879), профессор Московского университета, хирург 98.
Баталин, Иван, бывший студент Петербургского университета, агент секретного отделения при канцелярии петербургского обер-полицмейстера 170, 171, 195.
Бек, Сергей Петрович, дворянин, родился около 1846 г. Окончивши кадетский корпус в Новгороде, поступил в Земледельческий институт в Петербурге. Входил в кружок Старицына. 2 января 1870 г. арестован по нечаевскому делу. 25 января освобожден на поруки. В мае 1871 г. преследование прекращено по недостатку улик 34, 106.
Белков, Александр Васильевич, конспиративная фамилия Н. Н. Николаева. Белявский 106.
Беляева, Елизавета Ивановна, мещанка г. Калуги, родилась около 1843 г., в 1869 г. состояла членом «Народной расправы». После обыска 26 ноября 1869 г. оставлена под домашним арестом, а 24 декабря арестована. 6 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой приговорена к 2 месяцам тюрьмы и строгому надзору на 5 лет. По освобождении из тюрьмы жила в Москве, Орле, Судаке, а с ноября 1872 г. в Харькове, где поступила на акушерские курсы. В 1876 г. освобождена от надзора 12, 19, 20, 176, 191.
Березовский, Антон Иосифович, польский революционер. В 1867 г. совершил покушение на жизнь Александра II в Париже 34.
Березовский, Михаил Михайлович, дворянин, родился около 1848 г. По окончании 2-й гимназии в Петербурге поступил в Технологический институт. В 1869 г. принадлежал к кружку Старицына. 21 декабря 1869 г. арестован по

печаевскому делу. В мае 1871 г. за недостатком улик судебное преследование прекращено 34.
Берне, Людвиг (1786—1837), знаменитый немецкий публицист 156, 194.
Берсенев, конспиративная фамилия В. А. Черкезова.
Билибин, Иван Иванович, губернский секретарь, дворянин, сын статского советника, родился около 1841 г. Окончил 2-ю Спб. гимназию и Спб. университет, служил в книжном магазине Черкесова. В 1866 г. подвергнут обыску в связи с делом Каракозова. С 1866 по 1869 г. чиновник Государственного банка. 30 ноября 1869 г. арестован по печаевскому делу. 12 февраля 1870 г. освобожден на поруки. В мае 1871 г. судебное преследование прекращено по недостатку улик. В 1876 и 1879 гг. подозревался «в сношениях с пропагандистами и хранении их кассы» 44, 45.
Бирк, Рейнгольд Андреевич, сын железнодорожного машиниста, мещанин г. Риги, родился около 1847 г. Был студентом Технологического института. Участвовал в студенческих волнениях 1869 г., 27 декабря того же года арестован по нечаевскому делу. 26 мая 1870 г. освобожден с учреждением строгого надзора. По недостатку улик в мае 1871 г. следствие прекращено. Жил в Твери, где в 1872 г. был помощником редактора «Тверских губернских ведомостей». В том же году привлекался по делу Ржевской технической школы 44, 63, 77, 105.
Блан, Луи (1811—1882), известный французский социалист 53, 186, 195.
Блюменфельд, студент в Петербурге 83.
Бобарыков, Иван Иванович, поручик лейб-гв. конной артиллерии, родился в 1844 г. Окончил Павловский кадетский корпус и артиллерийское училище. 12 января 1870 г. арестован по печаевскому делу. В мае 1871 г. преследование прекращено по недостатку улик с учреждением надзора. В марте 1874 г. освобожден от надзора 45—47, 173, 174, 178, 183.
Бобарыкова, Юлия Валентиновна, урожд. Косиковская, жена И. И. Бобарыкова, родилась в 1844 г. В 1867—1868 гг. была близка с коммуной «Сморгонская академия». 24 декабря 1869 г. в связи с печаевским делом скрылась. 29 декабря была доставлена мужем в III отделение. 22 августа 1871 г. приговором Петербургской судебной палаты оправдана 18, 20, 22, 41, 45—47, 135, 137, 156, 157, 179, 194.
Бобров, суб-инспектор студентов Московского университета 98.
Богаевский, член Петербургской судебной палаты 159.
Богданов 106.
Богоявленский, студент в Петербурге 83.
Боков, Петр Иванович, родился в 1835 г., врач. В 1861 г. привлекался по делу «Великорусса»; был оправдан. В 1862 г. член тайного общества «Земля и воля». Умер в 1915 г. 146.
Болотов, Алексей Захарович, канцелярский служитель, сын дьякона, родился около 1844 г., воспитывался в Тверской семинарии. В 1869 г. привлекался по нечаевскому делу, но за недостатком улик следствие было прекращено 40, 41.
Болотов, Василий Захарович, сын дьякона, родился около 1850 г. Воспитывался в Тверской семинарии. В 1869 г. привлекался по нечаевскому делу, но за недостатком улик следствие было прекращено 41.
Бомаш, Аарон, родился около 1845 г. Будучи студентом Петербургского университета, за участие в студенческих волнениях 1869 г. подвергся аресту и 27 марта был выслан в Черниговскую губ., откуда в июне того же года переведен в Купянск 62.
Бондаш, студент Петровской академии в Москве 83.
Борисов, Феофан Алексеевич, из государственных крестьян Саратовской губ., родился около 1845 г., учился в Саратовской гимназии, был студентом Петровской академии. 25 апреля 1866 г. арестован по делу Каракозова. Верховным уголовным судом за принадлежность к тайному обществу «Организация» приговорен к 8 месяцам заключения в крепости. 24 декабря 1866 г. освобожден и поселился в Петербурге, где принадлежал к коммуне «Сморгонская академия». Затем поселился в Торжке, где был письмоводителем у мирового судьи. В июне 1867 г. выехал в Саратов, а в конце того же года в Одессу. В 1869 г. привлечен по делу Куртушева и Троицкого. По недостатку улик следствие прекращено. 10 мая 1871 г. освобожден от ареста и выслан в Кострому, откуда переведен в Ветлугу под надзор полиции. В августе 1873 г. надзор снят. Умер в 1928 г. 50—55.
Боткин, московский купец 109.
Боткин, Сергей Петрович (1832—1889), известный врач 65.
Бочкарев, Иван Иванович, осташковский мещанин, родился в 1842 г. Получив

домашнее образование, поступил вольнослушателем в Петербургский университет. Содержал в Спб. типографию. Принадлежал к кружку «Сморгонская академия». В 1867—1868 гг. четыре раза ездил за границу для установления связей с эмигрантами. Присутствовал в 1867 г. на съезде сербской прогрессивной молодежи в Белграде, где выступил с речью. По возвращении в Россию в октябре 1868 г. арестован и в начале 1869 г. по постановлению следственной комиссии выслан на родину под надзор полиции. В 1870 г. привлекался по нечаевскому делу, но по недостатку улик в мае 1871 г. следствие было прекращено. В 1873 г. был выслан в Красный Яр. В 1879 г. получил разрешение вернуться в Осташков, где служил в земстве, а затем перешел на службу в Тверскую губ. зем. управу. В мае 1879 г. был арестован по подозрению в сношениях с лицами, причастными к убийству предателя Рейнштейна и выслан в Пинегу. После ссылки жил в Тверской губ. Ум. в 1915 г. 42.

Бранко, студент в Петербурге, участник студенческих волнений 1868—1869 гг. 71, 74, 77.

Бутурлин, Александр Сергеевич, сын генерал-от-инфантерии, родился в 1845 г., студент Московского университета. За участие в «полупинской истории» в октябре 1869 г. исключен из университета и выслан в Ярославскую губ. В 1870 г. арестован по нечаевскому делу. В 1871 г. Петербургской судебной палатой оправдан. В 70-х годах, живя за границей, был близок к Лаврову и кружку, издававшему «Вперед». По возвращении в Россию поддерживал связь с московскими революционными кружками. В 1879 г. был арестован по делу о взрыве на Московско-курской железной дороге. В 1881 г. выслан в Западную Сибирь на 5 лет. Ссылку отбывал в Туринске и Тобольске. По окончании ссылки жил в Москве, где и умер в 1916 г. 14, 21, 22, 93, 98, 101, 103, 114, 191.

Вагнер, владелец столярной мастерской в Петербурге 29.

Валенштейн, студент Московского университета 115.

Васильев, Николай Евгеньевич, студент Медико-хирургической академии. За участие в студенческих волнениях 29 марта 1869 г. выслан в Смоленск. В 1871 г. получил разрешение окончить высшее образование 77.

Васильевский, Николай, сын титулярного советника, родился около 1847 г., студент Медико-хирургической академии. Исключен из академии 6 ноября 1868 г. из-за столкновения с инспектором студентов полковником Смирновым. Под влиянием бурных сходок протеста начальство академии дало обещание принять Васильевского обратно. За участие в студенческих волнениях Васильевский был арестован 15 марта 1869 г. и 28 марта выслан в Иркутскую губ. В июне 1870 г. получил разрешение на возвращение в Петербург 61.

Виноградов, Леонид, отставной канцелярский служитель, родился около 1844 г., студент Петровской академии. В 1869 г. привлекался по нечаевскому делу. За недостатком улик в мае 1871 г. следствие прекращено и Виноградов освобожден 43, 106.

Волховский, Феликс Вадимович, дворянин, родился в 1844 г. В 1863 г. поступил в Московский университет. В 1866 г. привлекался по делу «Малороссийской общины». В 1868 г. привлекался по делу «Рублевого общества». 16 апреля 1869 г. арестован в связи с нечаевским делом. 15 июля 1871 г. Петербургской судебной палатой оправдан. В начале 70-х годов жил в Одессе, где организовал отделение кружка чайковцев. Привлекался по делу о пропаганде в империи и в 1878 г. по процессу 193-х приговорен к ссылке в Тобольскую губ. В 1881 г. переведен в Томск. В 1890 г. бежал за границу, где принимал деятельное участие в «Фонде вольной русской прессы», а позже в партии с.-р. Умер в 1914 г. 7, 10, 12, 15, 16, 33, 50, 83, 110, 147, 148, 154, 155, 159, 160, 169, 172—174, 191, 193, 194.

Воронин, домовладелец в Петербурге 63, 68.

Воронцова, Любовь Егоровна, урожденная Ковалева, жена дворянина, родилась около 1850 г. Окончила гимназию в Петербурге и акушерский институт. В 1867—1868 гг. примыкала к кружку «Сморгонская академия». 19 февраля 1870 г. арестована в Петербурге по нечаевскому делу. 22 августа 1871 г. приговором Петербургской судебной палаты оправдана. Жила в Петербурге, находясь под негласным наблюдением. В 70-х годах работала в качестве акушерки в Новгородской губернии и городе Симбирске. В 1879 г. арестована в Петербурге по подозрению в хранении типографского шрифта и в сношениях с революционерами. Вскоре освобождена с учреждением над ней полицейского надзора 12, 23, 137.

Воскресенский, Дмитрий Алексеевич, сын дьячка, родился в Саратовской губ. около 1843 г. Окончив Саратовскую семинарию, поступил в Петровскую академию. Состоял участником социалистического кружка, организованного в Саратове Христофоровым. 2 мая 1866 г. арестован по делу Каракозова. 24 сентября того же года Верховным уголовным судом приговорен к заключению в крепости на 8 месяцев. 20 ноября того же года освобожден с подчинением негласному надзору. В 1867—1868 гг. организовал в Петербурге вместе с товарищами своими по каракозовскому делу Сергиевским, Черкезовым и др. коммуну «Сморгонская академия». В 1869 г. привлекался к дознанию по обвинению в попытке организовать освобождение Чернышевского. В 1875 г. выехал из Петербурга в Семипалатинск 30, 31, 52, 194.

Вяземский, кн., Алексей Алексеевич 116, 121.

Гаврилов, Георгий Яковлевич, сын купца, родился около 1846 г. в г. Александровске. Состоял слушателем Петровской академии. В 1869 г. принимал участие в тайном обществе «Народная расправа». Арестован 5 декабря 1869 г., в августе 1871 г. Петербургской судебной палатой приговорен к 4 месяцам тюрьмы и отдаче под надзор на 5 лет. По выходе из тюрьмы выслан в г. Котельнич. В мае 1872 г. переведен в Александровск, в 1876 г. освобожден от надзора.

Гернет, Николай Александрович, сын штаб-лекаря, родился около 1848 г. Привлекался в 1866 г. по каракозовскому делу и был выслан в Тотьму. Ум. в 1910 г. 106.

Герцен, Александр Иванович (1812—1870) 43, 77.

Гирчич, Семен Григорьевич, дворянин. Окончил Ришельевскую гимназию в Одессе. В 1868 г., проживая в Москве, принимал участие в «Рублевом обществе». По оговору Скипского привлечен по нечаевскому делу, но по недостатку улик следствие прекращено. В 1874 г. привлекался по делу о «преступной пропаганде в империи» 39.

Гладков, Владимир Иванович, из купцов, родился в 1849 г. В 1869 г., будучи студентом медицинского факультета Московского университета, привлекался по нечаевскому делу. По недостатку улик следствие было прекращено. В 1874 г. окончил университет. В начале 900-х годов был врачом в г. Муроме 39.

Гойлевич, секретарь особого присутствия Петербургской судебной палаты 159.

Голиков, Леонид Иванович, дворянин, родился около 1850 г. Состоя студентом Петровской академии, в декабре 1869 г. привлекался по нечаевскому делу. 6 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой оправдан, после чего жил в Николаеве под надзором полиции. В 1875 г. привлекался по делу о пропаганде в империи. В 1878 г. по процессу 193-х был оправдан, после чего находился под полицейским надзором 19.

Голиков, Николай Иванович, дворянин Херсонской губ., сын отставного поручика, старший брат Л. И. Голикова. Родился около 1848 г. Был студентом Технологического института, затем перешел в Петровскую академию. В 1869 г. состоял членом тайного общества «Народная расправа», 2 декабря 1869 г. арестован. 6 августа 1871 г. приговором Петербургской судебной палаты оправдан. После этого проживал в Николаеве 19.

Гольденберг-Гетройтман, Лазарь, родился около 1846 г. Состоял студентом Технологического института в Петербурге, участвовал в студенческих волнениях 1868—1869 гг., за что арестован 15 марта 1869 г. и 28 марта выслан в Темников, откуда в декабре того же года переведен в Петрозаводск. Бежал за границу, где заведывал типографией чайковцев. Умер в 1916 г. 130, 192.

Гольштейн, Владимир Августович, дворянин, родился около 1849 г. Состоял студентом Московского университета, в 1869 г. участвовал в «полунинской истории», за что исключен из университета на 2 года и выслан в Гродненскую губ. В феврале 1871 г. арестован по нечаевскому делу, но вскоре освобожден на поруки. В середине июня 1871 г. бежал за границу. В 70-х годах видный бакунист и член редакции «Работника». Впоследствии жил в Париже, где и умер в 1917 г. 24, 93, 98, 101, 103, 191.

Гопорский, Виктор Афанасьевич 157.

Горгос, учитель, знакомый Н. Собещанского 55.

Горизонтов, Иван Парфенович, сын священника, родился в 1847 г. в Саратове. Воспитывался в Саратовской семинарии, откуда в 1866 г. исключен за неблагонадежность, проявленную в школьном сочинении. В 1868 г. поступил в Петербургский университет. Принимал участие в студенческих волнениях 1869 г. и ездил делегатом от студентов в Киевский

университет, за что 27 марта выслан под надзор в Саратов. В январе 1872 г. надзор снят. Позже видный саратовский общественный деятель и публицист. Издатель «Саратовского листка». Умер в 1913 г. 53, 63, 74.

Градоселъский, Александр, сын священника, родился около 1849 г., воспитывался в Тверской семинарии. В 1869 г. привлекался по нечаевскому делу, но за недостатком улик в мае 1871 г. следствие было прекращено. Впоследствии был сельским учителем в Новоторжском уезде 41.

Грибовский, чиновник III отделения 170.

Григорьев, Аполлон Александрович (1822—1864), литературный критик 59.

Гридин, Федор Дмитриевич, внебрачный сын балерины Рюхиной. Вследствие перлюстрации письма его к Элпидину арестован 9 февраля 1870 г. По недостатку улик дело прекращено. По освобождении 3 июня 1870 г. поселился в Павловске. Впоследствии драматург и редактор театральных журналов. Умер в 1916 г. 27, 28.

Гумалицкий, инженер 106.

Гюбнер, Юлий Юльевич, сын надворного советника, учителя Нижегородской гимназии. Родился в 1841 г. Окончив Тамбовскую гимназию в 1848 г., поступил в Медико-хирургическую академию. Арестован в июне 1862 г. по обвинению в распространении «возмутительных воззваний» и за содействие студенту Рыменко в приобретении типографского станка. В октябре 1864 г. приговором сената оправдан и 15 июня освобожден. В 1865 г. окончил Медико-хирургическую академию. Умер в Казани в 1901 г. 29.

Жаннельсон, Николай Францевич, известный экономист (псевдоним «Николай — он»). Родился в 1844 г., 6 января 1870 г. арестован по нечаевскому делу. 10 февраля освобожден. По недостатку улик следствие прекращено. В 1876 г. состоял членом вспомогательной кассы для лиц, подвергшихся каре за государственные преступления. Умер в 1919 г. 13, 45.

Жаннобер г, Александр Ростиславович, дворянин, родился в Бузулукском уезде около 1851 г. Окончив гимназию в Самаре, поступил в Медико-хирургическую академию. 27 декабря 1869 г. был арестован по нечаевскому делу. В мае 1871 г. по недостатку улик следствие прекращено. 13 апреля 1879 г. Ж., состоявший сельским учителем в Бузулукском у., привлекался по делу о революционной пропаганде среди крестьян. По недостатку улик дело было прекращено 35, 36.

Жебогорий-Мокриевич, Ивал Карпович, дворянин, родился около 1836 г. В 1869 г. привлекался по нечаевскому делу. В мае 1871 г. следствие прекращено по недостатку улик. В 1880 г. за политическую неблагонадежность был выслан из Киева в Восточную Сибирь, но в июне того же года получил разрешение жить в Мценске, а в августе переехать в Курск, где находился под надзором полиции и где умер в конце 80-х годов 48.

Жебогорий-Мокриевич, Прохор Карпович, дворянин, родился в Подольской губ. в 1847 г. Находился на военной службе. По выходе в отставку с чином подпоручика поступил в Технологический институт. 4 февраля 1870 г. арестован по нечаевскому делу. 22 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой оправдан 18, 25, 129, 131, 132, 179.

Жемептьева, Александра Дмитриевна (по мужу Ткачева), мещанка, внебрачная дочь штабс-капитана, родилась около 1850 г. В 1867 г. окончила Мариинскую гимназию в Петербурге. В 1869 г. приобрела типографию Серебренникова и в марте того же года отпечатала в ней прокламацию Ткачева «К обществу». Арестована 26 марта. 15 июля 1871 г. Петербургской судебной палатой приговорена к 4 месяцам тюрьмы. По освобождении в январе 1872 г. выслана под надзор полиции в Новгород; в сентябре того же года переведена в Калугу, а в 1873 г. в Великие Луки, где вышла замуж за находившегося там в ссылке П. Н. Ткачева, а 6 апреля 1879 г. после бегства его за границу получила разрешение выехать за границу без права возвращения в Россию. Окончив в 1888 г. медицинский факультет университета в Монпелье, занималась врачебной практикой. В 1903 г. получила разрешение вернуться в Россию. В русско-японскую войну работала в качестве врача и попала в плен к японцам. По возвращении в Россию была в 1905 г. арестована по обвинению в пропаганде среди солдат. С 1906 г. жила в Воронеже, где и скончалась в 1922 г. 5, 9, 10, 15—17, 159, 160, 162, 165, 169, 172, 174, 195.

Жемерт, Николай Александрович (1835—1876), публицист, сотрудник «Отечественных записок» 109, 110, 145.

Жепп, Николай Филиппович, присяжный поверенный 159.

Дешуков, участник кружка Волховского в Москве. Ум. в 1869 г. 120.
Добров, суб-инспектор студентов Московского университета 98.
Добролюбов, Николай Александрович (1836—1861 53)
Долгов, Николай Степанович, сын коллежского секретаря, родился в Кузнецке около 1844 г. Окончив гимназию в Самаре, поступил в Казанский университет, откуда перешел в Петербургский университет. Исключенный оттуда за участие в студенческих волнениях, поступил в Технологический институт, а затем в Петровскую академию. В 1869 г. состоял членом «Народной расправы». Арестован 6 декабря того же года. 6 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой приговорен к 1 году тюрьмы и надзору полиции на 5 лет. По выходе из тюрьмы выслан в Мезень, а в мае 1873 г. переведен в Самару. В декабре 1876 г. надзор снят. В 1879 г. арестован и привлечен к дознанию по обвинению в сношениях с землевольцами, но от ответственности освобожден. В 1883 и 1906 гг. вновь подвергался арестам 7, 11, 12, 18—20, 36, 40, 109, 111, 116, 117, 119, 120, 144, 145, 193.
Долгушин, Александр Васильевич, родился в 1848 г. Окончил Технологический институт в Петербурге. 4 января 1870 г. арестован по нечаевскому делу. 27 августа Петербургской судебной палатой оправдан. В 1871—1872 гг. организовал в Петербурге революционный кружок, деятельность которого в 1873 г. была перенесена в Москву. В 1874 г. особым присутствием сената приговорен к лишению всех прав и ссылке в каторжные работы на 10 лет, которые отбывал в Новобелгородском централе, на Каре и в Шлиссельбурге, где и умер в 1885 г. 25, 26, 35, 179—182.
Долгушина, Аграфена Дмитриевна (урожд. Скорнякова), родилась в 1846 г. 4 января 1870 г. арестована в Петербурге по нечаевскому делу. В мае 1871 г. следствие прекращено по недостатку улик. В 1873 г. привлекалась по делу своего мужа. В 1878 г. жила в Белгороде, где содержался в тюрьме ее муж. Осенью того же года выслана из Белгорода. В 1881 г. освобождена от надзора 35.
Дубенко, студент Московского университета 115.
Дубенский, Александр, сын священника, родился около 1847 г. Окончив Тульскую духовную семинарию, поступил в Медико-хирургическую академию. 12 января 1870 г. арестован по нечаевскому делу. 21 января того же года освобожден. В мае 1871 г. следствие прекращено по недостатку улик 34, 35.
Дудоладов, Александр Ефимович, сын фельдшера, родился около 1848 г. в Баян-ауле в Киргизской степи. По окончании Омского военного училища и Тобольской гимназии в 1867 г. поступил в Медико-хирургическую академию. Состоял членом кружка сибиряков, группировавшегося около Долгушина. 12 января 1870 г. арестован в связи с нечаевским делом. 27 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой оправдан, после чего жил в Омске под надзором полиции. В 1874 г. получил разрешение вернуться в Петербург для окончания академии. По окончании ее жил в Омске, Каинске и Барнауле под надзором, от которого освобожден в 1880 г. Автор работы о переселенческом движении (1886 г.) 26, 180—182.

Евдокимов, Василий Яковлевич, родился около 1839 г., отставной инженер-поручик. Служил приказчиком в книжном магазине Черкесова в Петербурге. 27 ноября 1869 г. арестован в связи с нечаевским делом. В феврале 1870 г. освобожден. В мае 1871 г. следствие прекращено по недостатку улик 29, 30.
Евецкий, Степан Степанович, помещик Екатеринославской губ. 120.
Евреинова, Анна Михайловна, родилась в 1844 г., дочь генерал-майора. В 1869 г. при помощи Евдокимова бежала от родителей за границу, где окончила Лейпцигский университет со степенью доктора прав. В 80—90-х годах редактор журнала «Северный вестник» 29, 30.
Египтянин — конспиративная кличка Пирамидова.
Езерский, Степан Венедиктович, дворянин, родился около 1846 г., студент Петербургского университета. Участвовал в студенческом движении 1869 г., являясь лидером умеренной студенческой партии. В марте 1869 г. исключен из университета и выслан на родину в Могилев. 12 октября арестован в Могилеве в связи с нечаевским делом. В июне 1870 г. выслан на родину с учреждением полицейского надзора. В 1873 г. надзор снят. В 70-х годах Е. был гласным городской думы в Могилеве. В конце 70-х годов за связи с революционными кружками был выслан в Шенкурск. В начале 80-х годов получил разрешение возвратиться в Могилев 7, 66, 69, 76—79, 82, 84—90, 189—191.

Е в и ш е р л о в, Георгий (Юрий) Петрович, дворянин, родился около 1849 г. в Сумском у. В 1868 г. поступил в Технологический институт в Петербурге. Участвовал в студенческом движении 1868 и 1869 гг. и скрылся. 24 апреля 1869 г. явился к московскому обер-полицмейстеру и был арестован. Привлекался по печаевскому делу, но по недостатку улик следствие в мае 1871 г. было прекращено, а сам Е. выслан на родину. За самовольную отлучку в Петербург летом 1871 г. в 1872 г. выслан в Царев, откуда в августе 1873 г. бежал за границу. В ноябре того же года вернулся в Россию и был выслан под надзор полиции сперва в Уфу, а затем в Белебей и Стерлитамак 7, 32, 63, 69, 72, 73, 142, 143, 190, 193.

Е н к у в а т о в, Дометий Александрович, дворянин, родился около 1847 г. В 1869 г., состоя студентом Московского университета, был членом «Народной расправы». 7 декабря 1869 г. арестован. 6 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой приговорен к 8 месяцам тюрьмы и надзору полиции на 5 лет. По выходе из тюрьмы выслан в Торопец. В мае 1873 г. переведен в Бахмут, а в мае 1877 г. — в Одессу, где 15 августа того же года из ревности убил своего брата П. А. Енкуватова. Уголовным судом был оправдан. В июне 1879 г. выслан в Красноярск; в 1880 г. возвращен в Одессу 21, 24.

Е н к у в а т о в, Пимен Александрович, дворянин, родился около 1848 г. В 1869 г., состоя студентом Петровской академии, был членом «Народной расправы». 5 декабря 1869 г. арестован. 6 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой приговорен к 1 году тюрьмы и полицейскому надзору на 5 лет. По отбытии наказания выслан в Кунгур. В 1873 г. переведен в Бахмут, а в 1874 г. — в Одессу. В начале 1876 г. скрылся за границу. Принимал участие в Герцеговинском восстании. 22 апреля 1877 г., возвратившись в Россию, явился к начальнику одесского губернского жандармского управления. За самовольную отлучку был приговорен к штрафу. 15 августа того же года убит из ревности братом Д. А. Енкуватовым 19, 112, 113.

Е р м о л о в, граф, Алексей Петрович (1772—1861), генерал-от-артиллерии 161.

Ж е л я б у ж с к и й, мировой посредник Тульской губернии 18.

Ж о л о б о в, жандармский полковник 107, 150.

Ж у ч е н к о — см. Лобач-Жученко.

З а й ц е в, Александр, быв. воспитанник гимназии в Ставрополе. В конце ноября 1869 г. обыскан в Москве в связи с печаевским делом 115.

З а м я т и н, Дмитрий Николаевич (1805—1881), министр юстиции с 1862 по 1867 г., член государственного совета 163.

З а р а н о в, Степан, студент Петербургского университета, родился около 1869 г. За участие в студенческих волнениях 1869 г. 24 марта выслан на родину в Тифлисскую губ. под надзор полиции. В июле 1871 г. под влиянием процесса печаевцев сошел с ума. По выздоровлении в 1874 г. надзор снят 106, 191.

З а с у л и ч, Вера Ивановна, дочь штабс-капитана, родилась 29 июня 1849 г., 1 мая 1869 г. арестована по печаевскому делу. По недостатку улик следствие прекращено. В марте 1871 г. выслана под надзор полиции в Новгород. губ., а в мае переведена в Тверь. В мае 1872 г. переведена в Солигалич. В декабре 1873 г. получила разрешение выехать в Харьков для окончания акушерских курсов. 24 января 1878 г. покушалась на спб. обер-полицмейстера Трепова. 31 марта того же года оправдана Петербург. окружн. судом. Эмигрировала за границу, где в 1883 г. участвовала в организации группы «Освобождение труда». С 1900 г. участвовала в редактировании «Искры». После II съезда РСДРП примкнула к меньшевикам. Умерла в 1919 г. 31, 32, 190.

З а с у л и ч, Екатерина Ивановна, сестра В. И. Засулич, дочь штабс-капитана. В 1866 г. привлекалась в связи с каракозовским делом за участие в швейной мастерской Ивановых и состояла под надзором полиции. 1 мая 1869 г. арестована в связи с печаевским делом. В июне 1870 г. освобождена на поруки и уехала в Тверь, где в августе 1870 г. вышла замуж за Л. П. Никифорова 148, 193.

З а с у л и ч, Феоктиста Михайловна, мать Веры и Екатерины Ив. Засулич и Александры Ивановны Успенской 32, 109.

З а х а р ь и н, Григорий Антонович (1829—1897), врач, проф. Московского университета 96, 141, 191.

З и б е л ь, Генрих (1817—1895), известный немецкий историк 156.

З л а т о п о л ь с к и й, один из известных народовольцев братьев Златопольских Льва и Савелия Соломоновичей, состоявших в 1869 г. студентами Технологического института в Петербурге и в апреле того же года подвергшихся

обыску в связи с нечаевским делом 83.

Зубков, Александр Федорович, иваново-вознесенский фабрикант, оказывал денежную помощь Нечаеву, Орлову и др. нечаевцам 78, 102—104, 106.

Иваскин, Петр Федорович, сын коллежского секретаря, родился около 1844 г. в Казанской губ. Состоя в 1869 г. студентом Петровской академии, был членом «Народной расправы». 5 декабря 1869 г. арестован. 6 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой приговорен к 2 месяцам тюрьмы и полицейскому надзору на 5 лет. По отбытии наказания жил в Торопце, где служил письмоводителем у мирового судьи, а позднее — в Холмогорском уезде. В 1876 г. освобожден от надзора. В 1881 г. разрешен въезд в столицы 20.

Иванов, домовладелец в Москве 105.

Иванов, конспиративная кличка А. К. Кузнецова.

Иванов, Иван Иванович, студент Петровской академии, состоял членом «Народной расправы». Из-за неподчинения Нечаеву убит 21 ноября 1869 г. Нечаевым, Успенским, Кузнецовым, Прыжовым и Николаевым 11, 13—15, 19, 102, 103, 108, 111, 112, 119, 143, 161, 162, 179, 190, 191, 193, 194.

Иванов, Константин, студент Московского университета 93.

Иванова, Екатерина Львовна, дочь подполковника, из дворян Нижегородской губ., родилась около 1849 г. 3 мая 1866 г. арестована по каракозовскому делу за участие в артельной швейной мастерской. 13 ноября того же года освобождена с подчинением негласному полицейскому надзору. В 1869 г. была членом кружка Волховского. В конце ноября того же года подверглась обыску в связи с нечаевским делом 36.

Ивановский, Василий Семенович, сын священника, родился в 1846 г. Окончил Тульскую семинарию, с 1868 г. студент Медико-хирургической академии. Арестован 12 января 1870 г. по нечаевскому делу; 31 января того же года освобожден. В 1875 г. привлекался по делу о революционной пропаганде в империи. В 1877 г. бежал за границу. Жил в Румынии, где и умер в 1911 г. 34, 35, 137.

Ижицкий, студент Петербургского университета, участник студенческого движения 1868—1869 гг. 72, 73.

Измайлов, Павел, родился около 1849 г., студент Петербургского университета. За участие в студенческих волнениях 1869 г. 26 марта выслан на родину в Эривань под надзор полиции. В 1880 г. надзор снят 63.

Ильенков, Павел Антонович (1821—1871), химик, директор Петровской академии 111.

Ильинский, чиновник Московской гражданской палаты 105, 106.

Илькевич, содержатель гостиницы в Одессе, в которой останавливались М. П. Троицкий и В. Куртушев 54.

Искандер — см. Герцен.

Ишханов, Джавад Петрович, сын губернского секретаря, родился около 1847 г. в г. Шуше. За участие в «полунинской истории» 29 октября 1869 г. исключен с 4-го курса медицинского факультета Московского университета. Осенью того же года состоял членом «Народной расправы». 11 января 1870 г. арестован. 6 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой приговорен к 4 месяцам тюрьмы и полицейскому надзору на 5 лет. По отбытии наказания выслан в г. Орлов, а оттуда переведен в Котельнич. В июне 1875 г. бежал, но вскоре был пойман. В октябре 1875 г. переведен в Шушу. В 1876 г. освобожден от надзора 21, 114—116.

Кадьян, Александр Александрович, родился в 1847 г., студент Медико-хирургический академии. В 1874 г. арестован по делу о пропаганде в империи. В 1878 г. судился по процессу 193-х и был оправдан. Впоследствии известный хирург. Умер в 1917 г. 74.

Капацинский, Алексей Осипович, учитель в Иваново-Вознесенске. Арестован в мае 1869 г. вследствие получения из-за границы на его имя писем Нечаева. В июне 1870 г. освобожден и выслан в Змиев под надзор полиции. В 1875 г. умер в Змиеве 60, 61 189.

Карабина, Пелагея Ильинична, родственница Лихутиных 126.

Каракозов, Дмитрий Владимирович, дворянин Саратовской губ., родился в 1840 г. По окончании гимназии в Пензе поступил в Казанский университет, откуда был исключен в 1861 г. за участие в студенческих волнениях. В 1863 г. вновь поступил в Казанский университет, а в 1864 г. перевелся в Московский университет. В Москве принадлежал к ишутинскому кружку. 4 апреля 1866 г. в Петербурге покушался на жизнь Александра II и был арестован. Верховным уголовным судом был приговорен к смертной казни через по-

вешение. 3 сентября того же года казнен 15, 163, 194.

Катаржианец, конспиративная фамилия С. Г. Нечаева.

Катин Ярцев, Николай Никитич, сын канцелярского писца, родился в г. Балашове, Саратовской губ. в 1847 г., обучался в Саратовской гимназии, откуда исключен в 1862 г. из 5 класса. Сдав экстерном экзамен за гимназический курс, в 1865 г. поступил на физико-математический факультет Казанского университета. Осенью 1867 г. переехал в Петербург, где, поступив в Медико-хирургическую академию, жил в коммуне «Сморгонская академия». В 1869 г. арестован за участие в студенческих волнениях и 29 марта выслан в Саратовскую губ. В сентябре 1871 г. разрешено переехать в Покровскую слободу, Самарской губ., где он служил секретарем съезда мировых судей. В августе 1873 г. полицейский надзор снят. С 1882 г. занимался адвокатурой. В 1886 г. переехал в Саратов. Скончался в 1892 г. в с. Ключах, Балашовского у., Саратовской губ. 52, 53, 72, 73, 77—79, 82, 84.

Кетриц, Бернгард Эрнестович, титулярный советник, чиновник министерства юстиции. Родился около 1849 г. В 1866 г. окончил училище правоведения. Привлекался по делу Нечаева. По недостатку улик следствие прекращено. Позднее известный деятель по народному образованию 44.

Кешов, студент Московского университета 115.

Кикин, быв. студент Петровской академии 109, 110.

Кинявский, революционная кличка С. Г. Нечаева.

Киппани, Николай Дмитриевич, родился около 1848 г., студент Петербургского университета. В 1868 г. привлекался по делу Пеньковского и Солодовниковой. За участие в студенческих волнениях 1869 г. в марте исключен из университета и выслан на родину в Тифлис под надзор полиции 63, 76, 82, 191.

Кирпичников, Дмитрий Матвеевич, родился около 1846 г. По окончании Уральского войскового училища поступил в Технологический институт. Принадлежал к кружку Старицына. 2 февраля 1870 г. арестован по нечаевскому делу. По недостатку улик следствие прекращено 33, 34.

Климин, Иннокентий Федорович, сын тюменского купца, родился в Козмодемьянске в 1847 г. Окончив коммерческое училище в Москве, поступил в Петровскую академию. Состоял членом «Народной расправы». 8 декабря 1869 г. арестован. 6 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой приговорен к 1 году тюрьмы и полицейскому надзору на 5 лет. По отбытии наказания выслан в Архангельскую губ. В октябре 1872 г. переведен в Тюмень. В 1876 г. освобожден от надзора и поселился в Козмодемьянске 19.

Клочь, Константин, — подпись автора письма, полученного елисаветградским полицмейстером, с обвинением М. П. Троицкого и В. Кунтушева в намерении совершить цареубийство 51.

Кобылин, товарищ прокурора петербургского окружного суда 161.

Ковалев, адвокат 121.

Ковалевский, Владимир Иванович, дворянин, сын помещика Харьковской губ., родился 10 ноября 1848 г. Воспитывался в Полтавской военной гимназии и Константиновском военном училище. Служил в Дербентском пехотном полку. Выйдя в отставку, поступил в Земледельческий институт. Участвовал в студенческих волнениях 1869 г. 5 января 1870 г. арестован по нечаевскому делу. 22 августа 1871 г. приговором Петербургской судебной палаты оправдан, после чего выехал в Харьковскую губ. в имение отца. В 1879 г. получил разрешение поступить на службу в министерство государственных имуществ. Впоследствии товарищ министра финансов (1900—1902) и председатель Технического общества 12, 15, 17, 22, 23, 25, 34, 194.

Ковалевский, Владимир Онуфриевич, известный геолог, дворянин, сын помещика Витебской губ., родился в 1842 г. В 60-х годах был близок с Герценом и вращался в революционных кружках в Петербурге. Впоследствии приват-доцент Московского университета. В 1883 г. покончил самоубийством 30.

Коведяев, Дмитрий Егорович, дворянин, сын помещика Псковской губ. В 1869 г. состоял членом «Народной расправы». 12 января 1870 г. арестован. 6 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой приговорен к 2 месяцам тюремного заключения и надзору на 5 лет. В 1876 г. надзор снят 22, 41, 112, 115, 116.

Коведяева, см. Воронцова, Л. Е.

Колачевская, Людмила Николаевна, дворянка Смоленской губ., дочь статского советника, родилась около 1850 г., воспитывалась в Ермоловском институте в Москве. Арестована 3 мая 1869 г. 23 января 1870 г. освобождена

с подчинением надзору. Проживала в имении в Гжатском уезде 49, 50, 192, 194.
Колачевский, Андрей Николаевич, дворянин Смоленской губ., сын статского советника, родился около 1848 г. Будучи студентом Московского университета арестован в 1866 г. за участие в неразрешенном обществе взаимного вспомоществования и отдан под негласный надзор полиции. В конце 1867 г. переехал в Петербург и поступил там в университет. С 1869 г. помощник присяжного поверенного. В апреле 1869 г. арестован на квартире Томиловой, но скоро освобожден на поруки. 5 декабря вновь арестован в связи с нечаевским делом. 25 августа 1871 г. приговором Петербургской судебной палаты оправдан. В апреле 1873 г. освобожден от надзора. В 1888 г. издавал в Москве журнал «Эпоха». Умер в 1888 г. 7, 25, 30, 31, 47, 48, 52, 122, 127, 128, 131, 132, 146, 151, 153, 154, 164, 193.
Колоколов, чиновник московского окружного суда 101.
Комаровский, студент Московского университета 115.
Константин Николаевич, великий князь (1827—1892), брат Александра II 176.
Коносов, сенатор 102.
Коринфский, Михаил Петрович, сын священника, родился в Нижнем-Новгороде около 1844 г.; окончил Нижегородскую духовную семинарию, поступил в Медико-хирургическую академию. За участие в студенческих волнениях 1869 г. подлежал аресту и высылке на родину, но успел скрыться. Арестован 9 мая 1870 г. в Темникове, где служил в земской управе. 15 июня 1871 г. приговором Петербургской судебной палаты оправдан. Жил в Н.-Новгороде и Рязани, где служил на железной дороге 16, 17, 49, 50, 72, 75, 78, 83, 106, 159, 160, 172.
Коробьин, Порфирий Иванович, дворянин, помещик Зарайского у., Рязанской губ. Будучи студентом Петровской академии, состоял в 1869 г. членом «Народной расправы». 5 декабря 1869 г. арестован. 6 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой приговорен к 2 месяцам тюрьмы и надзору полиции на 5 лет. По выходе из тюрьмы выслан в Зарайский уезд. В 1876 г. надзор снят 19.
Коровкаев, Николай, учитель гимназии в Саратове. В 1862 г. за вредное влияние на учеников переведен в Самару, а затем в Одессу, где в 1869 г. привлекался к допросу по делу Куртушева и Троицкого 106.
Королев, конспиративная кличка А. К. Кузнецова.
Корсаков, Иван, родился около 1851 г., студент Петербургского университета. За участие в студенческом движении 1868—1869 гг. исключен из университета и 27 марта 1869 г. выслан на родину в Тверь под надзор полиции. В 1870 г. получил разрешение поступить в Казанский университет. В 1871 г. надзор полиции снят 66, 69, 190.
Костелевский, Михаил, родился около 1845 г., студент Технологического института в Петербурге. За участие в студенческом движении 1869 г. в марте исключен из института и скрылся за границу. В декабре того же года получил разрешение возвратиться в Россию. По возвращении арестован. В июне 1870 г. освобожден с учреждением полицейского надзора. В 1873 г. надзор снят 78.
Костыркин, Алексей Антонович, сын финляндского землевладельца, родился около 1840 г., студент Петровской академии. Состоял в 1869 г. членом «Народной расправы». 5 декабря того же года арестован. 6 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой оправдан, после чего выехал в Москву, где жил под негласным надзором. Умер в 1901 г. 20.
Костюч (?), агент III отделения 177.
Котельников, товарищ В. Н. Лихутина по артиллерийскому училищу. 129, 130.
Кочетков, родственник Лихутина. 126, 127.
Кошкин, Петр Михайлович, дворянин, сын титулярного советника, родился в Тобольской губ. около 1850 г. В 1867 г., окончив Тобольскую гимназию, поступил в Медико-хирургическую академию. Состоял членом сибирского кружка, организованного Доргутиным. 4 января 1870 г. арестован в связи с нечаевским делом. 27 августа Петербургской судебной палатой приговорен к 2 месяцам заключения в смирительном доме. В мае 1872 г. по отбытии наказания выслан в Самару под надзор полиции, где участвовал в революционном кружке. В 1875 г. от надзора освобожден 25, 26, 35, 36, 179—182.
Кравец, студент Московского университета. 15 декабря 1869 г. арестован в Москве вследствие перлюстрированного письма к нему Марьяшеса о студенческих организациях в Киевском университете. 27 декабря того же года освобожден. 42, 43.
Краснопольский, приказчик 109.

Крохалев, знакомый Долгушина 180—182.
Крутиков, Николай, родился около 1850 г., студент Петербургского университета. За участие в студенческом движении 1869 г. 3 апреля исключен из университета и выслан на родину в Черниговскую губ. под надзор полиции. В мае 1870 г. получил разрешение на поступление в Харьковский университет 79.
Крылов, конспиративная фамилия В. Ф. Орлова.
Крылова, Марья Константиновна, дворянка, родилась в 1842 г. В 1866 г. привлекалась по каракозовскому делу, но от наказания была освобождена. В 70-х годах работала в качестве наборщицы в тайных типографиях «Земли и воли» и «Черного передела». В 1880 г. арестована и в 1881 г. Петербургской судебной палатой приговорена к ссылке на житье в Иркутскую губ. По возвращении в Европейскую Россию жила в Воронеже, где и умерла в 1916 г. 148, 194.
Кудинович, Николай Захарович, дворянин, родился около 1841 г. Окончив гимназию в Витебске, поступил в Петербургский университет. В 1861 г. принимал участие в студенческих волнениях, за что был арестован 12 октября. В середине декабря освобожден. В 1862 г. был арестован за укрывательство Ал. Яковлева, обвиняемого в пропаганде среди солдат. Военным судом приговорен к 3 месяцам крепости. По освобождении в 1863 г. жил под надзором в Петербурге, а позднее в Москве, где и был арестован в начале 1870 г. по нечаевскому делу. 23 апреля 1870 г. освобожден. За недостатком улик следствие прекращено. Умер в Петербурге в конце 70-х годов 39, 40, 106, 115.
Кузнецов, Алексей Кириллович, сын херсонского купца, родился около 1841 г. в Херсоне. Окончив в 1864 г. Московское коммерческое училище, поступил в Петровскую академию. В 1869 г. состоял членом кружка «Народная расправа». Арестован 3 декабря 1869 г. в Петербурге. 15 июля 1871 г. Петербургской судебной палатой приговорен к лишению всех прав состояния, к каторжным работам в крепостях на 10 лет и к поселению в Сибири. С 1873 г. находился на Каре. В 1877 г. вышел в вольную команду, а в 1878 г. — на поселение в Нерчинск, где организовал краеведческий музей. В 90-х годах переселился в Читу, где также организовал музей. Много работал по этнографии. В 1905 г., примкнув к партии соц.-рев., принимал участие в революционном движении. В начале 1906 г. предан временному военному суду при отряде ген. Ренненкампфа и приговорен к смертной казни, замененной 10 годами каторжных работ, которые отбывал в Акатуе. С 1912 г. жил в Чите. Умер в 1918 г. 7, 11—16, 18—24, 34, 35, 37, 43, 44, 46, 105, 107—111, 119, 157, 159—161, 169, 172, 183, 184, 192, 193.
Кузнецов, Семен Кириллович, младший брат А. К. Кузнецова, сын херсонского купца, родился около 1847 г. Состоя студентом Петровской академии, в 1869 г. принял участие в тайном обществе «Народная расправа». Арестован в декабре 1869 г. в Сызрани. 6 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой оправдан, после чего жил в Херсоне под надзором полиции 14, 19.
Кукушкин, Василий, «купеческий брат», родился в с. Иванове около 1841 г. Содержал фотографическое заведение в Иванове. 21 апреля 1869 г. арестован по нечаевскому делу. В мае 1871 г. следствие прекращено по недостатку улик. По освобождении жил в Иванове 49.
Куртушев, Василий Иванович, вольноотпущенный из крестьян Саратовской губ. Воспитывался в гимназии в Саратове. В 1865 г. вышел из 6 класса и поехал в Москву, где познакомился с членами шутинского кружка Сергиевским, Борисовым и Полумордвиновым. В начале апреля 1866 г. вернулся в Саратов, откуда осенью 1867 г. переехал в Петербург, где жил в коммуне «Сморгонская академия». По поручению коммуны в феврале и марте 1868 г. вместе с Катин-Ярцевым поехал в Рязань для того, чтобы оттуда отправиться в Сибирь с целью освободить Н. Г. Чернышевского. Не получив денег, необходимых на эту поездку, отправился в Москву, а затем странствовал по Киевской губ. В Пирятине был арестован за бесписьменность и выслан в Саратов, где познакомился с М. П. Тронцким. Вместе с ним в начале августа 1869 г. отправился в Одессу, а оттуда в Елисаветград. В конце октября был арестован вследствие доноса о подготавливаемом им совместно с Тронцким покушении на Александра II. Ввиду того, что донос не подтвердился, в мае 1871 г. был освобожден из-под ареста и выслан под надзор полиции в Кострому, а оттуда в Чухлому. В 1874 г. надзор с Куртушева был снят. Умер в 1878 г. 5, 50—55, 194.
Куртынин, Александр Алексеевич, привлекался в 1866 г. по каракозовскому делу 121.

Л а в д о в с к и й, Михаил Дормидонтович, сын врача, родился в 1846 г. Окончил тифлисскую гимназию, поступил в Медико-хирургическую академию. Арестован 27 декабря 1869 г. по нечаевскому делу. Освобожден 21 января 1870 г. Дело прекращено по недостатку улик. Впоследствии профессор гистологии и эмбриологии Военно-медицинской академии. Скончался в Петербурге в 1902 г. 46.

Л а в р о в, Петр Лаврович (1823—1900) 27.

Л а з а р е в с к и й, Михаил, дворянин, родился в 1846 г. Состоя студентом Технологического института в Петербурге, принадлежал к кружку Старицына. В феврале 1870 г. арестован по нечаевскому делу. 22 августа 1871 г. приговором Петербургской судебной палаты оправдан. После этого выехал в Городецкий у., Витебской губ., где за ним было установлено негласное полицейское наблюдение 23.

Л а м а н с к и й, Николай, инженер. Арестован 31 декабря 1869 г. по нечаевскому делу. Освобожден 13 мая 1870 г. Следствие по недостатку улик прекращено 24, 25, 116.

Л а н г е, Валентин Карлович, родился около 1848 г. Состоя студентом Петровской академии, принадлежал к тайному обществу «Народная расправа». Арестован 7 декабря 1869 г., 6 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой приговорен к 2 месяцам тюрьмы и строгому полицейскому надзору на 5 лет. По отбытии наказания выслан в Острожский у., Воронеж. губ., а оттуда переведен в Липецкий у., где служил на железной дороге конторщиком. В 1876 г. освобожден от надзора. В 1879 г. переехал в Крым. В 1881 г. получил разрешение на повсеместное жительство 19, 20.

Л а р и о н о в а, Евдокия, цеховая, сожительница А. К. Кузнецова. Арестована в Москве 4 декабря 1869 г. в связи с нечаевским делом, вскоре освобождена 110.

Л а с с а л ь, Фердинанд (1825—1864) 68, 77.

Л а у, Эдуард Вильгельмович (Васильевич), сын титулярного советника, родился около 1843 г. В 1861 г. был студентом Петербургского университета и подвергся аресту за участие в студенческих волнениях. В 1869 г., состоя студентом Петровской академии, принадлежал к тайному обществу «Народная расправа». Арестован 7 декабря 1869 г. 6 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой приговорен к 4 месяцам тюремного заключения и отдаче под строгий надзор полиции на 5 лет. По отбытии наказания выслан в Новгород, откуда в октябре 1872 г. переведен в Симбирск, а в 1877 г. освобожден от надзора. 25 октября 1882 г. арестован в Екатеринбурге за принадлежность к обществу «Красный крест Народной воли» и 5 октября 1883 г. по высочайшему повелению подчинен полицейскому надзору 20.

Л е б е д е в, домовладелец в Елисаветграде, у которого останавливались М. П. Троицкий и В. Кунтушев 54.

Л е б е д е в, Константин Петрович, сын купца, родился около 1837 г. Арестован 22 января 1870 г. по нечаевскому делу. 2 октября 1870 г. покончил самоубийством в тюрьме 19, 22.

Л е в а ш е в, граф, Николай Васильевич, товарищ главного начальника III отделения в конце 60-х и начале 70-х годов 174, 189.

Л е в а ш о в а, Ольга Степановна, урожд. Зиновьева, дворянка, в конце 60-х годов эмигрировала за границу, где была членом Интернационала и входила в группу Н. Утина, издававшую в 1869—1871 гг. «Народное дело» 106, 134.

Л е в е н т о н, студент в Петербурге 83.

Л е в ч е н к о, Елисей Георгиевич, сын поручика, родился около 1849 г., студент Медико-хирургической академии. За участие в студенческих волнениях 1869 г. 16 марта арестован и 21 марта выслан в Воронежскую губ. под надзор полиции. В 1876 г. надзор снят 77.

Л и б и х, Юстус (1803—1873), знаменитый германский химик 116.

Л и х у т и н, Владимир Никитич, дворянин, сын коллежского асессора и помещика Ардатовского у., младший брат И. Н. Лихутина, родился около 1850 г. Окончил 1-ю московскую военную гимназию и поступил в Медико-хирургическую академию. В 1869 г. принимал участие в студенческих волнениях. Арестован по нечаевскому делу 9 декабря 1869 г. Скончался в заключении 3 марта 1871 г. 12, 18, 25, 128, 129, 131—151, 192.

Л и х у т и н, Иван Никитич, дворянин, сын коллежского асессора и помещика Ардатовского у., родился около 1848 г. Окончил артиллерийское училище и служил в армии. Выйдя в отставку, поступил в Медико-хирургическую академию. Принимал участие в студенческих волнениях 1869 г. В октябре 1859 г. по приглашению Нечаева ездил в Москву в качестве «агента интернационального общества». Арестован 9 декабря 1869 г. 22 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой приговорен к лишению некоторых особых прав и к заключению

в смирительном доме на 1 год 4 месяца с последующей отдачей под надзор полиции на 1 год. По отбытии наказания выслан в Ардатовский у. В январе 1879 г. освобожден от надзора с правом повсеместного жительства, кроме столичных губерний 7, 12, 15, 17, 18, 23, 25, 30, 31, 43, 47, 48, 122—132, 149—151, 153, 154, 164, 192.

Лихутина, Вера Михайловна, мать Е. Н., В. Н. и И. Н. Лихутиных, жена отставного полковника 161.

Лихутина, Екатерина Никитична, дворянка, дочь коллежского асессора и помещика Ардатовского у. Родилась около 1845 г. Сестра Вл. и Ив. Лихутиных. Принадлежала к нечаевскому кружку в Петербурге. Арестована 31 декабря 1869 г. и тогда же освобождена на поруки матери. 22 августа 1871 г. приговором Петербургской судебной палаты оправдана. Вышла замуж за В. И. Ковалевского и жила в его имении в Харьковской губ. под надзором полиции. В 1879 г. получила разрешение поступить на Бестужевские курсы в Петербурге 12, 17, 20, 23, 48, 105, 122, 127, 128, 131, 132, 146, 150, 151, 153, 154, 179, 193.

Лобач-Жученко, Иван Демьянович, дворянин, родился около 1848 г., студент Технологического института в Петербурге. За участие в студенческих волнениях 1869 г. 22 марта выслан на родину в Полтавскую губ. под надзор полиции. В 1872 г. освобожден от надзора 63, 66, 69.

Ломоносов, Михаил Васильевич (1711—1765), знаменитый поэт и ученый 155.

Лопатин, домовладелец в Петербурге 78, 107.

Лопатин, Всеволод Александрович, дворянин, родился около 1848 г., брат Г. А. Лопатина. По окончании гимназии в Ставрополе в 1866 г. поступил в Московский университет, где совместно с Ф. Волховским организовал кружок самообразования. За участие в студенческих волнениях 1869 г. 16 апреля арестован, исключен из университета и в мае выслан на родину в Ставрополь под надзор полиции. В 1871 г. освобожден от надзора. В 1874 г. арестован в Москве при попытке освободить Ф. Волховского. В 1878 г. по процессу 193-х вменено в наказание предварительное заключение. Выслан в Вятскую губ. 66, 69.

Лопатин, Герман Александрович, дворянин, родился в 1845 г. в Ставрополе. По окончании местной гимназии в 1862 г. поступил в Петербургский университет. В 1866 г. был причастен к каракозовскому делу. В 1867 г. привлекался по делу об организации «Рублевого общества» и был выслан в Ставрополь. В конце 1869 г. был арестован по нечаевскому делу, но бежал. В 1870 г. организовал побег П. Л. Лаврова за границу и бежал вместе с ним. В 1872 г., возвратившись в Россию, был арестован в Иркутске за попытку организовать побег Н. Г. Чернышевского и приговорен к водворению в Иркутске. В 1873 г. бежал за границу. В 1879 г. вновь арестован в Петербурге и сослан в Ташкент, затем в Вологду, откуда в 1883 г. вновь бежал за границу. В 1884 г. возвратился в Россию для объединения деятельности народовольческих организаций. В том же году арестован и в 1887 г. приговорен к смертной казни, замененной по конфирмации пожизненными каторжными работами, которые отбывал в Шлиссельбурге, откуда освобожден в 1905 г. Умер в 1918 г. 45.

Лопатин, Николай Константинович, дворянин, родился в 1850 г. Член кружка чайковцев. В 1878 г. за участие в студенческих волнениях выслан из Киева. Позднее военный врач. Умер в 1906 г. 115.

Лукашин, Юлий Александрович. Обучался в Московском университете. Во второй половине 60-х годов заведывал конторой журналов «Русское слово» и «Дело». Ввиду сношений его жены А. Н. Лукашиной с Бобарыковыми арестован 15 января 1870 г.; 26 января освобожден 45, 46.

Лукашина, Аделаида Николаевна, жена Ю. А. Лукашина, урожденная Рыкачева. Родилась в 1843 г. в Новгородской губ. Ввиду близкого знакомства с Ю. В. Бобарыковой была арестована 15 января 1870 г.; 26 января освобождена. В марте 1872 г. выехала в Швейцарию, где примкнула к бакунистам. В 1875 г. переехала в Соединенные штаты и там окончила Филадельфийскую медицинскую коллегию. Позднее жила в Париже и занималась литературной работой, участвовала в «Вестнике Европы» и др. изданиях. В 1878 г. подверглась аресту по подозрению в участии в организации тайного общества. В том же году ходатайствовала о возвращении в Россию, но в этом ей было отказано 18, 45.

Лунин, Виктор Игнатьевич, дворянин Саратовской губ. Родился в 1843 г. Окончил Саратовскую гимназию, после чего был в Петербургском университете, откуда уволен за участие в студенческих волнениях. Перешел в Москву в Петров-

скую академию, которую не окончил. В Петербурге входил в состав кружка Старицына. Арестован 28 декабря 1869 г. и предан суду за недонесение о заговоре. Приговором Петербургской судебной палаты 28 августа 1871 г. оправдан. По освобождении за ним установлен негласный полицейский надзор. Осенью 1871 г. выехал в Крым; в ноябре 1872 г. переехал в Харьков. В 1879 г. проживал во Владикавказе и был частным поверенным. Впоследствии был адвокатом в Армавире. После октября 1905 г., подвергшись погрому, выехал за границу. В 1906 г. был избран членом I Государственной думы, где был одним из лидеров фракции трудовиков. За подписание «Выборгского воззвания» приговорен к 3 месяцам тюрьмы, после чего был выслан из Кавказского края. Скончался в Москве в 1913 г. 22, 23, 74, 75, 78, 80, 83, 110.

Лыткин, Дмитрий Константинович, сын учителя гимназии, родился во Владимире около 1846 г.; 29 октября 1869 г. за участие в «полунинской истории» исключен с 4-го курса медицинского факультета Московского университета и выслан во Владимирскую губ. В феврале 1870 г. арестован по нечаевскому делу. По недостатку улик дело прекращено. 25 мая 1870 г. освобожден из-под ареста и выслан во Владимирскую губ. В ноябре 1870 г. разрешено переехать в г. Сапожок, Рязанской губ. С февраля 1879 г. разрешено свободное проживание, кроме столиц. В 1876 г. получил разрешение поступить в Медико-хирургическую академию для окончания образования 39, 40, 92, 93, 98, 101, 191.

Любимов, Федор Гаврилович, студент Медико-хирургической академии. За участие в студенческом движении 1868—1869 гг. выслан в Новгород. В 1888 г. арестован за участие в «Красном кресте Народной воли» и подчинен полицейскому надзору на 2 года 70, 77, 79, 83, 159, 173, 174, 179.

Мавринский, Василий Абрамович, родился около 1847 г. в с. Егорьеве, Ковровского у., сын священника. Окончил Владимирскую семинарию, поступил в Киевскую духовную академию. В 1869 г. привлечен по нечаевскому делу. За недостатком улик следствие прекращено. В мае 1871 г. был освобожден. Впоследствии священник и духовный писатель 31.

Мавринский, Федор Абрамович, родился в с. Егорьеве, Ковровского у., в 1845 г., сын священника. Окончив Владимирскую духовную семинарию, поступил на юридический факультет Московского университета. В конце ноября 1869 г. арестован и привлечен по нечаевскому делу. В апреле 1870 г. вторично арестован в Егорьеве. По недостатку улик следствие прекращено. По освобождении из-под ареста 3 марта 1871 г. выслан на родину под надзор полиции. В 1873 г. освобожден от надзора 17, 31.

Магалов, студент в Петербурге 83.

Майкова, Екатерина Павловна, жена типографа в Петербурге. На ее квартире в 1868—1869 гг. происходили сходки студентов 73, 77, 79, 81.

Макаров, Дмитрий, крестьянин 18, 38, 39, 112, 113.

Максимов, Сергей Васильевич (1831—1901), известный беллетрист и этнограф 147.

Маликов, Александр Капитонович, родился в 1840 г. В 1866 г. привлекался по каракозовскому делу и выслан в Орел. В 1873 г. выступил с проповедью новой религии «богочеловечество». В 1874 г. подвергся аресту в связи с делом о пропаганде в империи. По освобождении отправился в Америку, где основал религиозную общину. По распадении ее вернулся в Россию. Умер в 1904 г. 106.

Мальков, Василий, крестьянин, служащий в магазине Черкесова в Москве. В 1869 г. привлекался по нечаевскому делу. По недостатку улик следствие прекращено 38, 39.

Мальцов, Константин, отставной почтальон Тверской почтовой конторы, сын причетника. Родился около 1835 г. Привлекался по нечаевскому делу и был арестован. По недостатку улик в мае 1871 г. следствие прекращено 38.

Малютин, Владимир, родился в Харькове около 1845 г., обучался в Петровской академии, в январе 1868 г. перешел в Харьковский университет. При обыске в декабре 1869 г. у него была найдена «Народная расправа». Арестован 11 декабря. 3 февраля 1870 г. освобожден. 14 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой за хранение запрещенной литературы приговорен к аресту на 7 дней. По освобождении отдан под надзор полиции, от которого освобожден в 1874 г. В 1876 г. получил разрешение отправиться добровольцем в Сербию 26.

Мамонтов, владелец гостиницы в Москве, в которой происходили собрания членов «Народной расправы» 22, 24, 95, 114, 115.

Маркевич, член Петербургской судебной палаты 159.

Мартынов, Владимир, студент Петровской академии в Москве 71, 83.
Мартынов, Иван, студент Петровской академии в Москве 83.
Мартынова, Анна Кондратьевна, крестьянка Тульской губ., родилась около 1848 г., прислуга В. Александровской. Привлекалась по нечаевскому делу. По недостатку улик следствие прекращено 41, 42.
Марьяшес, Самуил Хаимович, родился около 1850 г., студент медицинского факультета Киевского университета. 18 декабря 1869 г. арестован в Одессе. Привлекался по нечаевскому делу. По недостатку улик следствие прекращено. В 1876 г. окончил университет. В начале 1900 г. жил в Одессе и занимался врачебной практикой 42, 43.
Маслов, Николай, быв. воспитанник Тверской семинарии. Привлекался по нечаевскому делу. 25 августа 1871 г. приговором Петербургской судебной палаты оправдан 18, 24.
Мевиус, судебный пристав 165, 174.
Мезенцов, Николай Владимирович (1827—1878), генерал-адъютант, управляющий III отделением, позднее шеф жандармов 162, 170, 173.
Мейнгардт, инженер 59, 106.
Миллер, Орест Федорович (1833—1889), историк литературы и фольклорист, проф. Петербургского университета 102.
Милютин, Дмитрий Алексеевич (1816—1912), военный министр с 1861 по 1881 г. 111.
Минаев, Дмитрий Дмитриевич (1840—1890), известный поэт-сатирик 155.
Миролюбов, Николай, сын священника, родился в 1848 г. Состоя студентом Медико-хирургической академии, 16 марта 1869 г. подвергся аресту за участие в студенческих волнениях. 12 января 1870 г. арестован в связи с нечаевским делом. Следствие прекращено по недостатку улик 35.
Мирославский, товарищ В. Куртушева по Саратовской гимназии 52.
Михайлов, волостной старшина 2-й Александровской волости, Петербургского уезда 159.
Михайлов, Николай, торговец в Москве 105, 106.
Михайлов, Павел Васильевич, родился около 1844 г. Окончил Институт путей сообщения со званием инженер-поручика. 15 апреля 1866 г. арестован по делу Каракозова за учреждение мастерских на артельных началах и за участие в неразрешенной правительством издательской артели. По постановлению высочайше учрежденной следственной комиссии в конце 1861 г. переведен в Вологду под строгий надзор начальства. Вернулся в Спб. в 1868 г. или 1869 г.; 9 января 1870 г. арестован по нечаевскому делу. В мае 1870 г. освобожден. Следствие прекращено за недостатком улик 12, 43, 44, 164, 177.
Молчанов, владелец кухмистерской в Москве 96.
Моравский, Лев Фадеевич, дворянин, родился около 1843 г., быв. воспитанник Николаевской гимназии. 20 февраля 1870 г. арестован по нечаевскому делу. 25 августа 1871 г. приговором Петербургской судебной палаты оправдан 24, 41.
Морозова, революционная кличка Е. Н. Лихутиной.
Муринов, студент в Петербурге 83.
Мутафов, Степан Лазаревич, сын губернского секретаря, родился в Ахалцыхе, Тифлисской губ. около 1845 г. По окончании Тифлисской гимназии поступил на медицинский факультет Московского университета, откуда исключен 29 октября 1869 г. за участие в «полунинской истории», после чего перешел в Медико-хирургическую академию. Еще в Москве вступил в «Народную расправу». 11 января 1870 г. арестован в Петербурге. 6 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой приговорен к 2 месяцам тюрьмы и к строгому надзору на 5 лет. 4 мая 1872 г. умер в клиническом госпитале 22, 39, 114—116.

Наденн, Митрофан Петрович, штабс-капитан в отставке, родился в 1839 г., содержатель книжного магазина в Петербурге. В 1879 г. был арестован по подозрению в распространении нелегальной литературы 115.
Надуткин, Василий, студент Медико-хирургической академии. За участие в студенческих волнениях 1869 г. 15 марта выслан в Соликамск под надзор полиции. В 1873 г. надзор снят 65, 81, 191.
Натансон, Марк Андреевич, сын купца, родился около 1849 г. в Свенцянах. Состоя студентом Медико-хирургической академии, 16 марта 1869 г. подвергся аресту за участие в студенческих волнениях. В том же году вместе с В. Александровым организовал «Вульфовскую коммуну», преобразовавшуюся позднее в кружок чайковцев. 21 января 1870 г. арестован по нечаевскому делу. 4 февраля того же года освобожден. В 1871 г. аре-

стован по делу о распространении запрещенных книг и выслан в Шенкурск под надзор полиции. В 1874 г. надзор снят. В 1876 г. организовал северную группу народников, принявшую позднее название общества «Земля и воля». В 1877 г. арестован и выслан в Сибирь, откуда вернулся в 1891 г. В 1893 г. организовал партию «Народное право». В 1894 г. арестован и сослан в Сибирь. Позднее член партии с.-р. и ее центрального комитета, а после Октябрьской революции один из организаторов партии левых с.-р. Умер в 1919 г. за границей 7, 47, 135—137, 192.

Негрескул, Михаил Федорович, дворянин Екатеринославской губ. Родился около 1849 г. Арестован 4 декабря 1869 г. по нечаевскому делу. В мае 1870 г. освобожден по болезни под домашний арест. 12 февраля 1871 г. умер 7, 20, 21, 26, 30, 36, 44, 47, 78, 105, 110, 120, 121, 128, 129, 131, 132, 134, 150—152, 192.

Недович, студент в Петербурге 83.

Нессельроде, граф, саратовский помещик 50, 52.

Нечаев, Сергей Геннадиевич, сын мещанина г. Шуи, родился 20 октября 1847 г. в Иваново-Вознесенске. В 1865 г. переехал в Москву, а в 1866 г. в Петербург, где, сдав экзамен на звание уездного учителя, служил в Андреевском, а затем в Сергиевском народном училище. Состоя с осени 1868 г. вольнослушателем в Спб. университете, руководил студенческим движением 1868—1869 гг. В конце января 1869 г. скрылся из Петербурга, а в марте уехал за границу, где сошелся с Бакуниным. В августе того же года вернулся в Россию и организовал в Москве общество «Народной расправы». 21 ноября вместе с Успенским и др. убил студента Иванова, после чего уехал в Петербург, а в середине декабря скрылся за границу, где в 1870 г. издавал революционные журналы «Общину» и «Колокол». 14 августа (н. ст.) 1872 г. арестован в Цюрихе и выдан русскому правительству как уголовный преступник. 8 января 1873 г. московским окружным судом присужден за убийство Иванова к каторжным работам на 20 лет. Содержался в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, где и умер 21 ноября 1882 г. 3—7, 9—18, 20, 22—25, 28, 30—40, 43—47, 49, 54—85, 88, 89, 93—96, 102—112, 114, 116—120, 122—128, 130—147, 149, 150, 152, 157, 159, 161, 162, 172—174, 179, 187, 189—194.

Нечаева, Анна Геннадиевна, мещанка, сестра С. Г. Нечаева, арестована 13 апреля 1869 г. на квартире Томиловых. 6 февраля 1870 г. освобождена и выслана в Иваново-Вознесенск под надзор полиции. В 1873 г. переехала в Туркестан, где вышла замуж за поручика Сомова. В 1879 г. надзор снят 157, 164.

Никифоров, Лев Павлович, студент Петербургского университета. Участвовал в студенческих волнениях 1868—1869 гг. и ездил в Москву в качестве делегата от петербургского студенчества. В апреле 1869 г. арестован. В июне 1870 г. освобожден и выслан в Тверь, а оттуда переведен в Солигалич. Впоследствии близок к толстовству. Умер в 1917 г. 62, 64, 71, 74, 75, 77—81, 83.

Николаев, Николай Николаевич, московский мещанин, родился около 1850 г. В январе 1869 г., когда он служил надзирателем в арестном доме, познакомился с Нечаевым и в марте снабдил его своим паспортом для проезда за границу. После этого скрылся из Москвы и жил под чужой фамилией в Туле. В октябре того же года по приглашению Нечаева вернулся в Москву и принимал участие в обществе «Народная расправа» и в убийстве Иванова. 31 декабря того же года арестован в Москве, 15 июля 1871 г. Петербургской судебной палатой приговорен к каторжным работам на 7 лет и 4 месяца, которые отбывал на Каре. По отбытии их находился на поселении в Киренском округе. В 80-х годах переехал в Амурскую область, где и умер 10—12, 15, 16, 18, 22, 23, 31, 34, 37, 38, 40, 42, 45—47, 50, 103—106, 110, 113—115, 157, 159—163, 172, 183, 195.

Николаев, Петр Андреевич, сарат. мещанин, воспитывался в Казанской гимназии. В 1864 г. привлекался по делу Христофорова в Саратове. В 1867 г. с В. И. Кунтушевым поехал в Петербург и поступил в Медико-хирургическую академию. В Петербурге жил в коммуне «Сморгонская академия». Впоследствии врач в Саратове 52.

Николай Константинович, великий князь 165, 176.

Оболенский, князь, Дмитрий Александрович (1822—1881), товарищ министра государственных имуществ 159.

Огарев, Николай Платонович (1813—1877), поэт и публицист 10, 18, 95, 140, 141, 161, 192.

Огранович, Михаил, студент Медико-хирургической академии, родился около 1848 г. Привлекался по нечаевскому делу. В мае 1871 г. по недостатку улик дело прекращено 34.

О з е р о в, студент медицинского факультета Московского университета 96, 191.
О л ь х и н, Александр Александрович (1839—1897), присяжный поверенный, быв. мировой судья, сотрудник революционных изданий 182.
О р л о в, Владимир Федорович, сын священника, родился около 1843 г. По окончании Владимирской духовной семинарии был учителем в Иваново-Вознесенске и с. Хомутове. В конце 1868 г. приехал в Петербург и, сблизившись с Нечаевым, принимал деятельное участие в студенческом движении. В феврале 1869 г. скрылся из Петербурга и скитался по России. Арестован в конце июня того же года в станице Варениковской, Кубанской обл. 15 июля 1871 г. Петербургской судебной палатой был оправдан, после чего выслан на родину в с. Хомутово. Ввиду заявленного им желания поступить на службу в III отделение получал от него пенсию. В 1875 г. привлекался по делу о пропаганде в империи. В апреле 1881 г., живя в Москве, был арестован в связи с делом 1 марта. Позднее толстовец. Умер в Москве в конце 90-х годов 5, 9—11, 15—17, 31—33, 49, 50, 59—63, 66—84, 104, 130, 160, 163, 165, 169, 172, 189—191.
О р л о в, Сергей, товарищ В. Н. Лихутина по артиллерийскому училищу 128, 129, 131.
О р ф а н о, Алексей Герасимович, сын полковника, брат Александра Орфано, отставного коллежского регистратора, родился 12 февраля 1837 г. В декабре 1862 г. вызывался в III отделение для допроса в связи с приездом в Россию В. И. Кельсиева. Постановлением особого присутствия сената 10 декабря 1864 г. освобожден от ответственности. В 1866 г. привлекался по каракозовскому делу в связи с устройством фабрики на артельных началах. Подчинен негласному наблюдению. Умер в Москве в 1891 г. 93, 94, 191.
О у э н (Овен), Роберт (1771—1858), известный английский социалист 76.

П а в л о в, конспиративная кличка С. Г. Нечаева.
П а ж о н-д е-М о н с е, Иван Генрихович, дворянин, техник. Родился около 1844 г. Арестован 5 января 1870 г. в Коврове по нечаевскому делу 6 августа 1871 г. приговором Петербургской судебной палаты оправдан. Позднее служил по железнодорожному делу 22, 95.
П а л а ш к о в с к и й, Сергей Егорович, родился около 1844 г., из дворян Черниговской губ., инженер-поручик корпуса путей сообщения, член офицерского кружка в Петербурге, близкого к Худякову. Палашковский был арестован 7 апреля 1867 г. вследствие показаний, данных Ишутиным, со слов Худякова, о том, что в 1865 г. Палашковский по поручению своего кружка ездил за границу для переговоров с Герценом и другими эмигрантами. Не отрицая знакомства с Худяковым и Ишутиным и поездки своей в октябре 1865 г. за границу, Палашковский не сознался в сношениях с эмигрантами, за исключением одного Н. Я. Николадзе. По постановлению следственной комиссии Палашковский был подвергнут полицейскому надзору. Впоследствии железнодорожный инженер 70, 106.
П а л е н, граф, Константин Иванович (1833—1912), министр юстиции с 1867 по 1878 г. 107, 109, 158, 173.
П а ц а н о в с к и й, Александр, родился около 1847 г., студент Петербургского университета. За участие в студенческих волнениях 1869 г. выслан в Черниговскую губ. под надзор полиции. В 1870 г. разрешено вернуться в Петербург. В 1872 г. надзор снят 86.
П е л ь д е, владелец пивной в Москве 93.
П е р р о н, Шарль, швейцарский социалист, один из ближайших сподвижников Бакунина по Альянсу 133, 134.
П е т р о в, домовладелец в Москве, в доме которого был арестован Черкезов и в котором жил Н. Н. Николаев 41, 42.
П е т р о в, конспиративная фамилия С. Г. Нечаева.
П е т р о в, конспиративная фамилия В. Ф. Орлова.
П е т р о в, офицер, слушатель Технологического института в Петербурге, жил на одной квартире с Р. Бирком 44.
П е т р о в, помощник пристава Васильевской части в Петербурге 58.
П е т р о в с к и й, Сергей, студент Московского университета. Арестован в конце ноября 1869 г. в связи с нечаевским делом; при обыске найдены стихотворения Рылеева и масонские знаки. В конце января 1870 г. освобожден 24, 114.
П е ч к о в с к и й 115.
П и р а м и д о в, Николай Михайлович, дворянин, родился около 1847 г., студент медицинского факультета Московского университета. 15 апреля 1869 г. подвергся обыску в связи с студенческими волнениями, в которых принимал участие. 29 октября того же года исключен из университета на год за участие в «полунинской истории». Состоял членом

«Народной расправы». Привлекался по нечаевскому делу. 6 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой приговорен к тюремному заключению на 2 месяца и к надзору полиции на 5 лет. По отбытии наказания выслан в г. Мелитополь. Позднее земский врач 7, 14, 21, 40, 91—93, 100, 114—116, 191.

Писаржевский, студент Петровской академии в Москве 83.

Пластунова, Софья Романовна, дочь губернского секретаря, родилась около 1848 г., учительница земской школы в Новоторжском у. Привлекалась по нечаевскому делу. В мае 1871 г. за отсутствием улик следствие прекращено. В 1874 г. подвергалась аресту по делу о пропаганде в империи 41.

Платер, граф, Владислав, польский общественный деятель 60-х годов 29.

Платонов, царскосельский уездный предводитель дворянства 159, 175, 178.

Плохово, знакомый И. Г. Прыжова 102.

Погребов, петербургский городской голова 159.

Позерн, Карл Карлович, родился около 1845 г., владелец книжного магазина в Москве, перешедшего в 1867 г. к Черкесову. Арестован 5 декабря 1869 г. по нечаевскому делу. За отсутствием улик следствие прекращено 38.

Позняков, Дмитрий Михайлович, сын чиновника, родился в 1845 г. В 1865 г. окончил Павловский кадетский корпус. В том же году вышел в отставку в чине поручика. Арестован 12 января 1870 г. в Петербурге по нечаевскому делу. 1 февраля того же года освобожден. В мае 1871 г. за недостатком улик следствие прекращено. В 1877 г. состоял под негласным наблюдением вследствие «политической неблагонадежности» 46.

Покровский, Федор, студент Медико-хирургической академии. 15 марта 1869 г. был арестован за участие в студенческих волнениях 83.

Половцев, В. А., прокурор Петербургской судебной палаты 159, 175, 176, 186, 187.

Полумордвинов, Аполлон Петрович, дворянин, сын коллежского регистратора, родился в Саратовской губ. около 1843 г. Будучи воспитанником Саратовской гимназии, принадлежал к кружку А. Х. Христофорова. Позднее поступил в Петровскую академию и привлекался по каракозовскому делу. Верховным уголовным судом приговорен к заключению в крепость на 8 месяцев. По отбытии наказания жил в Петербурге и в 1867 г. вместе с Черкесовым, Сергиевским и др. организовал тайное общество «Сморгонская академия» 52.

Полунин, Алексей Иванович, проф. Московского университета 5, 14, 91, 92, 97, 98, 114, 144, 191.

Померанцев, Николай Дмитриевич, сын лекарского ученика, родился в 1850 г. В 1869 г., будучи студентом Московского университета, состоял членом «Народной расправы». 23 января 1870 г. арестован. 25 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой оправдан. Позднее военный врач 21, 24, 39.

Попич, Авраам Маркович, сын врача, родился около 1851 г. Состоя студентом Одесского университета, в конце ноября 1869 г. арестован в Одессе по нечаевскому делу и доставлен в Петербург, где 5 февраля 1870 г. освобожден. Осенью того же года принимал участие в студенческих волнениях в Земледельческом институте в Петербурге. 14 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой приговорен за хранение запрещенных изданий к тюремному заключению на 7 дней. В 1877 г. возвратился в Одессу. Поддерживал сношения с И. Ковальским, Чубаровым, Лизогубом и др. В 1879 г. выслан в с. Тункур, Иркутской губ. В 1881 г. получил разрешение на возвращение в Европейскую Россию и поселился в Киеве 26.

Попков, Михаил, чиновник, учился в Нижегородском дворянском институте, привлекался по нечаевскому делу. 25 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой оправдан 24.

Попов, Владимир Константинович, сын титулярного советника, родился около 1846 г. Состоя студентом Петровской академии, принадлежал к «Народной расправе». Арестован 5 декабря 1869 г., 19 июня 1870 г. освобожден. 6 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой приговорен к тюремному заключению на 2 месяца и к надзору полиции на 5 лет. По выходе из тюрьмы выслан в Саратов. В 1879 г. освобожден от надзора 19, 109.

Попов, Петр Иванович, студент Медико-хирургической академии, родился около 1847 г. Арестован 13 февр. 1870 г. по нечаевскому делу. 22 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой оправдан. В 1872 г. без разрешения уехал в Америку, где окончил медицинский факультет Нью-йоркского университета и занимался врачебной практикой во Флориде. В 1880 г. получил разрешение на возвращение в Россию 18, 25, 122, 128, 131, 132, 140, 150, 151, 153, 154,

Постников, судебный пристав 178.
Постникова, Фатина Геннадиевна, урожденная Нечаева, сестра С. Г. Нечаева 146, 193.
Потемкина, домовладелица в Елисаветграде, в доме которой жили М. П. Троицкий и В. Куптушев 51.
Предтеченский, студент в Петербурге 83.
Прокопенко, Павел Васильевич, сын таганрогского купца, родился около 1845 г., окончил Таганрогское уезд. училище, служил приказчиком в книжном магазине Черкесова в Москве. В 1868 г. участвовал в «Рублевом обществе». В 1870 г. привлекался по нечаевскому делу. В мае 1871 г. по недостатку улик следствие прекращено. По освобождении скрылся неизвестно куда 7, 36, 37, 106, 116—121, 146, 192, 193.
Прокофьев, Сергей, студент Петровской академии. Арестован 8 декабря 1869 г. по нечаевскому делу. 25 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой оправдан 24.
Проспинский 115.
Пругавин, Александр Степанович, сын чиновника, родился в 1850 г. Состоя студентом Петровской академии, в 1870 г. привлекался по нечаевскому делу. За недостатком улик следствие прекращено. В 1871 г. организовал революционный кружок в Москве и в апреле того же года был выслан в Архангельск, откуда за «вредное влияние» на молодежь переведен в Кемь. В 1872 г. переведен в Воронеж, откуда в 1873 г. за организацию революционного кружка переведен в Коротояк. В 1877 г. выслан в Архангельск. В 1879 г. освобожден от надзора. Впоследствии известный публицист и этнограф. Умер в 1920 г. 47.
Прудон, Пьер Жозеф (1809—1865), знаменитый французский анархист 53.
Пружанский, Иосиф Харитонович, студент Медико-хирургической академии, участвовал в студенческом движении 1869 г. и подвергся аресту 115.
Прыжов, Иван Гаврилович, сын крестьянина, отставной коллежский секретарь, родился около 1828 г. Состоял членом «Народной расправы» и 21 ноября 1869 г. участвовал в убийстве Иванова. Арестован 3 декабря того же года. 15 июля 1871 г. Петербургской судебной палатой приговорен к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжные работы на 12 лет и на поселение в Сибирь навсегда. Каторжные работы отбывал в Виленской тюрьме и на Петровском железоделательном заводе. Вышел на поселение в 1881 г. Умер в 1885 г. 7, 11—14, 17, 20, 21, 23, 91—94, 96, 99, 101—107, 112, 114—116, 123—125, 157, 159—161, 172, 183, 184, 187, 191, 192.
Пушкин, Александр Сергеевич (1799—1837) 59.
Пятницкий, Александр, студент в Петербурге 83.
Пятницкий, Петр, студент в Петербурге 83.

Ралли-Арборе, Земфирий Константинович, дворянин, родился в Бессарабии в 1849 г. Состоя студентом Медико-хирургической академии, принимал участие в студенческом движении 1868—1869 гг. В марте 1869 г. выслан на родину. В апреле того же года вновь арестован по нечаевскому делу. 8 марта 1870 г. освобожден на поруки. В августе 1871 г. бежал за границу. В 70-х годах видный бакунист. Принимал участие в редактировании заграничных революционных органов «Работник» (1875—1876) и «Община» (1878—1879). Позднее поселился в Румынии 7, 62, 63, 65, 67—84, 189—191.
Рассудов, Семен Вениаминович, сын священника, родился около 1849 г., студент Земледельческого института в Петербурге. В 1870 г. привлекался по делу о сходке в институте, по постановлению высочайше утвержденной следственной комиссии подчинен полицейскому надзору 77.
Рахимов, Ибрагим Рахалович, духовного происхождения, родился в 1849 г. Будучи студентом медицинского факультета Московского университета в 1869 г., участвовал в «полушинской истории», за что исключен из университета. Состоял членом «Народной расправы». Арестован в декабре 1869 г., 6 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой приговорен к тюремному заключению на 3 недели и к отдаче под надзор полиции на 5 лет. По отбытии наказания служил в больнице в Александрове. Позднее врач 15, 21, 115.
Рейгард 120.
Римский-Корсаков, Николай Николаевич, дворянин, родился около 1843 г. Состоял студентом Петровской академии, принадлежал в 1869 г. к «Народной расправе». 13 декабря того же года арестован. 6 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой оправдан. Позднее проживал под негласным полицейским наблюдением в Щигровском уезде 19.
Рипман, Федор Федорович, дворянин, родился около 1842 г. в Тифлисе. В 1869 г.,

состоя студентом Петровской академии, принадлежал к «Народной расправе», 28 декабря того же года арестован. 6 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой приговорен к тюремному заключению на 1 год и полицейскому надзору на 5 лет. По отбытии наказания выслан в Саратовскую губ., а затем в Тифлисскую губ. В 1876 г. освобожден от надзора 7, 11—13, 18, 22, 39, 92, 93, 95, 103, 105, 106, 111—116, 192.

Рихтер, студент Петербургского университета 87.

Ржундковский, студент Петербургского университета 87.

Рославлев, Константин Алексеевич, дворянин Ставропольской губ., родился около 1847 г. Состоя студентом Технологического института в Петербурге, 29 декабря 1869 г. был арестован по нечаевскому делу. 22 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой оправдан. Позднее служил секретарем дворянского собрания в Севастополе 12, 22, 23, 34, 71, 76, 179.

Ружевский, Владимир Павлович, дворянин Уфимской губ., родился в 1846 г. По окончании гимназии в Уфе поступил в Московский университет, а затем перешел в Медико-хирургическую академию. Арестован 27 декабря 1869 г. В начале 1870 г. освобожден. Следствие прекращено по недостатку улик. В марте 1870 г. выслан в Петрозаводск под надзор полиции. За пропаганду среди местных крестьян был предан суду, но Олонецкой уголовной палатой оправдан. В апреле 1871 г. переведен в Мензелинск, а в 1873 г. освобожден от надзора. Позднее, окончив Дерптский университет, служил врачом в Мензелинске, Уфе, Смоленске. Умер в 1895 г. в Смоленске 46.

Рыдво, агент III отделения 177.

Рязанцев, Владимир Владимирович, потомственный почетный гражданин, двоюродный брат И. В. Рязанцева, родился около 1845 г. в Вятке. По окончании Московского коммерческого училища был студентом Петровской академии. Состоял членом «Народной расправы». Арестован 7 декабря 1869 г. 6 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой приговорен к тюремному заключению на 2 месяца и надзору полиции на 5 лет. По выходе из тюрьмы выслан в Вятку. В 1876 г. освобожден от надзора 14, 19.

Рязанцев, Иван Владимирович, двоюродный брат В. В. Рязанцева, потомственный почетный гражданин, родился около 1847 г. в Вятке. По окончании Московского коммерческого училища поступил в Петровскую академию. Состоял членом «Народной расправы». Арестован 7 декабря 1869 г. 6 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой приговорен к тюремному заключению на 2 месяца и полицейскому надзору на 5 лет. По выходе из тюрьмы выслан в Вятку. В 1875 г. освобожден от надзора. Позднее служил бухгалтером в Вятской губернской управе 14, 19.

Сараджев, Александр, родился около 1852 г., студент Петербургского университета. За участие в студенческих волнениях 1869 г. в марте выслан на родину в Тифлис под надзор полиции. В 1877 г. надзор снят 63, 64, 67.

Сарибеков, Яков, дворянин, родился около 1847 г. Состоя студентом Московского университета, участвовал в 1869 г. в «полунинской истории», за что исключен из университета. Состоял членом «Народной расправы». В конце ноября 1869 г. арестован. 6 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой оправдан 21, 115, 116.

Сахаров, студент Московского университета 93.

Свечин, Григорий Агеевич, сын поручика, родился около 1846 г. Состоя в 1869 г. студентом Петровской академии, принадлежал к «Народной расправе». 7 декабря 1869 г. арестован. 6 августа 1871 г. приговорен к тюремному заключению на 2 месяца и к надзору полиции на 5 лет. По выходе из тюрьмы жил в Екатеринбурге, где принадлежал к социалистическому кружку. В 1876 г. освобожден от надзора 20, 71.

Свечина, родственница Г. Свечина 177.

Свечинский, студент Петербургского университета 87.

Святский, Владимир Иванович, дворянин, родился около 1847 г. Состоял студентом Земледельческого института в Петербурге, был арестован 6 января 1870 г. по нечаевскому делу. 22 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой был оправдан 14, 23, 25, 34, 47, 153.

Секавин, Петр, студент Петровской академии. В 1866 г. привлекался по делу об участии в неразрешенном обществе взаимного вспомоществования и был подчинен негласному наблюдению 82.

Семевский, повидимому, Василий Иванович Семевский, известный историк (1848—1916), в 1869 г. состоявший студентом Петербургского университета 86, 88.

Семевский, Михаил Иванович (1837—1902), историк, редактор журнала «Русская старина» 102.
Семенов, заведующий книжным магазином и библиотекой А. А. Черкесова в Москве 29.
Сергиевский, Алексей Егорович, духовного происх., родился в Саратовской губ. около 1845 г. Участвовал в кружке Христофорова в Саратове. В 1866 г. состоял студентом Петровской академии, арестован по каракозовскому делу. 24 сентября того же года Верховным уголовным судом приговорен к заключению в крепости на 8 месяцев. По выходе из крепости в 1867 г. был одним из основателей тайного общества «Сморгонская академия». 3 декабря 1870 г. был арестован в связи с волнениями в Земледельческом институте в Петербурге, слушателем которого он состоял. 4 января 1871 г. освобожден. Позже жил на родине, а затем в Тамбове 52, 194.
Серебренников, Семен Иванович, владелец типографии в Петербурге. В 1869 г., продав типографию Дементьевой, эмигрировал и участвовал в революционных кружках. В 1870 г. был арестован в Швейцарии по ошибке вместо Нечаева. В 1874 г. был арестован в Пруссии и выдан русскому правительству 130, 190.
Середякин, поручик 184.
Сидоренко, родственник Аметистовых 70.
Скипский, Виктор Павлович, сын купца, родился в Черниговской губ. около 1847 г. Окончил Московский университет. В 1869 г. состоял членом кружка, организованного Волховским. Осенью 1869 г. принадлежал к «Народной расправе». 26 ноября того же года арестован. 6 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой приговорен к тюремному заключению на 2 месяца и к надзору полиции на 5 лет 13, 20, 21, 30, 36, 39, 110, 134, 151, 152, 193.
Слезкин, Иван Львович, генерал, начальник московского губ. жандармского управления 173.
Смирнов, студент Петербургского университета. 87.
Смирнов, Валериан Николаевич, сын учителя, родился в 1850 г., студент Московского университета. За участие в «полунинской истории» в октябре 1869 г. исключен из университета и выслан во Владимирскую губ. В феврале 1870 г. привлечен по нечаевскому делу. В июне 1871 г. бежал за границу. В 70-х годах сотрудник Лаврова по изданию «Вперед». Позднее врач и сотрудник медицинских журналов. Умер в Берне в 1900 г. 7, 21, 24, 40, 93—101, 106, 114, 191, 192.
Смирнов, Дмитрий, студент Петровской академии 110.
Собещанский, Николай Францевич, родился около 1847 г., приходский учитель в Григориополе. В 1870 г. привлекался по нечаевскому делу. Следствие прекращено вследствие обнаружившейся его психической ненормальности. По выздоровлении выслан на родину. В 1879 г. надзор снят 54—56.
Соколов 115.
Соколов, Николай Дмитриевич, из «обер-офицерских детей», родился в 1848 г. Состоя студентом Медико-хирургической академии, 3 февраля 1870 г. арестован по нечаевскому делу. В мае 1871 г. следствие прекращено по недостатку улик 39, 40, 93.
Соколовская, помещица Херсонского уезда, у которой служил учителем ее детей Ф. Борисов 52, 53.
Соколовский, юнкер, сын предыдущей 52.
Соколовский, присяжный поверенный 159.
Соловьев, студент Лесного института в Петербурге 77, 83.
Спасович, Владимир Данилович (1829—1906), публицист, юрист, присяжный поверенный, выступавший защитником по делу нечаевцев 158, 159, 165, 169, 174—177, 186, 187, 195.
Спасский, Валерьян Александрович, сын обер-офицера, родился около 1849 г. Состоя студентом Медико-хирургической академии, был арестован 30 ноября 1869 г. по нечаевскому делу. В мае 1871 г. следствие прекращено по недостатку улик. По окончании академии служил земским врачом в Вятской губ. В 1874 г. привлекался по делу о пропаганде в империи, вследствие чего за ним установлен полицейский надзор 48, 49.
Сперанский, Дмитрий Михайлович, сын дьякона. Состоя студентом Московского университета, в 1870 г. привлекался по нечаевскому делу. В мае 1871 г. следствие прекращено по недостатку улик. В 1879 г. освобожден от надзора. Служил по судебному ведомству 37.
Сперанский, Николай Михайлович, брат Д. М. Сперанского, сын дьякона. Состоя студентом Московского университета, в 1870 г. привлекался по нечаевскому делу. В мае 1871 г. следствие прекращено по недостатку улик 37.

Спиноза, Барух (1632—1677), знаменитый философ 57, 58.
Станкевич, Проспер, коллежский асессор, начальник телеграфной станции в Туле, родился около 1830 г. 31 января 1870 г. арестован по нечаевскому делу. В мае 1871 г. следствие прекращено по недостатку улик 41, 42.
Старицын, Александр Петрович, сын купца, родился около 1846 г. в Каргополе. По окончании Олонецкой гимназии в 1865 г. поступил в Технологический институт. 5 декабря 1869 г. арестован по нечаевскому делу. 9 августа 1871 г. умер в заключении 20—23.
Стерликова, домовладелица в Москве 96.
Сулима-Самуйло, Викентий Станиславович, дворянин, родился около 1846 г. Состоя студентом Петровской академии, 23 декабря 1869 г. арестован по нечаевскому делу. За недостатком улик дело прекращено 37.

де-Тейльс, Алексей, дворянин Тульской губ., родился около 1844 г. Состоя студентом Медико-хирургической академии, 16 марта 1869 г. подвергся аресту за участие в студенческих волнениях. 27 августа того же года арестован по нечаевскому делу. 20 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой приговорен к тюремному заключению на 4 месяца и к надзору полиции на 5 лет. По выходе из тюрьмы выслан в Пудож, откуда 11 августа 1873 г. бежал при содействии чайковцев (Д. Клеменц), но вскоре был задержан в Петербурге. В 1874 г. переведен в Наровчат, где 24 сентября 1875 г. утонул в реке 12, 14, 18, 20, 22, 24, 35, 41, 45, 46, 106, 136, 137.
Тетельман, Лейзер Абович, студент Медико-хирургической академии, привлекался по процессу 193-х. Умер в 1877 г. 157.
Титов, Михаил Иванович, из мещан, родился около 1845 г. В 1866 г. привлекался в связи с каракозовским делом и состоял под надзором полиции. 9 декабря 1869 г. арестован по нечаевскому делу. По недостатку улик следствие прекращено 37, 154.
Тиханов, Николай Александрович, родился в Смоленской губ. в 1846 г. По окончании Харьковского землемерного училища служил землемером в Харькове и Подольской губ. В 1869 г. привлекался по нечаевскому делу. По недостатку улик дело прекращено. В том же году эмигрировал за границу, где одно время работал в типографии Трусова. В 1872 г. приезжал нелегально в Россию. В июле того же года арестован австрийскими властями во Львове, предан суду за возбуждение русин против правительства и выслан в Пруссию. В январе 1873 г. добровольно возвратился в Россию и жил под надзором полиции в Гродн. губ. Умер в 1893 г. в Москве 37, 38.
Тихомиров Михаил Андреевич, дворянин, родился около 1848 г. Состоя студентом Медико-хирургической академии, 3 февраля 1870 г. арестован по нечаевскому делу. В мае 1871 г. следствие по недостатку улик прекращено 39, 40, 93, 101.
Тихомировы 115.
Ткачев, Петр Никитич, дворянин, родился в 1844 г. В 1861 г., состоя студентом Петербургского университета, участвовал в студенческих волнениях и подвергся аресту. В 1862 г. был арестован по делу Ольшевского и в 1864 г. приговорен сенатом к заключению в крепости на 3 месяца. В 1866 г. подвергся аресту в связи с каракозовским делом. В 1868—1869 гг. принимал участие в студенческом движении и в марте 1869 г. издал прокламацию «К обществу». 26 марта был арестован. 15 июня 1871 г. Петербургской судебной палатой приговорен к тюремному заключению на 1 год 4 месяца. По отбытии наказания выслан на родину в Великие Луки. В декабре 1873 г. бежал за границу, где с 1875 г. издавал журнал «Набат». Позднее жил в Париже, где и умер в 1886 г. 5, 9, 10, 15, 16, 33, 68, 69, 71, 75—82, 130, 159—161, 163—165, 167, 169, 190, 192.
Токмачевы, сестры 32.
Томилов, Константин Николаевич, отставной полковник, муж Е. Х. Томиловой 64.
Томилова, Елизавета Христиановна (урожденная Диттенпрейс), жена отставного подполковника, родилась около 1839 г. Арестована в Петербурге 13 апреля 1869 г. по нечаевскому делу. 15 июля 1871 г. Петербургской судебной палатой оправдана. В 70-х годах жила в Саратове и по образовании там народовольческого кружка принимала в нем деятельное участие, состоя его кассиром. Умерла в Харькове в 90-х годах 5, 10, 15, 17, 31, 66, 69, 70, 73, 75, 76, 78, 80, 159, 160, 165, 169, 172, 189—191.
Топорков, Лев Александрович, дворянин, родился около 1847 г. Состоя студентом Технологического института в Петербурге, арестован 4 января 1870 г. по нечаевскому делу. 27 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой оправ-

дан. В 1873 г. привлекался по долгушинскому делу 26, 160, 182.
Топорков, Петр Александрович, брат Л. А. Топоркова, дворянин, родился около 1849 г. Состоя студентом Земледельческого института в Петербурге, 28 декабря 1869 г. арестован по нечаевскому делу. 27 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой оправдан. В 1873 г. привлекался по делу долгушинцев, а в 1874 г. по делу о пропаганде в империи 14, 25, 26, 34, 35, 47, 179—182.
Тредьяковский, Василий Кириллович (1703—1769), поэт и писатель 96.
Троицкий, Михаил Петрович, дворянин, из «обер-офицерских детей», сын чиновника, уроженец Саратовской губ. Воспитывался в Казанской гимназии и Казанском университете, по окончании которого жил в Саратове. В начале августа 1869 г. вместе с В. И. Куптушевым отправился в Одессу, а оттуда в Елисаветград. В связи с доносом о подготовлении им совместно с В. И. Куптушевым покушения на Александра II 28 октября 1869 г. скрылся из Елисаветграда. 11 декабря того же года арестован в Керчи. В мае 1871 г. освобожден из-под ареста ввиду того, что донос не подтвердился, и выслан в Кострому под «самый строгий надзор». В июле 1871 г. переведен в Саратов. В апреле 1872 г. переведен в Пензу «ввиду известного его направления». Впоследствии получил разрешение вернуться в Саратов, где служил на железной дороге. В конце 70-х годов примкнул к «Народной воле». В 1882 г. был арестован, долгое время сидел в тюрьме, сошел там с ума и по освобождении умер в 1885 г. 5, 50—55.
Трубецкой, князь, петербургский уездный предводитель дворянства 159.
Трусов, Антон Данилович, участвовал в польском восстании 1863 г., после чего эмигрировал за границу. С 1869 г. принимал участие в издании «Народного дела». В январе 1870 г. провожал до русской границы В. В. Александровскую, возвращавшуюся с нечаевскими прокламациями в Россию. Был секретарем славянской секции I Интернационала 28, 138.
Турчанинов, присяжный поверенный 159.

Урсати, А., студент в Петербурге 83.
Урсати, Д., студент в Петербурге 83.
Урсати, Семен Иванович, дворянин, родился около 1847 г. Будучи студентом Медико-хирургической академии, арестован 15 марта 1869 г. за участие в студенческих волнениях и 28 марта выехал на родину в Херсонскую губ. В декабре того же года получил разрешение жить в Николаеве. В 1871 г. разрешено повсеместное жительство. В 1872 г. уехал за границу для окончания образования 77, 83.
Урусов, князь, Александр Иванович (1843—1900), известный адвокат и писатель. В 1871 г. выступал защитником по процессу нечаевцев. В 1872 г. в связи с нелегальными сношениями с находившимися в заключении нечаевцами был выслан в административном порядке в Венден 158, 159, 165, 169, 174—177, 186, 187.
Успенская, Александра Ивановна (урожд. Засулич), сестра В. И. Засулич, дворянка, дочь штабс-капитана, жена П. Г. Успенского, родилась в 1847 г. 26 ноября 1869 г. подвергалась домашнему аресту в связи с нечаевским делом. В январе 1870 г. была арестована, 25 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой оправдана. Добровольно последовала за мужем в Сибирь. В 1882 г. вернулась в Европейскую Россию и поселилась в Москве, где в 1885 г. за хранение революционных изданий приговорена к тюремному заключению на 2 месяца. В 1889 г. арестована и выслана в Тверь. Умерла в 1924 г. в Москве 6, 23, 102, 109, 111, 125, 137, 193, 194.
Успенская, Надежда Гавриловна, сестра П. Г. Успенского, дочь надворного советника, родилась в 1854 г. В 1869 г. принадлежала к кружку самообразования, организованному Волховским. 14 апреля 1869 г. арестована. 4 февраля 1870 г. освобождена из-под ареста. За недостатком улик следствие прекращено. В 1871 г. поселилась в Н.-Новгороде, где вышла замуж за врача Бобина 33, 49, 50, 134, 147, 184, 192—194.
Успенский, Петр Гаврилович, дворянин, сын надворного советника, родился около 1847 г., окончил Нижегородский дворянский институт. Состоя заведующим книжным магазином Черкесова в Москве, в 1869 г. принадлежал к «Народной расправе» и участвовал в убийстве Иванова. 26 ноября 1869 г. арестован. 15 июля 1871 г. Петербургской судебной палатой приговорен к лишению всех прав, каторжным работам на 15 лет и к поселению в Сибири навсегда. Каторжные работы отбывал на Александровском заводе и на Каре. 1 января 1881 г. повешен товарищами по заключению вследствие неосновательного подозрения в предательстве 10—22, 24, 28—30, 33, 36—

40, 43, 44, 48—50, 55, 102—107, 109, 110, 117, 119—121, 123—125, 133, 134, 145, 151, 152, 154, 156, 159—163, 165, 167, 169, 171, 192—194.

Утин, Евгений Исаакович (1843—1894), известный адвокат, публицист и критик. Выступал защитником на процессе нечаевцев в 1871 г. 176, 177.

Федоров, судебный пристав 176.

Федоров, Сергей, сын чиновника, родился около 1847 г. Состоя студентом Медико-хирургической академии в Петербурге, подвергся 9 января 1870 г. аресту по нечаевскому делу. В мае 1871 г. за отсутствием улик следствие прекращено 36.

Филиппеус, Константин Федорович, чиновник III отделения, в 1869—1874 гг. заведывавший секретной агентурой 69, 143, 166, 174, 175, 179, 181, 189 193, 194.

Флеровский, псевдоним Василия Васильевича Берви, публицист, экономист (1829—1918) 113, 156, 194.

Флоринский, Иван Иванович, сын священника, родился около 1845 г., окончил Владимирскую духовную семинарию. В начале 1870 г. арестован по нечаевскому делу. 15 июля 1871 г. Петербургской судебной палатой приговорен к тюремному заключению на 6 месяцев и к надзору полиции на 5 лет. По выходе из тюрьмы выслан в Кологрив. В 1873 г. переведен во Владимирскую губ. 16, 17, 31, 47, 49, 102—104, 124—126, 159, 160, 162, 169.

Фураев, Александр Иванович, канцелярский служитель 171.

Хабаров 119, 120.

Хаджибеков Амид, сын майора, родился около 1849 г. Состоя студентом Московского университета, в 1869 г. принимал участие в «полунинской истории» и был исключен из университета. Участвовал в «Народной расправе». 1 февраля 1870 г. арестован. 6 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой оправдан 21, 115.

Халилов, Талхат, студент Московского университета. В конце ноября 1869 г. подвергся обыску в связи с нечаевским делом 115.

Хартулари, Константин Федорович, присяжный поверенный 159, 169.

Хлявдин 116.

Хныкин, родственник Прокопенко 120.

Хомутовский—конспиративная фамилия В. Ф. Орлова.

Хрусталев 115.

Худыковский, Александр Онуфриевич, студент Казанского университета 144, 193.

Чемадуров, сенатор, производивший следствие по делу нечаевцев 4, 6, 107, 109, 191.

Черкезов, князь, Варлаам Джон Асланович (Николаевич), родился около 1846 г. в Тифлисской губ. В 1866 г., будучи студентом Петровской академии, привлекался по каракозовскому делу и Верховным уголовным судом был приговорен к тюремному заключению на 8 месяцев. По выходе из тюрьмы был одним из организаторов в 1867 г. тайного общества «Сморгонская академия». В 1869 г. принимал участие в «Народной расправе» и 28 декабря арестован в Москве. 6 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой приговорен к лишению всех прав и ссылке на житье в Томскую губ. В 1876 г. бежал из ссылки за границу. Позднее видный деятель русского и международного анархистского движения. Умер в Лондоне в 1925 г. 7, 12, 13, 18, 22—25, 37, 38, 41, 42, 45, 46, 52, 74, 95, 96, 106, 114—116, 149, 150, 173, 179, 194.

Черкесов, Александр Александрович, дворянин, родился около 1839 г. В 1862 г. привлекался по делу о сношениях с «лондонскими пропагандистами» и был вызван правительством из-за границы. Вернулся в Россию в августе 1865 г. В 1866 г. по постановлению сената освобожден от ответственности с подчинением негласному надзору. В 1867 г. открыл библиотеку и книжный магазин в Петербурге, а позднее и в Москве. В 1868 г. избран мировым судьей. Арестован в конце ноября 1869 г. по нечаевскому делу. 10 февраля 1870 г. освобожден под домашний арест. По недостатку улик следствие прекращено. Впоследствии присяжный поверенный и мировой судья в Шавлях 10—12, 28—30, 38, 102, 109, 123, 162, 164, 184, 192.

Чернышевский, Николай Гаврилович (1828—1889) 27, 28, 42, 44, 52.

Чубаров, Сергей Федорович, дворянин, родился в 1845 г. Принимал участие в студенческом движении 1868—1869 гг. В 1869 г. эмигрировал в Америку. Возвратившись в начале 70-х годов в Россию, примкнул к революционному кружку, организованному в Киеве В. К. Дебогорием-Мокриевичем, и принимал участие в подготовке Чигиринского дела. В 1878 г. арестован в Одессе и в 1879 г. одесским военным судом приговорен

к смертной казни. Казнен 10 августа 1879 г. 69, 72, 74, 77, 190.

Шанаев, Индрис, сын подпоручика, родился около 1848 г. Будучи студентом Московского университета, в 1869 г. исключен за участие в «полунинской истории». Принимал участие в «Народной расправе». В конце ноября 1869 г. арестован. 6 августа 1871 г. Петербургской судебной палатой оправдан 21, 115.

Шапир, Лазарь Маркович, мещанин г. Шавли, родился в 1845 г. Будучи студентом Медико-хирургической академии, арестован 11 января 1870 г. в связи с нечаевским делом. По недостатку улик следствие прекращено. В марте 1870 г. выслан в Новгород под надзор полиции. В 1872 г. освобожден от надзора и вновь поступил в Медико-хирургическую академию. Поддерживал связь с кружком чайковцев, а позднее с землевольцами. В 1874 г. привлекался по делу о пропаганде в империи. Врач. Умер в 1906 г. 46, 47, 135, 137.

Шатерников 115.

Шахов, член Петербургской судебной палаты 159.

Шевченко, Тарас Григорьевич (1814—1861), украинский поэт 101, 155.

Шестаков, Николай Александрович, сын купца, родился около 1844 г. Состоя студентом Петровской академии, принадлежал к «Народной расправе». Арестован в конце декабря 1869 г. 6 августа 1871 г. приговорен к тюремному заключению на 8 месяцев и надзору полиции на 5 лет. По выходе из тюрьмы выслан в г. Белый. В 1876 г. освобожден от надзора 19.

Шимановский, офицер 106, 132.

Шпильгаген, Фридрих (1829—1907), известный немецкий беллетрист 156.

Шраг, Илья Людвигович, родился в 1847 г. Состоя студентом Петербургского университета, участвовал в студенческих волнениях 1869 г., являясь сторонником умеренной партии. За участие в волнениях арестован и 22 марта выслан на родину в Черниговскую губ. под надзор полиции. В 1878 г. надзор снят. Впоследствии присяжный поверенный в Чернигове. Член I Государственной думы. В 1917 г. председатель комитета общественных организаций в Чернигове и член Центральной украинской рады. Умер в 1919 г. 86.

Шувалов, граф, Петр Андреевич (1827—1889), с 1866 по 1874 г. шеф жандармов 141, 159, 170, 179.

Щапов, Петр Васильевич, издатель 186.

Щелкунов, Дмитрий, сын священника, родился около 1848 г. Состоя студентом Петербургского университета, привлекался по нечаевскому делу. В мае 1871 г. следствие по недостатку улик прекращено 47, 48, 122, 126, 132.

Щербатов, Федор Михайлович, сын вольноотпущенного, в конце 1867 г. жил в Петербурге, в коммуне «Сморгонская академия» 52.

Элпидин, Михаил Константинович, сын дьякона, родился около 1835 г. Арестован в Казани в 1863 г. за революционную пропаганду. 6 июля 1865 г. бежал за границу и, поселившись в Женеве, основал русскую типографию, в которой в 1868—1870 гг. печатался журнал «Народное дело». С начала 80-х годов агент департамента полиции. Умер в 1908 г. 18, 27, 28, 42, 44, 53—55.

Фон-дер-Эльсниц, Александр Людвигович, дворянин, родился в 1849 г. В 1869 г. за участие в «полунинской истории» исключен из Московского университета и выслан в Ярославскую губ. В феврале 1870 г. арестован в связи с нечаевским делом. В мае того же года освобожден на поруки. В июне 1871 г. бежал за границу. В 70-х годах был бакунистом и участвовал в редакции журнала «Работник». Впоследствии, живя во Франции, работал как врач и сотрудничал в русских легальных журналах и газетах. Умер в 1907 г. 24, 93, 98, 114, 191.

Эссен, Отто Васильевич, сенатор, управляющий министерством юстиции 159, 163—165.

Якупчиков, московский купец 109.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Б. Козьмин. Предисловие 3

Отдел первый. Доклад министра юстиции 9

Отдел второй. Показания и заявления привлеченных к делу

П. Аметистова 57
Е. Аметистова 60
З. Ралли 70
Очная ставка Орлова, Никифорова и Ралли 78
С. Езерского 84
Н. Пирамидова 91
В. Смирнова 93
И. Прыжова 101
А. Кузнецова 107
Ф. Рипмана 111
П. Прокопенко 116
И. Лихутина 122
М. Негрескула 132
М. Натансона 135
В. Александрова 136
В. Александровской 137
Заявление В. Александровской 139
Заявления Г. Енишерлова 142

Отдел третий. Письма Нечаева и нечаевцев

Н. С. Долгова к А. О. Худыковскому 144
М. Ф. Негрескула к П. Г. Успенскому 145
Е. Н. Лихутиной к П. И. Бокову 146
Е. Н. Лихутиной к К. К. Арсеньеву . . . . . —
С. Г. Нечаева к Ф. Г. Постниковой . . . . . —
Ф. В. Волховского к А. И. Успенской 147
М. О. Антоповой к Ф. В. Волховскому 148
Кн. В. А. Черкезова к И. Н. Лихутину 149
А. Н. Колачевского к В. И. Ковалевскому 150
В. И. Ковалевского к А. Н. Колачевскому 151
Ф. В. Волховского к В. И. Ковалевскому 154
В. И. Ковалевского к Ф. В. Волховскому 155
Ю. В. Бобарыковой к П. Г. Успенскому 156
Неизвестного к В. А. Гонорскому 157

Отдел четвертый. Процесс нечаевцев по донесениям агентов III отделения . . 158

Примечания 189

Именной указатель 196

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ПРОБЛЕМ

О Г И З — К Н И Г О Ц Е Н Т Р

Р. М. Кантор

В погоне за Нечаевым

К характеристике секретной агентуры III отделения
на рубеже 70-х годов.
2-е, исправл. и дополн. издание.

Гиз, 1925. Стр. 155. Ц. 30 к.

П. Е. Щеголев

Алексеевский равелин

Книга о падении и величии человека.
Приложение — документы.

„Федерация“, 1929. Стр. 382. Ц. 3 р. 50 к.

Центрархив

„Материалы по истории революционного движения в России“.

Политические процессы 60-х годов

Материал подготовлен к печати В. П. Алексеевым.
Под редакцией Б. П. Козьмина.

Гиз, 1923. Стр. 296. Ц. 50 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ
КНИГОЦЕНТРА ОГИЗА И В „КООПКНИГАХ“

ОГИЗ — ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

Отв. редакция: В. В. Адоратский, В. В. Максаков, М. Н. Покровский

1931

ГОД ИЗДАНИЯ ДЕСЯТЫЙ

Задачи журнала:

Публикация неизданных архивных материалов по истории внешней политики, империалистической войны, истории революционного движения, истории Октябрьской революции и гражданской войны, а также материалов по истории литературы, культуры и быта.

Журнал необходим

вузам, библиотекам, научным работникам, историческим и краеведческим обществам, отделам истпарта, педагогам, газетным работникам и др.

Подписная цена:

6 КНИГ В ГОД

на год . . . . 12 р.
на 6 мес. . . . 6 р.
Отд. номер . . 2 р. 50 к.

Подписка принимается Периодсектором Книгоцентра, Москва, ГСП, Ильинка, 3, а также всеми магазинами и отделениями Книгоцентра ОГИЗА, почтой и письмоносцами.